

ВИТАЛИЙ

ПАДАЮЩИЙ

КРОВЬ ЗА КРОВЬ

Виталий Гладкий

Кровь за кровь

Глава 1. СИЛЬВЕР

Если бы я только знал, что обычная встреча выпускников средней школы в не очень далекой перспективе окажется ловушкой судьбы, из которой мне придется выбираться, шагая по трупам...

Если бы я знал...

Впрочем, все по порядку.

В то злосчастное утро, послужившее завязкой моих, отнюдь не желанных, приключений, я проснулся от невыносимой жажды. В первый момент после пробуждения мне показалось, что я разобран на части, намертво приколотенные к дивану, и лишь отделенная от туловища голова пока еще повиновалась слабым мысленным импульсам. Чтобы проверить это ужасное предположение, я резко повернул свою чугунную башку на бок – и очутился на полу.

Уже стоя на четвереньках, я вдруг радостно рассмеялся – жив, курилка! Мысленно прикинув расстояние до кухонной двери, я не рискнул принять устойчивое вертикальное положение и преодолел весь путь в полусогнутом виде, придерживаясь за стены.

Эволюция превращения обезьяны в человека произошла лишь возле холодильника, стоявшего в кухне рядом с входом; для этого знаменательного свершения я сначала вцепился в дверной косяк, а затем мужественно разогнул спину. Ноги подгибались, будто из них ночью вынули кости и набили ватой, в голове гудели шмели, глаза слезились, но мне было на все это наплевать: достав двухлитровую бутылку ледяной минералки, я жадно присосался к ней, словно телок к коровьему вымени, и не отрывал ото рта, пока пластиковая колба не опустела.

Отпустило. У единственной в мозгах похмельной извилины вдруг прорезались корни и она начала ветвиться. Все еще придерживаясь за стенки, я прошел в ванную и залез под холодный душ. Уф-ф! Хорошо... В зеркале напротив кривлялся атлетического сложения парень с опухшей физиономией пропойцы. Ну и рожа! Я с омерзением задернул непрозрачную пластиковую ширму...

По возвращении в спальню меня ждал сюрприз – на диване дрыхло юное длинноногое создание, демонстративно выпятив все свои обнаженные прелести. Озадаченно уставившись на довольно соблазнительную картину, я попытался вспомнить как сюда попала эта незнакомка. Но в голове было пусто, а редкие беспорядочные мысли лопались, словно мыльные пузыри, едва родившись. Черт возьми! Это же нужно было так надраться...

– Эй! – Я бесцеремонно потянул ее за ногу. – Вставай, приехали.

– М-м... – недовольно замычало создание и попыталось натянуть на себя скомканное одеяло.

– Блин... – выругался я и, особо не сдерживаясь, шлепнул девушку ладонью по круглой аппетитной попке. – Подъем! – рявкнул я во весь голос, вспомнив свое недавнее армейское прошлое.

– Ай! – вскрикнула девица и подхватилась, словно ошпаренная.

Я невольно ей посочувствовал – рука у меня была тяжелая, что с детства доставляло мне разного рода неприятности. Но благая мысль лишь мелькнула, будто кусочек радуги за окном несущегося на всех парах экспресса, и уступила место раздражительности, постоянной спутнице тяжелого похмелья.

– Ты кто такая? – спросил я требовательно, хотя и понимал, что вопрос звучит предельно глупо.

– Костик, что с тобой!? – Девица хлопала длинными накрашенными ресницами словно большая кукла Барби.

– Какой в хрена Костик!? – тупо удивился я; и тут же сообразил в чем дело – знакомясь с девушками, я обычно назывался другим именем; так, на всякий случай. – Меня зовут Стас, – буркнул я, решив, что теперь, когда она знает мой адрес, изображать из себя графа Монте-Кристо нет смысла. – А тебя?

– Аня... – жалобно проблеяла девушка и, морщась, потеряла хорошо видимый на белой коже отпечаток моей пятерни.

– Вот что, Аня-Маня – быстро одевайся и вали отсюда. У меня дела...

Я соврал. Не было у меня никаких дел. После госпиталя, куда я попал из Чечни, где служил по контракту в спецназе, мне довелось на постоянной поработать в общей сложности около двух лет – ремонтником в трамвайно-троллейбусном управлении и дворником. Из ТТУ меня выперли по сокращению штатов – там хватало и своих "спецов" по замене и укладке шпал, в основном женщин предпенсионного возраста. А "карьера" дворника едва не привела меня на тюремные нары – по горячке обломал рога одному козлу, постоянно путавшего мусоропровод с окном собственной квартиры, куда выбрасывал не только картофельные очистки и использованные презервативы, но и бутылки.

С той поры я перебивался случайными заработками: разгружал вагоны, таскал мебель на этажи, пилил лес... ну и так далее. А что прикажете делать, если я имел лишь одну специальность, полученную в армии – профессионального убийцы?

Не могу сказать, что мне не предлагали использовать армейские навыки по прямому назначению. Было. И деньги сулили немалые. Нет, не за работу киллера, а всего лишь за службу в охране новоявленных "господ". Но моя свободолюбивая натура напрочь отвергала даже шальную мыслишку о возможности работать цепным псом. Служить – это одно; а прислуживать – совершенно иное...

– Ты мне кое-что обещал... Стас... – Девушку вдруг зазнобило и она укуталась в одеяло.

– Хочешь сказать, что сулил капусту!? – Несмотря на похмельный ступор, я сильно удивился – даже в полном отрубе я не страдал приступами щедрости, особенно когда в кармане свободно, не цепляясь даже за презренную мелочь, разгуливает вошь на поводке.

– Ну ты, в натуре, выдала... Я что, похож на потертого лоха, снимающего телок за бабки!?

– Я н-не г-говорю о д-деньгах... – У нее зуб на зуб не попадал, будто на дворе была не середина лета, а по меньшей мере конец декабря, когда в моей квартире температура выше двенадцати градусов не поднимается.

– Кончай базлатъ загадками. Мы с тобой не на телевизионной передаче "Что, где, когда, с кем и сколько?".

– Ты н-намекал, что у т-тебя есть к-кайф...

– Хочешь ширнуться? – Тут в моей пасмурной башке будто зажегся прожектор – ну конечно же!

Девушка затравленно кивнула.

Нет, я и впрямь совсем отупел после вчерашних посиделок в баре, если до сих пор не понял, что у девицы начинается "ломка". Но я хорош – ляпнуть такое, да еще черт знает кому...

– Ладно, жди... – буркнул я, поддавшись несвойственному мне в подобных ситуациях приступу жалости. – Я мигом...

На кухне, за съёмной вентиляционной решеткой, у меня был мини-тайник, где хранились четыре ампулы морфия – на всякий случай. В отличие от некоторых моих сослуживцев по Чечне, я "дурь" не употреблял. И только в госпитале, после операции, мне поневоле пришлось почти неделю сидеть на игле, чтобы от боли мозги не стали набекрень. Уезжая на дембель, я захватил пакет с героином – весом около килограмма – и два десятка ампул с морфием: чего-чего, а разнообразных трофейных наркотиков наш спецназ во время операций попутно добывал немало. Большею частью мы это дерьмо уничтожали, но и свои интересы учитывали, благо отцы-командиры, прошедшие школу Афгана, на наши, с позволения сказать, "шалости", смотрели сквозь пальцы. Правда, из-за такого опасного груза мне пришлось пробираться в родные пенаты огородами, но если уж в мою башку втемяшится какая-нибудь блажь, то ее оттуда и колом нельзя вышибить.

Приехав домой, я первым делом отвез наркотики в деревню к деду Артему и, тщательно упаковав в полиэтилен и трехлитровую стеклянную банку, закопал под фундаментом сарая, оставив себе малую толику. Я запросто мог толкнуть свой трофей за весьма приличные бабки, но, во-первых, меня мало прельщала карьера наркоторговца, а во-вторых, на гражданке, в отличии от боевых спецназовских будней, располагающих к философскому отношению к жизни и смерти, я начал подумывать и о "черных" днях, когда такая заначка может очень пригодиться.

Укол подействовал на девицу как удар молнии: сначала она без сил упала на подушки, а спустя несколько минут уже порхала по спальне, словно жаворонок, разыскивая свою разбросанную одежду.

– Больше нету, – предупредил я вопрос Ани, когда она, надевая платье, сначала посмотрела на использованный шприц, а затем перевела выразительный взгляд на меня. – Последняя. Батя болел... недавно помер. Врачи прописали...

И опять я безбожно солгал. Отец бросил нас с матерью, когда я учился в третьем классе. И с той поры я его не видел. Правда, деньги на мое содержание он присылал регулярно /мать заявление на алименты не подавала/ – но не более того. Уж не знаю, какая кошка пробежала между моими родителями, но, насколько мне помнится, до развода они жили, что называется, душа в душу. Наверное, мать так и не смогла оправиться после развала семьи, потому что спустя девять лет, истаяв, словно восковая свеча, тихо и как-то буднично сошла в могилу, оставив мне двухкомнатную квартиру и шкатулку с тремя тысячами рублей, которые она скопила тайком, отказывая себе в одежде и еде. К тому времени я уже служил в воздушно-десантных войсках, а потому, поразмыслив, решил связать свою дальнейшую судьбу с армией, так как на гражданке меня никто не ждал...

Едва за девушкой закрылась входная дверь, как тут же мне опять пришлось идти в прихожую,

чтобы отреагировать на дребезжащий стон звонка. Кого там еще нелегкая принесла!? Или Аня-Маня что-то забыла?

За дверью, опершись о стену, стоял мой старый друг и однокашник Серега Платонов. Он был мрачен и, как мне показалось, несколько не в себе.

– Вот, зашел.. – пробубнил Серега и ткнул мне в руки увесистый сверток. – Привет, Сильвер...

Сильвер – это мое школьное прозвище, происходившее вовсе не от имени одноногого пирата из романа "Остров сокровищ", а от моей сокращенной фамилии – Сильверстов.

– Проходи... – Я уже понял, что находится в свертке и меня едва не стошнило. – Какого хрена!? – простонал я, обречено топая на кухню. – Пить с раннего утра – это варварство.

– Кто-то будет пить, а кто и похмеляться, – мигом определив мое состояние, язвительно заметил Сергей, и достал из свертка две бутылки водки и двухлитровый пластиковый баллон с пивом.

Я сделал вид, что не понял намека, и начал накрывать на стол. Впрочем, накрывать – это сильно сказано. В холодильнике, кроме банки маринованных грибов, презентованных мне дедом Артемом, и засохшего до каменного состояния сыра, не было ничего.

– Спартанский образ жизни, – не удержался, чтобы не съехидничать, Серега, когда увидел мое "изобилие". – А хлеб у тебя найдется?

– Обижает... – с торжествующим видом я показал ему зачерствевший батон.

Мрачно ухмыльнувшись, Сергей распотрошил свой сверток до конца, выложив на стол полиэтиленовый кулек с вяленой килькой и палку "докторской" колбасы.

– Ты меня балуешь, – сказал я, пытаюсь разрезать сыр на кусочки. – И по какому поводу намечается пир?

– А что, я не могу просто так прийти к старому другу, чтобы выпить сто грамм и предаться воспоминаниям о глубокой юности?

– Можешь. Но только не с утра и не с таким "арсеналом", – указал я на бутылки. – Что стряслось, Серега?

– Давай сначала примем дозу... – Он быстро разлил водку по стаканам. – Твое здоровье...

Я смотрел на него, вытаращив от изумления глаза. Серега никогда не отличался пристрастием к спиртному, а если и пил, то рюмашками, мелкими глотками. А сейчас он хлобыстнул почти полный стакан и даже не поморщился. Воистину, свет полон чудес...

Свои полстакана я не выпил, а домучил. Так сказать, за компанию. И спустя две-три минуты, когда горячая волна наконец обожгла желудок, понял, что мир не так уж и плох, как показался мне сразу после побудки.

– Откуда грибы? – поинтересовался Серега, с видимым удовольствием закусывая маринованным масленком.

– Из лесу, вестимо... – Я приналег на вяленую тюльку.

– Грибной охотой балуешься?

– Я охочусь только на телок. И то если в кармане шелестит. Что случается, сам знаешь, не

часто. Веду монашеский образ жизни, в отличие от тебя, женатика.

– Все, кончилась моя семейная жизнь... – Сергей снова налил и торопливо выпил – будто боялся, что я отниму у него стакан.

– Не понял... – Теперь я удивился еще больше.

До этого дня я был уверен, что Сереге с женитьбой повезло, и его заявление прозвучало для меня как гром с ясного неба.

– Все, Стас, развод и девичья фамилия... С-сука! – он вдруг шарахнул кулаком по столу. – Не прощу... никогда не прощу!

– Кончай мебель ломать. Она и так скоро развалится. Лучше объясни толком – что стряслось?

Мы не виделись около полугода. Сергей работал опером в угрозыске /это у него фамильное – дед служил в ЧК, а батя ушел на пенсию в полковничьей папаше/ и, насколько я знал, был замотан до предела. Иногда мы созванивались, но на личные темы по телефону никогда не разговаривали. "Привет. Привет. Как дела? Нормалек. А у тебя?"

Живой. Ну, бывай. Покеда..." Вот и весь базар-вокзал.

– Я уволился из органов, – глухо ответил Серега и закурил.

– Признаюсь, удивил. Но причем здесь семейная жизнь?

– Очень даже причем. Машка заставила.

– Не вижу логики. Ты можешь объяснить толком?

– Не могу, Сильвер, не могу... – Сергей, обхватив голову руками, застонал. – Ну почему я такой невезучий!?

– Вечный вопрос, на который еще никто и никогда не мог ответить.

– Она ушла от меня.

– Почему?

– Не знаю. Взяла и ушла. Сначала ей не нравилось, что я из-за работы сутками не бываю дома. Ну, сам знаешь, как это бывает – скандалы и прочее...

Откуда мне знать? – подумал я. Слава Богу, меня миновала чаша сия. Да и где по нынешним временам найти такую дуру, которая согласилась бы выйти замуж за парня без перспективы и с пустым карманом?

– Тогда я на все плюнул и месяц назад подал рапорт на увольнение, решив, что семья дороже карьеры, – продолжал свой рассказ Серега. – Хотел устроиться в какой-нибудь конторе с нормированным рабочим днем. Связи есть, да и батя помог бы... А она собрала вчера вещи и ушла. Навсегда... Как дальше жить, Стас!?

– Значит, Марья тебя не любила, – осторожно ответил я, и на всякий случай, зная взрывной характер Сереги, отодвинулся от стола. – Такое бывает. Не ты первый и не ты последний.

Бабы – народ сложный.

– Как это не любила!? – взвился Сергей. – Я что, женился по расчету? Вспомни, как она мне в

глаза заглядывала. А я разве когда-нибудь ее обижал? Я с нее пылинки сдувал, на руках носил. За что!? За что она меня так?..

– Ты ждешь совета или сочувствия? – Мне было его жаль, но видеть, как старый друг закатывает истерику, оказалось выше моих сил. – Так вот, советчик по этой части из меня никудышный, а насчет телячьих нежностей, да чтобы по полной программе, со слезами и лобызаниями, могу сказать следующее – ты пришел не по тому адресу. Какого черта, Серега! Мужик ты или тряпка!? В тебе говорит злостный частник. Вот если бы ты от нее ушел – тогда другое дело. Тогда твоя душа была бы спокойной. А сейчас у тебя выходит как в том одесском анекдоте: если тебя, Сара, имеют, так это нас трахают, а если я кого-то – так это мы. Я не призываю к олимпийскому спокойствию, но и не стоит рвать волосы на голове и прочих местах. Тем более, что в семейной жизни, насколько я знаю, ты не страдал повышенным целомудрием. Плесни чуток... – Я щелкнул пальцами по пустому стакану.

Наверное, я был не прав. И чересчур жесток. Возможно, мне все-таки стоило разрешить ему поплакаться в жилетку, чтобы мозги прочистились от дурных мыслей. Но из своего военного опыта я знал и другое: иногда в таком состоянии человеку больше помогает добрая оплеуха, нежели душещипательная беседа.

Серега посмотрел на меня исподлобья – нехорошо посмотрел, зло – но не проронил ни слова, хотя я ожидал, что он отвяжется на всю катушку. Мы выпили, закусили. Потом еще... и еще... Молча. А что скажешь? Да и зачем? Мы выросли в одном дворе, знали друг друга четверть века и потому могли беседовать даже мысленно.

– Похоже, ты попал в яблочко... – глухо сказал Сергей, когда мы перешли на пиво. – Я действительно расклеился. Да в общем я и пришел к тебе совершенно по другому поводу.

– Повод уже иссяк, – с ухмылкой показал я на пустые бутылки. – Есть хорошая поговорка: выпьешь с утра – весь день свободен. Может, продолжим? Как я понял, ты теперь вольная птица, ну а я... сам знаешь...

– Хватит, – твердо отчеканил Серега. – У меня есть деловое предложение.

– Пару вагонов разгрузить? Или кому-нибудь, как в былые годы, хлебальник начистить?

Так это мы мигом.

– Кончай ерничать. Я предлагаю организовать фирму.

– Чего-о!? – я даже протрезвел от удивления. – Да-а, брат, по-моему, после семейных коллизий у тебя крыша поехала. После ментовки хочешь сразу стать "новым" русским?

Ну ты, блин, и мечтатель...

– Я прагматик. И пособие по безработице получать не желаю. Да и тебе пора завязывать бичевать. Между прочим, нам еще нет и тридцати. Так что свое дело заводить в самый раз.

– А бабки? Кто нам даст деньги? Или у твоего предка в огороде зарыт клад?

– Чтобы оформить документы и получить печать денег хватит. А там посмотрим.

– И чем мы будем заниматься? Отловом тараканов? Разведением страусов? Или заготовкой свиной щетины? Как это сказано в известном старом фильме про разведчика: немного терпения, и ваша щетина превратится в золото.

– Мы предложим новый вид услуг.

– Серега, опомнись! Все участки в доходном бизнесе давно застолблены. Мы опоздали на десять лет. Нам не дадут даже голову поднять, снимут ее вместе с шеей.

– Ты сначала выслушай до конца, а потом будешь комментировать, – разозлился Сергей. – Мы регистрируем охранно-сыскное агентство.

– Понял. – Я с деланной кротостью кивнул. – "Сильвер энд Платонов лимитед".

Конгломерат из Ната Пинкертон и Шерлока Холмса. Кулак и мозги. Остановка за малым – найти третьего, еще тупее, чем доктор Ватсон. И тогда ни один злодей в городе не останется безнаказанным. Послушай, Серега, ты в своем уме? Все, все, молчу. Будем считать, что у меня похмельный синдром и твое предложение мне просто почудилось.

– Третий уже есть, – невозмутимо сказал Серега. – То есть, – поправился он, – второй, у которого мозги. Я первый, ну а ты...

И этот сукин сын ехидно осклабился.

Я сделал вид, что не понял весьма прозрачного намека и спросил:

– Так кто наш идейный вождь и вдохновитель? Только не говори, что это... – От внезапно осенившей меня мысли я судорожно проглотил конец фразы и заглох как испорченный движок.

– Ты угадал. – Улыбка на лице Сергея стала еще шире. – Между прочим, он еще и наш главный финансист.

– Маркузик!? – Наверное, я не спросил, а заорал, потому что Серега поморщился и потер правое ухо.

– Оказывается, у тебя великолепные дедуктивные способности, – с деланным восхищением сказал Сергей.

– Плат, скажи, что ты пошутил.

– В чем дело, Сильвер? Он наш друг. А котелок у него варит дай Бог каждому.

Я промолчал. Маркузик – это школьная кличка Марка Кузьмина, так же, как Плат – прозвище Сереги. Маркузик появился в нашей школе, когда мы учились уже в седьмом классе. Он был низкоросл, кривоног и лопоух, но зато знал три или четыре иностранных языка и разбирался в компьютерах и вообще в электронике как профессор. Его отец работал торгпредом в добром десятке стран, потому Марк учился бессистемно /в основном экстерном/ и знал много такого, о чем мы не имели ни малейшего понятия.

Маркузик был вундеркиндом, и, едва появившись в нашей школе, сразу почувствовал на своей шкуре отношение "серой" массы, составляющей большинство, к природным феноменам. Его не пинал только ленивый. Марка не любили даже учителя. К каждому уроку в нашем классе им приходилось готовиться словно к университетскому госэкзамену, потому что коварные вопросы Маркузика могли поставит в тупик даже академика. И просто отмахнуться от них было нельзя, так как Марк с уничижающей снисходительностью тут же давал обстоятельные пояснения, доводя бедную училку своим менторским тоном до белого каления.

Возможно, Маркузик и ушел бы из школы, не выдержав издевок и пинков, но тут волею судьбы он снискал расположение сначала Сереги, а потом и мое. Ни я, ни Сергей по части учебы звезд с неба не хватали /хотя художественную литературу читали запоем и все подряд/, но наших кулаков боялись даже старшеклассники: мы занимались боксом и к тому

времени уже имели первый юношеский разряд. После того, как Марк стал полноправным членом нашей компаний, все нападки на него прекратились – желающих связаться с Сильвером и Платом было немного.

По окончании школы медалист Маркузик наотрез отказался поступать в институт, чем сразил наповал не только своих стариков, но и почти всех одноклассников. Наверное, только я и Серега не удивились столь необычному поступку Марка – он терпеть не мог /хотя и знал/ любые предметы, кроме тех, что прямо или косвенно связаны с электроникой. Его взяли на работу в совместное предприятие, где он создал несколько оригинальных компьютерных программ, за которые его работодатели получили кучу зелени и мировую известность. Через несколько лет учредители этой шарашкиной конторы, основательно набив карманы, смайнали за бугор, благородно оставив Маркузику в наследство небольшое приватизированное помещение и первоклассную по тем временам технику. Чем он там занимался и как зарабатывал на жизнь мы могли только догадываться, но деньги у Марка водились всегда. Когда мне становилось совсем невмоготу сражаться с хроническим безденежьем, я шел к нему и стоически терпел двухчасовую лекцию о вреде нездорового образа жизни, грустно кивая и поддакивая. По окончании весьма поучительного монолога Маркузик горестно вздыхал – мол, горбатого только могила исправит – и указывал на ящик письменного стола, где у него хранились деньги. Я был должен ему такую сумму, что в Древнем Рим на меня бы уже надели ошейник раба. Слава Богу, что мы живем в просвещенные времена...

– Так ты согласен или нет? – напористо спросил Серега.

– Ну, ладно, давай поразмыслим. В сыскном деле ты дока, спору нет. Марк спец по компьютерам, что в принципе может пригодится... уж не знаю для чего. Тем более, что он, как я догадываюсь, предоставляет для будущего агентства свою конторку. Верно? Значит, я угадал. У вас обоих авантюрные наклонности, что тоже немаловажное обстоятельство для осуществления этой бредовой идейки. Но я вам зачем нужен? В качестве ночного сторожа фирмы "Рога и копыта"?

– Мы берем тебя из сострадания, – окрысился Сергей.

– А! – воскликнул я. – Это меняет дело. Тогда я присоединяюсь. – Свежий алкоголь, излившись на старые дрожжи, наконец свершил свое черное дело и мне вдруг стало весело, приятно и на все наплевать; жизнь показалась розовой, когда море по колено и все сомнения растворяются в хмельной эйфории. – Плат, можешь на меня положиться. Ты мой друг... но истина в вине. Слушай, может продолжим наши посиделки? Давно не виделись... поговорим о жизни... Бабки есть?

Умные люди говорят, что спиртное до добра не доводит. В чем я вскоре и убедился, дав по пьянке согласие на участие в безумном эксперименте с охранно-сыскным агентством.

Глава 2. БАР "ШАЛОВЛИВЫЕ РУЧКИ"

Не люблю стриптиз. Терпеть не могу. Не перевариваю. Ну что хорошего в розовых телесах обнаженных дурочек, усиленно изображающих страсть к полированному столбу, вокруг которого они выписывают кренделя? Однажды я специально сел возле подиума и тарачился на это сексуальное действо весь вечер и полночи. И все для того, чтобы наконец ощутить хоть какой-то кайф. А иначе на кой хрен я палю бабки, оплачивая входной билет в это гнездо разврата?

Эксперимент закончился полным фиаско. Все было глухо, как в танке. Мои инстинкты самца не то что молчали, они просто напрочь испарились, будто я на вечер превратился в бесполое существо. Единственным результатом стриптизных страданий был кошмарный сон, в котором мне виделись одни обнаженные женские задницы, роящиеся вокруг головы как навозные мухи. Я проснулся в диком ужасе и сломя голову помчался к знакомой девице, безотказной словно автомат Калашникова. Она работала продавщицей в киоске напротив моего дома. Не говоря ни слова, я закрыл жалюзи и завалил ее прямо на какие-то ящики. Привыкший к таким набегам, мой сексуальный ангел-хранитель покорно сложил крылышки, и мы почти час наносили урон ее хозяину, владельцу киоска, отваживая покупателей своей утренней "физзарядкой". Домой я возвратился счастливым и умиротворенным: есть еще порох в пороховницах и пока никакие стриптиз-бары не в состоянии вытравить из моих чресл добротное мужское начало.

Нет, я не прекратил посещать этот бар. Даже наоборот – едва у меня появлялись деньги, я сразу же направлял свои стопы в его сторону. Причина такой приверженности была достаточно тривиальной – низкие цены на спиртное. Здесь брали клиента другим – количеством. Чтобы поглазеть на обнаженных див некоторые придурки приезжали в бар с другого конца города и тусовались в нем до самого утра, поглощая коктейли литрами.

Кроме того, для тех, кто был в отрубке, придумали действительно нужный и важный сервис – доставку на дом специально нанятыми частными такси, дежурившими возле сексзаведения с вечера и до закрытия. В отличие от многих других, я этими услугами не пользовался даже если был в полном ауте – от бара до моего дома было ровно четыреста двадцать трезвых шагов. Конечно, по пьяни расстояние почему-то значительно удлинялось и я всегда удивлялся такому феномену, но мне вполне хватало сил, чтобы вырваться из тисков этой аномалии и благополучно добраться до своего двора. Дальше я обычно передвигался на автопилоте, доставлявшем меня прямо к кровати.

Бар назывался "Рука удачи", но местные остроловы переименовали его в "Шаловливые ручки". Дело в том, что часть просторного полуподвального помещения питейносексуального заведения была разбита на крохотные кабинки, в которых чаще всего обретались одинокие мужички с несколько нестандартной сексуальной ориентацией. Они потихоньку наливались спиртным и удовлетворяли свои фантазии и потребности рукоблудием, подсматривая за обнаженными по самое некуда стриптизершами из-за ширмочек. Так как в кабинках обычно собирался народ тихий и воспитанный, завсегда и не обращали на них никакого внимания, что привлекало в бар и любителей посекретничать, благо в помещении всегда царил полумрак и ярко освещался лишь подиум.

Вечер был из разряда проходных. Это когда в холодильнике пусто, в квартире бардак и нет ни сил, ни желания навести порядок, на улице дождь, а в кармане чаще всего фиг с маслом.

Как я и предполагал, охранно-сыскное агентство, едва родившись, тут же начало медленно, но верно, умирать. Правда, не в конвульсиях, но от этого легче не становилось; по крайней мере, Сереге и Маркузику, соответственно боссу и главному идеологу нашего предприятия. Только я, шнурок, как Фома Неверующий, которому все по барабану, ходил с независимым видом, поплеывая через губу. А поскольку надежды на зарплату в агентстве были весьма призрачными /если не сказать – нереальными/, то я по-прежнему разгружал вагоны, копал траншеи и спускал заработанное в "Шаловливых ручках".

Единственным неудобством во всей этой истории с агентством оказались каждодневные оперативки, проводимые Платом с девяти до половины десятого утра. На этих посиделках я большей частью дремал, а Серега и Марк спорили до хрипоты, разрабатывая стратегию и тактику работы частных детективов в условиях недоразвитой демократии.

В баре, как всегда, было людно. Я протолкался к стойке и облегченно вздохнул. Сегодня

работал бармен Жорж, предоставлявший мне "кредит" на спиртное; правда, под совершенно грабительские проценты, но в наше время подобный вотум доверия и впрямь стоит дорогого. Его сменщик, Васька Абрикосов, был жлобом, жмотом и вообще рафинированным сукиным сыном, к которому не подъедешь и на хромой козе; меня так и подмывало поймать его в темном углу и размазать по стенке.

– Сэр, мне как обычно, – выпренно сказал я Жоржу, в миру Григорию Волобуеву.

– Между прочим, ты мне должен... – он заглянул в свой "кондуит", где среди других страдальцев я значился под восемнадцатым номером. – Ну очень много... – Жорж начал подсчитывать.

– Скажи проще – до хрена. И побыстрее налей – душа горит. Ты ведь знаешь, я всегда плачу по счетам.

– Опять на карандаш? – с тяжким вздохом спросил Жорж, работая шейкером.

– Не у всех же такая лафа в жизни, как у тебя. Сам знаешь, кризис... мать его... не прекращающийся с начала перестройки. Когда "мерс" купишь?

– Я что, больной на голову? Мне хватает подержанной "девятки". Налоговая полиция совсем озверела, шеф подумывает о закрытии бара. Так что моя лафа как воздушный шарик – вот-вот лопнет.

– Не мандражируй, я тебя в напарники возьму. Копать можешь?

– Спасибо на добром слове. Я лучше на пенсию пойду. Мне одного твоего долга достаточно, чтобы безбедно прожить год. Не считая остальных... – Он потряс блокнотом с перечнем должников.

– Интересно, где ты свои накопления хранишь? – поинтересовался я с простодушным видом.

– Хочешь взять на гоп-стоп?

– Ого, какие мы слова знаем.

– С кем поведешься... – буркнул Жорж, подвигая ко мне вместительный стакан с коктейлем и орешки. – А все накопления я пустит в оборот. И их вовсе не так много, как тебе кажется. В нашей стране хорошо имеет только тот, кто всех имеет. То есть, власть.

Или тот, кто сидит на нефтяной или газовой трубе. Остальным достаются лишь крохи с барского стола.

– Птичка по зернышку клюет, а сыта бывает, – с видом пророка выдал я библейское изречение, и удалился в свой любимый угол, где стоял почти всегда пустующий стол.

С этого места подиум практически не просматривался, поэтому любителей созерцать чужие затылки находилось очень мало. Зато отсюда хорошо был виден вход в бар. Мои военные приключения научили меня не доверять никому и ничему, а в особенности оставлять свою спину незащищенной. Сколько салаг на этом погорело во время так называемой "чеченской" войны – не счесть. Уютная атмосфера какой-нибудь забегаловки в вечерний час и полная расслабуха в парной теплыни после многочасового поиска на морозе могла в мгновение ока взорваться автоматными очередями, которыми щедро сыпал любезный и услужливый чайханщик, совсем недавно угощавший нас люля-кебабом с мяса дохлой овцы и дрянной самопальной водкой. На войне выживает в основном зверь – осторожный, жестокий, коварный и хитрый; особенно эта аксиома касается человека моей воинской специальности. Эту истину мне не раз пришлось окропить собственным потом и кровью, потому она, словно

колючий червь вгрызшись в мозги еще в армии, отравляла жизнь и на гражданке.

Увы, на сей раз мое уединение не состоялось. За столом сидел похожий на бомжа мужик и наливался джином под завязку. На мое приветствие он лишь хмуро кивнул, не поднимая головы. И медленно, врасстяжку, выпил очередную порцию джина, даже не потрудившись разбавить весьма крепкий можжевеловый напиток баночным тоником, лежавшим в ведерке со льдом. Я пожал плечами – мне и самому нужен был в этот момент собеседник как зайцу стоп-сигнал – и с удовольствием присосался к хорошо охлажденному коктейлю.

Так мы и сидели в полном молчании битый час, размышляя каждый о своем. Я настолько увлекся своими фантазиями, что когда мой сосед по столу заговорил, то мне показалось будто его голос доносится откуда-то издалека, может, из заоблачных высей. Несмотря на прагматичный склад ума, я так и остался неисправимым мечтателем. В этот миг мне представлялся богатый американский дядюшка /которого у меня нет/, оставивший на смертном одре бедному племяннику Стасу двадцать миллионов долларов. Именно двадцать – не больше и не меньше. И я с увлечением подсчитывал во сколько мне обойдется вилла в Монако, яхта и престижная тачка; я остановил свой выбор на "феррари". На дорогих заморских путан я решил не тратиться; в крайнем случае выпишу из России двух-трех провинциальных телок и посажу их на оклад... скажем, две штуки в месяц плюс бесплатное питание и проживание. Кто от такого предложения откажется?

– Сильвер, ты меня слышишь?

Я вытаращился на мужика, сидевшего напротив, как на привидение. Совершенно незнакомая рожа!

– Стас, это я, Лопухов. Не узнаешь?

– Лопухов... – неуверенно сказал я, силясь вспомнить, откуда мне известна эта фамилия. – Да, да, конечно...

– Все-таки не узнал... – Мужик покрутил головой, будто разгоняя хмельной туман. – Мы учились в параллельных классах. И занимались у сэнсэя Ли тэквондо.

– Каррамба!? – я просто обалдел от изумления.

Валера Лопухов, пижон и дамский угодник в школьные годы, а после, как я слышал, кандидат наук и обладатель черного пояса мастера тэквондо – и этот испитый, грязный тип со слезящимися глазами, глотающий джин словно воду... нет, не может быть!

Прозвище Каррамба к нему прилепилось в шестом классе, когда он, начитавшись вестернов /в те времена еще полуподпольной и дефицитной литературы/, по поводу и без употреблял это достаточно невинное испанское ругательство. Последний раз я виделся с ним на выпускном вечере, когда Валерка притащил на бал совершенно офигенную телку, на которую пялились все половозрелые особи мужского пола, включая и нашего директора Николая Емельяновича, убежденного семьянина и пуританина, и которую наши уязвленные и поддатые девчонки едва не спустили со второго этажа по лестнице вверх тормашками.

– Неужто я так изменился? – с горечью в голосе спросил Лопухов.

– В общем... не очень... – осторожно ответил я – и покривил душой: вместо элегантно одетого молодца с румянцем на всю щеку и ростом под два метра, каким мне запомнился Каррамба по выпускному вечеру, передо мною сидел настоящий дистрофик, не брившийся по меньшей мере неделю.

Правда, одежда на нем была достаточно чистая, но казалось, что она с чужого плеча.

– А врать ты так и не научился... – криво ухмыльнулся Лопухов и допил свой стакан.

– Наверное, – пожал я плечами. – Артист из меня действительно хреновый.

Мы замолчали. Не знаю, что ощущал Каррамба, но мне было неловко, будто я в чем-то перед ним провинился. И я, и он сосредоточенно глядели на свои стаканы, время от времени отхлебывая по глоточку.

– Где работаешь? – наконец спросил Каррамба – только для поддержки разговора.

– На шабашках. Копай поглубже, бросай подальше, пока летит – отдыхай. Академий, в отличие от некоторых, мы не заканчивали, так что сам понимаешь...

– Понимаю, – хмуро кивнул Лопухов. – Но в наше время все эти академии до лампочки. Я уже полгода не получаю зарплату. И тоже перебиваюсь случайными заработками.

– Линяй за бугор. На умных и образованных там всегда повышенный спрос. Будешь черную икру есть ложками и кататься на "мерседесе".

– Таких, как я, пруд пруди. Легче пролезть в игольное ушко, чем получить вид на жительство, скажем, в Англии, а тем более – гражданство. Но мне туда и не хочется. Нет, я не квасной патриот, однако мне больше импонирует наш бардак, нежели их "цивилизованный" порядок, от которого за версту несет плесенью. Бывал, знаю...

– Возможно. Я об этом никогда не задумывался. Как однажды выразился мой приятель, наше поколение – это гумус, на котором лет эдак через тридцать пышным цветом расцветет подлинная демократия. Поэтому я терпеливо тяну свою лямку, чтобы мои потомки имели молочные реки и кисельные берега. Хотя, если честно, мне на эту весьма отдаленную перспективу наплевать.

– Ты стал циником.

– Скорее, отморозком. Там, где мне пришлось побывать, элементарные человеческие чувства сводятся к одному – желанию выжить. А для этого все средства хороши.

– Похоже, тебе пришлось воевать...

– Совсем чуть-чуть... – Я криво осклабился. – Но и этого хватит на всю оставшуюся жизнь.

– М-да... – Каррамба задумался.

Я заказал себе еще один коктейль, чем вызвал у бармена Жоржа очередной пароксизм патологической жадности. Он с таким мученическим видом записывал мой долг в свой кондуит, что мне захотелось достать из кармана последние монеты и швырнуть прямо в его постную физиономию. Но я благоразумно сдержался: очередная шабашка светила только через два дня, и чтобы продержаться на плаву до этой знаменательной даты, мне необходимо было иметь хоть какой-нибудь стратегический резерв.

Когда я возвратился, Лопухов, склонившись к столу и обхватив голову руками, глухо стонал.

– Валерка, что с тобой!? – Я схватил его за плечи и прислонил к спинке стула. – Ты болен?

Несмотря на крайнюю степень истощения, под пиджаком Каррамбы я ощутил железные мышцы, свивающиеся словно канаты.

– Я мертв... – Его голос звучал как с могилы – глухо и издалека. – Я давно мертв. С той поры... С того самого дня... – По впалым щекам Лопухова вдруг побежали крупные слезы.

Уж не знаю почему, но я был твердо убежден, что он не пьян. Алкоголь всего лишь попустил гайки, державшие крышку его души, и теперь глубоко упрятанное горе выплеснулось наружу так не вовремя и не по-мужски.

– Выпей... – Я налил холодного тоника в стакан и насильно всучил Каррамбе. – Ну! – прикрикнул я властно и с яростью посмотрел на компанию неподалеку, которая начала обращать на нас внимание.

Наверное, в моем взгляде они прочли что-то очень нехорошее, потому что тут же показали мне спины. Лопухов жадно выцедил стакан, а затем допил и то, что оставалось в банке.

– Беда, Стас... У меня такая беда... – Он смотрел на меня жалобно, как побитый пес.

Я мысленно возопил: Господи, еще один страдалец! Мне хватало и безутешного Плата, при каждом удобном случае нудившего про свою неверную Машку. Но он был мой друг и я мог послать его подальше без особых последствий – все семейные коллизии Сереги мы обсуждали сотни раз и мне от них уже тошнило, о чем я ему говорил неоднократно. А вот откровения Лопухова я просто обязан выслушать. Что поделаешь – мужская солидарность... и прочее... твою мать! Какого черта я сегодня сел за этот стол!? И вообще – что я забыл в этом баре? Лежал бы сейчас на диване, смотрел телевизор...

– У меня пропала дочь... Вышла во двор – и исчезла... Моя Дашенька... – Его глубоко впалые глаза снова наполнились слезами.

– Не понял... Как это – пропала? Ее украли?

– Не знаю. Я... ничего не знаю. Вышла – и нету...

– Сколько ей лет?

– Восемь с половиной.

– И такую малышку ты отпустил гулять одну?! В наше смутное время, когда маньяки бегают толпами, это более чем неосторожно. – Я одновременно удивился и возмутился.

– Что ты, конечно, нет! Она пошла со мной.

– Извини, но я не врубаюсь. А где же тогда был ты?

– Меня отвлекли буквально на пару минут.

– Кто?

– Ремонтники. У нас как раз лифт сломался, прислали бригаду... Они попросили помочь поднять на второй этаж баллон с кислородом. Когда я вышел на улицу, Даши и след простыл... У-у! – застонал он и с силой ударил себя кулаком по голове. – Зачем я согласился!?

– Это случилось днем или вечером?

– После обеда.

– И что, во дворе никого не было?

– Почему? – тупо удивился Лопухов. – Соседки с детьми... дворник...

– И никто ничего не видел?

– Нет.

– Мистика... – пробормотал я, чувствуя как меня прошибла жалость. – Не верю. Что-то здесь не так. В милицию заявил?

– Конечно.

– Ну и?..

– Глухо. Написали кучу бумажек, расклеили по городу плакаты с фотографией Даши – и на этом все закончилось. Мне сказали, что не она первая и не она последняя. За прошлый год в городе бесследно исчезли двенадцать детей и около двух десятков взрослых. Понимаешь – бесследно. Как это может быть, я не представляю. Ведь человек не иголка. И тем не менее...

– Сочувствую... – Мне просто нечего было ему сказать.

– Жена... – Он скрипнул зубами. – Она меня прокляла. Я хотел... повеситься, но не смог... не хватило силы воли. Я виноват, я! И никто другой.

– А где сейчас твоя жена?

– В психушке... – От его мрачного взгляда мурашки побежали по коже. – Сама попросилась... чтобы меня не видеть... и других тоже. Нет мне прощения. Нет!

Мне вдруг стало так тоскливо и неуютно, что захотелось немедленно сорваться с места и бежать из этого бара куда глаза глядят. С виду Лопухов успокоился, но в глубине его зрачков временами поблескивал опасный огонек безумия. Он перестал сутулиться, и теперь передо мною сидел уже не бомж, а высеченная из темного гранита скульптура аскета.

– Мне пора... – Я демонстративно посмотрел на часы. – Извини, Валера, я должен идти.

– Иди... – безразлично, сквозь зубы, процедил он, глядя мимо меня. – Я все равно найду свою лапушку... Дашеньку... Найду!

Я как-то несмело подал ему руку, но Лопухов даже не шелохнулся. Похоже, он напрочь отключился от действительности, и я очень сомневался, что завтра Каррамба вспомнит с кем разговаривал в баре и о чем рассказывал.

Я отошел от стола едва не на цыпочках и рванул к выходу с такой прытью, будто за мною гнались. Ну почему я не могу найти успокоение для души даже в таком веселом и фривольном заведении как бар "Шаловливые ручки"!?

Мне удалось уснуть только под утро. Едва я смыкал веки, как передо мною тут же всплывали глаза Каррамбы. Они смотрели на меня так жалобно, так тоскливо, что мне становилось больно. Каждый умирает по-разному, но в одиночку. Эта истина уже оставила на моей шкуре отметины. И я знал ей цену. Однако я никогда не променял бы самые жестокие физические страдания на те, что испытывал Валера Лопухов.

Глава 3. ПЕРВЫЙ КЛИЕНТ

В нашем агентстве совершенно неожиданно наступил период временного благополучия – как это ни странно. И все благодаря неумемному гению Маркузика. Пока Серега бегал по редакциям газет, размещая рекламные объявления, Марик что-то чертил, паял, клепал и в

конце концов изобрел оригинальную и сверхнадежную систему квартирной сигнализации; по крайней мере, он так утверждал.

В последние годы новые русские, квартиры которых домушники чистили с завидным постоянством, совсем свихнулись на почве разнообразных охранных устройств. Какими только хитроумными и безумно дорогими прибабасами они не оснащали свои апартаменты – и все впустую. Наши доморощенные умельцы с большой дороги вскрывали квартиры, начиненные под завязку чудесами японской и американской электроники, как консервные банки – без шума и пыли. Впрочем, этот факт мог поставить в тупик лишь зарубежных фирмачей. Если в той самой Америке квартиры грабили в основном полуграмотные негры с одной извилиной и то не в голове, а значительно ниже, то у нас на дело нередко шли парни с "красными" дипломами, которые на практике подтверждали преимущество нашей системы образования перед зарубежными.

В итоге совсем потерявшие голову нувориши наконец обратили внимание на своих Кулибиных. И они, как всегда, в грязь лицом не ударили.

Маркузик смонтировал изобретенную охранную систему у одного из своих знакомых, наслышанного о его талантах от прежних работодателей нашего компаньона. Заказчик оказался настолько благодарным, что отвалил Марику кучу денег. А может он просто не расслышал толком, что ему проямлил смущенный гений, когда дело дошло до расчета за выполненную работу. Но как бы там ни было, а финансовое положение нашего агентства упрочилось настолько, что Плат соизволил выплатить первую зарплату. Которую мы решили "обмыть" немедля ни одного часа.

Контора Марика, превратившаяся в офис охранно-сыскного агентства, находилась на первом этаже отреставрированного старинного здания. Помещение состояло из двух комнат, кладовой, туалета и душевой. Нам пришлось здорово потрудиться, чтобы очистить эти воистину Авгиевы конюшни от разнообразного электронного барахла, копившегося годами. Бедный Маркузик лишь горестно вздыхал и охал, когда мы с Платом вытаскивали все это "богатство" на помойку. Правда, его плюшкинская натура не позволила нам разгуляться на всю катушку, и теперь кладовая трещала по швам от остатков хлама, на которые Марик наложил вето.

Самого хозяина конторы мы переселили в дальнюю комнату, узкую и длинную, как гроб, где он устроил мастерскую. А Плат и я заняли достаточно просторный квадратный кабинет, обставленный старой, но еще добротной и вполне солидной мебелью. У нас был даже кожаный диван, оккупированный мною сразу и бесповоротно. Наверное, он стоял здесь по причине своей неподъемности со времен революции, потому что пол под ним даже не прохудился, а рассыпался в труху. Прежние хозяева Маркузика тоже не стали связываться с тяжеленным диваном, но натянули новую кожу, и теперь этот монстр лишь недовольно похрюкивал, когда я лежал на нем с видом большого мыслителя, положив ноги на валик размером с асфальтовый каток.

Диван открыл нам свою тайну совершенно случайно и благодаря беспокойной натуре Сереги. Заметив, что пол под кожаным чудищем провалился, он решил затеять ремонт. Я упирался, как мог, зная наверняка, кто будет заниматься ремонтными работами, но в конце концов сдался и с унынием в сердце засучил рукава. Сняв прогнившие доски и убрав лаги, я сделал бетонную стяжку и постелил восхитительно красивый импортный линолеум, которым мне оплатили очередную шашку. Для этого, естественно, нам пришлось сдвинуть диван. Когда я сгреб в кучу древесную труху, то моему взору открылся железный люк в подвал.

Если честно, то мы оцепенели. И алчно переглянулись. В детстве я и Плат не раз искали клады в разрушенных старых домах, но единственной нашей стоящей находкой был старинный серебряный подсвечник. Мне от него отломилось всего лишь на мороженное и

кино – папаша Сереги, старый ушлый мент, изъясл дорогой раритет немедленно и бесповоротно. После такого облома я рассорился с Платом и почти полгода мы даже не разговаривали. Но потом все как-то забылось, стерлось с памяти, и наша дружба возродилась. Только вот к нему в квартиру я больше не ступил и ногой.

Люк был таким ржавым, что пришлось припаянные временем края рубить зубилом.

Грохоту было... Когда мы наконец его открыли, то увидели обычный подвал, сухой и достаточно просторный. И лишь после того, как включили переноску и я спустился вниз, оказалось, что из подвала есть вход в узкий сводчатый тоннель. Он увел нас сначала вниз, а затем и за пределы дома. Похоже, это был тайный ход. Сокровищ мы, к глубокому сожалению, не нашли и мои коллеги быстренько смайнали на гора, а я еще добрых два часа разбирал завал в конце тоннеля – из чистого упрямства. Но он оказался бесконечным и я в конце концов плюнул на это бессмысленное занятие и последовал примеру друзей.

Позже я еще несколько раз спускался в подвал, обычно в отсутствие Сереги, чтобы удивить его какой-нибудь находкой, однако кроме полного грузовика камней, вытащенных мною из завала на поверхность, мне похвастаться было нечем.

Маркузика несло. Обычно он пил очень мало, всего ничего, но сегодня наш гений явно хватил лишку. -... Никогда! – Марик резко махнул рукой в подтверждение своих слов и свалил начатую бутылку водки.

Я успел подхватить ее у самого пола и с небрежной грацией снова водрузил на стол.

– Класс, – не без зависти прокомментировал мой финт Серега и попытался жонглировать тремя пластмассовыми стаканчиками. – Блин! – выругался он, когда у него ничего не получилось.

– Я никогда не женюсь! – упрямо продолжал твердить свое Маркузик. – От женщин одни неприятности. И если кто мне скажет...

– Давно не был в спортзале? – поинтересовался я у Плата, не обращая внимания на речи нашего вундеркинда.

– Почему спрашиваешь?

– У тебя замедленная реакция. Учти, теперь ты не в погонах, а в кобуре вместо пушки газовый клизмотрон. Так что надеяться нужно только на свои обнаженные нервы и крепкие кулаки.

– Наше дело работать башкой, – снисходительно посмотрел на меня Серега. – Запомни это накрепко. И не вздумай выкинуть какой-нибудь трюк с мордобитием и членовредительством. Иначе отберут лицензию и дадут срок.

– Блажен, кто верует... – Я с хрустом разгрыз огурец. – Конечно, если мы будем расследовать пропажу кур у какого-нибудь злостного частника, которого обчистили голодные бомжи, то тут твоя голова в самый раз. А если подвернется дельце посерьезней, вот тогда и посмотрим, что ты запоешь. И вообще я считаю, что твоя идея с агентством – бред сивой кобылы.

– У тебя есть вариант получше?

– Увы... – со вздохом констатировал я свою беспомощность по части идей и с горя хряпнул еще сто грамм.

– То-то. Реклама уже пошла, думаю, что скоро появятся и клиенты.

– Жди. Очередь выстроится до следующего квартала. Придется увеличивать штат.

– Ты зануда и нытик. На кой черт я с тобой связался?

– Можешь уволить меня из-за профнепригодности. Даже без выходного пособия. А если серьезно, то позволь мне набрать десятка два крепких бывалых парней и сделать из них надежных телохранителей. По этому пути пошли столичные агентства, и я считаю, что они правильно оценили ситуацию. Вот на такие услуги спрос можно гарантировать.

– А платить им будешь ты?

– Почему я? Заказчики.

– До этого с парнями нужно возиться не менее полугода. А они, между прочим, живые люди, которых обещаниями не накормишь. И если учесть, что сейчас на энтузиастов большой дефицит, то твой замысел изначально обречен на неудачу.

– Между прочим, за обучение они сами заплатят. Хочешь получить хорошую профессию – бабки на стол.

– Размечтался... – Серега иронично покривился. – Такое впечатление, что ты живешь не на грешной земле, а на небесах. Можно подумать будто тебе неизвестно, что лучших давно прибрали к рукам мафиозные структуры. Под их "крышей" находятся практически все секции восточных единоборств, кикбоксинг и даже борцы вольного и классического стиля. Заявляю об этом вполне ответственно.

– А демобилизованные десантники и погранцы? Думаю, среди них можно отыскать очень даже крепких и способных ребят.

– Слушай, Сильвер, кончай баланду травить! Ты упрямой осла. Чтобы из этих молокососов сделать что-то стоящее и двух лет не хватит. Ты прошел школу спецназа и прекрасно понимаешь о чем идет речь. Фирма должна давать заказчику железную гарантию на отличное качество обслуживания. Может, кто-то из твоих десантников и научился руками колоть кирпичи, но это еще не значит, что у него достаточно масла в голове для работы телохранителем.

– Да пошел ты!.. – окрысился я. – Ладно, черт с тобой. Ты у нас шеф, тебе и решать.

Однако, прими совет: молись на Маркузика и его электронные мозги, который нас, альфонсов, приютил, обогрел и накормил.

– Придет время и ему воздастся сторицей, – лицемерно ответил Плат.

– Блажен кто верует... – буркнул я, развивая библейскую тему, предложенную Серегой. -...И никогда, запомните – никогда! – Кузьмин не был дешевкой и не будет, – долдонил пьяный Марик что-то свое, размахивая вилкой; он всегда кичился воспитанностью и не брал пищу руками.

– Макнем? – спросил я Плата, вспомнив наши школьные годы.

– Макнем, – хитро ухмыльнулся Серега.

Мы подхватили Маркузика под руки и потащили в душевую. Он продолжал витийствовать, совершенно не соображая где он, с кем и куда его несут. Раздевать нашего наклюкавшегося вундеркинда мы не стали и сразу включили холодную воду. Марик попытался было взбрыкнуть, но куда ему против таких двух лбов как я и Плат.

Смирившись с неизбежным, он стоял под душем с гордым видом киношного партизаноподпольщика, попавшего в гестапо, и смотрел на нас как Ленин на буржуазию.

– Сволочи, – кратко прокомментировал он, когда мы выключили воду и дали ему полотенце.

В ответ раздалось наше лошадиное ржанье.

– Пьяные мерзкие сволочи, – упрямо повторил свой тезис протрезвевший и переодевшийся в сухое Маркузик уже за столом и со зла хватил почти полный стакан водки.

Мы уставились на него как на подопытного кролика, ожидая, что он немедленно откинёт лапы, но Марик даже не поморщился. Степенно наколов солёный огурчик, он начал неторопливо жевать, демонстративно не глядя в нашу сторону.

– Силен, – с деланным восхищением сказал я и подмигнул Плату.

– Мужик, – с уважением откликнулся Серега, понял мой намек. – А я думал, что он до сих пор за мамкину юбку держится. Извини, братан.

– Отстаньте от меня, дебилы! – огрызнулся Марк; но по тому как он немного расслабился, мы поняли, что наш подхалимаж сработал.

Плат хотел еще что-то сказать – скорее всего, добавить в предложенное Маркузику "блюдо" побольше сиропа – но тут нагло и беспардонно задребезжал звонок входной двери.

Мы сначала словно по команде посмотрели на часы, а затем замерли. Была половина пятого и по идее рабочий день нашего агентства, как гласила табличка у входа, еще не закончился. Но мы уже смирились, что к нам никто не ходит, а потому совсем не ожидали такого нежданного вторжения в наше мирное застолье.

Спустя минуту звонок снова подал голос. Мы переглянулись и Плат встал.

– Посмотрю... – буркнул он и вышел в крохотный холл, смахивающий на вагонный тамбур.

Прежние хозяева конторы не поленились поставить на входе железную дверь сейфового типа с импортным глазком и мы имели возможность незаметно обозревать улицу и тротуар напротив нашего офиса, что в нынешние времена было отнюдь не лишним.

Серега возвратился побледневший и с горящими от возбуждения глазами.

– Немедленно уберите! – гаркнул он, показав на захламленный огрызками и пустыми бутылками стол.

– Куда? – робко спросил мгновенно потерявший апломб Маркузик.

– Куда угодно! – Плат сделал зверскую рожу. – Поторопитесь, мне кажется, у нас первый клиент.

– Мать твою... – У меня просто не хватило слов, чтобы выразить свои чувства, и я начал сгребать со стола в урну все подряд.

Марик стал помогать, но его бестолковая суетливость только мешала.

– Забери полные бутылки и скройся с моих глаз! – рявкнул я на Маркузика, и он, слегка пошатываясь, пошел в свою комнату. – Не забудь включить аппаратуру.

Следуя новейшим веяниям в области личной безопасности мы приняли решение установить в офисе миниатюрные замаскированные видеокамеры. На этом особенно настаивал Серега.

Я возражать не стал, благо деньги на покупку аппаратуры взяли не из моего кармана, а Марик вообще был на седьмом небе от удовольствия – ему только дай повозиться с электронными цацками.

Когда Плат, любезно раскланиваясь, завел в наш кабинет посетителя, я не только успел привести комнату в божеский вид, но даже побрызгал туалетным освежителем воздуха.

– Здравствуйте... – Хмурый мужик лет пятидесяти смотрел на меня с явным сомнением.

Я солидно пожал его потную ладонь и предложил стул. Он сел и с недовольным видом осмотрелся. Похоже, наши апартаменты мужика удовлетворили, так как его каменное лицо разгладилось, а полные, брезгливо поджатые губы сложились в благожелательную ухмылку. Мне он почему-то не понравился. Нельзя сказать, что я плохо отношусь к лысым, но если у тебя на голове три волоса в четыре ряда, то не стоит их тщательно укладывать и лакировать в тщетной надежде изобразить некое подобие прически.

Мужчину, в отличие от женщины, судят не по количеству волос на голове, а по тому, что под ними прячется.

– Завалихин, Петр Николаевич, – солидно представился мужик и поерзал на стуле, устраиваясь поудобней.

Плат, занявший подходящее ему место во главе стола, назвал свое имя, при этом проигнорировав меня напрочь. Я обиженно надулся – начальник хренов! – и скромно уселся на свой любимый диван.

– У вас какие-то проблемы? – прервав несколько затянувшуюся паузу, вежливо поинтересовался Серега, усиленно изображая делового человека.

– Вы, это... частные детективы? – принохиваясь, как хорек в курятнике, спросил Завалихин.

Плат сразу понял к чему он клонит и поторопился закурить. Похоже, несмотря на мои ухищрения с освежителем воздуха, запах спиртного истребить не удалось. Я тут же последовал примеру Сереги – сунул в рот пластинку мятной жевательной резинки.

Завалихин, набывшись, неодобрительно наблюдал за нашими манипуляциями.

– Да, – сухо ответил Плат.

Я криво осклабился: на какой-то миг с Плата сползла его капиталистическая личина и наружу выскочил, как черт из табакерки, вполне социалистический мент. Но только на миг – спустя несколько секунд он уже слащаво улыбался и пытался заглянуть в мутнокоричневые буркалы первого клиента; если, конечно, Завалихин таковым являлся.

– У меня к вам... кгм!.. дело, – осторожно сказал Завалихин, все еще пребывая в больших сомнениях.

– Я вас слушаю, – строго сдвинул брови Плат.

– Ничего такого, обычная кража... – Наш клиент неожиданно занервничал и полез в карман за носовым платком, чтобы вытереть пот со своей полосатой от жидких волос лысины.

– Агентство гарантирует полную конфиденциальность, – внушительно сказал Серега, сразу сообразив, что больше всего волнует Завалихина.

– У меня украли бумажник... вчера... Там были деньги, паспорт...

На лице Плата проступило разочарование. И я понял почему – легче найти иголку в стоге сена, нежели вещь, стибренную карманниками.

– Это не наш профиль, – придавив за горло свое ретивое, сказал раздосадованный Серега.

– Но я хорошо заплачу!

– Обратитесь в милицию. Или в бюро находок. Щипачи... извините, карманники имеют привычку, изъяв деньги, бумажники выбрасывать. Вдруг вам повезет.

– Триста долларов! – выпалил Завалихин. – Половина суммы немедленно, остальные – когда отыщите бумажник. Не найдете – аванс все равно ваш. Если отыщите за сутки, то получите премию... еще двести зеленых.

Плат на какое-то мгновение потерял дар речи. А когда заговорил, то я поразился той метаморфозе, которая произошла с ним за считанные секунды. Теперь перед нашим первым клиентом сидел не приветливый шеф частного детективного агентства, а готовый слопать Завалихина со всеми потрохами хищник с человеческим лицом.

– Петр Николаевич, за триста баксов вам ровно за неделю сделают и общегражданский и заграничный паспорт, – вкрадчиво сказал Серега, внимательно наблюдая за реакцией клиента. – А бумажники продаются во всех киосках. Зачем вам такие сложности?

– Речь идет не о паспортах, – раздраженно ответил Завалихин. – Мне нужен мой бумажник.

Он дорог мне... как память. Это подарок старого друга.

– Теперь понятно, – кивнул Плат. – Память и впрямь стоит дорогого...

– Так вы согласны?

– Скорее да, чем нет...

– Вас что-то смущает?

– Немного... – Глаза Сереги блестели как у буйно помешанного. – Меня не устраивает сумма вознаграждения.

– Сколько? – грубо спросил покрасневший Завалихин.

– Пятьсот! – выпалил мой друг.

– Принимается, – Завалихин полез в нагрудный карман.

– Это аванс, – поспешил добавить Плат. – И еще столько же при успешном окончании работы.

В кабинете воцарилось молчание. Я даже затаил дыхание: ну, блин, Серега и наглец!

Требовать пятьсот баксов за заведомодохлое дело... это нужно иметь от замороженную совесть. Впрочем, что с бывшего мента возьмешь... Скорее всего, Плат решил отшить клиента, хотя, по здравому размышлению, предложенные ранее сто пятьдесят долларов в нашем хозяйстве здорово пригодились бы.

– Пусть... будет по-вашему... – процедил сквозь зубы Завалихин и отсчитал ровно пять стодолларовых бумажек. – Надеюсь на вашу порядочность, – это он сказал уже с угрозой.

– Не сомневайтесь. Мы сделаем все возможное и невозможное, – с металлом в голосе

отчеканил Плат.

Я наблюдал за ними, не смея шелохнуться. Бред! Может, я так рьяно отметил успех Маркузика, что теперь сплю пьяный в стельку и все это мне снится? Пятьсот баксов! За кусок потертой кожи размером с бумажный лист! Пусть и сшитой на машинке, с вензелями и латунными уголками. Нет, что-то здесь не так...

– Расскажите – только подробно – где и при каких обстоятельствах случилась кража. – Плат приготовился записывать.

– Я ехал троллейбусом двадцать седьмого маршрута... – Завалихин назвал дату и время. – Было много людей, ну и...

– На какой остановке вы сели в троллейбус и где вышли?

Завалихин сказал.

– В каком кармане находился бумажник?

– В том-то и дело, что во внутреннем. Я был одет в этот костюм. Посмотрите...

Наш клиент снял пиджак и дал возможность Плату полюбоваться тонким ровным швом – прореха в подкладке уже была очень аккуратно зашита.

– Лихо, – с непонятым удовлетворением сказал Серега. – Работал бобер.

– Не понял...

– Извините, – спохватился Плат. – Бобер – это вор-карманник высокой "квалификации", ас своего дела. Таких на пальцах можно пересчитать. Так что надежда найти ваш лопатник имеется.

– Но как он смог? Пиджак был застегнут – а порез изнутри.

– Дело техники. И отменного знания человеческой психологии. Когда вы ехали в троллейбусе, не случилось ли нечто необычное, которое привлекло ваше внимание?

– Конечно! – с жаром воскликнул Завалихин. – Неподалеку от меня поскандалили мужчина и женщина. Что они не поделили, я так и не понял, скорее всего, мужчина не уступил место. И мне показалось, что они были под градусом. Дело едва не дошло до драки.

– Вы можете обрисовать их внешность? – вкрадчиво спросил Серега.

– Неприятные личности... – брезгливо поморщился Завалихин. – Похожие на бомжей, но одеты достаточно пристойно. Мужчина невысокого роста, худощавый, лицо морщинистое, глаза бегающие... мерзкий тип. На левой руке у него наколка, но я не рассмотрел, что она изображает.

– А женщина?

– Тоже худая, какая-то потрепанная, волосы крашенные – блондинка, глаза голубые. Над верхней губой большая родинка. Несмотря на чистую одежду, у меня создалось впечатление, что она по меньшей мере месяц не мылась. Под ногтями грязь...

– У вас отменная зрительная память, – искренне восхитился Плат. – Теперь мне все ясно. И я знаю где нужно искать.

– Тогда позвольте откланяться. – Завалихин встал. – У меня масса дел.

– Как с вами связаться в случае необходимости? – спросил Серега. – Адрес, телефон...

– М-м... – пожевал губами клиент. – Я буду сам звонить. Ваш номер?..

Плат вручил Завалихину визитку агентства и они любезно раскланялись.

– Ну и жук, – сказал Серега, когда за клиентом захлопнулась дверь. – Человек даже не с двойным, а с тройным дном. Хитрец...

– Кончай наводить тень на плетень! – Меня переполняла радость. – Пятьсот баксов за здорово живешь – это не фунт изюма. Деньги упали как с куста. Найдем мы, не найдем этот бумажник – какая разница? Бабки-то в кармане.

– Дурак, – коротко резюмировал мое выступление Плат. – Разве ты не заметил, что он готов был за бумажник выложить любую сумму? Нет, здесь что-то не так...

– Ну, заладил... – Я позвал Маркузика: – Тащи бутылки, гений! Продолжим праздник.

Может, еще кто заявится. При таком раскладе я готов дежурить в конторе сутками.

– Баста! – Серега хлопнул ладонью по столу. – У нас намечается работа.

– Какая работа? Уже вечер.

– Вот и хорошо. Навестим щипачей, которые взяли лопатник Завалихина. Они сейчас гуляют, обмывая воровскую удачу.

– Ты знаешь кто они? – удивился я.

– Конечно. Хочу тебе доложить, что в начале своей карьеры в угрозыске я занимался именно карманными ворами. Так что я их знаю почти всех наперечет. А те, которые вертанули бумажник у Завалихина, совсем известные личности... – Плат хищно ухмыльнулся. – С этими жуками по крайней мере кое-какая ясность имеется. А вот Завалихин... – Он обернулся к Марику, который так и стоял с бутылками в руках не зная, что с ними делать. – Ты догадался записать разговор с клиентом?

– Обижаешь... – надул губы Маркузик.

– Это хорошо... Завалихин, Петр Николаевич... – Серега бубнил себе под нос, углубившись в размышления. – Надо попросить ребят проверить его по картотеке.

– Какого черта, Плат! – Я разозлился не на шутку. – Он наш клиент, а не подозреваемый. И нам в принципе наплевать кто он и что. Человек платит бабки – мы делаем. Ты, наверное, забыл, что уже не являешься опером. У нас частная контора, которой до лампочки высокие государственные материи. Да пусть этот Завалихин будет хоть самым главным мафиозо области. Клиента нужно уважать, а не копать в его грязном белье. Если мы отвяжем языки, нас будут обходить десятой дорогой.

– Успокойся. Ты прав. Просто я не перевариваю, когда меня пытаются держать за болвана.

Бумажник – нетленная память о друге. Ха! Как бы не так. Интересно, какой бес понес Завалихина шляться по троллейбусам?

– Ну ты даешь... – Я уставился на Плата как баран на новые ворота. – Он же не Карлсон с моторчиком, чтобы летать над крышами.

– Ты обратил внимание на его костюм?

– Приличный прикид. Я бы от такого не отказался.

– Я тоже. Только он нам не по карману. Этот костюмчик тянет как минимум на штуку зеленюю.

– Чего!?

– Того. Уж я-то знаю. А вот теперь объясни: какого хрена человек, у которого есть приличная тачка, в час пик ездит на троллейбусе?

– Откуда тебе известно, что у него есть машина?

– Он и к нам на ней приехал. Но почему-то припарковался как минимум за квартал от нашего офиса.

– Я и не знал, что ты у нас ясновидящий, – не удержался я от ехидного замечания.

– Ясновидение здесь ни при чем. Только у автолюбителей так сильно помят пиджак на спине. Возможно, у него есть даже личный водитель, но это не суть важно. Главное другое – новенький, с иголочки костюм за тысячу баксов у нашего клиента считается чемто вроде рабочего комбинезона. Не хило. Кроме того, судя по манерам, Завалихин приличная шишка, какой-то начальник. Вот и кумекай, что скрывается за его страстным желанием вернуть свой бумажник любой ценой.

– Тогда ты, Плат, осел.

– Это почему? – с обидой спросил Серега.

– Своей жадностью ты едва не впрямую сказал Завалихину, что не веришь его рассказам о бумажнике ни на грош. Нужно было соглашаться на сто пятьдесят баксов – и спустить дело на тормозах.

– Ну и что с того?

– А то, что если он и впрямь большой прыщ на ровном месте, то возвращением бумажника наши с ним отношения могут закончиться отнюдь не мажорно. Из меня сыщик как с дерьма пуля, но опасность я чую всеми фибрами и жабрами души. Наш клиент – очень серьезный человек. А такие люди отличаются от простых смертных обостренным чувством самосохранения. И ради этого готовы на все. Как тебе мой расклад?

– Впечатляет. Может, ты и прав, но мы ведь тоже не пальцем деланные. Поживем – увидим.

– Дай Бог нашему ягненку волка задрать... – буркнул я и достал из ящика стола стаканы и остатки закуски. – Поставь бутылки на стол! – гаркнул я на Маркузика, который все это время торчал, будто изваяние алкоголика. – Вы как хотите, а я без допинга на дело не пойду.

Серега посмотрел на меня, словно рублем одарил, но от комментариев сдержался. Пить он принципиально не стал и компанию поддержал только совсем осовевший Маркузик.

Спустя полчаса, оставив его на хозяйстве, мы с Платом уже тряслись в раздолбанном трамвайном вагоне на окраину города. Мне почему-то было грустно, однако я еще нашел в себе моральные силы трепать языком с двумя классными телками. Вместо того, чтобы поддержать разговор, Серега угрюмо отмалчивался, и мне не оставалось ничего иного как сойти с дистанции кобеляжа раньше времени. Разочарованные девушки, которые уже готовы были на любые жертвы ради хорошего интимного вечера, покинули вагон в полном недоумении, а я погрузился в черную меланхолию. На кой черт я связался с этим Платом?!

Глава 4. "МАЛИНА"

Никогда бы не подумал, что в нашем городе есть такие гнусные места. Мы с Платом углубились в хитросплетение улиц и переулков окраины и уже шли добрых полчаса.

Стоял ясный летний вечер, солнце до половины скрылось за горизонтом, и дневная жара постепенно уступала место приятной прохладе. Но нам от этого было не легче. Улица, по которой мы топали к пункту назначения известному только Сереге, напоминала дороги Косово, разбомбленные авиацией НАТО – по телевизору каждый день показывали как американцы и иже с ними утверждают основополагающие принципы демократии на европейском континенте. Машины – а их было немало – ревели от негодования до хрипоты, испуская клубы выхлопных газов, и я пожалел, что не захватил противогаз.

Обветшалые дома по сторонам улицы – "хрущобы", казалось вот-вот рухнут и погребут под своими обломками прохожих, нагруженных сумками и авоськами. Чахлые деревья и кустарники посерели от пыли, а редкие газоны были загажены собачьим дерьмом. Возле переполненных контейнеров с мусором высились зловонные кучи отбросов, в которых деловито ковырялись какие-то странные людишки, коты и здоровенные крысы. Как ни странно, но весь этот конгломерат ухитрялся сосуществовать довольно мирно, исповедуя иерархическую систему: сначала мусор исследовали люди, затем приходил черед кошачьего племени и лишь потом за дело принимались крысы. Никто никому не мешал, никого не прогоняли, все терпеливо ждали своей очереди. Идиллия...

К дому, где по словам Плата находилась нужная нам "малина" карманников, мы подошли еще засветло. Это была довоенная трехэтажка, длинная и приземистая, с деревянными крылечками и дверьми, державшимся на честном слове. Некогда возле дома стояли скамейки, но теперь от них остались лишь столбики, напоминающие гнилые зубы.

Неизменные старушки кучковались поодаль, возле песочницы, где играли малыши. Там были положены отполированные до блеска окоренные бревна, исполняющие роль скамеек, и грибом-мухомором торчал стол на одной ножке, вокруг которого сгрудились любители забить "козла". За домом находился заброшенный парк, со временем превратившийся в пустырь.

– Нужно подождать до темноты, – деловито сказал Серега, наблюдая за жильцами, вышедшими подышать свежим воздухом. – Хаза на первом этаже, средний подъезд.

Зайдем со стороны пустыря. Там есть где спрятаться, чтобы не мозолить глаза особо любопытным.

– Блин! – выругался я. – Знай я, что придется ждать, захватил бы водку и закусь. Давно не был на пикнике...

– Такова наша профессия, – философски парировал мой выпад Серега и повел меня в обход дома. – Терпение, терпение и еще раз терпение.

– Это так, – согласился я. – Но все-таки минимум комфорта не помешал бы.

– К старости ты превратишься в отвратительного брюзгу.

– Не думаю, что работая в нашем агентстве, я доживу до преклонных лет. Нет-нет, я не ропщу. Это меня даже бодрит. По крайней мере, я уже имею кое-какую гарантию, что буду избавлен от необходимости терпеливо сносить манипуляции молоденькой медсестры с моим персональным судном. У меня даже намек на подобный финал вызывает желудочный спазм,

который я тут же устраняю с помощью спиртного.

– Наша работа предполагает трезвость, – ханжески заметил Плат.

– И умение маскироваться. Два мужика в кустах, приходящие пузырь, гораздо менее подозрительны нежели затаившиеся наблюдатели. А глаза, сам знаешь, имеются не только у стен, но и у деревьев.

– Ты прав, – вынужден был согласиться Серега. – Тут я дал маху. Извини.

– Ладно, что теперь... – Я нашел где трава помягче и лег ничком. – Чур, моя очередь стоять на стреме вторая. Я немного покемарю – глаза слипаются. Договорились?

– В твоём распоряжении не более получаса.

– Мне хватит... – И я тут же по устоявшейся военной привычке уснул.

Пробудился я в темноте. Плат меня пожалел, дал поспать почти час, за что я мысленно его поблагодарил.

– Вставай, лежебока. – Серега от нетерпения не находил себе места. – Шобла уже в сборе.

– Откуда знаешь?

– Посмотри, вон окна "малины". – Он указал рукой. – На них занавески, но они просвечиваются. В квартире полно людей.

– Полно? – с нехорошим предчувствием переспросил я. – И мы туда войдем без шпалера, без поддержки – вот так запросто? Плат, я не самоубийца. И у меня завтра свидание. А я привык выполнять свои обещания. Что подумает обо мне моя девушка?

– Ты помрешь героем и она принесет цветы к твоему памятнику. Не дрейфь, солдат. Это всего лишь карманники, им "мокруха" ни к чему. Они такими делами не занимаются.

Максимум, на что способны щипачи, так это попугать опасной бритвой.

– Спасибо, утешил. Может, ты забыл старую истину, что и палка раз в год стреляет?

Попишут нас из-за какого-то говенного бумажника – кто потом за меня замуж выйдет?

– Я взял газовый пистолет. Многие из щипачей знают меня как мента, потому сразу поверят, что в моих руках не спринцовка, а настоящая "дура".

– На хрена я демобилизовался? Чувствую, что мне здесь будет хуже чем в Чечне. И все благодаря лучшему другу.

– Не плач, горе луковое. Все равно не поверю. Будто я не знаю, что ты в таких ситуациях как рыба в воде. Тебе только дай порвать. Бери задницу в горсть и пошли. Время...

Возле подъездов царила тишина и вечернее спокойствие. Интересно, куда местная молодежь подевалась? В мои времена мы торчали во дворе с гитарами до полуночи.

– Дверь "малины" будем брать на бордаж? – спросил я шепотом.

– Зачем? Нам лишний шум не нужен. Подождем пока не появятся новые "гости". Войдем в квартиру на их плечах.

– Долго ждать придется. Мне кажется, что коробушка уже набита под завязку.

– Насколько я знаю, на этой хазе гудеж обычно идет до утра. Так что наши "пчелки" будут сновать туда-сюда по меньшей мере еще пять-шесть часов.

– А ты уверен, что нужные нам клиенты придут сюда именно сегодня?

– Полную гарантию дает только страховой полис. И то не всегда. У нас неважная ситуация с выбором. Мне совсем не хочется гоняться за Зипером по всему городу.

– Кто это?

– Тот самый лихой малый, что так ловко изъясился бумажник Завалихина. Великий мастер.

Руки как у Паганини.

– Его бы ручки да под паровозик...

– Не будь таким кровожадным. По крайней мере "щипачи" мне гораздо милей "мокрушников". А Зипер вообще стоит особняком.

– Это почему?

– Он принципиально работает только по мохнатым тузам. То есть, изымает лопатники лишь у состоятельных. Он их нюхом чует, под любой личиной.

– Тогда он народный герой, почти Дубровский. Сколько у него ходок на зону?

– Всего одна. И та в глубокой юности. Он хитер как бес. И напарники у него под стать такому профи. Зинка Оторви-и-Выкинь, недоученная артистка. И Бровчик, старый мазурик. Сам шарить по карманам он уже не в состоянии, руки дрожат...

Мы стояли под деревьями, откуда был виден нужный нам подъезд. Похоже, лампочки в этих местах считались немыслимой роскошью и окна лестничных пролетов казались темнее ночи, но одинокий фонарь на столбе возле доминошного столика давал вполне достаточно света, чтобы хорошо просматривались все подходы к дому.

– Тихо! – Плат схватил меня за рукав. – По-моему, ползут наши клиенты...

Две фигуры нарисовались у подъезда так бесшумно, что мне показалось будто их родила сама ночь. Постояв чуток и осмотревшись, они нырнули в черный зев подъезда.

– Вперед! – скомандовал Серега, и мы припустили во всю прыть.

И успели как раз вовремя. Широкая световая полоса на миг прорезала чернильную темень и послышался тихий говор. Мы даже не забежали в подъезд, а влетели, и пока я, опасаясь сломать ноги, осторожно нащупывал ступени, Плат уже был возле входной двери.

– Проходи, не задерживай, – сказал он и пнул пониже спины замешкавшегося пришельца.

Мы ввалились в прихожую как стадо буйволов, на ходу едва не размазав по стенке дородную бабеху с алкогольным румянцем на всю щеку и толстыми дряблыми руками.

Похоже, это была хозяйка "малины".

– Здорово, Кирилловна! – весело поприветствовал ее Серега. – Давно не виделись.

Принимай гостей.

– Не имеешь права! – взвизгнула она неожиданно тонким для ее солидной комплекции

голосом. – Пошел отсюда, ментяра!

– Вот те раз... – Плат дурашливо развел руками. – Я тут все ноги побил, чтобы навестить старую подругу, а ты хочешь меня выгнать. Нехорошо.

– Я прокурору буду жаловаться! – снова завела свою испорченную шарманку хозяйка "малины".

– Будешь, будешь... – успокоил ее Серега. – Я к тебе ненадолго. Мне нужно кое-кого увидеть. Дело срочное. Твой шалман меня не интересует. Посторонись, а то мой товарищ очень взрывной человек. Как бы греха не вышло... – С этими словами Плат решительно отодвинул Кирилловну в сторону и мы, мельком посмотрев на наш "ключ" к "малине" – тихо стоявших в стороне двух худосочных фряерков с бегаящими блудливыми глазами – прошли в гостиную.

На хазе и впрямь гудел самый настоящий шалман. "Гостей" Кирилловны насчитывалось не менее двух десятков. Все сидели вокруг длинного стола, беспорядочно заваленного разнообразной покупной снедью и уставленного бутылками со спиртным и минералкой.

Мужчин было больше – человек пятнадцать, и женщины пользовались повышенным вниманием. Зинку Оторви-и-Выкинь я почему-то узнал сразу, по родинке над верхней губой, хотя она мало напоминала ту босявку, приметы которой нам дал Завалихин.

Голубоглазая худощавая блондинка в модном прикиде выглядела на фоне остальной братии весьма эффектно и казалась ярким чужеродным включением в общий серый фон блатных.

На нас обратили внимание не сразу. В комнате стоял пьяный галдеж, почти все курили, и табачный дым утопил гуляк в сизом полупрозрачном мареве. И только когда Плат подошел вплотную к столу и пощелкал пальцами, требуя внимания, шум как по команде затих.

– Наше вам с кисточкой, граждане воры! – зычно сказал Серега и изобразил широкую обаятельную улыбку. – Можете продолжать, мне нужен Зипер. Степаныч, поди сюда, есть разговор.

– Бля буду, менты... – кто-то тихо обронил в неестественно напряженной тишине.

– А, гражданин начальник! – Из-за стола вышел мужчина невысокого роста, одетый в светлый летний костюм. – Какими судьбами? Неужто вязать пришел? – Он коротко и ехидно хохотнул.

– О чем базар, Зипер? Чтобы тебя взять, нужны ежовые рукавицы. А их сшить очень даже непросто. Я хочу потолковать с тобой по душам. Чистая философия, не более.

– Начальник, а как насчет ксивы от крестного?[1] Предъяви – и вперед по шпалам. Я готов.

– Степаныч, не будь формалистом. Я ведь пришел не на цугундер тебя брать, а базлать по петушкам.

– Нет у него ксивы, – вдруг раздался звонкий женский голос. – Он уже не работает в уголковке. Гони его взащей, Зипер.

Все посмотрели на вступившую в разговор Зинку Оторви-и-Выкинь, которая дурачилась, выпуская дымные кольца.

– А, Зинуля! – Серега опять показал все свои зубы в "голливудской" улыбке. – Знойная женщина, мечта поэта. Ты как всегда неотразима. Кстати, где твой друг сердешный Бровчик? Неужто приболел?

– Не твое дело, – отрезала Зинка. – Дуй отсюда пока трамваи ходят. Иначе у тебя могут быть

большие неприятности.

– Не больше тех, которые светят всей вашей троице во главе с Зипером. – В голосе Плата прорезались металлические нотки. – И вовсе не от угрозыска.

– Ха-ха! – картинно рассмеялась Зинка. – Только не говори, что от тебя. Ты уже никто, ничто и звать никак.

– Не скажи... – Я понял, что Серега завелся. – Ладно, будем считать, что ты эти слова не говорила, а я не слышал. Сегодня я чересчур добрый. После нашего с Зипером разговора ты поймешь, почему я так сказал. Пойдем, Степаныч. Время – деньги.

– Вали отсюда, мент коцанный! – Перед Платом вырос здоровенный детина с большим золотым крестом на мохнатой груди, выглядывающей из-под расстегнутой до пупа рубашки. – Иначе ноги повыдергиваю. Ну!

Он сгрэб Серегу за грудки и толкнул к выходу.

Мой организм уже зашкалило от переизбытка адреналина. Я был злой, как черт: и на себя, придурка – за то, что связался с этим недоразвитым агентством, и на Плата, приволокшего меня на край географии, в клоаку, и на воровской шобляк, лопающий черную икру ложками и пьющий шведский "Абсолют". Что же это такое!? Я пашу, как ломовая лошадь, вся задница в мыле, но у меня денег хватает лишь на пару коктейлей в "Шаловливых ручках" и вареную колбасу. А эти отбросы рода человеческого, вша, клопы-кровососы, испытывающие трудности только в туалете, когда у них запор, хавают деликатесы, лакают лучшие вина, да еще и издеваются над представителями малого бизнеса. Твою мать!..

Я врубил мохнатому прямо в тыкву. Если в его башке были мозги /в чем я очень сомневался/, то от моего удара они точно превратились в кисель. Он пролетел по воздуху метра два и упал на пол с таким грохотом, будто обрушилась стена. Заметив краем глаза, что ко мне бросились еще двое, самых трезвых и прытких, я крутанул двойную "вертушку" и рифленые подошвы моих ботинок отпечатались на их физиономиях во всех подробностях. Они еще были в свободном полете, когда я заорал, пенясь от бешенства:

– Сидеть, суки! Урою всех! Перестреляю, падлы! – Я бушевал как душевнобольной, кидаясь к столу словно цепной пес.

– Я вас предупреждал, – журчал Серега, делая вид, что пытается меня удержать. – Стас, не трогай "пушку", народ все понял. Перестань, прошу тебя...

– Пойдем, ты!.. – вызверился я на Зипера и, схватив его за воротник, буквально вынес старого карманника наружу на вытянутой руке как нашкодившего щенка.

– До свидания, Кирилловна, всех тебе благ, – любезно раскланивался Плат с обалдевшей хозяйкой "малины". – Пойди успокой своих гавриков. Визит завершен, пусть веселятся...

Мы снова оказались на пустыре. Так решил Плат и я его понял. Он не хотел, чтобы опомнившиеся воры зажали нас в каком-нибудь темном углу – эту окраину они знали лучше, чем мы. Правда, я очень сомневался, что после моего "представления" у них хватит смелости броситься нам вдогонку. Но, как говорится, береженого Бог бережет.

– Ну, а теперь поговорим, – сказал Серега. – Садись, Степаныч, не маячь. Стоило ли заводить на "малине" такой базар-вокзал из-за пятиминутного рандеву старых приятелей?

– Что вам от меня нужно? – угрюмо спросил Зипер, опасливо косясь в мою сторону.

– Не нам, а тебе. Ты сейчас сидишь на травке и даже не подозреваешь, что за твоей спиной

могила. Фигурально выражаясь. И я твой ангел-спаситель. Люби меня и уважай, Зипер.

Порядочных людей в этом мире так мало...

– Издалека заходишь. И мягко стелешь... гражданин начальник. Я ведь не сямка беспортошная, меня на мякине не проведешь. Говори прямо.

– Как скажешь, Зипер. Ты взял лопатник у одного очень влиятельного человека. И если к завтрашнему дню он его не получит, то я тебе не завидую. Ты понимаешь о чем я говорю.

– Допустим. Когда это было и кто этот фраер?

– Двадцать седьмой маршрут... – Плат назвал дату, время и фамилию нашего клиента.

– Не знаю такого. Не был, не видел, не брал.

– Степаныч, ты дурак или прикидываешься? Этот человек нарисовал нам Зинку и Бровчика. Все деловые знают, что они работают только с тобой. А если их возьмут в оборот, то они и маму родную продадут за грош, не то что тебя. Вот и маракуй, сколько шагов тебе осталось до могилы.

– Не пугай, мы уже пуганые.

– Пойдем, Стас. – Серега встал. – Товарищ не понимает. Зипер, я не стукач, но ты не оставляешь мне выбора. Я должен отчитаться перед своим клиентом. А потому мне придется вместо лопатника притаранить к нему тебя. И я умываю руки.

– погоди! Этот человек знает... ну, в общем, кто его кинул?

– Пока нет. Ни имен, ни фамилий. А я ему, естественно, не сказал. Потому как надеялся на наше с тобой взаимопонимание. И если вернешь мне бумажник, не пророню ни пара с уст.

– Там, это... кгм! – смущенно прокашлялся Зипер. – Там был паспорт, водительское удостоверение... и бабки.

– Много?

– Прилично. Полторы штуки зеленю.

– Ты хочешь сказать, что деньги и документы помахали крылышками?

– В общем... ну, ты сам понимаешь...

– Чего здесь не понять? Деньги пошли на круг, ксивы ты кому-то продал – дело известное.

Но я тебя обрадую. Моему клиенту нужен только бумажник. Это подарок его друга... а может подруги – не суть важно. Так сказать, память сердца, артефакт. Денег у него куры не клюют, новые документы ему принесут через день-два на тарелочке с голубой каймой, но вот без лопатника он, сердешный, прямо-таки звереет. Не доводи его до греха, Зипер.

Верни бумажник. Надеюсь, ты его не выбросил? Иначе я прямо сейчас пойду собирать полевые цветочки на твое надгробие.

Зипер задумался. Над горизонтом наконец появилась ущербная луна, и морщины на его лице стали похожи на ритуальную раскраску индейцев.

– Ладно, лопатник будет завтра. Я принесу...

– Нет! – отрезал Плат. – Сегодня и немедленно. Это вопрос принципа.

– Но он в одном месте... люди спят...

– Проснутся. Мы их разбудим, можешь не сомневаться. Куда едем?

– На Привокзальную... – нехотя ответил Зипер.

– А! – радостно воскликнул Серега. – Знакомые места. Сдал Мамуре? Я угадал? Это старый барыга, скупщик краденного, – объяснил мне Плат. – Я думал, он давно копыта откинул.

Но, зная его вкус к добротным вещам, думается мне, что бумажник и впрямь ценная вещь.

– Клевая киса, – охотно согласился Зипер. – Изготовлена по спецзаказу. Я подобные видел всего два раза в жизни. Больших денег стоят.

– Все, встали и в путь. Время уже позднее. Нужно поймать тачку, иначе с этих палестин мы будем выбираться пехом до новых веников...

Нам повезло. Едва мы вышли на небольшую площадь перед продовольственным магазином, как рядом затормозил милицейский "уазик".

– Кто такие? – грубо спросил крепко сбитый старшина, многозначительно поглаживая приклад АКС-74У. – Документы!

– Не хамите, старшина Прошкин, – выступил вперед Плат.

– Сергей Александрович! – обрадовано воскликнул Прошкин, и с таким усердием пожал руку Плата, что тот даже поморщился. – Извините, не узнал.

– Кто у тебя сегодня напарник?

– Новенький, – небрежно отмахнулся старшина. – Вы его не знаете.

– Слушай, Николай Иванович, подбрось нас на Привокзальную. Если, конечно, тебя это не затруднит...

– Обижаете, Сергей Александрович. Для вас – все, что угодно...

Через полчаса мы уже стояли у ворот частного дома на Привокзальной улице. Хмурый Зипер пнул ногой запертую калитку и особым образом посвистел. Спустя несколько минут послышались шаркающие шаги и недовольный голос спросил:

– Кого это нечистый припер среди ночи?

– Свои, Никанор...

– Свои спят по лавкам, – раздалось в ответ и калитка отворилась. – Чего надо, Зипер?

– Ты кобелька придержи, – старый карманник боязливо отступил на шаг.

Только теперь я разглядел, что у ног хозяина дома стоял здоровенный ротвейлер и беззвучно скалил внушительные клыки.

– А это кто? – завидев нас позади Зипера, настороженно спросил Мамура.

– Кореша... – неохотно ответил карманник. – Дело есть...

– Дела в ментовке шьют, а у вас, мазуриков, делишки. Приходи завтра, по светлому, тогда и

покалякаем. Я твоих кентов не знаю и в дом не пущу.

– Нам в дом и не нужно. Никанор, мне нужен лопатник... тот самый... – многозначительно понизил голос Зипер.

– Ты меня с кем-то путаешь, – отрубил Мамура. – Понятия не имею о чем идет базар.

Гуляй, Зипер. Мне пора на боковую.

– Возьми бабки, Никанор, – карманник достал деньги. – Тут в два раза больше, чем я получил от тебя. Мне он нужен позарез.

– Похоже, ты перепутал мой дом с галантерейным магазином. – В холодном голосе Мамуры прозвучала издевка. – Я торгую только огурцами с собственного огорода.

– Сильвер! – быстро прошептал мне на ухо Серега. – Поговори с Мамурой. Мне нельзя, он меня может узнать.

– Понял... – Я шагнул вперед. – Эй, дядя, погодь! Разговор еще не закончен. Отдай лопатник – и дело с концом.

– А то что? – ехидно поинтересовался Мамура и слегка подтолкнул вперед ротвейлера.

Не сводя с меня фосфоресцирующих в темноте глаз, псина угрожающе зарычала.

– А ничего. Просто я забочусь о твоём драгоценном здоровье. Не доводи до греха, Мамура. Тебе, наверное, известно, что свинцовые пилюли плохо перевариваются. А ты, к сожалению, не оставляешь нам выбора.

Нельзя сказать, что старый барыга испугался. Но он был чересчур хитер, чтобы не почувствовать в моем голосе подлинной угрозы. На какое-то время у ворот воцарилась тишина: Мамура обдумывал возможные последствия своего отказа, а наша троица лихорадочно соображала куда делать ноги если барыга натравит на нас своего смертельно опасного сторожа.

– Ждите... – наконец подал голос Мамура и калитка захлопнулась.

Мы как по команде с облегчением перевели дух.

Барыга возвратился минут через десять. Я уже начал волноваться за благополучный исход нашего предприятия и посматривал на безмолвного Плата, тоже пребывавшего в некотором замешательстве. А и правда, что нам делать, если все-таки Мамура пошлет нас подальше? Можно, конечно, поговорить с ним "по душам" – так, как мне приходилось разговаривать с пленными боевиками-чеченцами. Но там была война, где о милосердии никто и не помышлял. За смерть такого же дурака, обманутого политиками и толстосумами, как ты сам, полагалось не наказание, а медаль. Которая служила фильтром для замаранной совести и клапаном, выпускающим разные глупые мысли наружу – чтобы не расплавились замусоренные пропагандой мозги.

Но на гражданке, где действовали иные законы, Мамура для нас был почти недостижим.

Официально действовать мы не могли, а любая самодеятельность была чревата весьма неприятными последствиями.

– На... – Барыга ткнул в руки Зипера бумажный сверток. – Деньги мне не нужны, оставь их себе. И запомни – с этого момента я тебя не знаю. Придешь еще раз – спущу пса. Вали отсюда... – Он с такой силой хлопнул калиткой, что залаяли соседские собаки.

– Держите... – Зипер был как в воду опущенный. – Я свободен?

Плат быстро снял газетную обертку, и я наконец увидел предмет наших поисков.

Обычный кожаный бумажник, ничего особенного. Правда, в темноте все кошки серы, но я совершенно не сомневался в том, что кусок добротной кожи, пусть искусно сшитой и склепанной, с тиснениями и позолоченной металлической фурнитурой, ну никак не равноценен тем затратам энергии и сил, которые мы приложили для его поисков. И вовсе не стоит и десятой части тех денег, которые были обещаны нам Завалихиным.

– Как ветер, – ответил карманнику Серега. – Тебе сегодня здорово повезло, Зипер. Думаю, не нужно объяснять почему. Так что возвращайся к Кирилловне и выпей за свой второй день рождения. А я, как и обещал, все забуду. Можешь быть спокойным.

Зипер угрюмо кивнул и растворился в темноте. Мы переглянулись и дружно, но тихо, расхохотались. Есть! Первое дело агентства в кармане.

– Есть предложение возвратиться в нашу контору и продолжить добрую традицию... – Я мысленно потирал руки – все, баста, завтра /пардон, уже сегодня/ можно наплевать на мои шабашки; за один вечер мы заработали больше, чем мне отламывалось за полгода.

– Принимается... – Плат не шел, а летел, весь в радужных мечтаниях.

Если бы он / да и я тоже/ знал, чем в близком будущем закончится его полет...

Глава 5. ШКОЛА

После войны в Чечне у меня возникло стойкое отвращение к галстуку. Он мне напоминал специальную удавку-гарроту, которой пользуются диверсанты в тылу противника. За одним таким "любителем" острых ощущений из группы полевого командира Хаттаба наш спецназ гонялся больше года. Этот сукин сын, хитрый, как змей и жестокий, каким могут быть только фанатичные борцы за ислам, ходил по нашим позициям словно по бульвару.

Сколько молодых необстрелянных салабонов он отправил на тот свет – не счесть. Когда наконец мы поймали ублюдка, то готовы были, как японские самураи, сожрать его печень.

Но повезло только одному, прапору Тимченко, бывалому вояке, контрактнику, прошедшему Крым и Рим, а также почти все горячие точки перестроечного периода.

Наверное, диверсант-чеченец в последние свои минуты вспомнил не только родных и близких, но и всех тех, кого он недрогнувшей рукой отправил к праотцам. Тимченко с изуверским наслаждением дал ему такую возможность, заставив его с удавкой на шее агонизировать около часа. Да, прапор был клевым парнем... Попав в окружение, он умудрился прихватить с собой на тот свет больше десятка отборных головорезов из спецподразделения чеченской службы безопасности. Уже полумертвый, Тимченко лег на противопехотную мину, поставленную на боевой взвод и облепленную пластидом, который мы всегда таскали на спецоперации, и когда чечены хотели с ним, как с другими пленниками, "позабавиться" – отрезать кое-какие выступающие части человеческого тела – от них только ошметки полетели...

– Да пошел ты!.. – Я зашвырнул галстук в ящик шифоньера. – Подумаешь – встреча выпускников. Архиважное событие. Может, фрак взять напрокат? Там будут все свои. Им твой выпендрей до лампочки.

– Сильвер, ты некультурный человек, – Плат крутился перед зеркалом как девица легкого поведения перед выходом на ночную "работу". – Посмотри на Марика. Настоящий джентльмен. Он знает толк в одежде. Приличный костюм и галстук – вовсе не выпендрож.

Это знак уважения к обществу.

– Кто из наших ребят поверит, что мы стали воспитанными и интеллигентными людьми? – Я саркастически рассмеялся. – Плат, не наводи тень на плетень. Черного козла не отмоешь добела. Надо быть проще, иначе нас посчитают за "голубых". Сейчас они в моде. Парни подумают, что мы все эти годы скрывали нашу нестандартную сексуальную ориентацию и только теперь вышли из тени. А что, все сходится: Марик и я неженаты, ты развелся.

Получается дружная "шведская" семья в мужском исполнении.

– Ты циник и хам, – резюмировал мое заявление Серега. – Ладно, черт с тобой, можешь явиться на встречу в рабочем комбинезоне.

– Я так и сделаю. – Быстро сняв непривычный, стесняющий движения костюм, который мне пришлось купить по настоянию Плата, я переоделся в джинсы и легкую куртку. – Пусть народ меня осудит. Зато за праздничным столом мне не нужны будут салфетки.

– Что вы так долго копаетесь!? – Раздраженный Маркузик возник на пороге моей спальни, где мы с Платом облачались в праздничную амуницию, как опереточный герой – в черной тройке и с белоснежным накрахмаленным жабо. – Такси уже ждет не менее десяти минут.

Пошитые по спецзаказу туфли на почти женском каблуке делали его выше и стройней.

Маркузик был черен, смугл, а в его больших выразительных глазах казалось отражался весь мир. По большому счету он был некрасив и никогда не пользовался вниманием женщин. Но только до первого словесного контакта. Когда Марик отвязывал язык, слабая половина человечества мгновенно попадала на крючок его демонического обаяния. Он знал все или почти все и мог вполне профессионально беседовать на любые темы.

Сраженные наповал красноречием Маркузика, запутанные в паутине тонкой лести и элегантных завуалированных намеков, девушки, чаще всего совсем молоденькие, не успевали опомниться, как оказывались в его холостяцкой постели. Хорошо, что такой стих на нашего друга находил не часто, иначе ему пришлось бы до скончания века бегать по всей стране, скрываясь от толпы соблазненных девственниц и их мамаш – наш НьюКазанова имел порочную привычку снимать с дерева любви едва созревшие плоды.

Была у Марика и ахиллесова пята. Которая благодаря каким-то подпольным генам переместилась на лицо. Родители нашего гения были русоволосы, и только дед по материнской имел такие же глаза и черные кудрявые волосы, как у внука. Трудно сказать, сколько примесей бурлило в крови Маркузика. В доверительных беседах он намекал на свои армянские корни с татарскими отростками /что, впрочем, мне с Платом было совершенно безразлично/ и сетовал на то, что его замесили на испорченных дрожжах.

Такие откровения случались довольно редко – когда Марика из-за внешности и имени дразнили жидом и предлагали показать свой обрез. Однажды один шутник из параллельного класса /кстати, стопроцентный еврей/ сделал фотомонтаж, в котором Маркузику прилепил на макушку ермолку, и нам пришлось приложить прямо-таки титанические усилия, чтобы спасти беднягу от совершенно озверевшего Марка, пинавшего обидчика словно футбольный мяч. И это притом, что наш вундеркинд никогда не отличался силой и бойцовскими качествами.

– Красавец... – это слово я произнес с ударением на последнем слоге, критически осмотрев Маркузика. – На представительские расходы дашь? А то как-то неудобно: бизнесмены – и без

гроша в кармане.

На нашем первом собрании мы избрали Марика кассиром. О чем я после очень пожалел – он оказался таким жмотом, каких свет не видывал.

– Балалайку тебе, а не деньги! – окрысился наш, теперь еще и финансовый, гений. – В прошлом месяце ты столько денег пустил по ветру, что на них можно было купить подержанные "жигули".

– Как это – пустил!? – Я постарался, чтобы мое возмущение выглядело как можно искренней. – Я пахал, как раб, в отличие от некоторых. Большая часть денег потрачена на проезд, остальные – суточные.

– Судя по твоему отчету, из транспорта ты и впрямь не выходил сутками, пересаживаясь через каждые пять минут. Не спорь, я все подсчитал.

– Контора пишет... – буркнул я, с независимым видом засунув руки в карманы. – Я знаю, что тебе моих ног не жалко. Между прочим, может, ты еще не знаешь, сильно подорожали продукты. А голодным я работать не могу, мозги не варят.

– Мозги! – с непередаваемой иронией воскликнул Маркузик. – Плат, ты слышишь? У этой вечно пьяной морды оказывается есть еще и мозги. Лучше скажи честно: виноват, ребята, денежки я пропил, а вам лапшу на уши вешаю.

– Нет, ну ты меня достал! Я что, не имею прав на личную жизнь? Которая просто требует после напряженного и нервного трудового дня принять допинг – чтобы расслабиться.

– Хватит вам пикироваться, – недовольно сказал Плат. – Мы опаздываем. А перерасход, Сильвер, я вычту из твоей зарплаты. У нас не благотворительное общество, а хозрасчетное предприятие.

– Жлобы... – Я попытался на ощупь, по шелесту, определить сколько в моем кармане осталось денег и горестно вздохнул – с такой суммой мне сегодня не светит закадрить даже дурнушку, не говоря уже о приличных телках, к которым без полсотенной с изображением одного из американских президентов не подъедешь даже на паровозе. – В нашем агентстве все как в сказке: у отца было три сына – два умных, а третий дурак.

– Не плачь, несчастный. Держи, – Плат сунул мне в руку несколько купюр. – Учти – даю займы. Из личных средств. В получку рассчитывайся. Марк, ты слышал? Зарплату ему будешь выдавать в моем присутствии. А не то этот хитрец опять начнет дурочку валять и постарается смайнуть до моего прихода.

– Вот подтверждение выстраданного мною в ночных бдениях тезиса – где начинается бизнес, там заканчивается дружба. – Я сделал жалобную мину и поторопился спрятать деньги.

Маркузик и Плат весело переглянулись и расхохотались. Сукины дети...

Школа была иллюминирована по высшему разряду. Ее построили сразу после войны пленные немцы, которые поставили столько колонн, что наша ярко освещенная альма матер издалека казалась храмом науки. При ближайшем рассмотрении приподнятое праздничное настроение несколько испортилось – облупленные стены и выщербленные ступеньки начинали навевать грустные мысли о приближающейся старости и о том, что до конца вселенского бардака, творящегося в нашей стране, дальше чем до луны.

– А наши ребятки живут не хило, – заметил я, указывая на припаркованный возле школы шестисотый "мерс" с водителем.

– В отличие от тебя, они пивные бутылки не выбрасывают, а сдают в пункты приема стеклотары, – едко заметил Плат.

– И бережно берегут сбереженное, – подхватил Маркузик.

– Сегодня я постараюсь изучить их опыт. – Я был само смирение.

Мое настроение улучшилось лишь тогда, когда мы вошли в актовй зал. Готовясь к встрече, инициативная группа наших одноклассников собрала деньги, чтобы накрыть праздничный стол. Но глядя на гастрономическое изобилие, со вкусом разложенное и расставленное на крахмальных скатертях, я понял, что в организации застолья принял участие какой-то очень крутой спонсор. Стараясь сдержать голодные слюнки, я демонстративно отвернулся от стола и подошел к группе ребят, где находились Плат и Маркузик.

– Сильвер! – Я едва не упал, когда мне на шею повесилась бабища килограмм эдак на сто двадцать.

Она принялась меня тискать и целовать с такой страстью, что я готов был на месте провалиться от смущения – во-первых, потому что не узнал, кто это, а во-вторых, терпеть не могу потных толстых женщин.

– Господи, как давно мы с тобой не виделись! Стасик, миленький... – Она наконец отпустила меня, но держала под руку и ворковала, словно голубка, преданно глядя на меня снизу вверх.

Не может быть! У меня от удивления отвисла челюсть. Лилька Чугунова! Что с ней стряслось? Она всегда была тоненькая, как тростинка, и из-за этого сильно страдала. К десятому классу все наши девчонки уже вполне сформировались, лишь бедная ЛилькаЧугунок покупала лифчики на три размера больше и набивала их ватой. Об этом я узнал совершенно случайно, когда однажды она затащила меня в подсобку, где уборщицы хранили ведра, швабры, тряпки и прочие хозяйские принадлежности, и мы с отчаянной страстью юности вкусили запретный плод первородного греха. Там Лилька и призналась, что сохнет по мне с пятого класса, чем, признаюсь, удивила меня до потери штанов. Наши близкие отношения продолжались вплоть до того дня, когда мне побрили лоб и отправили в сержантскую учебку. Конечно, кроме Чугунка у меня были еще несколько пассий, но я весьма искусно делал вид, что люблю только ее одну. И в общем не кривил душой – по молодости я был почти сексуальным маньяком и мог трахаться с кем угодно, когда угодно и сколько угодно. Поэтому я любил всех своих подруг. Это потом, гораздо позже, пришла житейская мудрость, которая ненавязчиво, но жестко подсказала, что в жизни есть прелести и другого рода; например, сон после двух суток непрерывного поиска в тылу противника; или сама жизнь.

Из армии я написал Лильке всего три письма. Как и другим моим безутешным невестам.

Это чтобы они не считали меня редиской. Но жизнь продолжается даже за стенами казармы, и вскоре у меня был полный комплект офицерских жен, которые заставили бравого сержанта напрочь выбросить из головы воспоминания о гражданке. Благородно отписав под копирку всем своим девицам, что меня посылают на сверхсекретное задание – может даже за рубеж, я прекратил опыты с эпистолярным жанром раз и навсегда.

Постоянные самоволки, а значит и хронический недосып, напрочь отбили желание корпеть над письмами, в отличие от моих товарищей по оружию, которые строчили слюнявые послания своим подругам почти каждый день. Я был прагматиком до мозга костей и предпочитал иметь армейскую синицу в руках, нежели эфемерного гражданского журавля за тридевять земель.

– Ты женат? – спросила Лилька с такой затаенной надеждой, что у меня внутри все обмерло от нехороших предчувствий.

– Конечно, – поторопился я соврать, и, глядя на ее голубое платье в белых кружочках, подумал: "На твой горошек, дорогая, у меня не хватит майонезу". – Жена, двое детей...

Живем душа в душу. Никаких проблем.

– Счастливый... – разочарованно вздохнула Лилька. – А я разведена. Муж оказался таким мерзавцем...

Она долго и обстоятельно рассказывала о своих семейных коллизиях, а я с тоской поглядывал на часы – ждал, когда начнется официальная часть вечера, которая, как я надеялся, будет достаточно короткой.

Меня спас Маркузик. Он решительно оторвал от моего плеча эту рыбу-прилипалу в образе Чугунка, и мы направились к самой большой группе, окружившей нашего незабвенного директора Николая Емельяновича. Он носил фамилию Хворостянский, но свое прозвище Палкин получил вовсе не по аналогии. Иногда некоторые наши особо грамотные, но недисциплинированные башибузуки называли его даже Николаем Кровавым. Старый партиец, Палкин любил, чтобы везде царил жесткий коммунистический порядок. Лично меня он выгонял из школы не менее десяти раз.

Благодаря его "протекции" меня так и не приняли в комсомол, за что я ему буду благодарен по гроб жизни. Нет, я не был антисоветчиком или диссидентом, но мне никогда не нравилось ходить в ногу вместе со всеми. За что, кстати, я получал по полной программе в учебке. Может, из-за этого я и попал в спецназ, где умение ходить строем всегда стояло в последней строке учебного плана.

– Неужто Сильверстов? – фальшиво обрадовался Николай Емельянович, и его узкая ладонь утонула в моей мозолистой лапище. – Рад, очень рад...

– Ах, как я за вами соскучился, Николай Емельянович... – Я сгреб его в объятия и даже попытался выдавить счастливую слезу.

Чтобы не расхохотаться в полный голос, Плат прикусил нижнюю губу, а Маркузик, пользуясь своим невысоким ростом, поспешил спрятаться за чужие спины, где его и сразили наповал конвульсии беззвучного гомерического смеха.

– Да, да, конечно... Вы были такими хорошими ребятами... – Обалдевший Палкин не знал, что сказать. – Мы так рады видеть вас...

Показав все свои вставные зубы, будто перед объективом фотоаппарата, Николай Емельянович поторопился свалить. Он ни на йоту не поверил в мое чистосердечие и не без оснований опасался, что я могу вспомнить некоторые свои старые штуки...

– Стасик... Как ты вырос...

Тихий голос из-за спины заставил меня вздрогнуть. Я резко обернулся – и увидел нашу классную, Софью Ивановну. В школьные годы она сражалась за меня как львица за своего детеныша. Впрочем, не только за меня – за всех наших остолопов. Не будь Софьи Ивановны, сидеть бы мне в тюрьме до скончания времен. Теперь, конечно, я знал, что не был подарком ни для семьи, ни для школы. Но тогда я об этом не задумывался, и лишь боязнь разбить ее большое и любящее сердце заставляла меня изо все сил держаться в рамках приличия и вовремя зажигать красный свет перед своими бандитскими замашками. Мы ее даже не уважали – боготворили. Она никогда не повышала голос, была со всеми равна, приветлива,

терпеть не могла лесть и наущничество. Какие баталии ей довелось выдержать из-за нас на педсоветах, одному Богу известно...

– Софья Ивановна... – У меня не хватило слов, и я поспешил спрятать неожиданно увлажнившиеся глаза на ее худеньком плече.

– А где Платонов и Кузьмин? – спросила Софья Ивановна.

– Здесь мы! – в один голос бодро рявкнули мои друзья, выступив вперед.

– Три мушкетера в сборе, – весело сказала Софья Ивановна и немного зарделась, когда Маркузик – чертов франт! – церемонно поцеловал ей руку. – С вами я встречалась в прошлом году, а вот Стаса не видела уже больше десяти лет. Вымахал вверх, как коломенская верста...

Поговорить нам не дали – на Софью Ивановну налетела толпа наших девчат, и она утонула в шелках, бархате и крепдешине, в которые нарядились несколько увядшие за годы самостоятельной жизни прелестницы.

– Бабы, они и есть бабы... – недовольно проворчал Плат, гневно поглядывая на молодых женщин. – Не дают солидным людям потолковать по душам...

– Марк, скажи пусть начинают. – Накрытые столы притягивали мой взгляд словно магнитом. – У меня в животе уже образовался полный вакуум.

– Кому что... – саркастически ухмыльнулся Маркузик. – Тебе нужно было взять тормозок.

Обжора.

– Здравствуйте, мальчики!

Мы обернулись на голос и увидели шикарную пару: он – в костюме по меньшей мере от Валентино, она – в таком дорогом прикиде, что я даже не мог представить, сколько стоит все это кружевное великолепие. На ее шее сверкал целый водопад бриллиантов, а ухоженные руки с неестественно длинными ногтями украшал добрый десяток колец и перстней невероятной цены.

– Не узнаете? – Она жеманно улыбнулась.

– Еще чего... – буркнул Маркузик. – Привет, Сосиска.

Ее улыбка несколько потускнела, а я наконец сообразил, что за дивное чудо облагодетельствовало наш междусобойчик.

Это была Алена Карташова, по прозвищу Сосиска. Его она получила еще в первых классах за пламенную любовь к деликатесным и в те времена дефицитным изделиям из свиного фарша, которые ее папаша получал в обкомовском спецраспределителе и которые она жрала тайком от одноклассников, выполняя строгие предписания своей мамы, вполне обоснованно опасавшейся раскрыть смертельную тайну бытия коммунистических заправил города. Бедный Маркузик имел несчастье влюбиться в Алену, но уже в восьмом классе Сосиска смотрела на нас как на недоразвитых и гуляла только с такими же мажорами, как сама. Потому наш безутешный гений получил не только полный облом, но еще и звиздюлей от ухажеров Карташовой. Конечно же, такого надругательства над другом мы с Платом стерпеть не могли и в один прекрасный вечер устроили этим козлам маленький сабантуй, после чего нас пытались вычислить все менты города. Спасибо папаше Сереги, сумевшего, пользуясь своим служебным положением, увести следствие на ложный след. Иначе, несмотря на молодость, нам светило бы как минимум по пять лет – коммунистические хозяева страны

считали себя и своих отпрысков неприкасаемыми и мстили инакомыслящим со свирепством и беспощадностью мафиозо из сицилианской "Коза ностра".

– Здравствуй, Алена, – с наигранным доброжелательством поприветствовал блистательную даму Плат, чтобы замять недружелюбный выпад Маркузика. – Это твой мэн? – спросил он, протягивая руку спутнику Карташовой.

– Плат, разуй глаза, – уверенным голосом произнес тот и, показав нам козырный золотой браслет, с силой тряхнул правицу Сереги.

– Мамочки... – У Плата глаза полезли на лоб. – Стеблов! Ей Богу не узнал. Богатым будешь...

– Уже не нужно, – снисходительно ухмыльнулся Стеблов. – Мне достаточно того, что у меня есть.

– Как же, как же, слышаны... – Мне показалось, что Плат несколько растерялся. – Это твой "мерс" стоит возле школы?

– Ну... – Стеблов демонстративно поднял манжет рубашки и посмотрел на золотой "роллекс", украшенный бриллиантами. – Мне кажется, пора начинать. Иначе икра на столах протухнет. У нас народ без команды не может и шагу ступить.

– Так это твоими заботами на столах такое изобилие? – догадался Плат.

– Для старых друзей ничего не жалко, – снисходительно ответил Стеблов и бросил косой взгляд в мою сторону.

Он учился в параллельном классе. И так же, как Сосиска, принадлежал к семье городской элиты. Торговой элиты, которая в те времена рука об руку с партайгеноссе правила бал по все стране. Стеблова-старшего органы захомутали только в девяностом, хотя он, как злословил местный бомонд, и так переходил на свободе лишних десять лет. История его падения была проста, как выеденное яйцо: большие торговые боссы передрались на почве тогда еще тайного дележа госсобственности и поднятая по этой причине волна утопила самых жадных – тех, кто не поделился наворованным со следователями, занимающимися их темными делишками. Таких сквалыг на весь город оказалось всего четверо, в том числе и папаша Боба /сиречь, Володи/ Стеблова. Дали ему "червонец", но, похоже, зона его быстро образумила, и уже спустя два года после суда Стеблов-старший степенно разгуливал по улицам города под транспарантами с демократическими лозунгами, изображая из себя жертву коммунистического режима и вербуя сторонников для новой,

"истинно народной", партии с мудреным названием.

С Бобом я впервые схлестнулся по крупному в десятом классе, когда однажды, подшакалив деньжат, повел свою девушку в престижный бар "Пингвин". До этого мы поддерживали вялотекущий нейтралитет, иногда заканчивавшийся мелкими, чисто ребячьими стычками. Уж не помню, как все начиналось, но около двенадцати ночи крутая и упакованная компашка Боба вывела меня под белые руки на свежий воздух, чтобы объяснить хаму и голодранцу Сильверу его место в иерархической системе городского сообщества. Наверное, парни из "хороших" семей думали, что я испугаюсь большого численного перевеса с их стороны и покорно подниму лапки кверху. Скорее всего, в таком случае я бы отделался парой оплеух и позором на мои будущие седины.

Но они не учли один, очень существенный, момент – я был с дамой. А мушкетеры ценят незапятнанную честь выше жизни...

Я дрался как полоумный. Меня просто заклинило. Кого я бил, кто меня пинал – ничего не помню. Мое тело обрушилось в какой-то черный провал, а на месте разума угнездился крохотный злобный демон, подпитывающий энергией мышцы, работающие в автоматическом режиме. Когда прибыл наряд милиции, то два дюжих мента еле оторвали меня от одного из друзей Боба, в которого я, словно бойцовый бультерьер, вцепился мертвой хваткой. На мне не было живого места, и "воронки", вместо положенного в таких случаях ИВС, отвез меня в больницу, откуда я, немного оклемавшись, сбежал среди ночи, спустившись с третьего этажа по водосточной трубе.

Как ни странно, но история моего эпического сражения дальнейшего развития не получила. Наверное, замяли высокопоставленные предки моих противников. Из стратегических соображений – времена наступили больно зыбкие, когда каждый неверный шаг или даже вздох мог аукнуться в близком демократическом будущем. А этой глупости поднаторевшие в интригах власть предрежающие позволить ни себе, ни своим отпрыскам не могли.

Мажорам я мстить не стал. Им досталось от меня тоже будь здоров. Боб ходил с фингалом под левым глазом и надорванным ухом больше месяца, не говоря уже об остальных, которые при виде моей физиономии писали кипятком и прятались по щелям как тараканы.

Плат, собака, смеялся: "Сильвер, признайся, что ты дрался на пару с бульдозером. Так перепахать сытые мордуленции этих козлов можно лишь металлическим стругом".

После выпускного с Бобом я больше не встречался. До меня лишь доходили слухи о его невероятном коммерческом таланте и миллионах, которыми он ворочал. Иногда я посмеивался с наивности обывателей: такой бизнесвундеркинд мог вырасти только из кубышки, припрятанной ушлым Стебловым-старшим – как оказалось, вопреки опасениям партийной элиты, не до худших, а до лучших времен. Посмеивался и не завидовал – каждому свое...

Мои опасения, что официальная часть торжества затянется, оказались беспочвенными.

Инициативная группа не учла один очень существенный момент – накрытые столы, изобилующие деликатесами. Народ больше глотал голодные слюнки, нежели слушал проникновенное бляение Палкина, и в конце концов, не выдержав этого тяжелейшего испытания, устроил, как писалось в прессе времен застоя, аплодисменты, очень быстро перешедшие в овации. Смущенный до глубины души таким бурным проявлением чувств бывших выпускников к своей персоне, директор со счастливыми слезами на глазах скомкал концовку речи, и ревушая от предвкушения большого сабантуя толпа потащила его к столам едва не на плечах.

Как-то так случилось, что мы оказались за одним столом с Бобом и Алиной. Я думаю, в этом вопросе подсуетился Маркузик, не без оснований полагавший, что в компании спонсора мероприятия и чай жирней. От нас не отстала и Лилька-Чугунок, с садистским самоуничижением пожирающая глазами бриллианты Сосиски. Поначалу разговор у нас не клеился, однако спустя час наши языки сорвались с привязи и теперь Лилька казалась мне той самой, прежней, и даже лучше. Верно говорят: не бывает некрасивых женщин, бывает мало водки. А этого добра на столах хватало.

Мы пили, пели, танцевали, играли в какие-то совершенно идиотские игры, вспоминали былые "подвиги", обменивались адресами и телефонами, так как многие поменяли место жительства, и даже приударяли за старыми подружками. Ближе к полуночи Плат куда-то исчез, Лильку утащили девчата – посекретничать, Маркузик закадрил захмелевшую Сосиску и она млела в танце на его плече, выслушивая цветистые комплименты и интригующие намеки, лишь мы с Бобом сидели, как два сыча, обстоятельно наливаясь спиртным под самую завязку.

– Ты на меня не обижаешься? – вдруг спросил он, когда мы в очередной раз приложились к "секретному" и очень дорогому виски, которое нам подали в графинчике под видом освежающего напитка.

– Пardon – за что? – Я и впрямь удивился совершенно искренне.

– Ну, за тот случай в "Пингвине"...

– Чудак... – Я весело рассмеялся. – Ты еще вспомни, как расквасил мне нос в первом классе. Так уж устроена жизнь: то, что в молодости считалось большой неприятностью, теперь вспоминается как захватывающее приключение, вызывающее приступы ностальгии.

– Никогда не думал, что ты способен на философские рассуждения.

– А я даже вообразить не мог, что учусь вместе с финансовым столпом общества.

И мы заржали, как застоялые жеребцы. Хмель еще больше шибанул по мозгам, и мы подружески обнялись.

– Выпьем? – спросил заметно оттаявший Боб.

– Наливай...

Мы хлобыстнули по стаканчику нашего "напитка" со льдом и, не сговариваясь, понюхали ржаную корку.

– Откуда у тебя плебейские привычки? – поинтересовался я, посмеиваясь.

– Не только привычки, но и сидор с сухарями под кроватью. Нынче такие времена, что никогда не знаешь как будет завтра. Сегодня ты на коне, а через день-другой уже тобою погоняют.

– Как по мне, так или грудь в крестах, или голова в кустах.

– Я слышал краем уха, что тебе пришлось и повоевать? – вдруг резко изменил тему разговора Боб.

– Как тебе сказать... – Я очень не любил касаться этой темы, но хорошее виски настроило меня на мажорный лад и язык сразу же начал доказывать, что он без костей. – В общем, я работник тыла...

– А... – Разочарование явно проступило на холемом лице Стеблова. – Значит, ты следовал армейскому девизу: держись подальше от старшины и поближе к кухне?

– Ты меня не понял. Я шастал по тылам противника. Спецназ...

– Ну! – оживился Боб. – Это клево. Герой нашего времени. Склоняю свою лысеющую голову перед истинным мужеством, – он церемонно кивнул и едва не ткнулся физиономией в собственную тарелку с остатками салата. – Черт! Кажется, я пьян.

– Настоящий мужчина считается пьяным только тогда, когда не может связать двух слов.

А мы с тобой пока еще болтаем словно мартышки.

– О, мартышки! – Боб с пьяной злостью неуклюже взмахнул рукой и смахнул на пол два бокала. – Я своей дуре... где эта курва?! – Он попытался вычислить Сосиску в веселящейся толпе. – Я купил ей обезьяну... может, шимпанзе... в общем, пренеприятнейшую голозадую тварь. Алина меня затрахала – хочу что-то экзотическое. Будто бы сейчас это модно. Я,

дурак, пошел у нее на поводу. Теперь в своем доме не могу найти места, где бы не было обезьяньей шерсти. Даже на кухне! Хотел натравить на эту вшивую заразу собак, но Алина пригрозила подать на развод. Представляешь!? Из-за какой-то паскудной животины может накрыться семейная жизнь. И что мне теперь делать?

– Купи крокодила и запусти его в ванную. Думаю, она у тебя не маленькая. Скажешь Сос...

– Я на миг запнулся, сообразив, что могу обидеть Боба, назвав его разлюбленную не по имени.
– Скажешь Алине, что у тебя тоже появилось хобби. Думаю, она с ума сойдет от радости.

– Сильвер, ты гений! – Боб полез целоваться. – Я так и сделаю. Могут у меня быть обычные человеческие слабости? Конечно. Несомненно. Ей – мартышку, мне – крокодила, дочке... – Он глубокомысленно постучал себя пальцем по лбу. – Дочке куплю большого питона. Мне уже предлагали... – Боб вдруг залился счастливым смехом. – Говорят, что мартышки – его любимая еда. Во будет охота! – Он снова рассмеялся – вздохнул.

– Клинышком вышибают, Боб. Если питон дочку схавает обезьяну – ты ни при чем. Но крокодила советую кормить до отвала. Иначе он может спутать мартышку с твоей женой.

– Да черт с ней! Эти бабы, как они достают! – Стеблов схватил бутылку минералки и с жадностью выпил почти до дна. – Кстати, у меня есть предложение... – Он, как мне показалось, вдруг резко протрезвел. – Стас, иди ко мне работать. Мне позарез нужны верные люди, на которых я могу полностью положиться. В зарплате обижен не будешь.

– А конкретней? – спросил я весело, думая, что Боб шутит.

– Штука зеленую в месяц. Достаточно? И это на первых порах. Ну, как?

– Выше крыши. – Я неожиданно почувствовал, что тоже начинаю трезветь; ни фига себе – тысяча долларов!

– Значит, по рукам? – с надеждой спросил Боб.

Его глаза горели странным желтым огнем.

Я понял, что он настроен весьма серьезно. И почему-то испугался. Из предыдущего опыта мне было известно, что большие деньги за ясные глазки не предлагают. И отрабатывать их придется, что называется, в поте лица. Я также понимал, что теплое местечко в конторе мне не светит. А потому, скорее всего, меня сватали на работу по "специальности" – костоломом. Что мне вовсе не улыбалось.

– Извини, дружище, не могу... – Я сокрушенно развел руками.

– Почему? Подумай – тысяча баксов. Да за такую зарплату любой мужик на Эверест босиком ползет. Ладно, тысяча пятьсот. Плюс служебная машина.

– Спасибо, Боб. Я благодарен и польщен. Но есть одна маленькая проблема – у нас имеется свой бизнес.

– Не понял... У кого это – у нас?

– Со мной в пае Плат и Кузьмин.

– И чем вы занимаетесь?

– Шелухой... – Я рассмеялся. – Но она приносит нам деньги и определенную известность.

– Даже так? Как называется ваша фирма и почему я о ней ничего не знаю? – От удивления

лицо Боба удлинилось, будто ему к подбородку подвесили пудовую гирию.

– Название незамысловатое – О.С.А. Расшифровать? Охранно-сыскное агентство. Всего лишь.

– Круто... – Боб налил мне и себе грамм по пятьдесят и медленно, вразяжку, выпил. – И сколько вы имеете на круг?

– Боб, ты меня удивляешь... – Я как можно загадочней ухмыльнулся. – Такие вещи говорят только налоговой полиции и то под большим секретом.

– Да, похоже, ты и впрямь настоящий бизнесмен. – Стеблов дружески похлопал меня по плечу. – Ну что же, дерзайте... отроки. Возможно, и я когда-нибудь обращусь к вам за помощью. В жизни всякое бывает. И все-таки жаль. Ты для меня очень ценный человек.

Жаль...

Боб захмелел на глазах. Он уже едва держался на стуле, когда появилась немного растрепанная и раскрасневшаяся Сосиска. Бросив быстрый взгляд на своего ненаглядного, она вышла на улицу и возвратилась с водителем, белобрысым парнем лет двадцати пяти, под рубашкой которого угадывались мощные бицепсы; наверное, он был еще и телохранителем Стеблова. Парень без особых усилий поставил не вязавшего лыка босса на ноги и почти понес его к выходу; Боб лишь вяло перебирал в воздухе ногами. На уход сиятельной пары никто не обратил внимания – все были в состоянии хмельной прострации, когда море по колено, а в глазах роятся сплошные миражи.

– Ну как, отомстил Сосиске? – нахально спросил я Маркузика, с таинственным видом поправлявшего свое жабо.

– Два раза, – блаженно улыбнулся Марк. – Русский и французский варианты. Теперь моя душа спокойна.

– Гнусный развратник... – Возле нас, словно из-под земли, вырос Плат. – С кем приходится работать?! Один пьяница, а второй сексуальный маньяк. В такой торжественный вечер, жену одноклассника... Какая мерзость!

– Чья бы корова мычала... – хохотнул я и шепнул ему на ухо: – Застегни ширинку, образец порядочности.

– Бля!.. – выругался Плат и, всполошено оглядываясь по сторонам, быстро потянул язычок "молнии" вверх. – У-у-у! – вдруг взвыл он, по запарке прищемив свое хозяйство. – Твою... вашу... и всех остальных! – Серега завернул так круто, что даже проснулась ЛилькаЧугунок, мирно дремавшая на стульях неподалеку от нас.

Заметив ее алчный похотливый взгляд, я стремительно рванул к выходу, не забыв по пути навестить наш осиротевший столик. Там, под моим стулом, стояла завернутая в газету бутылка того самого супервиски, что нас угощал Боб. Нимало не стесняясь, я реквизирил ее из обильных запасов Стеблова, хранившихся в кухонном шкафу под надзором Феклы – так мы еще с глубокой юности дразнили старого школьного сторожа, уже тогда казавшегося нам такой же неотъемлемой принадлежностью нашего "храма науки" как и большой бронзовый звонок. Ветеран системы народного образования, откушав несколько рюмок импортной диковинки, мирно почивал на диванчике и я решил не ставить его в известность о моем предосудительном поступке. Ко всему прочему я очень надеялся, что Сосиска, которая забрала остатки спиртного из шкафа, не обеднеет после моей реквизиции.

Когда я вышел на улицу, Плат и Маркузик меня уже ждали. Любовно посмотрев друг на друга,

мы хором сказали: "Да, вечер удался...", и побрели по сонным улицам в направлении нашей штаб-квартиры – чтобы оприходовать бутылку стебловского виски.

Мушкетеры не оставляют разочарованных женщин и полные бутылки...

Глава 6. ПОХИЩЕНИЕ

По улицам и паркам города гулял золотой сентябрь, нормальные люди наслаждались грибной охотой, и только в нашем агентстве шла пахота без праздников и выходных. Нет, мы не разыскивали краденные машины, не выслеживали неверных жен и мужей /хотя нам уже приходилось заниматься и таким, с позволения сказать, "бизнесом"; правда, всего два раза/ и не принимали участия в облаве на серийного убийцу. С легкой руки Маркузика из романтических сыщиков мы превратились в унылых, замученных работой слесаришек. На нашу беду его охранная система предотвратила грабеж квартиры одного очень крутого бизнесмена, а тот в приступе щенячьей радости раззвонил о ее достоинствах по всему городу. И новые русские пошли в наше О.С.А. косяками.

Мы паяли, клепали, долбили стены, прокладывая скрытую проводку и устанавливая специальные датчики, способные вычислить даже человека-невидимку, монтировали системы визуального слежения и электронные замки конструкции нашего гения Маркузика, собирали похожие на мобильные телефоны переносные пульта, сообщающие бизнесмену о проникновении воров в его квартиру или офис где бы он ни находился...

Короче говоря, из-за всей этой охранно-сигнальной истерии мы свету белого не видели.

Правда, была и обратная сторона медали – чего, чего, а бабок теперь у нас хватало. Но что толку с денег, когда их некогда потратить? Я уже забыл, когда в последний раз посещал бар "Шаловливые ручки". Однажды я плюнул на усталость и приперся туда в двенадцать ночи с единственной целью – чтобы мои знакомые и приятели не подумали, что я умер. Но меня хватило лишь на две вещи: на благородный жест – я наконец отдал долг бармену Жоржу, совсем исстрадавшемуся от дурных предчувствий, и на маленькую драчку – походя обломал рога одному здоровенному лоху, решившего покачать права на мой заветный столик. Он было собрал своих корешей, чтобы восстановить попорченную с его точки зрения справедливость, и я уже предвкушал настоящее веселье, коего был лишен в течении целого месяца, но завсегда и "Шаловливых ручек" все испортили – они успели объяснить воинственному сброду кто такой Сильвер, и друзей лоха словно корова языком слизала. Раздосадованный этой непрошеной миротворческой миссией, я выпил всего два коктейля и поплелся домой залечивать свои душевные и физические раны – мои руки представляли собой сплошную ссадину. Что поделаешь, ломом и киркой мне работать привычней, нежели паяльником и отверткой...

Светлый просвет в моей нелегкой и мрачной "детективной" жизни наступил совершенно неожиданно – у Маркузика закончился запас каких-то сверхдефицитных штук, без которых его охранные системы не могли функционировать. Поскольку мы с Платом в этом не разбирались, Марик выехал в столицу, где ему пообещали достать необходимое по дешевке. Обрадованный таким счастливым поворотом событий, я намеревался отоспаться, но как-то так случилось, что уже в девять утра я, как гвоздь, торчал на своем рабочем месте – то есть, валялся на кожаном диване в нашей конторе – и глубокомысленно наблюдал за Серегой, приводившим в порядок за письменным столом отчетную документацию агентства.

Мы долго дискутировали: записывать в официальный приход деньги, которые нам причитались от щедрот нашего первого клиента Завалихина, или нет? Нас с Маркузиком

снедала элементарная жадность – мы хотели так необходимую для развития агентства наличку зажилить и яростно атаковали колеблющегося Плата, настаивавшего поступить по закону. Наверное, наши доводы взяли бы верх, не случись непредвиденное.

На следующий день после экспроприации загадочного бумажника у Мамуры нам пришлось ждать пока объявится Завалихин до семи вечера. Все это время мы спорили до хрипоты, а когда выдохлись, то разбрелись по своим углам злые, как черти, так и не придя к общему мнению. Яблоко раздора, злополучный лопатник, валялся на столе Плата; и мне, и ему противно было на него смотреть. Пытаясь разгадать тайну бумажника, мы едва не пробовали его на зуб. И – тщетно. Вещь дорогая, красивая, уникальная – и не более того.

Может, и впрямь он представлял большую ценность, как памятный подарок, лишь для Завалихина?

Мы согласились с таким выводом весьма неохотно. И я, и Плат в ситуации с бумажником чувствовали какой-то подвох, но где он таится мы даже не могли представить.

– Посмотрю... – угрюмо буркнул красный от злости Маркузик и утащил бумажник в свою электронную келью.

– Дерзай, чучело гороховое, – прошипел ему вслед взвинченный Плат. – Великий экспериментатор...

Я промолчал. Мне хотелось бросить все к чертям собачьим и умчаться со скоростью звука в "Шаловливые ручки". Мы поспали всего ничего, и меня неудержимо клонило ко сну. Но я знал, что если подремлю еще часок, то бессонная ночь мне обеспечена. А потому мой организм настойчиво требовал более сильного допинга чем тот, которым я насыщался во время перепалки. Кроме того, меня очень интересовали пятьсот баксов, обещанные Завалихиным за успешное завершение поисков украденного бумажника. Ради такого ласкающего взор представления я готов был бодрствовать еще сутки.

Вопль Маркузика буквально сдернул меня с дивана. Мы с Платом едва не сорвали дверь с петель, одновременно протискиваясь в лабораторию нашего гения. Марк прыгал среди столов и приборов, словно обезумевший дервиш, и кричал что-то совершенно непонятное.

В горячке я схватил его за руки, а Серега, не долго думая, вылил ему на голову графин воды.

– Сволочи! – отфыркиваясь, словно морж, заорал брыкающийся Маркузик. – Вы что, сбрендили!?

– Этот вопрос мы как раз хотели тебе задать, – ответил Плат, отскакивая на безопасное расстояние – чтобы Марк не лягнул его ногой.

– Ну вы, блин, даете... – остывая, сказал Марк. – Еще один такой "вопрос" и этот монстр, – он кивком указал в мою сторону, – оторвет мне руки. Пусти, одноклеточный!

– Вот и надейся на человеческую благодарность. Мы бежали, сломя голову, его спасать, а он нам фигу под нос. – Я кисло ухмыльнулся, все еще не в состоянии сообразить чем был вызван у Маркузика приступ легкого помешательства. – Ты чего ревел словно сирена?

– Вот! – Он с торжествующим видом ткнул пальцем в сторону работающего компьютера. – Чтобы вы без меня делали...

Мы с недоумением уставились на экран монитора.

– Ну и что? – через некоторое время отозвался Плат. – Какая-то цифирь.

– Ага, – кивнул не без злорадного удовлетворения Маркузик. – Попал. Пальцем в небо.

Тундра не огороженная... – Он подошел к сканеру, соединенному пуповиной проводов с компьютером, поднял крышку и продемонстрировал нам бумажник, помещенный в специальные зажимы. – Я немного усовершенствовал этот аппаратик – и факт, как говорится, налицо. Мне пришла в голову мысль исследовать бумажник с применением электронных методов. Я почти год работал над приставкой к сканеру, позволяющей просвечивать объект насквозь. И вот результат... – Марк закрыл крышку сканирующего устройства, что-то подкрутил, и цифры на экране монитора стали четче. – На кожаной пластине, закрытой подкладкой, скорее всего, химическим способом вытравлены цифры и несколько букв латинского алфавита. Думаю, что именно это обстоятельство заставило господина Завалихина обратиться к нам за квалифицированной помощью... – Последнюю фразу Маркузик произнес не без патетики.

– Братцы! – воскликнул я. – Может, Завалихин шпион? А цифры – код, при помощи которого он шлет донесения своим боссам.

– Детективных романов начитался? – скептически ухмыльнулся Плат. – Впрочем, извини.

Я забыл, что у тебя другое хобби...

– И почему ты мой друг? – спросил я со зловещим спокойствием. – Твоя морда так давно просит кирпича, что только моя глубоко упрямая интеллигентская сущность не позволяет мне раскатать ее в лепешку.

– Эй, петухи! – Маркузик вырос между нами как пограничный столб. – Вы еще, ко всем нашим радостям, подеритесь.

– Если этот великий босс еще раз меня оскорбит, то я за себя не ручаюсь. – Я действительно разозлился. – Может, я и недоразвитый, но не на столько, чтобы меня ставили в тринадцатую позицию и учили жить через задний проход.

– Прости, Сильвер... – Плат покаянно опустил голову. – Виноват. Меня и впрямь занесло не туда, куда нужно. Нервы, черт бы их побрал...

– Да ладно... чего там... – Мне стало неловко. – Я тоже хорош...

– А цифры эти вовсе не шпионский код. Мне уже приходилось видеть нечто подобное... – Плат задумчиво потер переносицу. – Марк! Сделай распечатку своей находки.

– Нет проблем... – Маркузик включил принтер. – Я все записал на винт. Изображение увеличить?

– Конечно, – ответил Серега, задумчиво наблюдая за манипуляциями Марка.

– И что они означают? – спросил я, когда в моих руках очутился листок распечатки.

– То, что у господина Завалихина есть тайные номерные счета в западных банках.

– Блин! – радостно воскликнул я. – Мы нашли клад! Здорово... – От моего плохого настроения не осталось и следа. – Мужики, есть идея: быстренько снимем деньги со счетов и купим яхту. Всю жизнь мечтал иметь белый капитанский костюм и небольшую быстроходную посудину под парусами. Представляете – голубое море, легкий бриз, на горизонте виднеются острова с кокосовыми пальмами, а на лакированной деревянной палубе яхты загорелые до черноты красавицы... и много шампанского.

– У тебя губа не дура... – осторожно улыбнулся Плат. – Идея, конечно, заманчивая. Однако,

имеется одно "но".

– Думаешь, нас замучит совесть? Чудак человек... Да у этого Завалихина, похоже, бабок валом. Не обеднеет. Я почему-то не думаю, что он их заработал своим горбом.

– Не в этом дело...

– Боишься, что он узнает кто его подоил? Ну и хрен с ним. Пока Завалихин раскумекает что почем, мы будем кушать ананасы на Карибах и охотиться на акул. Пусть попробует нас оттуда выковырять. Лично я патриот, но пусть меня родина простит за легкий флирт с дальним зарубежьем. Если честно, то она не очень меня любила, но я, как человек благородный, обязуюсь часть позаимствованных у Завалихина денег перечислить в какойнибудь детский дом. И даже не буду претендовать на пенсию по старости.

– Проблема заключается в том, что мы не знаем за какими банками числятся эти счета.

– Ну, блин, невезуха! – Я выдал и еще кое-что, покруче. – Вот так всегда: поманит госпожа Удача косынкой – и ищи-свищи ветра в поле. Рожденный ползать летать не будет... – От расстройства меня даже пот прошиб. – А может мы этого Завалихина... того?.. – осторожно спросил я. – Прижмем сукиного сына по всем правилам спецопераций – расколется, как миленький. Уж я постараюсь...

– Нет! – резко сказал Плат. – Ни сам не буду этого делать, ни тебе не позволю. Даже если мы сейчас поссоримся и разойдемся навсегда. А если Завалихин даже не подозревает о тайне бумажника? И в его поисках руководствуется совсем иными мотивами? Что тогда?

– Ты прав... – Я сморщил кислую мину. – Не стоит нам бить горшки из-за денег. Вынужден признать, что меня занесло. Извините, ребята. Может, я и стал на войне кровожадным, но не на столько, чтобы пытаться невинного человека. Резонно.

– Потому мы отдадим бумажник Завалихину и забудем о нем. Навсегда. И чтобы ни пара с уст! Никому. А полученные от него деньги оприходуем по всей форме.

– Зачем!? – в один голос воскликнули я и Маркузик.

– Не нравится мне эта история. Я ведь потомственный мент и гнильцу чувствую всеми фибрами и жабрами души. Мне неизвестно откуда растут ноги в странных похождениях бумажника, но я почти уверен, что он когда-нибудь всплывет на нашем пути как дерьмо в проруби. Мы должны быть готовы к тому, что официальные органы могут нас потревожить в связи с этим лопатником. А потому в бумагах агентства должно быть все чисто и законно. Чтобы нашу контору не заподозрили черт знает в чем.

Мы с Марком переглянулись, подумали чуток, и молча кивнули в знак согласия. А что было делать?

Завалихин явился в сопровождении серого неприметного человечка, который стал дожидаться его на улице, в подворотне. Конечно, наш клиент не сказал, что прибыл на randevу не сам. Но нам и не требовалась его откровенность – в то время, когда мы рыскали по городу в поисках ценной пропажи, неугомный Маркузик подсуетился и установил на четвертом этаже нашего здания две замаскированных миниатюрных видеокамеры, благодаря которым улица хорошо просматривалась с конца в конец. И пока мы разговаривали с Завалихиным, Марк записывал обстановку снаружи агентства.

При виде бумажника глаза Завалихина стали круглыми как у совы. Его правая рука произвольно дернулась вперед, чтобы побыстрее схватить столь желанную вещь, и только железное самообладание позволило ему сохранить лицо, как говорят восточные люди, и

остаться недвижимым монументом солидного делового человека.

– Ваш? – коротко спросил Плат.

– Да, – кивнул Завалихин. – Должен вам сказать, я восхищен вашей оперативностью и профессионализмом.

– Спасибо, – невозмутимо поблагодарил Плат. – Это наш бизнес, всего лишь.

Слова Сереги наш загадочный клиент принял как намек, и тут же полез в карман за "зеленью".

– Пятьсот, как и договаривались. – Завалихин подвинул деньги к Плату и осторожно, будто боясь обжечься, взял в руки бумажник.

– Если у вас появятся еще какие-нибудь проблемы нашего профиля – милости просим, – сказал Серега и поднялся, давая Завалихину понять, что "аудиенция" закончена.

Тот тоже встал и пожал Плату руку. Сидя на своем диване, я наблюдал за нашим уже бывшим клиентом как кот за мышью. Знает Завалихин о тайной закладке в бумажники или нет? Вот вопрос, вогнавший мне шило в мягкое место и сделавший уютный диван жесткой неудобной скамьей для пыток.

Однако все мои старания пропали втуне. Если Завалихину и была известна большая ценность находки, то все равно он даже глазом не моргнул, достаточно небрежно засовывая лопатник в карман костюма – того самого, с зашитым разрезом на подкладке.

Небрежно кивнув на прощание в мою сторону, наш клиент величаво понес свою полосатую от волос плешь к выходу. Едва за ним закрылась входная дверь, как мы с Платом, не сговариваясь, бросились в комнату Маркузика, к экранам мониторов.

Завалихин шел, не оглядываясь, шагал неторопливо, но уверенно, всем своим видом подчеркивая обыденность момента. Знает или не знает!?

– Непростой господин... – задумчиво сказал Плат. – Но лучше нам о нем забыть.

– Ты, кстати, хотел навести о Завалихине справки в своем бывшем ведомстве. Мне кажется, учитывая полученная нами информацию по бумажнику, стоило бы прощупать его до самого донышка.

– Нет! – резко отрубил Плат. – Забудь об этом, Сильвер. Теперь уже я категорически против всякого шороха в нашем стогу. Да, я был не прав, когда намеревался попросить своих приятелей поискать в картотеке досье Завалихина – если, конечно, оно там присутствует. И спасибо вам, что вы меня вовремя остановили.

– Почему не прав? Лишние знания не всегда обременяют человека.

– А потому, что у таких людей, как наш клиент, везде есть глаза и уши. И из-за дурацкого любопытства мы можем попасть в такой переплет, что небу станет жарко. Уж поверь мне.

– Это в том случае, если он действительно очень крутой.

– Я почти не сомневаюсь, что Завалихин очень серьезный человек. И мне бы очень не хотелось с ним поссориться.

– Ладно... – Я тяжело вздохнул. – Миллионера из меня не вышло, пойду снова ямки рыть.

Моя голубая мечта в который раз помахала мне крылышками.

Плат и Маркузик переглянулись и как-то невесело засмеялись...

Сергея сложил бумаги в папку, завязал тесемки и с удовольствием потянулся.

– Все, баста! – Он зашвырнул папку в сейф. – Нужно брать секретаршу и бухгалтера. Иначе у меня крыша поедет от всех этих формочек и форм отчетности. Многочисленное племя чиновников наплодили столько всяких циркуляров, что в них сам черт ногу сломит.

Чтобы в них разобраться, нужно иметь даже не высшее бухгалтерское образование, а по меньшей мере степень кандидата околосвященных наук.

– Насчет секретарши ты это правильно придумал... – Я плотоядно ухмыльнулся. – Подбор стоящей кандидатуры можешь доверить мне. Я не подведу.

– Пустить козла в капусту? – деланно ужаснулся Плат. – Только через мой труп!

– Хорошо быть начальником... – Я поменял позу и улегся поудобней. – Правило первое – босс всегда прав. Правило второе – если он не прав, посмотри правило первое. Между прочим, мы договорились о равных паях в агентстве. А это значит, что в перспективе я могу претендовать на твой трон. Дашь порулить, а?

– Тебе прямо сейчас отдать печать и ключи от сейфа? Сильвер, если мы поменяемся местами, я тут же пойду в церковь и поставлю благодарственную свечу какому-нибудь угоднику. Ну как, по рукам?

– Плат! – возопил я. – Не шути так над юродивым! Если я закопаюсь в бумагах, мне хана.

Ты у нас голова – тебе и вожжи в руки. Вот если кого пришибить – тогда другое дело.

Впрочем, у тебя рука тоже дай Бог...

– Льстишь?

– Не без того... – Я изобразил монашеское смирение. – Ласковый телок два вымени сосет...

Плат принял эффектную ораторскую позу – наверное, чтобы в очередной раз поупражняться в красноречии с назидательным уклоном, но в этот момент неожиданно резко и требовательно подал голос звонок входной двери. Мы недоуменно переглянулись, застигнутые врасплох на самом интересном месте нашей дружеской дискуссии, а затем, спохватившись – вдруг у нас появился еще один клиент, к которым мы уже начали привыкать? – дружно встали со своих мест. Пока Серега приводил в порядок одежду /босс должен всегда выглядеть на уровне/, я пошел отворять запертую дверь. По этому поводу мы в свое время немного поспорили, но в конце концов единодушно сошлись во мнениях: у нас не агентство по продаже недвижимости, предполагающее полную открытость и доступность, а специфическая организация, которая в перспективе может вызвать в некоторой части населения нашего города отрицательные эмоции. Потому лучше держать постоянно дверь на замке, а ушки на макушке – береженого Бог бережет.

Я посмотрел в глазок – и не поверил увиденному: на тротуаре стоял собственной персоной Боб Стеблов и его ненаглядная Сосиска! Вот это номер...

С такой скоростью я открывал засовы впервые. Марк обещал снабдить входную дверь электрическим замком, открывающимся при помощи переносного пульта, чтобы лишний раз не поднимать свой зад без особой нужды, но рабочая запарка по установке охранной сигнализации отодвинула его замыслы на второй план. И мы каждый раз громыхали массивными железяками, которые можно увидеть лишь в тюрьмах, испытывая определенную неловкость перед посетителями. Впрочем, мне кажется наши состоятельные клиенты

относились к подобным мерам предосторожности весьма благосклонно и проникались к О.С.А. еще большим доверием.

– Здравствуй, Сильвер... – Боб вяло пожал мою руку.

Сосиска лишь кивнула, не поднимая головы. Она была одета в старенькое платьице и – о чудо! – не накрашенная. Ее осунувшееся лицо было заплаканным, а руки судорожно комкали носовой платок. Что у них стряслось!?

– Плат, нам нужно... посоветоваться... – начал Боб, когда они уселись.

– Я внимательно слушаю... – Плат сразу понял, что у Стебловых какие-то неприятности, а потому посуровел и подобрался как перед прыжком.

– У меня проблема... даже не знаю, как сказать... – Боб был как в воду опущенный.

Я смотрел на него и диву давался. Куда девался уверенный в себе бизнесмен-миллионер с вальяжными манерами знающего себе цену человека и румянцем на всю щеку? Перед нами сидел убитый горем, а от этого мгновенно состарившийся мужчина, от которого за версту несло перегаром. Его покрасневшие глаза были пусты и безжизненны, а красивый орлиный нос теперь напоминал унылый клюв какой-то большой морской птицы, измазанной в нефти; мне совсем недавно довелось видеть на телеэкране последствия аварии танкера, и там таких птичек собирали по берегу энтузиасты, защитники природы, и отмывали им перья в тазиках со специальным раствором.

– Проблема!? – неожиданно вскричала Алена. – Ты называешь это проблемой!? – Из ее глаз хлынули слезы. – Серега, Стас, у нас украли ребенка! Понимаете – украли!!! Что нам делать!?

Она заплакала навзрыд, забилась в истерике. Мы с Платом были ошеломлены. Я вскочил и бросился к недавно приобретенному холодильнику за минералкой, Серега довольно бестолково начал искать стакан, хотя стеклянная посуда стояло прямо перед ним, на полке шкафа, а Боб с трудом удерживал довольно хрупкую жену на стуле – закатывая под лоб глаза, она вопила что-то нечленораздельное и норовила свалиться на пол.

Алена успокоилась лишь после второго стакана "Боржоми". Мы усадили ее на диван, и она, забившись в угол и поджав колени, смотрела на нас как загнанный зверек. Больше от нее мы не услышали ни слова; мне показалось, что она вообще онемела. И только в больших газах Алены временами посверкивал огонек безумия, от которого мне становилось не по себе.

– Как это случилось, когда? – спросил Плат, усаживаясь на свое место.

– Неделю назад, – ответил Боб. – Я поднял на ноги всю милицию, службу безопасности и своих парней. Они перевернули город и окрестности вверх тормашками. И все тщетно.

Кристина как в воду канула... – Его вдруг начала бить крупная дрожь.

– Каким образом ее похитили? – поторопился с вопросом Плат, не без оснований опасаящийся, что и с Бобом вот-вот случится истерика.

– Г-гуляла... – У Стеблова зуб на зуб не попадал. – В п-парке...

– Одна!? – удивился Плат. – Сколько ей лет?

– П-пять. Почему одна? С няней... и охранником... – Тут Боб скрипнул зубами и на его лице явственно проступила дикая ярость. – С-собака... – прошипел он. – Если мы не найдем Кристины, он мне за все заплатит.

Да, не хотел бы я быть на месте охранника...

– И что произошло в парке? – настойчиво гнул свое Плат.

– Няня отошла на минуту купить мороженого... Кристина и охранник сидели в беседке, буквально в двух шагах. Когда няня вернулась, охранник лежал без сознания на полу, а девочка... Ее и след простыл.

– Ты хочешь сказать, что вокруг не было людей? – удивился Серега.

– Были. И немало. Но никто ничего не видел.

– Странно... – задумчиво сказал хмурый Плат.

– Не то слово... – Боб обхватил голову руками. – Что делать, что делать!?

– Надеюсь, свидетелей опросили?

– Конечно. Оперативная группа прибыла на место происшествия спустя десять минут после похищения. Парк был оцеплен, всех пропустили, что называется, через мелкое сито.

Увы...

– Списки людей, находившихся в парке, составлены?

– Естественно. Их не отпускали до тех пор, пока не проверили установочные данные по картотеке милиции и службы безопасности. Ничего особенного, люди как люди.

– Извини, но я все-таки должен спросить... – Серега замялся. – В общем... кгм! – Он прокашлялся. – Похитители вам не звонили? Ну, там выкуп... или еще что-то в этом роде...

– В том-то и дело, что не было ни звонков, ни писем, ни даже малейшего намека на причины похищения. – В голосе Боба звучало отчаяние. – Я готов заплатить любую сумму, лишь бы вернуть Кристину. Любую!

– Мечь? – то ли спросил, то ли констатировал Плат.

– Не знаю. Вполне возможно... – Лицо Боба вдруг затвердело и что-то хищное, неприятное выглянуло на миг из его глаз и тут же спряталось под маской сосредоточенности.

– Если это так, то тогда ваши дела совсем плохи, – тихо сказал Серега, бросив быстрый взгляд на безмолвную Алину.

– Ужасно... – прошептал Стеблов и жадно выпил стакан минералки. – Я просто не знаю, что будет с Алиной, если Кристину не найдут.

– А что рассказывал охранник?

– Ничего, – злобно покривился Боб. – Он ничего не помнит. Говорит, сидел на скамейке у входа в беседку, а Кристина играла с куклой внутри. Там есть столик... Ему показалось, что у него кто-то стоит за спиной, он хотел обернуться... и все. Темнота. Очнулся только тогда, когда возвратившаяся с мороженым няня подняла крик.

– Потерял сознание... Причину определили?

– Скажем так – почти. Его обследовали врачи и обнаружили на голове шишку. Кто-то охранника оглушил.

– Он крепкий парень?

– Громила под два метра ростом, бывший чемпион страны по боксу в тяжелом весе. До того дня считался лучшим среди команды моих парней.

– Похоже, с твоим охранником работал профи. Безбоязненно подойти к такому бугаю, а затем оглушить, притом с абсолютной точностью и эффективностью... это надо уметь.

– Если эта падаль не врет, – злобно ощерился Боб, – то, похоже, так оно и есть. Но кто в нашем городе обладает такой высокой квалификацией?

Плат искоса зыркнул в мою сторону и я скромно опустил глаза долу. Да, я мог бы... Ну и что? Не кричать же мне на всех перекрестках о своих воистину "убийственных" талантах?

Тем более о них не следует знать Стеблову.

– Я, например, даже не могу представить, – соврал, не моргнув глазом, Серега. – А если это залетные? Такой вариант вы не прорабатывали?

– В обязательном порядке. Органы перешерстили вокзалы, аэропорт, гостиницы и вообще все значные места и притоны. Глухо. Выезды из города взяты под жесткий контроль, досматривается весь автотранспорт, поезда и самолеты.

Интересно, когда пропадает ребенок в семье работяги, такие чрезвычайные меры органы тоже применяют? Мой риторический безмолвный вопрос к самому себе остался без ответа и повис в эфире большим вопросительным знаком. Деньги, конечно, зло, но еще хуже, когда их мало или вовсе нет...

– И чего ты ждешь от нас? – наконец Плат решился спросить о главном.

– Помощи, – просто и коротко ответил Боб.

– Ты наш приятель... /Вот врет, собака! – подумал я, глядя на бесстрастное лицо Плата. Что значит ментовская выучка.../ – А потому мы, по идее, обязаны сделать все, что в наших силах, – продолжал развивать свою мысль Серега. – Но если такие серьезные организации, как уголовный розыск и безопасность не в состоянии решить эту проблему, то что мы можем предпринять в этой ситуации?

– Я ведь пришел к вам не просто так, от нечего делать, – жестко ответил Стеблов. – О том, что вы стали частными детективами, я узнал на встрече выпускников от Стаса. Мне пришлось задействовать свои источники, которые отозвались о вашей конторе как об очень солидном учреждении. Оказывать услуги детективного характера – ваш бизнес. Вы об этом заявили достаточно громко и пока работаете весьма эффективно.

Интересно, что это за "источники"? Такая мысль мелькнула в наших с Платом головах одновременно и мы молча переглянулись. Да, молва всегда бежит впереди паровоза...

– Ребята, мне просто деваться некуда! – с надрывом продолжал Боб. – Утопающий хватается за соломинку. Может, вы как раз и будете моим спасательным кругом. Чем черт не шутит...

– Не знаю, что тебе сказать... – Плат мучительно размышлял.

Я понимал, что его смущает и тревожит в этой ситуации: розыск пропавших без вести или похищенных – почти всегда гиблое дело. Статистика подобных дел – упрямая вещь и она нам была известна. Тем более если нет никаких зацепок, как в случае с ребенком Стебловых. Ну, скажем, почти никаких, принимая во внимание неизвестного профессионала, так мастерски и с одного захода отправившего охранника в нокаут. А такие парни, как чемпион по боксу в

тяжелом весе, держать удар умеют.

– За деньгами я не постою. Я уже говорил. Назовите сумму. Я ведь не требую, чтобы вы работали бесплатно. Бизнес есть бизнес. Вы не благотворительная организация. Никаких обид.

Плат молчал. Мне было неловко, так как я понимал, что творится у моего друга в душе. И хочется, и колется...

– Сто тысяч! – выпалил теряющий терпение Боб. – Если найдете Кристину – плачу сто тысяч баксов. Сколько же дам, если выйдете на след тех, кто ее похитил. Все расходы, связанные с розыском, я беру на себя. Это для начала... – Он достал портмоне и вынул оттуда пачку долларов. – Пять тысяч. Израсходуете – еще добавлю. Дайте мне хотя бы надежду! – вдруг вскричал он вне себя.

– Сильвер?.. – Плат смотрел на меня требовательно и сурово.

– Нужно рискнуть, – ответил я, ошеломленный предложенной Стебловым суммой; ни хрена себе – сто тысяч "зеленью"! За такие бабки я готов винтом завиться, землю грызть, прорыть подземный ход на другую сторону земного шара.

Моя голубая мечта вдруг начала приобретать зримые очертания...

– Попробуем, – нехотя согласился Серега, просверлив взглядом в моей глупой башке невидимую дырку. – Гарантировать успех в расследовании не могу, но пахать будем на совесть. Это я тебе обещаю.

– Спасибо... Плат. Спасибо, Стас... – Глаза Боба подозрительно заблестели. – Я почему-то надеюсь.

– Нам нужно решить еще один вопрос... – Серега немного замялся; а затем продолжил – уже более уверенно: – У нас нет колес. Для оперативности нужна машина. Любая. Лишь бы она передвигалась.

– Через двадцать минут, – Боб взглянул на свои наручные часы, – возле вашего офиса будет стоять "джип". – Он достал из кармана мобильный телефон.

– погоди! – остановил его Плат. – Ты меня не понял. Мне требуется не крутая тачка, на которую все собаки будут лаять, а, скажем, подержанный невзрачный "жигуль", но с движком, работающим как твой "роллекс".

– Это сложнее... – Боб на мгновение задумался. – Тогда вам придется подождать до вечера.

Машину мы найдем быстро, но ее должен осмотреть мой механик. Это чтобы она работала так, как ты просишь.

– А пока мне нужны все – подчеркиваю, все – материалы по делу, – сказал Плат. – Естественно, копии. Только о том, для кого они предназначены, не должен знать никто. И вообще, для эффективной работы о нашем соглашении не стоит распространяться. Чтобы нам не ставили палки в колеса. Ведь мы еще не знаем, кто и что стоит за похищением.

Разве можно исключить вариант, что в нем замешаны и люди в погонах?

– Ты прав, – подумав, ответил Боб. – Все может быть. У меня недоброжелателей хватает.

Как явных, так и тайных...

Чета Стебловых ушла. Плат, провожавший их вместе со мной к выходу, не пошел за свой стол, а упал на диван и закрыл глаза. Его лицо выражало глубокое уныние.

– Между прочим, сто тысяч баксов – очень большие деньги, – осторожно заметил я, устраиваясь на другом конце нашего кожаного монстра.

– Вся эта история имеет емкое и точное название – "глухарь", – устало сказал Серега. – Сто тысяч долларов – еще один твой мираж. Ничего у нас не получится.

– Ну, блин, ты меня удивляешь! – взвился я, как ошпаренный. – Тогда какого хрена вы с Мариком затевали эту бодягу с охранно-сыскным агентством!? Получается, что замах был пудовый, а результат... прости меня грешного... – Я отвел душу в крепком солдатском сленге.

– Не горячись. Работать нам придется. Куда денешься... Жалко Алину, Боба... Сидит сейчас какая-то сволочь, может, очередной серийный убийца-маньяк, на унитазах и посмеивается в тряпочку. Ублюдок! А нам нужно голову ломать, в какую нору он забился.

– Достанем гада, будь спок, – уверенно пообещал я. – Нам повезет, Плат. Есть у меня такое предчувствие.

– Ну-ну... – Серега открыл глаза, посмотрел на меня долгим взглядом и скептически ухмыльнулся. – Сильвер Натанович Пинкертон готов взять след. Картина, прямо скажем, впечатляющая.

Я промолчал. Ну его, этого Плата! Мне нужно сосредоточиться и поднапрячь все свои мозговые извилины – впереди зеленели долларовые кущи и путь к ним обещался быть длинным и нелегким.

Глава 7. ОПАСНОСТЬ

Я сидел в областной библиотеке и листал газетные подшивки. Более нудного занятия я не мог себе даже представить. После первого часа моих трудов у меня начался чих, спустя еще некоторое время я захотел спать так, как никогда в жизни, и мне пришлось, выйдя в туалет, отхлестать себя по щекам, чтобы прогнать сонную одурь, а когда часовая стрелка остановилась на цифре два, я готов был снять перед чинной аудиторией читательского зала штаны, забраться на стол и сплясать канкан – чтобы не рехнуться окончательно и бесповоротно.

В благословенный храм книги меня загнал Плат. Он не решился обратиться в соответствующий отдел городского управления внутренних дел за информацией о пропажах граждан за последние три года /зачем это ему понадобилось, я так до конца и не понял/ по все той же причине, о которой Серега говорил Стеблову – вдруг и там окопались людишки, имеющие отношения к похищению Кристины. Хорошо знакомый с порядками и нравами, царящими в среде слуг закона, он не обольщался и не заблуждался насчет их морального облика, а потому начал работать тихой сапой – издалека, исподволь, чтобы не засветиться и не спугнуть похитителей, которые могут здорово нам напакостить если узнают, что мы вышли на их след.

И теперь я торчал среди умных ушастиков и очкариков, как ржавый гвоздь на видном месте, и усиленно изображал мыслительный процесс, листая пожелтевшие газетные листы. Неподалеку от меня сидели клевые телки, но я героически противостоял искушению бросить

все к чертовой бабушке и последовать зову предков из мужской ветви моего генеалогического древа – будто бы мимолетные взгляды очень даже симпатичных девиц в мою сторону будоражили воображение и постепенно разогревали посеревшую от библиотечной пыли кровь до точки кипения. Тем более, что выглядел я вполне презентабельно, ну просто как молодой профессор – сегодня я наконец обновил купленный по настоянию Плата костюм и даже, наступив на горло собственной песне, надел галстук. Не мог же я появиться в таком солидном заведении в потертых джинсах и потрепанной кожаной куртке, словно снятой с рокера, раздавленного колесами мотоцикла.

Сам Серега мотался на презентованном Стебловым "жигуле" по городу и что-то там разыскивал. Я попытался было сунуться с расспросами на этот счет, но Плат /ментовская морда!/ сказал, что есть такое понятие как тайна следствия и мне пока незачем знать все нюансы поисков – для моего же спокойствия. Короче говоря, дал понять, что нечего Сильверу с его кувшинным рылом соваться в калачный ряд великого детектива Платонова. Впрочем, я особо и не настаивал на полной откровенности. Для меня главным было найти в конце концов Кристину и получить вождеденную премию. А ради этого я мог без особого напряжения запрятать на время свою гордость куда подальше...

Эта газета попалась мне на глаза случайно, когда я уже готов был отправиться восвояси.

Похищенных оказалось достаточно много, и хотя не все несчастные родители давали фото своих исчезнувших чад в средствах массовой информации, все равно стопка ксерокопированных объявлений о пропажах была достаточно внушительной. Может, я бы и ушел, но вовремя вспомнил, что Плат обещал заехать за мной ровно в пять вечера, а пока большие напольные часы в конце читального зала показывали без десяти четыре.

Повздыхав, я с отвращением взял еще одну газетную подшивку – уже из свежих – и начал листать ее достаточно небрежно и быстро. Знакомая фамилия мелькнула как электрический разряд и я поначалу даже не понял, что меня так неприятно укололо внутри – где-то очень глубоко, на самом доньшке подсознания. Продолжая механически переворачивать газетные страницы, я минут пять тупо размышлял над несвойственной мне нервозностью, которая выпорхнула из подшивки, словно моль, и нахально угнездилась среди серого мозгового вещества.

Прозрение едва не сразило меня наповал. Лихорадочно слюнявя пальцы, я начал перелистывать подшивку в обратную сторону, но уже аккуратно, не спеша и внимательно просматривая разделы объявлений.

Нашел!!! Мне кажется я вскрикнул, потому что почти все сидельцы читального зала повернулись в мою сторону. Я сделал невинное лицо – мол, с кем не бывает – и, захватив свои труды и газетную подшивку, сломя голову ринулся в технический отдел библиотеки, где стоял ксерокс...

Полчаса, в течение которых я ждал Плата, показались мне вечностью. Подлые стрелки наручных часов с такой наглой медлительностью ползли по циферблату, что я едва не выбросил свои котлы к бениной маме. Да вовремя спохватился – память. Я снял их с арабского снайпера, за которым наш спецназ охотился полгода. Этот мусульманский "интернационалист" однажды загонял меня до седьмого пота, и только моя счастливая звезда не позволила поганцу отправить бедолагу Сильвера вперед ногами. И с той поры он стал моим личным врагом. Правда, ненадолго. Подогреваемый ненавистью, я пораскинул мозгами и по какому-то наитию, подкрепленному военным опытом, вычислил его маршрут. Дальнейшее было делом техники. Я взял араба в снайперском "гнездышке" тепленьким вместе с помощником, тоже восточным человеком. Для этого мне пришлось пойти на большой риск – отправиться в ночной поиск, но цель стоила того.

Плат приехал ровно в пять. За что я его уважаю, так это за точность и скрупулезность. Эти качества были у него всегда, а работа в уголовном розыске отшлифовала их до совершенства.

– Что с тобой? – спросил он, когда машина выехала на проезжую часть улицы. – Ты как будто не в себе.

– Приедем в контору и у тебя крыша сдвинется, – загадочно пообещал я, с большим трудом сдерживая неистовое желание поделиться с Серегой сногшибательной новостью.

И еще я просто побоялся рассказать ему о своем открытии в машине, чтобы от переизбытка чувств он не вмазал "жигуль" в первый попавшийся по пути столб.

– Колись, – решительно потребовал Плат, когда мы зашли в наш офис.

Зная меня достаточно хорошо, он понял, что новость и впрямь стоящая, а потому всю дорогу нетерпеливо ерзал по сидению и терзал педаль газа.

– Сними шляпу и помяни душу раба божьего... – С этими словами я положил перед ним соболезнование в траурной рамке.

– Завалихин!? – вскричал Плат, впившись глазами в текст.

– Да. Группа товарищей по работе искренне выражает сочувствие семье безвременно усопшего Петра Николаевича... И так далее.

– Невероятно...

– Почему? В наше время отстрел бизнесменов само собой понимаемая вещь. А Завалихин был директором фирмы.

– Печально...

– Не то слово... – Я хитро ухмыльнулся. – Но это еще не все, Плат.

– Сегодня ты настоящий кладезь информации, – пытливо посмотрел на меня Серега. – Так что у тебя в рукаве?

– Статейка. О том, как его грохнули.

– Почитаем.

– Ничего интересного. Завалихина нашли на пустыре со следами побоев на теле. Две пули в грудь и контрольный выстрел в голову. Работали профи. Главное другое – посмотри на дату смерти Завалихина.

– Твою мать... – Ошарашенный Плат, судя по мине на лице, не поверил своим глазам. – Но ведь...

– Точно. Это случилось за два дня до того, как Завалихин появился в нашей конторе.

Получается, что к нам приходил покойник. Ты веришь в загробную жизнь?

– Пошел к черту! – Серега откинулся на спинку стула и покачал головой. – Я ведь чувствовал, что с этим Завалихиным что-то не так... А наш бывший клиент большой хитрец. Даже дорогой костюм не пожалел, подкладку испортил. Только больно уж аккуратный разрез сделал. Ровненький, словно под линейку. Я сразу обратил внимание на шов, но не придал этому факту большого значения. А жаль. Чуюл ведь, чуюл!

– Вынужден отдать тебе должное. Нюх у вас, уважаемый Сергей Александрович, как у первоклассной ищейки.

– Толку с того. У нас могут быть большие неприятности.

– Не скажи. Если посмотреть с другой стороны, то какое нам дело до имени хмыря, искавшего бумажник Завалихина? Он заплатил бабки? Конечно. Получил товар?

Естественно. Ты записал его в наш официальный кондуит? Еще бы – мы законопослушные граждане великой страны, исправные налогоплательщики. Действовали строго по уставу нашего предприятия, вернули похищенное.

– А если этот наш клиент – заказчик убийства Завалихина?

– Весьма возможно. Он даже "побеседовал" с ним перед тем, как начинить свинцом. А иначе как мог знать этот плешивый сукин сын кто и как украл у Завалихина бумажник?

Но не нужно лезть в чужую драку. Это правило тебе известно с детства. Нас никто не уполномочивал подменять сотрудников управления по борьбе с организованной преступностью. Им за это бабки платят.

– И что ты советуешь?

– Забиться в угол и сидеть тихо-тихо. Если мы возникнем – нам хана. Ей Богу, нутром чую.

И ко всему прочему, твои бывшие коллеги затаскают нас по допросам. Я не прав?

– Прав, – хмуро подтвердил Плат. – Действительно, светиться нам опасно.

– А потому давай закроем эту тему раз и навсегда.

– Со своего опыта я знаю, что подобные моменты не проходят бесследно. Иногда они всплывают на другом витке и тогда приходится рыть землю рогом, чтобы выйти сухим из воды.

– Думаешь, наш клиент еще даст нам о себе знать?

– Не он, так другие... из той же компании. Скверно, Сильвер, очень скверно...

– Я всегда был против твоей идеи с агентством. Вот и влипли. А теперь деваться некуда: впряглись в воз, нагруженный дерьмом – нужно тащить. Не переживай, прорвемся.

– Твоими бы устами да мед пить. Оптимист... – Плат тяжело вздохнул. – Ладно, займемся работой. Это все? – спросил он, когда я положил на стол пачку ксерокопий.

– Почти все, что я смог отыскать...

Не говоря больше ни слова, погрузневший Серега с головой закопался в собранные мною материалы. Видя, что он не обращает на меня никакого внимания, я на цыпочках вышел в прихожую – и был таков.

В баре "Шаловливые ручки" царил необычная для него тишина. Несколько компаний только начали разминаться легкими коктейлями и пока беседовали чинно и вполголоса, оркестранты, время от времени сменявшие на "боевом посту" стриптизерш, ужинали за столиком возле подиума, бармен Жорж задумчиво протирал бокалы и напевал под нос что-то заунывно-противное... В общем, мое любимое заведение наслаждалось непривычным стилем и готовилось к вечернему шторму, когда в помещении негде будет яблоку упасть.

- На карандаш? – с тайной надеждой спросил Жорж, когда я заказал свое пойло.
- Размечтался... – Я ухмыльнулся. – Понравилось жить на проценты? Нет, дорогой, я пока в состоянии оплатить счет. И надеюсь больше не попаду в твою долговую яму.
- Жаль, – отдал мне улыбку в ответ Жорж. – Ты был классным клиентом. Таких у меня раз, два – и обчелся. Остальные – шушера. Так и норовят уйти в кусты, не расплатившись.
- И ты, конечно же, этим гаврикам прощаешь, – сказал я с едкой иронией. – Как говорится в святом писании: и прости им долги... яко или паче... Дальше не помню, но идею, надеюсь, ты уловил.
- На таких принципах через полгода я пойду на церковную паперть подаяние просить. Приходится проводить среди них разъяснительную работу... – Жорж изобразил смущение.
- Такова жизнь, Сильвер.
- И кого ты сосватал на должность "политруков"? Небось, Илюху-Танка и Петрю?
- Хорошие парни. Или ты имеешь что-то против?
- Если тебе нравятся дебилы – о чем базар? Смотри, чтобы они тебя не подставили. Или ты не знаешь, кто их взял под свою "крышу"?
- Ц-с-с! – всполошено зашипел бармен. – У тебя голос, как полковая труба. Сам понимаешь, у меня весьма ограниченный выбор. А парни работают на совесть.
- До поры, до времени. Пока не поймут, что можно и тебя подоить. Ты лучше прекрати давать в долг разной швали – и все дела. Жадность фраеров губит, Жорж.
- Брось! Не нужно читать мне мораль. В своих проблемах я сам разберусь. А вот что касается тебя... – Жорж многозначительно умолк.
- Намеками можешь говорить с телками, – грубо сказал я, недобро посмотрев на Жоржа. – Выкладывай.
- Я знал, что бармен Жорж в "Шаловливых ручках" был на должности Штирлица – он обладал изумительной способностью собирать по крохам разного рода информацию и ловко использовать ее в своих корыстных целях.
- Любой базар требует денег... – хитро прищурился бармен.
- Сукин ты сын! – Я пошарил в кармане и нашел десять баксов. – Держи. Хватит?
- Как тебе сказать... – Жорж с сомнением пощупал купюру. – Может хватит, а возможно и мало...
- Я тебе сейчас добавлю. По башке. – Я, конечно, пошутил – с Жоржем у меня всегда были приятельские отношения и он уже привык к моему грубому солдатскому юмору.
- Ладно. Только из уважения к твоей порядочности... – Жорж нагнулся к стойке, приблизив ко мне свое плутоватое лицо. – Тут один хмырь долго и настырно пытался выяснить всю твою подноготную. Такое впечатление, что он хочет составить на мистера Сильвера самое подробное досье – где родился, где крестился, с кем спит и не бывает ли у него запоров.
- Странно... Когда это было?

– Намедни. Меня и некоторых других, которые хоть что-то знают о тебе, он расспрашивал вчера вечером. До этого дня в баре я никогда его не видел.

– И чем этот любопытный господин объяснял свой интерес к моей, столь незначительной, персоне?

– Отделялся общими фразами. Как я выяснил у других, с кем он был в контакте, всем им он говорил совершенно разное. Мне, например, базлал, что давно с тобой не виделся.

Будто бы вы где-то встречались, познакомились, ты рассказал, что тебя можно найти в нашем баре, он случайно попал в город и вспомнил о тебе... ну и так далее. Короче говоря, лапшу на уши вешал. Меня не проведешь.

– А что его конкретно интересовало?

– Есть ли у тебя семья, как часто у нас бываешь, с кем общаешься, остался ли ты таким же крутым, как он тебя помнит... Ну и еще масса всяких незначительных деталей твоего бытия. Должен признаться, выпытывать он умеет. Под таким соусом все подает, что поневоле язык отвяжешь. Ловкий тип, хитрый, как змей.

– Ты можешь "нарисовать" его портрет?

– А как же. У меня профессиональная память. Невысокого роста, худой, неприметный, глаза какие-то бесцветные и почти не мигают, нос острый, в нижней челюсти два вставных зуба, золотые, волосы редкие, русые, движения замедленные, но какие-то хищные, угрожающие – как у пантеры, вышедшей на охоту, лицо в оспинках, на шее с левой стороны аккуратный шрам. Одет он был в неброский серый костюм – как мне показалось, размера на два больше, рубашка не новая, застиранная, туфли на микропоре, темно-коричневые. Все.

– Спасибо, Жорж. Вполне достаточно.

– Кто это? – полюбопытствовал наш местный Штирлиц, сверля меня взглядом. – Ты его знаешь?

– Не могу сказать ни да, ни нет. Может, какой-нибудь старый кореш... фиг его знает. Мало ли мне приходилось встречаться и общаться с самыми разными людьми. Я действительно домашнего адреса не даю никому, а отсылаю всех в этот бар. Все как в кино – место встречи изменить нельзя.

– Разумно. Нужно взять твой метод на вооружение. – Жорж не поверил ни единому моему слову.

Я не стал продолжать беседу и потопал в свой угол.

Я соврал Жоржу. Нет, я не знал этого человека. Это точно. Память на лица у меня была не хуже, чем у бармена, но ни в одном ее закоулке серый хмырь не значился. Однако подобный тип людей мне был знаком. Притом конкретно знаком.

После окончания действительной службы, будучи старшим сержантом, я решил остаться в родном десанте еще на некоторое время. Отношения с командованием у меня были хорошие – как это ни странно, учитывая мой упрямый и строптивый характер – а потому особых проблем с оформлением на сверхсрочную я не имел.

Сложности начались, когда я подписал все необходимые бумаги. Мой ротный почему-то решил, что такого зубра, как старший сержант Сильверстов, ну никак нельзя держать на сидячей работе где-нибудь на вещевом складе или в старшинской каптерке. Чего я, кстати, очень хотел и рвался в синклит армейских сибаритов с прямо-таки неистовым желанием.

Одно дело пахать с утра до вечера, а то и ночью, до седьмого пота на полигоне, как и положено десантуре, другое – не спеша обглаживать свиные ребрышки под стопарик в дружной, спетой и спитой компании "сундуков" и со вкусом травить армейские байки.

В общем, как я ни брыкался, а меня все равно откомандировали в учебку спецназа. Злой, словно цепной пес, я рвал и метал, и поначалу отлынивал от занятий, используя любой повод. Почти все, чему учили в спецназе на первых порах, мне было известно, а потому, при всем своем нежелании постигать премудрости науки эффективного уничтожения себе подобных, я не ходил в отстающих и даже пользовался среди курсантов определенным авторитетом.

Гром грянул, когда закончились общие дисциплины и нас распределили по группам узкой специализации. Поскольку я был одним из лучших в рукопашных боях, меня зачислили в элиту спецназа – подразделение разведчиков-диверсантов. Однако у меня было и слабое место в подготовке – стрелял я отвратительно. Конечно, я не пас задних и для обычного десантника моя стрелковая подготовка оказалась вполне на уровне. Я щелкал привычные мишени-силуэты, как семечки. Но когда нас начали учить стрелять на звук и свет в полностью затемненном тире, я облажался по всем статьям.

Я, естественно, был сильно огорчен, однако, поразмыслив, решил, что это к лучшему.

Мой облом в стрельбе должен доказать командованию учебки лучше всяких слов, что на роль спецназовца я не тяну, а потому оно просто обязано произвести выбраковку и вернуть меня в родную часть. Такие случаи в учебке бывали, а потому я с легким сердцем начал паковать свой сидор и изображать перед курсантами глубокое уныние.

Наверное, так оно и случилось бы, но у нашей группы неожиданно сменили инструктора по огневой подготовке. Прежний, ветеран Афгана, по-моему, просто томился в ожидании пенсии и тянул свою ляжку, что называется, на пределе. Это был уставший, изломанный человек, которого армия достала до самой печенки.

Новый инструктор нас поначалу не впечатлил. Невысокого роста, какой-то засушенный, он выглядел среди громил-спецназовцев как тренер баскетбольной команды, человек обычных кондиций, на фоне своих двухметровых питомцев. И только его глаза – холодные, немигающие и безжалостные, для человека проницательного могли подсказать, что с ним лучше не связываться.

К сожалению, многие этого не поняли. В том числе и я. На первом же занятии под его руководством я по своей дурацкой привычке начал зубоскалить. Меня поддержали и другие. Ну в самом деле – стадом молодых слонов командует какая-то старая унылая Моська, из которой слова лишнего не вытянешь.

Реакция нового инструктора на наше выступление была быстрой и жесткой – чтобы не сказать жестокой. Выстроив нас в шеренгу, он с бесстрастным лицом отобрал четверых – самых крутых – парней во главе со мной, и приказал схватиться с ним в рукопашной.

Посмеиваясь – задавим козлика? задавим! – мы окружили инструктора и атаковали его по всем правилам бойцовских искусств.

Дальнейшее я помню смутно. Этот невзрачный, серый паршивец уложил нас за считанные секунды. Он наносил удары молниеносно, как змея, совершенно не придерживая руку.

Будь мы менее тренированные, нас унесли бы на носилках прямо в реанимацию. Сукин сын...

После этого "урока" мы уже не трепыхались. Нет, никто из нас нового инструктора уважать не

стал. Мы его просто боялись. Правда, нужно отдать ему должное, в душу к нам он не лез и не пытался изображать из себя отца-командира. Это была сверхэффективная машина для уничтожения людей, почти биоробот, обучающий нас стрелковому искусству.

А уж в этом ему просто не было равных. Он стрелял как киношный терминатор и был безжалостен словно палач священной инквизиции. Гораздо позже я узнал, что наш инструктор принадлежал к весьма немногочисленному в спецслужбах клану профессиональных убийц, выполнявших задания по всему миру. Нашей группе можно сказать "повезло" – он как раз отдыхал от очередного "мероприятия" и согласился некоторое время поработать инструктором в учебке.

С той поры я перестал наплеватьски относиться к таким малышам и в драке с ними выкладывался на все сто. Когда Жорж выдал портрет любопытного незнакомца, я с неприятным холодком в душе вдруг понял, кого он мне напоминает. Черт возьми, неужто на мой хвост упал профессиональный киллер!?

Я прекрасно понимал, почему он не взялся за дело сразу, без раскочки. Профи так никогда не поступают. Тем более, что этот "серый" тип наверняка знал, где и кем я служил. А значит он должен учесть все нюансы моего образа жизни и поведения, чтобы не дать маху.

Но почему!? Кому я, простой работяга, перешел дорогу? Бред...

Я просидел в баре почти до закрытия – с невольным трепетом в душе ждал появления незнакомца. Но он так и не объявился. Выяснил все, что нужно, и теперь сидит в засаде со снайперской винтовкой? Или ждет в подъезде с пистолетом? Черт возьми! До чего неприятно ощущать себя дичью. А при отсутствии оружия и вовсе скверно. Мне казалось, что я сижу в баре даже не голый, а вообще без кожи. И что теперь делать?

Когда я вошел в свою квартиру, то у меня от большого напряжения отказали ноги. Я рухнул в кресло, как подкошенный. Домой мне пришлось пробираться словно по вражеским тылам – задворками. Чтобы зайти в подъезд, я прождал в засаде полчаса, пока не подвернулась компания молодежи, возвращающаяся с тусовки. Я прилип к ним, как банный лист, и расстался только возле своей двери. Мое сердце колотилось словно заячий хвост, а адреналин долбил в виски большим кузнечным молотом. Мне уже давно не приходилось выходить на тропу войны и теперь сказывалось отсутствие постоянной практики. Я чувствовал себя салагой, молодым солдатом, которого бросили в бой, научив лишь нажимать спусковой крючок винтовки. Это давно забытое ощущение возвратилось ко мне как фантом, лишив здравого смысла и способности адекватно реагировать на окружающую обстановку. Мое моральное состояние было премерзким...

Телефонный звонок раздался, когда я находился в ванной, под душем. Чертыхаясь и оставляя мокрые следы на давно не мытом пыльном полу, я пробежал на цыпочках к журнальному столику, где стоял телефонный аппарат, и поднял трубку.

– Алло, алло! – голос Сереги.

– Чего орешь? Я не глухой. Я всего лишь мокрый – ты меня вытащил из ванной. У тебя что, пожар?

– Где тебе нечистая носит!? Я звоню уже битый час.

– Сам виноват. Зажал деньги на покупку пейджеров – вот и получил результат.

– Ладно, про то потом. Мне кажется, нас пасут.

Я похолодел: значит, не только я на мушке!

– С чего ты взял? – вяло поинтересовался я, думая о своем.

– Я сегодня едва обрубил "хвост" и то благодаря парням из опергруппы угрозыска, которые подбросили меня по пути. Настырный гад попался. Вцепился в меня как клещ. Но когда я сел в милицейскую машину, его будто корова языком слизала.

– Где и когда ты заметил этого топтуна?

– Он вел меня от самой автостоянки...

Чтобы не искушать любителей покататься на дармовщину и автомобильных воров, мы редко оставляли наше транспортное средство возле офиса. Буквально в сотне метров от конторы находилась охраняемая автостоянка, которой заведовал мой приятель, и обнаглевший Плат, пользуясь его благосклонностью, оставлял "жигули" прямо возле будки сторожа, при этом "забывая" платить за парковку. Дабы как-то убрать понятный напряг в наших отношениях, мне пришлось сводить приятеля несколько раз в бар, что оказалось для моего кармана очень накладно. Конечно, я не преминул высказать Сереге свое "фе". Но этот потомственный ментяра только ухмыльнулся и продолжил пробивать финансовые бреши в моем бюджете – мне ничего иного не оставалось делать, как снова пригласить заведующего автостоянкой в злачное место на следующее воскресенье и тот с радостью согласился. Еще бы – на дармовую выпивку даже трезвенники клюют.

– Ты не мог ошибиться? – спросил я, хотя и чувствовал, что вопрос звучит глупо.

Плат был профессионалом, немало потрудившимся на оперативной работе, и в таких делах собаку съел.

– Исключено. – Ответ был абсолютно категоричным. – Он действовал целенаправленно и весьма профессионально.

– Этот топтун понял, что ты его вычислил, или нет?

– Не знаю. Я старался не подавать виду, но для меня все это было так неожиданно...

Поэтому не могу дать стопроцентную гарантию в том, что он остался в полном неведении относительно моих контрдействий. Хотя с парнями из угрозыска все получилось почти случайно.

– Почти? – Я не мог скрыть иронии.

– Просто мне было известно, где они в это время ужинают, – со смущением признался Плат. – "Жигули" я оставил там же, ты знаешь это место. Кафе "У Феликса". Возле него есть маленькая автостоянка. Я не рискнул продолжить путь на своих колесах.

– И правильно сделал... – Я немного помолчал; а затем сказал бодрым голосом: – Я тебя тоже "обрадую". Меня прощупывает некий господин весьма специфической наружности, очень похожий на ликвидатора.

– Ты это серьезно говоришь? – взволнованно спросил Плат.

– Серьезней некуда. Я пришел домой в мокрых штанах. Похоже, мы с тобой кому-то наступили на больную мозоль.

– Ты думаешь, это?..

– А кто еще? Конечно же, наш бывший клиент, присвоивший фамилию Завалихина.

Другой версии я не вижу. Но почему? Бумажник мы ему отдали, о том, что в нем откопал Марк, он не знает... – Мне вдруг стало страшно – мы забыли про Маркузика. – Серега, где Марик!?

– Как тебе известно, он нам не докладывает. Скорее всего, дома. А может у очередной пассии. Марк сейчас переключился на молодых художниц. Говорит, с ними есть о чем поdiscутировать.

– Проверь немедленно! И сразу мне перезвони.

Я ждал минут десять. Когда наконец телефон ожил, я схватил трубку словно коршун цыпленка.

– Ну?! – выдохнул я в микрофон.

– Домой он не являлся, а телефон офиса постоянно занят. Наверное, болтает с какойнибудь почитательницей его компьютерных и мужских талантов.

– Видимо так оно и есть... – ответил я как можно беззаботней.

– Что будем делать, Сильвер?

– Спать. Утро вечера мудрее. Созвонимся часиков эдак в семь. Вот тогда и решим. А пока не психуй. Все перемелется. Бывай здоров...

Едва трубка легла на рычаги, я вскочил и заметался по квартире словно вшивый по бане.

Марик, Марик... черт тебя дери! Где ты сейчас, сукин сын, вундеркинд хренов!? Кобельмаломерок...

Я не успел опомниться, как был уже одет; все свершилось чисто механически – мыслями я находился в нашей конторе. Я повторил опыт Плата – позвонил в офис. Но телефон попрежнему был занят. Это обстоятельство меня просто пугало. Что-то там не так, что-то не так... – эта навязчивая мысль билась в голове раненной птицей и я ничего с собой не мог поделать, чтобы избавиться от нее.

Тщательно задернув шторы, я снял с антресолей свой дембельский чемодан, в котором хранились нунчаки и пять метательных ножей в кожаном чехле, и рассовал все это хозяйство по внутренним карманам куртки. Эх, как жаль, что у меня сейчас нет "пушки"...

Свет в квартире я тушить не стал. Если кто-то за мною наблюдает, пусть думает, что я читаю на сон грядущий "Доктора Живаго". Этот хваленый литературный опус после прочтения двух-трех страниц почему-то вызывал во мне непреодолимое желание уснуть.

И больше никогда не брать его в руки. Поднявшись на чердак /ключ от чердачного люка у меня был/, я перешел в другой подъезд и преспокойно покинул дом, совершенно уверенный в том, что меня никто не заметил.

Судя по интуиции, меня ждала тревожная и опасная ночь...

Глава 8. НАЛЕТ

Никогда не думал, что буду пробираться по родному городу словно по фронтовому Грозному. Мне все время казалось, что за мною кто-то следит, и я подолгу замирал в подворотнях и за

углами домов в надежде подтвердить или опровергнуть свои опасения.

Но позади было чисто /мне хотелось бы так думать, хотя полной уверенности все равно не было/, и я снова шпарил самым коротким путем в направлении нашей конторы.

Машину я решил не брать, несмотря на то, что мимо меня время от времени проезжали частные такси – во избежание больших неприятностей. Про этот способ наколки инструкторы учебки нам все уши прожужжали. Нет ничего проще захомутать объект при помощи тачки. Так же как и водить его по городу, периодически меняя машины наблюдения. Я, конечно, терял время, но когда речь идет о спасение собственной шкуры, глупое геройство никогда до добра не доводит. А я всегда относился к собственной персоне если и не с уважением, то по крайней мере достаточно бережно. Ничто не может быть ценнее человеческой жизни. В могилу не заберешь ни деньги, ни славу, ни почет и уважение сограждан. Все это мишура, пусть и необходимая в этом сумасшедшем мире.

Кто ходил по лезвию ножа над пропастью, тот меня поймет...

В окнах нашей конторы свет не горел. Впрочем, если там Маркузик с девицей, то он мог их закрыть плотными шторами. Держась поближе к стене здания, я начал черепашьим шагом приближаться к офису. Вокруг не было ни единой души, но неприятный червь подозрения все грыз и грыз мои нервные окончания, и когда наконец я подошел к ступенькам, ведущим к входной двери конторы, меня начал бить мандраж.

Дверь оказалась не заперта. Со стороны это было незаметно, но вблизи я хорошо видел, что она прикрыта неплотно. Марик забыл закрыться на ключ? Он иногда ночевал в конторе, но, зная его педантичность и скрупулезность даже в мелочах, я даже представить себе не мог, чтобы наш гений мог допустить такую оплошность.

Я проскользнул в прихожую как тень. Внутри офиса было тихо, но мне почему-то показалось, что комнатах кто-то есть. Марк? Я хотел было его позвать – и тут же прикусил язык. Осел! Тоже мне разведчик-диверсант, пусть и бывший. Ты еще отрапортуй по всей форме: старший прапорщик Сильверстов прибыл для получения пули в свою глупую башку!

Я затаил дыхание и прислушался. Нет, все-таки внутри кто-то есть! Двери в нашей конторе были массивные, дубовые – пушкой не пробьешь, но даже через них до меня донесся подозрительный шорох. Мыши? Не может быть – две недели назад к нам пожаловали сотрудники санэпидемстанции и вытравили всю подлую живность, включая рыжих муравьев и тараканов. Как говорится, проверено, мин нет.

Пригнувшись пониже, я наконец отважился и открыл вторую дверь, которая вела в наш с Платом кабинет. Он, как и положено в такое позднее время, был пуст, но шорохи усилились. И они раздавались из мастерской-лаборатории Маркузика. Теперь я явственно слышал еще и чье-то напряженное дыхание. Неужто у нас завелись призраки?

Я достал нунчаки и, плюнув на все предосторожности, бурей ворвался в комнату Марика, на ходу опрокинув стул и свалив на пол какие-то коробки, сложенные возле самой двери.

Картина, которая открылась передо мной, оптимизма мне не прибавила. Скорее наоборот.

Комнату освещала маломощная настольная лампа, и в ее тусклом желтом свете я первым делом увидел двух хмырей, которые возились с нашим компьютером. Один из них работал на клавиатуре, а второй стоял рядом, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. В дальнем углу я заметил и Марка. Он сидел на полу, привалившись спиной к стене, и не подавал никаких признаков жизни. Убит!?

В моей башке будто взорвалась бомба. Я прыгнул вперед, как кот, и все же чуток опоздал:

напарник спеца по компьютерам выхватил пистолет и направил его в мою сторону.

Наверное, мне просто повезло, что он по запарке забыл снять свою "пушку" с предохранителя. А когда хмырь с пистолетом был готов к стрельбе, я уже стоял рядом и, особо не придерживая руку, треснул его древним восточным оружием по кумполу. Он даже не охнул – отлетел в угол и в беспамятстве шмякнулся на пол, выронив оружие.

Второй при виде моей зверской физиономии испуганно икнул и, потеряв сознание от страха, медленно сполз под стол. Я не стал ему добавлять – паренек был хлипкий, в очках и очень молодой; он выглядел как вылитый киношный интеллигент.

Разобравшись с незваными гостями, я бросился к Марику. От моего прикосновения он тихо застонал и открыл глаза. Живой!

– Где я? Что со мной? – спросил непослушными губами Маркузик и, поморщившись, пощупал темя. – Голова болит...

– Она у тебя крепкая, заживет, – сказал я в ответ, едва сдерживаясь, чтобы не заорать от радости. – Ничего страшного, всего лишь ссадина. Шишка и немного крови. Кожа рассечена. Вставай, я помогу...

Несмотря на свой малый рост, Марик весил килограмм восемьдесят, и мне пришлось хорошо поднатужиться, чтобы поставить его на ноги.

– Шатает... – Марк сильно побледнел и повис на мне как непотребная девка на клиенте. – Я хочу... на диван...

От переполнивших меня радостных чувств я расслабился и забыл прописную истину диверсантов: проведя "зачистку", займи круговую оборону, и только потом принимайся за лечение ран. Даже подозрительный шорох сзади не привел меня в состояние полной боевой готовности. Я лишь сделал вялую попытку обернуться, но мне помешал совсем поплывший Маркузик; возможно, он и потерял сознание, однако вцепился за меня как утопающий за соломинку. Страшной силы удар по шее меня поначалу лишь парализовал, а второй – по голове – погрузил в полный мрак. Самое интересное, но в этот момент я почему-то увидел море и яхту – ту самую, из моей голубой мечты...

Пробуждение было долгим и нежеланным. Я упрямо не хотел открывать глаза, хотя и чувствовал, что меня хлопают по щекам и трясут словно соломенный куль. Наконец кто-то додумался вылить на мою голову с полведра воды и я, разозлившись, заорал:

– Дам в морду!

Странно – мой крик прозвучал как шелест листвы, хотя я на свой голос никогда не обижался. Певец, конечно, из меня неважный, но в бою мои команды было довольно отчетливо слышно за километр.

– Стас, очнись! Сильвер, мать твою, не придуривайся! Пожалуйста, Стас...

Ну, надоели! Я был настолько зол, что сделал титаническое усилие и наконец поднял невероятно тяжелые свинцовые веки, чтобы сказать нарушителю спокойствия все, что я о нем думаю.

Надо мной, словно колобок, каталась в сизом тумане физиономия Плата. Возможно, мне показалось, но я заметил в его глазах слезы.

– Какого черта?! – спросил я возмущенно. – Оставь меня в покое!

На этот раз мой голос зазвучал значительно громче, и я увидел как колобок заулыбался, а затем его пнули и он покатился дальше. Теперь на его месте я увидел смуглую вывеску Маркузика в белоснежной чалме из бинтов.

– Воды хочешь? – спросил он с такой нежностью, что мне захотелось послать его подальше.

– Уже достаточно. Я и так мокрый. Там за диваном, в обувной коробке, у меня пузырек припрятан. Тащите его сюда. И стакан!

– Жмот... – любовно проворковал Плат. – Товарищи, можно сказать, от жажды умирают, а он только о себе думает.

– Ладно, несите три стакана, – милостиво согласился я и, кряхтя, попытался сесть.

Получилось. Но с помощью Сереги. Марк быстро разлил водку по пластиковым стаканчикам – стеклянных он почему-то не нашел – и мы, чокнувшись и дружно выдохнув "фу!", опрокинули их в наши глотки одним махом.

Шибануло... Горячая волна пробежала даже не по жилам – по костям. Не сговариваясь, мы пошли на второй заход, затем на третий, а когда бутылка показала дно, Плат дал нам закусить – разломил на три равных части мятный пряник. Интересно, где он его отыскал?

На ноги я встал уже самостоятельно. Сильно болела шея – я не мог повернуть головы, а в глазах мелькали крохотные хрустальные шарики.

– Что там у меня? – спросил я Серегу, повернувшись к нему спиной.

– Мелочи, – с деланной беззаботностью ответил он. – Шишка на голове размером с кулак и синяк на шее. Большой.

– Понятно, – сказал я угрюмо. – Сработано профессионально. Но не очень чисто. Этот козел просчитался. Он думал меня вырубить с первого раза, но не учел моей чисто интуитивной способности гасить удар сокращением мышц. Это достигается длительными тренировками, а я как раз специально обращал внимание на этот компонент боевых искусств. Мне "набивали" в учебке шею штакетником, из-за этого два раза в санчасти валялся. Но ничего, как видите, жив до сих пор.

– Зато по своей дубовой башке ты получил от всей души. Скорее всего, резиновой дубинкой – кожа не рассечена, – сказал Плат. – На голове у тебя, конечно, мышц нету, зато кость такая толстая, что молотом не пробьешь. А под нею – мякина. Какого хрена ты меня не предупредил, что отправишься в контору!?

– Ну, началось... – Мне было так приятно ощущать себя живым, да еще и среди друзей, что я даже не огрызнулся по своему обычаю.

– Дать бы тебе... еще раз! – Плат свирепо оскалился. – Сукин сын... Сам мог погибнуть и Марика за собой потащить.

– Так ведь все закончилось благополучно... – Я возражал вяло, нехотя, чувствуя как алкоголь постепенно убирает боль и лечит нервы.

– К счастью. Будем считать, что сегодня вы с Мариком родились во второй раз.

– Не знаю, как Марк, а мне таких "дней рождения" и на пальцах не сосчитать. Выжили – и ладно. Было бы о чем говорить...

– Может, ты и прав... – Серега с раздражением выбросил сломанную сигарету. – Как

говорили древние, наша судьба на коленях богов. И пока она к вам благосклонна.

– Постучи по дереву. А как ты здесь очутился?

– После разговора с тобой меня будто шилом в задницу ткнули. Места себе не находил.

Мысли такие полезли в голову, что я плюнул на сон, вызвал такси и приехал сюда. Как оказалось – вовремя.

– Ну и?..

– Я прибыл на разбор шапок. Неподалеку от офиса стояла белая "девятка" и два мужика грузили в нее третьего. Мне поначалу показалось, что это какая-то пьяная компания, а потому я начал неторопливо рассчитывать с таксистом, дожидаясь пока они уедут. Но тут я увидел, что из двери нашей конторы выходит четвертый и меня осенило. На мою счастье, водитель оказался понятливым парнем, и мы вместе такой хай подняли, что "девятку" будто ветром сдуло. Я хотел было отправиться вдогонку за ними, но замешкался – или, если честно – немного растерялся. Да и таксист не горел желанием проявлять героизм. А дальше... Дальше все известно. Зашел, увидел вас. Марк уже пришел в себя, а ты мне показался... ну, в общем, понятно... У водителя в аптечке были бинты, йод, он перевязал Марику голову. Таксист хотел для тебя вызвать "Скорую", но ты начал шевелиться. Я решил немного повременить. Водителя я попросил, чтобы он держал рот на замке...

– Правильно сделал. – Я сразу понял, что недосказал Плат. – Нам тут толпа твоих бывших коллег нужна как корове седло. Врать как-то не с руки, но и всю правду ментам выкладывать ни в коем случае нельзя.

– Ситуация – хуже не придумаешь... – Плат поморщился, будто съел лимонную дольку. – Бля!

– Хорошо, что ты не начал преследовать "девятку". У тех козлов стволы, они из вас дуршлаг бы сделали. Номер запомнил?

– Он был заляпан грязью.

– Предусмотрительные, сволочи...

– Ничего, я думаю, нам еще придется с ними встретиться, – с угрозой сказал Плат. – Теперь мы будем осторожней.

– Век бы их не видеть... – буркнул я. – Ты не очень хорохорься, Серега. Я думаю, за ними стоят очень серьезные люди. На кой они нам? Слава Богу, им не дали приказ на ликвидацию. Иначе сейчас бы ты голову пеплом посыпал.

– Все это верно... но обидно. Такое прощать нельзя.

– А что ты молчишь? – обратился я к Маркузику, сосредоточенно поправляющему повязку на голове. – Или тебе нечего сказать?

– Нечего! – отрезал Марк. – Дали мне по башке – и все дела. Я мало что помню.

– Ты не темни. Расскажи все. И не нужно строить из себя жертву случайного стечения обстоятельств. Я тебе говорил, что контора – это не хаза? Говорил. Разбирайся со своими телками где-нибудь на квартире.

Маркузик глянул на Плата, как рублем подарил, но благоразумно спорить не стал.

- Ну проводил я... до остановки... одну... Вы ее не знаете... – Марк бубнил под нос, не поднимая головы.
- В котором часу это было? – спросил я.
- Где-то около двенадцати. Потом вернулся. Домой идти не хотелось, и я решил переночевать в офисе. Подошел к двери, вставил ключ в замок... И все. Очнулся, когда появился Сильвер. Ненадолго. Потом ты пришел, – он повернулся к Плату, – вместе с шофером. Все происходило как во сне...
- Ясно, что ничего не ясно, – констатировал я и в досаде сплюнул. – А почему телефон не работал?
- Это я виноват. Трубку на рычаг не положил.
- Некогда было? – съязвил Плат. – Любовная горячка и все такое прочее.
- Не дави на Марка, – вступился я за нашего Нью-Казанову. – Если бы не его невнимательность – пусть и в порыве страсти, – Плат ехидно ухмыльнулся, – то неизвестно чем бы этот налет закончился.
- Ладно, оставим разбор полетов – Плат помрачнел. – Меня интересует главное – что налетчики искали в нашем офисе?
- Не в офисе, а в компьютере Марка, – поправил я нашего старшого. – Я думаю, их волновал единственный вопрос: знаем мы о тайном содержании бумажника лжеЗавалихина или нет?
- Твое мнение – всего лишь одна из версий, – парировал Плат. – Имеют право на существование и другие. Например, кому-то очень захотелось узнать принцип работы сконструированной Марком системы охранной сигнализации.
- Чушь! – фыркнул я. – Квартирные воры практически не прибегают к насилию. И тебе это известно не хуже, чем мне. Другое дело если кому-то нужно проникнуть в дом "нового" русского для иной акции, нежели элементарный грабеж. Такой вариант я не исключаю.
- В компьютер им не влезть, – категорично заявил Марк. – Все сведения, касающиеся нашей фирмы, у меня под паролем и вдобавок закодированы. Взломать банк данных моего винчестера слабо даже опытному хакеру.
- Но они пытались. – Перед моим внутренним взором возникло лицо "гнилого" интеллигента в очках, перепуганное до омерзения.
- Скажи спасибо, что Сильвер пришел очень вовремя, – добавил Плат. – Иначе, получив облом, они взялись бы за тебя вплотную, дорогой наш ветреник. А такие парни умеют развязывать языки, уж поверь мне.
- А что если?.. – У Марка горели глаза, как у невменяемого. – Что если кто-то начал работать с тайными счетами, данные о которых мы нашли в бумажнике?
- Возможно... – Серега нахмурился. – Я уловил твою мысль, Марк. Если это так, тогда мы между жерновами. Черт!
- Извиняюсь... – Я смотрел на них с недоумением. – Как это понимать – кто-то? Нам и так известно, что данные счетов в руках нашего плешивого клиента.
- Это мы знаем. Как и то, что бумажник попал не по адресу. А если счета принадлежали даже не лично Завалихину, а некой группе? В которую наш клиент не входит? И теперь эта группа

ищет концы. – Плат закурил и жадно затянулся.

– А как они о нас узнали? – спросил я.

– Очень просто. Или следили за плешивым, или в его компашке завелся стукач. Возможно, партнеры /или противники/ плешивого не знали, какая существует связь между ним и нашим агентством. И решили проверить, "прокачав" базу данных компьютера Марка.

– Блин! Нам только этого для полного счастья и не хватало. – Я сделал резкое движение и охнул от боли в шее. – Но этого гада, что дал мне по башке, я когда-нибудь встречу...

– Вот что, ребятки... – Плат потер глаза. – Не пора ли нам на боковую? Скоро утро. А сегодня у нас работы – непечатый край. Нужно хорошо отдохнуть. Марк, вызывай такси.

– О налете в милицию будем сообщать? – спросил я.

– Думаю, что не стоит, – ответил Серега. – Время уже все равно упущено. Впрочем, давайте к этому вопросу вернемся утром, когда отоспимся...

Домой я не поехал. Замкнув за Платом и Маркузиком двери, я откупорил еще один свой тайник и достал оттуда недопитую бутылку виски. Лед в холодильнике был и я, наполнив стакан, лег на свой любимый диван, чтобы еще раз хорошо обдумать сложившуюся ситуацию. А она мне очень не нравилась...

Я так и уснул со стаканом в руке. Мне снилась какая-то абракадабра – сплошной калейдоскоп образов, предметов, разрушенных зданий и черных дыр, время от времени вспухающих огненными всплесками.

Глава 9. МЕНТ

События подхватили нас и понеслись вскачь...

Говорят, что жизнь как тельняшка, когда черная полоса неудач сменяется белой – сплошными радостями и удовольствиями. Но все зависит от того, в каком направлении идешь – вдоль полос или поперек. Большинство граждан бежит по жизни поперек полос и тогда быстрое чередование белого и черного цвета в итоге дает унылый серятину. Нет бы остановиться на светлом участке и отдохнуть от житейской суеты, наслаждаясь спокойствием и умиротворенностью. Да, с деньгами трудновато, однако можно перехватиться до полочки; да, работа так себе, хотя коллектив неплохой и начальник не совсем уж конченная сволочь; да, жена пилит, но редко – подумаешь, в общей сложности неделю в месяц... Зато не нужно стоять в очередях – раз, душа не болит за то, что машину уведут, потому как ее нет – два, новая сотрудница не прочь завести с тобою амур – три, и вообще – какое небо голубое!

Ан, нет. Уж так человек устроен, что ему кажется будто на горизонте его ждут райские кущи. И – вперед, и – галопом, и – в погоню за деньгами, и – поперек полос! В итоге получается все с точностью до наоборот.

Но есть такая категория граждан, которая редко выходит из колеи, проложенной судьбой.

Они бегут вдоль полос, и те, которым выпала белая – совершенно уникальные счастливицы, родившиеся с серебряной ложкой во рту. Эти эфирные создания, чаще всего богатые и пустоголовые, понятия не имеют, что такое трудности, не задумываются о смысле жизни и считают житейские блага само собой разумеющимися. Они легко рождаются, легко живут и

легко умирают, не оставив ни малейшего следа ни в памяти человеческой, ни в информационном поле Земли, где хранится мудрость веков – ноосфере, как назвал этот пока недоказанный феномен академик Вернадский. /Если я не ошибаюсь; возможно, и какой-то другой яйцеголовый умник – из тех, кто придумал атомную бомбу, смертоносные вирусы и генную инженерию, Голгофу человечества в двадцать первом веке... черт бы их всех побрал, этих сдвинутых по фазе гениев!/ Однако самый интересный подвид человека мыслящего – это те, которые передвигаются по черным полосам. У меня язык не поворачивается назвать их придурками, так как нельзя изгаляться над убогими и сирыми. Загнав себя на эту мрачную стезю, они с удивительной настойчивостью бегут по ней до самого финиша, не делая даже попыток свернуть в сторону, при этом чаще всего занимаясь самоуничижением и дураковалением, заключающимися в полной покорности судьбе и ничегонеделанию. Нет, они не уваливают от работы; наоборот – пашут, как ломовые лошади, надрывая мышцы и сухожилия, изо всех сил стараются выбраться из нищеты и достичь прочного общественного положения.

Но редко кто решается резко поменять направление бега, чтобы двигаться хотя бы поперек полос.

Я принадлежу к большинству. Глупому большинству, которое метется поперек полос со скоростью гоночного авто, пытаюсь разглядеть в конце тоннеля не привычную серятину, а яркое солнечное пятнышко. Ну какой бес меня дернул принять предложение Плата!? Чего мне не хватало? Жил спокойно, никто меня не кантовал, голодным и раздетым не ходил, имел у бармена Жоржа неограниченный кредит, с девушками тоже особых проблем не было. По идее, после госпиталя и демобилизации я жил на крохотном белом плацдарме, хотя и не осознавал этого. Увы, прозрение обычно приходит слишком поздно...

Разбудило меня настойчивое дребезжанье дверного звонка. С трудом разлепив веки, я посмотрел на часы. Плат и Маркузик обещались появиться в офисе не ранее десяти, а сейчас было всего лишь полдевятого. Неужто новый клиент? Что-то в последнее время они начали к нам ходить косяками...

С такой благой мыслью я протер глаза и пошел открывать.

Физиономия, которую я узрел через глазок, доверия мне не внушала. Было в ней что-то такое... эдакое... трудно объяснить, ей Богу. Дедушка Холмс рассказывал своему летописцу доктору Ватсону, что обычно профессия накладывает на человека неизгладимый отпечаток. С этим утверждением можно соглашаться, можно оспаривать, но то, что у двери нашей конторы торчал мент в штатском, я практически не сомневался.

Ищейка, она и есть ищейка, даже если ее нарядить в костюм от известного кутюрье и обувь в лаковые штилеты. Правда, тип, нарушивший мой мирный сон после трудов праведных, был одет в мятую куртку, не очень свежую рубаху и брюки, которые он, наверное, позаимствовал у дедушки, потомственного пролетария и ярого поборника коммунистической идеи. Его тяжелый и даже сонный взгляд сытого удава давил на дверь с такой силой, что я поторопился ее открыть, чтобы она случаем не рухнула и не погребла под своей тяжестью свежее испеченного детектива Сильверстова.

– Вы кто? – довольно грубо осведомился тип, неторопливо осмотрев меня с головы до ног.

Конь в пальто, хотел ответить я пошлым штампом, но благоразумно сдержался, имея определенный опыт общения со стражами порядка.

– С кем имею честь? – Моей галантности мог бы позавидовать любой дипломат.

– Капитан Жердин, уголовный розыск.

- Сторож Сильверстов. Вы по делу или как? – Я прикинулся простаком и валял ваныку.
- Где начальство?
- Они еще почивают, – сказал я с великим почтением.
- Неплохо устроились... – буркнул себе под нос капитан. – Когда открывается эта шарашкина контора?
- Думаю, к десяти подгребут.
- Это поздно. У них есть домашние телефоны?
- А как же. У меня записано...
- Вызывай. Самого главного. И чтобы он был здесь через двадцать минут!
- Слушаюсь, гражданин начальник!

Моя последняя фраза вызвала у бравого мента определенный подозрения и он посмотрел на меня так нехорошо, что будь я и впрямь сторожем, у меня бы коленки задрожали. Но я тарасился на него с таким глупым видом, что он успокоился и мы прошли в кабинет, где я начал усердно накручивать телефонный диск.

- Алло! Сергей Александрович? Извините, что беспокою в такую рань... Как кто? Сторож Сильверстов.
- Ты чего придуриваешься? – недовольно спросил Плат.
- Сергей Александрович, тут к вам пришли... из милиции. Уголовный розыск. Просили, чтобы вы были через двадцать минут.
- Сильвер, ты не шутишь? – сонные нотки в голосе Плата вмиг исчезли и им на смену пришли ржавые звуки – словно у моего друга запершило в горле.
- Никак нет!
- Понял. Уже одеваюсь. Играй свою роль до конца.
- А как же, мы всегда...

Дождаясь Плата, я усиленно изображал активную деятельность хорошо вышколенного служивого: подмел полы, вынес мусор, полил кактусы, Маркузииков бзик – он где-то вычитал, что эти растения просто-таки необходимы там, где имеется электронная аппаратура; будто бы их колючки восстанавливают энергетический баланс в помещении и снимают излишнюю статику. Мы с Платом спорить не стали – гений потому и гений, что у него чердак с рождения набекрень – но нередко поминали нашего друга в достаточно категоричной форме, когда в очередной раз убеждались, что эти, с позволения сказать, цветочки имеют коварную особенность подстергать нас в самых неожиданных местах. А уколы кактусов были весьма болезненны.

Сергея появился в конторе через полчаса. Надутый, как сыч, Жердин наверное протер дырку на штанах, ерзая от нетерпения на жестком сидении стула. Когда он увидел Плата, у него глаза полезли на лоб.

- Сергей!? – растерянно воскликнул он, поднимаясь. – Ты... здесь?..
- Привет, Валера. – Плат пожал руку Жердина. – Чему ты удивляешься? Жизнь прекрасна и

удивительна. Рыба ищет, где глубже, а отставной мент – где можно выжить, чтобы не откинуть с голодухи копыта. Не я первый вышел из недр госслужбы на свои хлеба, не я последний. А как ты поживаешь?

– Хреново, – нервно ответил Жердин. – Меня перевели в "убойный" отдел, на твоё место.

Поэтому плакаться тебе о моих проблемах нету смысла – сам знаешь.

– Скажем так – догадываюсь. – Плат сел на своё место. – Как я понимаю, ты к нам по делу.

Верно?

– В общем... да, – нахмурился капитан и придвинул свой стул поближе к столу.

– Признаюсь – удивлен. Мы пока никого не успели завалить, так что твой интерес к нашему предприятию меня несколько обескураживает. Начнешь издали или сразу выложишь карты на стол?

– С тобою темнить нет смысла... – Жердин обернулся и посмотрел на меня; я сидел на диване и наивно хлопал ресницами. – Мне кажется, твоему сторожу пора сдавать смену.

– Пора, – улыбнулся Серега. – Знакомься, – сказал он капитану, – мой партнер по бизнесу и старый друг Станислав Сильверстов.

– Артист... – покачал головой Жердин. – Я купился на его штучки как последний фраер.

– Извиняюсь, товарищ капитан, положение обязывало, – сказал я с деланным смирением. – Серега у нас шеф, поэтому без него я просто не имел права с вами разговаривать.

– У вас, я вижу, все построено по американским стандартам, – кисло осклабился Жердин. – Может, подождем еще и вашего адвоката? – ехидно спросил он.

– Перестань, – отмахнулся Плат. – Здесь все свои. Не будем пикироваться. Что там у тебя?

– Тебе известен некий Соломонов Михаил Борисович?

– Нет, – немного подумав, ответил Плат.

– Посмотри, это он. – Жердин положил на стол перед Серегой фотографию.

Со своего места я увидел, что Плат побледнел. Я быстро встал и подошел к столу.

Изображение на фотографии поразило меня не меньше, чем Серегу. На глянцевом картоне в застывшем предсмертном крике скалил зубы наш плешивый клиент! Посреди его лба виднелось аккуратное пятнышко – входное отверстие пули. Контрольный выстрел...

– Да, теперь узнаю... – не без усилия выдавил из себя Плат и поторопился закурить.

– Выкладывай, – посуровев, потребовал Жердин.

Плат рассказал почти все. За исключением двух, пожалуй, самых важных моментов: как мы нашли бумажник и что в нем откопали.

– Кстати, как ты вышел на наше агентство? – спросил он капитана.

– Мы проверяем все его контакты. Обычная практика, ты это знаешь. Ваш адрес и телефон значились в его записной книжке.

– Есть еще один нюанс... – Серега достал нашу бухгалтерскую книгу. – Соломонов зарегистрировался у нас под именем Завалихина Петра Николаевича.

– Что-о!? – Жердин даже подскочил на стуле от возбуждения. – Не может быть!

– Почему это не может быть? – Плат изобразил равнодушие. – Пришел, назваля, мы записали. Дело, в общем, не стоило выеденного яйца. Подумаешь – бумажник. Нашли, отдали... Если честно, нам повезло.

– И даже не подумали заглянуть в его документы? – Капитан снова надел свою ментовскую маску и буквально прожигал тяжелым взглядом невозмутимого Серегу. – На тебя это не похоже.

– Валера, у нас иные условия игры, нежели в угрозыске. Нам плевать, кто сюда приходит и в чем его проблема. Лишь бы мы могли с нею справиться и чтобы она лежала в пределах законности. За этим мы следим, будь спок. Но если человек по каким-то причинам хочет остаться инкогнито – это его право.

– Да? – Казалось, что Жердин сейчас заискрит, настолько он был наэлектризован. – А то, что и Завалихин убит, тебя это тоже не щекочет? Судя по дате в вашем гроссбухе, Соломонов использовал фамилию Завалихина уже после его смерти. Тебе это, как бывшему сотруднику "убойного" отдела, ни о чем не говорит?

– Говорит. Но я не слушаю. Это теперь твоя помойка, ты в ней и ковыряйся. Вариантов море. Мое дело прокукарекать, а там хоть не рассветай. Мне очень жаль, но помочь тебе ни в чем не могу. Что знаю, то знаю – и не более того.

– Ладно, продолжим... – Жердин был зол. – Что собой представлял этот бумажник?

– Очень дорогая вещь, выполненная на заказ. Завалихин – пардон, Соломонов – сказал, что это подарок от друга и ценен как память. Вот снимок бумажника. – Плат вынул из стола папку и достал из нее фотокарточку.

Я посмотрел на него с удивлением – когда он успел сделать эту фотку? Вот темнила хренов...

– И ты, конечно, поверил в его басни... – Жердин иронично ухмылялся.

– Нет, не поверил, – честно признался Серега. – Но он платил хорошие бабки. А наша контора была на мели. Что мне оставалось делать? Бежать в милицию и писать заявление?

Так, мол, и так, подозрительный гражданин хочет отыскать не менее подозрительный бумажник. Примите меры. Чтобы ты ответил? Вот-вот, и я о том же. Может, и не дал бы мне пинка под зад, но подумал бы, что у меня крыша поехала – это точно.

– Логично. Ты прав, – нехотя признался капитан. – Надеюсь, вы догадались тщательно осмотреть бумажник?

– Обижаешь... – Лицо Плата стало таким честным, что я едва не заржал от удовольствия – ну, конспиратор, ядрена вошь. – Мы его едва на зуб не пробовали. Ни хрена. Красивый, дорогой и совершенно пустой.

– Но фотографию, тем не менее, сделали... – Жердин никак не мог избавиться от вполне обоснованных подозрений. – Зачем?

– Знали, что ты придешь, – с раздражением брякнул Серега. – И будешь задавать дурацкие вопросы. Я тебе уже ответил, что мне этот гражданин не понравился, так же, как и его

страстное желание заполучить бумажник любой ценой. А потому решил подстраховаться, чтобы нашу контору не заподозрили черт знает в чем.

– А ведь в описи вещей, найденных у покойника, бумажник не значится... – задумчиво сказал капитан.

– Его квартиру обыскали?

– Очень тщательно. Но такого бумажника в ней не было. Впрочем, возможно я ошибаюсь, – оживился Жердин. – Ладно, спрашиваю ребят, которые производили обыск. В квартире Соломонова можно еще покопаться – она опечатана. Он отправил семью в Америку и жил один.

– Как он погиб?

– Его нашли совершенно случайно. Пацаны ловили рыбу в реке, поставили удочки-донки, одна из них зацепилась, начали нырять, чтобы посмотреть что там и как, ну и... В воде Соломонов пролежал всего двое суток, так определил медэксперт. Похоже, вашего клиента замочили где-то за городом, в лесу – в его руке нашли земляничный кустик, наверное, царапал землю в конвульсиях. Затем привезли к реке, привязали к ногам полуметровый кусок рельса и бросили в омут. Убийцы не учли одного – что в том месте очень сильное течение. Которое и вынесло тело, несмотря на железяку, к самой отмели.

Поплавай Соломонов под водой еще неделю, от него остался бы один скелет – в тех местах водятся сомы и много раков.

– Кто такой этот Соломонов? – спросил Плат. – Почему я о нем ничего не знаю? А должен бы, если он такая шишка, на которую спустили с цепи наемного убийцу. Убийство, скорее всего, заказное. Мне кажется, работали профи.

– Мы тоже склоняемся к этой версии. А что касается личности убитого, то Соломонов принадлежал к "темным лошадам". Очень богатым лошадкам, которые едет только из золотой кормушки. Он работал главным консультантом по связям с дальним зарубежьем фирмы "Линкос", но есть достаточно обоснованное предположение, что Соломонов совладелец многих предприятий города и что у него даже есть небольшой личный банк где-то на Каймановых островах.

– Круто... – Плат потер виски, что у моего старого друга обозначало активный мыслительный процесс. – Тогда каким боком Соломонова можно приклеить к Завалихину?

Ведь то, что между ними существовала какая-то связь, теперь, как говорится, и козе понятно.

– Этот вопрос придется прорабатывать. Завалихин был директором фирмы "Анкона-Арт лимитед", которая поставляла на западные рынки "живой" товар.

– Не понял... – Серега вытаращился на капитана как баран на новые ворота. – Ты хочешь сказать, что этот сукин сын торговал рабами? В наше время? Бред!

– Почти что так. Он был поставщиком невест для состоятельных западных джентльменов.

Правда, многие из них, пока не подтвержденным железными фактами данным, почемуто оказались не в подвенечных платьях, а в мини-юбках проституток, но в этом еще придется разбираться. Мало того, эта скотина, которую, к сожалению, грохнули слишком рано, поставляла богатым бездетным семьям за рубежом будущих мамаш, преимущественно молодых. Они приезжали по гостевым визам, их там подвергали тщательному медицинскому обследованию, и, если все было в норме, оставляли рожать. А после, передав ребенка новым родителям и заплатив не очень большие деньги, быстренько выпроваживали их в родные

пенаты. Конечно же, львиная часть денег, уплаченных бездетными нуворишами, оседала на тайных счетах Завалихина. Вот такой компот, коллега.

– Говоришь, грохнули слишком рано?

– Завалихин и "Анкона-Арт лимитед" уже были в разработке. Дело оставалось за малым: получить ордер на его арест и допросить. Но нас опередили. Похоже, кто-то из наших настучал кому нужно и Завалихина немедленно нашпиговали свинцом. Все, концы в воду.

До "убойного" отдела я как раз занимался "Анконой", так что мне все это известно из первых рук.

– Да, веревочка вяжется длинная... – Плат быстро взглянул на меня. – Все эти твои истории, Валера, дурно пахнут. Я тебе не завидую. И себе тоже – угораздила меня нелегкая связаться с этим бумажником.

– А все ли ты, мил человек, мне рассказал? – жестко спросил Жердин, гипнотизируя Серегу своим тяжелым взглядом. – Я знаком с тобою много лет и знаю, что ты большой любитель всяких фокусов и можешь доставать кроликов из цилиндра в самый неподходящий момент. А мне бы очень не хотелось быть с тобой по разным сторонам баррикады.

Плат заколебался. Наверное, его голова сейчас работала словно компьютер, просчитывая разные варианты. Я ничем не мог ему помочь, потому что в сыскном деле разбирался как свинья в апельсинах.

– Ладно... – Серега даже покраснелся от возбуждения. – Но только не для протокола.

Договорились?

– Слушай, ты меня тоже пойми...

– Или – или! – резко сказал Плат. – Или мы с тобой толкуем полюбовно, или я от всего отказываюсь. Мне совсем не улыбается перспектива ходить каждый день на допросы. А затем "нечаянно" получить лишнюю дырку между глаз. Я даю тебе информацию – и умываю руки.

– Ладно, я согласен, – неохотно ответил Жердин.

Я смотрел на них во все глаза. Я не знал, о чем намеревался рассказать Плат, но мысленно молил Бога, чтобы он не упоминал о нашей находке в бумажнике. Я чувствовал всеми фибрами и жабрами души, что номера тайных счетов могут оказаться для всех нас эпитафией на наших надгробиях. Несмотря на свой мизерный детективный опыт, я практически не сомневался, что убийства Завалихина и Соломонова каким-то образом связаны между собой и имеют непосредственное отношение к тайне бумажника. Плат, братишка, не ляпни сдуру чего не нужно!

– Вчера вечером на нашу контору был произведен налет... – сухо начал Плат, глядя прямо в глаза Жердина, сузившиеся от сильного внутреннего напряжения.

Он рассказал о вчерашних событиях все – от корки до корки. Для полной достоверности информации мне даже пришлось продемонстрировать шишку на макушке и синяк на шее.

Когда Серега закончил говорить, я облегченно вздохнул: нет, все-таки у моего друга есть масло в голове – про тайну бумажника он даже не заикнулся.

– Это все? – спросил после минутного молчания Жердин.

– На этот раз я исчерпался до дна, – проникновенно ответил Плат, надев на себя маску абсолютной честности.

– Значит, номер машины ты не запомнил... – то ли спросил, то ли констатировал капитан.

– Нет. Я уже говорил, что он был сильно забрызган грязью.

– А "нарисовать" портреты тех, кто вломился в ваш офис, тоже не сможешь?

– Было темно... разве что Стас... – Плат взглянул на меня с совершенным безразличием.

Понял я, братан, все понял! Как же, сейчас возьму карандаш и превращусь в Пикассо...

– А что Стас? – с обидой сказал я. – Меня шандарахнули по кумполу – и все дела. Ни фига я не увидел. Если бы знал, что в конторе, кроме Марка, есть еще кто-то – тогда конечно...

– Интересно, что им было нужно в вашем офисе? – спросил Жердин. – По-моему, украсть тут у вас нечего. Или я ошибаюсь?

– Разве что кожаный диван, – невесело осклабился Серега. – Мы остановились на единственной версии, которая хоть как-то объясняет случившееся...

– Ну и?.. – Капитан смотрел на Плату с нескрываемым скепсисом.

– Кому-то из блатных захотелось иметь схему охранной сигнализации, изобретенную нашим другом Марком.

– Версия не выдерживает критики, – заметил Жердин. – Ты и сам это понимаешь. Не тот "почерк", коллега.

– За неимением корабля и корыто подойдет, – огрызнулся Плат. – Вообще-то, чихал я на все версии, которые только можно придумать. Меня интересуют голые факты. А они бьют моих друзей – сам видишь – по головам. И мне бы очень не хотелось повторения вчерашней истории.

– А что мне теперь делать? – спросил Жердин. – Как ты считаешь? – Он остро взглянул на Серегу.

– Хозяин – барин... – пожал плечами Плат. – Ты ведешь это дело – тебе и решать. По поводу бумажника могу написать заявление. Или, если хочешь, оформим все протоколом.

Жердин задумался. Он изредка посматривал то на меня, то на Плату. Мы сидели молча, изображая покорность судьбе.

– Ладно, – подал наконец он голос. – Уговор есть уговор. Про налет замнем для ясности.

Райотделу милиции вашего района лишний "глухарь" совсем ни к чему. Спасибо, кстати, за доверие. А насчет бумажника... – Жердин сокрушенно покачал головой. – Тут уж ничего не поделаешь... Бумага и ручка у тебя есть? – обратился он к Плату.

– А как же, – невесело улыбнулся Серега. – Уходя из милиции, я думал, что навсегда покончил с бумагомаранием. Но вижу, что крупно ошибался. Бухгалтерские отчеты замахали. А теперь еще это... – Он сокрушенно вздохнул.

Выпроводив Жердина, мы некоторое время молчали. На душе было так скверно, что я не выдержал и вынул из своего тайника недопитое виски. Не говоря ни слова, Плат достал из холодильника лед и мы предались возлияниям.

– Жердину можно доверять? – спросил я, когда бутылка показала дно.

– Как сказал герой известного фильма, верить можно только самому себе. Валера – парень неплохой, но сам себе на уме. Он хороший сыщик – упрямый, толковый, но чересчур жесткий. Тех, кто попадает ему на зуб, он перемалывает на муку. Будто бы и не карьерист, но своего никогда не упустит. Сложный человек...

– Мне плевать на его сложность. Я спрашиваю о другом.

– Я тебя понял. Не знаю. Со временем люди меняются. Меня настораживает то, что он появился к нам в аккурат после налета. Это случайность или кем-то продуманная и запрограммированная акция?

– Да, влипли мы... – Алкоголь разбудил желудок и он начал бунтовать, напоминая мне, что уже много часов я держу его на голодном пайке. – Ладно, хрен с ними, с этими нашими проблемами, пойдём где-нибудь перекусим. У меня уже кишки марш играют.

– Может, подождём Марка?

– Мамаша по утрам кормит его отбивными. Как же, будет он хавать столовские помои...

Мы вышли на улицу. Солнце ластилось к нам, как щенок, облизывая щеки теплыми лучами. Утренний город казался таким добрым, мирным. Даже не верилось, что где-то рядом бродит зло, готовое в любой момент сожрать нас с потрохами.

Все хорошо, прекрасная маркиза...

Глава 10. СЛЕД

После ночных событий в нашей конторе и визита капитана Жердина мы больше мандражировали, чем работали. Это только в американском кино мужественный частный детектив, когда на него наезжает мафия, впадает в озверевшее и идет напролом, круша налево и направо чужие челюсти и не задумываясь спуская курок своего "магнума" такого большого калибра, что мне, как бывшему вояке, даже трудно представить размер выходного отверстия пули. Или у них там мафия такая хлипкая, что позволяет какому-то хмырю складывать стога из трупов своих бойцов, или тамошние писатели, закорюченные по самое некуда элитными бройлерами и килограммовыми гамбургерами, в сытой тоске соревнуются кто кого переплюнет по количеству убийств на квадратный дециметр печатного листа.

Иногда почитывая сочинения и наших борзописцев, я впадаю в уныние – нет, все-таки не дотягиваем мы до демократических западных стандартов. Мало того, что герой отечественных триллеров вылитый Раскольников, сбежавший от правосудия в другую эпоху, так он еще и позволяет к концу повествования убить себя. На хрена простому обывателю такая жуть?! То ли дело импортный супермен: вокруг свистят пули, рушатся стены дома, ему уже оторвало задницу, но он, истекая кровью, из последних сил исполняет свой мужской долг – занимается любовью с проституткой, которая за несколько часов перековалась в горниле приключений в добродетельную девушку, мечтающую иметь семью и нарожать дяде Сэму добрый десяток солдат, чтобы они несли знамя американской демократии от Вьетнама до Косово и дальше...

Некоторое шевеление в нашей конторе наметилось лишь на пятый день после разговора с Жердиным. Мы даже стали шутить и улыбаться. Мне уже было знакомо это чувство привыкания к опасности, а Плат и Маркузик испытали его впервые. Сколько не прячься на

войне, а пуля – дура, которая разыщет тебя, если вышел твой срок, даже в наглухо закрытом подземном бункере. В чем я однажды и убедился, когда в полуподвале пятиэтажного дома, где мы укрывались от минометного обстрела, новобранец нечаянно нажал на спусковой крючок снайперской винтовки. От рикошета погиб Мишка Волков по прозвищу Акела, спецназовец-ас, без единого ранения прошедший все горячие точки бывшего Союза. Мы считали Мишку заговоренным и старались попасть в его команду – группа Акелы почти никогда не имела потерь. Вот так оно бывает...

– Звонил Стеблов, – сообщил нам Марк, едва мы зашли в помещение. – Рвет и мечет. Мне кажется, он совсем голову потерял. От похитителей ни слуху ни духу. Алину положили в больницу – у нее нервный срыв.

Впервые за прошедшую неделю Маркузик ночевал в офисе. Он нам сказал, что у него уйма всяких дел, но я думаю, что Марк несколько покривил душой. Просто наш друг решил таким макаром преодолеть страх, угнездившийся в нем после налета. Мы с Платом были в этом отношении более выдержанными и умело маскировали свои истинные чувства под показной бравадой. А наш вундеркинд, которого последний раз били в глубокой юности, места себе не находил от происходившей в нем внутренней борьбы.

Если я уже забыл как схлопотал по башке, то Марик прокручивал в памяти перипетии налета по сто раз на день. Что поделаешь – интеллигент...

– Аналитический обзор готов? – спросил его Плат.

– Я еще вчера положил распечатку на твой стол, – не без обиды ответил Марк.

Он предложил собранные мною материалы по исчезновениям людей пропустить через компьютер, чтобы быстрее найти возможные параллели и точки соприкосновения в разношерстном и неупорядоченном ворохе случаев. Плат, который должен был лопатить эту гору информации по старинке, больше опираясь на пятую точку, нежели на мыслительный процесс, согласился с доводами Марка без лишних словопрений. Кому хочется торчать в четырех стенах, когда на дворе такая удивительно теплая сухая осень и золотой листопад ткет замысловатые узорочья на все еще зеленых газонах?

Вместо этого мы катались на "жигуле" по городу, опрашивая родственников без вести пропавших и свидетелей, хотя таких и набралось всего ничего. Все эти данные Марк вносил в память компьютера, но ни у меня, ни у Плата особых надежд на современную технику не было. Мы больше убивали время, чем занимались настоящим делом, хотя в чем оно должно было заключаться, по-моему, не знал даже Серега. Единственное, что мы точно определили, катаясь по городу, так это отсутствие за нами "хвоста".

– Блин! – ворчал Плат, разыскивая среди бардака на столе нужную бумагу. – Нет, все-таки секретарша необходима.

– И даже жизненно важна, – поддержал я с энтузиазмом предложение шефа, которое он выдвигал уже не один раз. – Представляешь – хорошо сваренный кофе по утрам, свежие булочки и море обаяния... Блеск! Я готов ради этого пожертвовать частью своей зарплаты.

Только не очень большой! – поспешил я добавить на всякий случай.

– Пошел ты... – буркнул Серега, наконец откопавший распечатку. – Сползай с дивана и двигай к столу. Посмотрим, что нам выдала наука.

Важный от чувства хорошо выполненного долга, Марк тоже принес свой личный стул, и мы склонились над длинной бумажной простыней.

– Некоторые моменты и впрямь совпадают, – заявил спустя два часа заинтригованный Плат.
– Но почему ты выбросил из общей массы исчезнувших людей преклонного возраста? – спросил он у Марка.

– Доминантой в данном анализе должна служить пропажа детей и подростков, – категорически заявил Маркузик. – Стариков иногда находили, а вот малышей – никогда.

– Ладно, давайте подытожим... – Серега до хруста в костях потянулся и положил перед собой чистый лист. – В основном совпадает время исчезновения – примерно с девяти до одиннадцати утра плюс-минус полчаса. Чаще всего дети пропадали в будние дни, собственно, как и в случае с дочерью Стебловых. Но в похищении Кристины есть один нюанс – было применено насилие. Этот факт выпадает из общего ряда. – Номеруя пункты, он записывал выводы нашего "совещания". – Возраст исчезнувших детей в основном находится в пределах от девяти до двенадцати лет. У следующей возрастной группы разбег несколько больше – от семнадцати и до тридцати. Взрослые нас интересуют поскольку постольку. Сосредоточимся на мальчиках. Если верить свидетелям, практически в тридцати процентах исчезновений присутствует один странный фактор – сломанный лифт и бригада ремонтников. Случайность, или?..

– Лучше бы это было "или"... – У меня от долгого сидения над бумагами голова совсем отупела и я с тоской вспоминал уютную прохладу "Шаловливых ручек" и фирменные коктейли Жоржа. – Иначе нас тут скоро бумажная моль трахнет. И вообще – зачем мы взялись за это дело?! Все наши усилия – артель напрасный труд. Может, людей похищают инопланетяне для каких-то опытов, а мы тут головы ломаем, как найти бедную Кристину.

Возможно, она давно уже на другой планете и бегает взапуски с пучеглазыми безволосыми подружками по синим лугам под изумрудным небом, по которому гуляют два солнца.

– Я прагматик и не верю в эти фантастические бредни, – отрубил Плат.

– Да не забыл я, что ты бывший мент. Но только позволь тебе напомнить, что и до нас исчезновениями занимались многие другие, в том числе и твои бывшие коллеги. И продолжают копать в этой безнадеге до сих пор.

– Ты хочешь свалить на полпути и отказаться от своей "голубой" мечты? – с сарказмом спросил Плат.

– Нет! – Я сдался без боя. – Ни в коем случае. Я вместе с вами и если будет нужно, то пойду впереди. Ты о чем базаришь, Серега? Такие бабки упустить нельзя. Но я хочу определенности. Укажи мне объект – и я откопаю его со дна морского.

– Вот и займись проблемой сломанных лифтов. Может, что-нибудь из этого и получится.

Все необходимые данные /прямо скажу, очень скудные/ получишь у Марка.

– А ты в какую сторону порулишь?

– Я хочу еще раз опросить свидетелей похищения Кристины. Хотя... – Он в досаде ругнулся.
– Какие это свидетели... Судя по документам, что дал мне Боб, и по моим изысканиям почти у всех один ответ: да, видели девочку, обратили на нее внимание; запомнили и охранника – такого мордоворота только слепой не заметит; а дальше – абзац, полный мрак. Только одна бабуля, божий одуванчик, лепетала про какого-то работягу, что-то там чинившего неподалеку от места событий. Действительно, того дня в парке меняли поливочную систему и рабочих там было около десятка: землекопы, сварные и так далее. Их допрашивали и милиция, и служба безопасности. Результат – ноль. В основном люди в годах, характеризуются положительно.

– И чем старушке не понравился тот работяга? – спросил я.

– Это мне и предстоит выяснить. В протоколах на сей счет сказано довольно скудно.

Какой-то не такой – вот и вся мотивация. А первый мой разговор с нею не получился. Мы оказались на разных политических платформах... – Он грустно улыбнулся. – Учитывая остроту нынешнего момента, это очень существенно. А я, дурень, попер буром. Теперь придется идти на попятную и изображать из себя перековавшегося, души не чающего в коммунистических идеалах.

– Может, он вмазал грамм триста прямо с утра и, вместо того, чтобы пахать, волюнил как бобик? Среди наших работяг "странных", в том числе и в начале трудового дня, пруд пруди.

– Те, кто составлял протоколы, думали точно так же, – иронично ухмыльнулся Плат.

– Что доказывает стереотипность мышления бывших совков. Нашей общей мамой была социалистическая идея, а папой – где-то загулявший коммунизм. Ничего не поделаешь, плохие гены. Потому дерзай, босс. А я уже бегу по объектам.

– В кабак он бежит, – грубо и нетактично вмешался в наш разговор Маркузик. – Этот прохиндей уже весь издергался, жаждет похмелиться.

– Вот и делай людям добро, – сказал я с кислой миной. – Я его, можно сказать, из того света вытащил, грудью заслонил от врагов, а он на меня напраслину возводит. Где нужные мне материалы, ты, неблагодарный?

Марик что-то буркнул себе под нос и скрылся в своей келье. Вскоре он возвратился и ткнул мне в руки распечатку.

– Не густо, – сказал я задумчиво, просмотрев напечатанное. – Работа предстоит нелегкая и потребует расходов. В том числе и на такси.

– Ага, на такси... – Марк завелся и откровенно хамил; и кому!? – Мы такие глупые, что так сразу тебе и поверили. Плат, я точно знаю, что он ездит на общественном транспорте, а в отчетах указывает суммы, от которых волосы дыбом становятся. Мы ему об этом говорим, говорим, но с него все как с гуся вода.

– Все это ложь, – категорически возразил я. – Во-первых, ты кудрявый, как пудель Артамон, и чтобы распрямить и поставить дыбом твою щетину нужны средства позабористей, а во-вторых, возможно, я где-то и сэкономил, но только за счет собственных ног. А такая самоотверженность, как вы понимаете, требует определенной компенсации.

– Ладно, пусть чешет. Распишись... – Плат выдал мне деньги и подsunул грoссбух. – В старые времена, при советской власти, ты уже торчал бы в тюрьме за растрату.

– Вот потому я обеими руками за демократию и капитализм. Все, привет. Если не вернусь, считайте меня погибшим при исполнении...

Верно говорят: не буди беду словесами, она и так придет. Дернул меня черт за язык...

Оказалось, что лифтовое хозяйство нашего областного центра находится в плачевном состоянии. Милая девушка, уже разменявшая четвертый десяток /она меня сразу предупредила, что холостячка и по вечерам всегда свободна/ и работающая старшим диспетчером "Горлифторемонта", так долго рассказывала про беды своей родной организации, что я едва не выбросился из окна третьего этажа управления от удушающего запаха ее цветочных духов и сорочьей трескотни, насилующей мои несчастные уши. Мне пришлось представиться корреспондентом какой-то газеты – ксива, которую я ей показал,

была сварганена на цветном принтере Маркузиком и запрессована в прозрачный пластик вместе с моим личным фото; я даже не удосужился прочитать, что на ней написано. /Правда, там была указана другая фамилия – так на всякий случай/. А потому я просто обязан был проявлять дьявольское терпение и даже делать вид, что веду запись беседы при помощи не работающего диктофона.

В конце концов я выяснил, что ремонтными группами заправляет старший мастер участка и сменные диспетчеры, находившиеся в другом месте, далеко от центра, что машин не хватает, с бензином туго, запчасти и кабель разворовывают, а слесари из-за постоянных задержек с зарплатой с горя пьянствуют каждый день /интересно, за какие шиши?/ и больше трех месяцев в "Горлифторемонте" не держатся.

Странно, но меня неожиданно осенило. Я подумал, что если ремонтники лифтов как-то причастны к похищениям, то, скорее всего, такая бригада не подвержена текучести кадров. На мой вопрос остались ли в управлении ударники лифторемонтного труда, девица-пулемет выдала мне очередь почти в упор, но, как ни странно, на этот раз я почувствовал полное удовлетворение и даже желание поцеловать ее в щечку, но через промокашку.

Тепло простившись с темпераментным старшим диспетчером и пообещав как-нибудь заглянуть на чашечку кофе прямо в ее будуар, я вымелся из управления со скоростью курьерского поезда. Мне казалось, что я наконец нашел кончик ниточки, готовый привести талантливого детектива Сильвера к клубку, на который намотана тайна похищения Кристины...

В отличие от управления, на участке меня приняли сдержанно и даже холодно.

– Тебе чего? – напрямую брякнул мастерюга, коренастый мужик лет пятидесяти, одетый в старый костюм и /о, чудеса!/ лаковые штиблеты, которые носили еще при царе Горохе. – Ходят тут всякие... – проворчал он под нос.

– Я от Алевтины Михайловны! – пришлось мне бодро отрапортовать полупролетарию, нечаянно, и главное вовремя, вспомнив имя-отчество старшего диспетчера – А, эта... – не меня выражения лица, безразлично сказал мастер. – И что она хочет?

– Не она, а читатели нашей газеты. Я корреспондент... – Тут я быстро вынул свою ксиву, чтобы не ляпнуть чего-нибудь невпопад, и помахал ею по примеру Остапа Бендера перед глазами собеседника – с таким расчетом, чтобы он хорошо рассмотрел лишь мою фотокарточку.

– Ну и что? – тупо уставился на меня мастер.

Интересно, подумал я, он действительно недоразвитый или прикидывается толстокожим и недалеким?

– Жалобы поступают... – необдуманно начал я свою проповедь; и тут же был сметен словесным потоком, хлынувшим из луженой глотки мужика.

– Эти суки уже достали нас своими жалобами! – взревел он медведем. – Скоро в пассажирских лифтах танки будут поднимать! Они думают, что техника все выдержит! А где мне новые тросы брать!? Я еще не научился рожать запчасти! Бля!.. Людей нет, кнопочных пультов у снабженцев не допросишься! Бля!..

Он бушевал минуты четыре. Я благоразумно поддакивал и кивал. Мне был знаком такой тип человеческой природы. Главное в подобных ситуациях – выражать живейшее участие и сочувствие и терпеливо ждать, пока клиент не выдохнется. Тогда его можно брать за жабры и преспокойно, без особых усилий, тащить на сковородку – он и не трепыхнется.

Наконец, выдав виртуозный многоэтажный мат /похоже, мастер уже принимал меня за своего в доску/, он грузно сел на скамью, почерневшую от въевшегося в дерево мазута, составлявшую вместе с двумя табуретами, письменным столом, на котором валялись костяшки домино, сейфом и металлической вешалкой-стойкой все меблировку его, с позволения сказать, "офиса".

– Ну что за люди?! – тихо и как-то жалобно сказал он и потупился.

– Да-а, люди у нас... – Я сочувственно вздохнул. – Я как раз и хотел поговорить о ваших лучших слесарях-ремонтниках. Редакторское задание. Гоним, понимаешь, разную чернуху, а про трудового человека – ни гу-гу.

– М-м... – невразумительно промычал мастер, не поднимая глаз.

– А мне Алевтина Михайловна говорила, что на вашем участке есть действительно стоящий народ. Кадровые работники, гордость лифторемонта...

– Ну уж, кадровые... – буркнул мастер. – Почти все работают у нас без года неделю.

– Почти?

– Есть несколько человек... – не очень охотно сказал мой собеседник. – Они оформились в ремонтную бригаду года три-четыре назад. Ничего ребята...

– Имена, фамилии!? – От нетерпения я даже подпрыгивал на стуле. – Где их можно отыскать? Мне нужно взять интервью. – Я достал из кармана диктофон и пощелкал кнопками.

Мастер опасливо посмотрел на мои манипуляции с мини-гавкунчиком и осторожно ответил:

– У них за главного Храпов, вот ты с ним и... Сейчас бригада на выезде... – Мастер назвал адрес. – Поезжай, если застанешь на месте – поговоришь.

– А вот вы, как руководитель, что можете сказать о их работе?

– У меня претензий к ним нет, – как-то чересчур сдержанно ответил мастер. – Если нужно – авария или еще что – без разговоров выходят и в воскресные дни, и по праздникам.

Надежные парни.

– Люблю надежных парней, – сказал я с вдохновением и, распрощавшись с полупролетарием, поторопился покинуть его неуютную конторку.

Мне снова пришлось, наступив на горло собственной песне, потратиться на такси. В сыскной горячке я даже забыл о своем страстном желании промочить горло, а потому по ходу купил в киоске бутылку ледяного пива и оприходовал ее не торопясь, с достоинством, чтобы ушлый шоферюга не подумал будто везет какого-нибудь ханурика, страдающего похмельным синдромом.

Дом, в котором работала бригада ремонтников лифтов, мы нашли довольно быстро, потому что и я, и таксист были аборигенами и знали город как свои пять пальцев.

Расплатившись с водилой после непродолжительного спора, в котором мы выясняли сколько должен был показывать почему-то не включенный счетчик, я прогулочным шагом направился к подъезду, где стояла машина с изрядно выцветшей надписью на будке "Горлифторемонт". В кабине никого не было, дверь будки тоже оказалась заперта, и мне ничего иного не оставалось как отправиться на поиски передовиков производства по всем двенадцати этажам

здания пешком, потому что и грузовой, и пассажирский лифты, понятное дело, не работали.

Бригаду я нашел на чердаке, в машинном отделении, возле огромного барабана подъемной лебедки. Чинно разложив на ящиках, застеленных газетами, харчи, четверо довольно крепких и еще не старых молодцев обедали. Быстро окинув взглядом их "стол", я невольно позавидовал заработкам лифторемонтников. Отварная курица, сырокопченая колбаса, свежие огурчики, картошка-фри, бутерброды с красной икрой, кофе... – и почему я, дурачина, не нашел такое клевое место до создания нашего агентства? Работал бы сейчас спокойно, не оглядываясь по сторонам и не бегая, как заяц, по городу, чтобы обрубить возможный "хвост". Ан, нет, потянуло на приключения...

– Здравствуйте! – преувеличенно бодро сказал я, улыбаясь как можно шире.

Ремонтники как по команде прекратили жевать и уставились на меня словно на свежее птичье дерьмо, неожиданно ляпнувшие на их импровизированный стол.

– Я из редакции... – Мне опять пришлось прибегнуть к трюку со своей "липой", чтобы успокоить слесарей и не нарушить им процесс пищеварения.

– У нас обед... – буркнул один из них, мужик лет под сорок, видимо, бригадир – смуглый, с уже наметившимся животиком, похожий на цыгана.

– А, товарищ Храпов! – шумно обрадовался я и поторопился запихнуть "ксиву" в карман. – Вот вы мне и нужны. Обед – это хорошо. Лучше всего брать интервью в перерыве, когда никто никуда не спешит. – Я решительно достал диктофон.

– Храпов – это я, – негромко, но веско, сказал парень моих лет с бицепсами культуриста, которые не могла скрыть даже грубая роба.

– Ах, извините! – Я скалился так слащаво, что меня самого едва не стошнило. – Ошибочка вышла. Ну, ничего, главное я вас нашел. И Алевтина Михайловна, и старший мастер говорили, что ваша бригада – одна из лучших... – Я плел черт знает что, а ремонтники пялились на меня с остолбенелым видом, не в состоянии сообразить, что им делать дальше – или вышвырнуть этого шустрого писаку на лестницу, или все-таки дать интервью; как на меня, так мне было все равно; главное свершилось – контакт состоялся.

– Покажи документы, – решительно прервал мой словесный понос Храпов.

Момент был щекотливым. Я знал, что Маркузик дока в электронике, а вот чего он стоит как изготовитель фальшивых документов, мне еще убеждаться не приходилось. А даже при не очень внимательном взгляде на ремонтников можно было не сомневаться, что в случае прокола с ксивой их "доводы" в моей несостоятельности могут оказаться чересчур вескими.

Изобразив обиду, я достал запечатанное в пластик удостоверение и протянул его Храпову.

А что было делать? Профессиональные мошенники в таких случаях рвут когти, но бывшему спецназовцу Сильверу как-то не к лицу делать ноги если перед ним всего четверо работяг.

Храпов рассматривал мой "мандат" минуты две. Затем с бесстрастным видом возвратил и сказал:

– Интервью давать мы не будем. Извини, у нас много работы. До свидания.

– Но мне обещали!.. – проблеял я, изобразив растерянность.

– Кто обещал, тот пусть и щебечет. Конторским делать не хрен, они и так болтают с утра до вечера и при этом имеют хорошие бабки. А нам недосуг. Покеда...

То есть, вали, пока трамваи ходят. Иначе костыли повыдергиваем. Да, велик и могуч русский язык. В нем столько оттенков, что куда там его досконально выучить иностранцу.

Одно, с виду невинное, слово "покеда", сказанное с неподражаемым прононсом – и для исконно русского человека сразу все стало понятным.

Я решил зря не трепыхаться. Пока у ремонтников не прошла некоторая растерянность, все-таки воцарившаяся в их мыслях в связи с моим неожиданным появлением, мне нужно было как можно быстрее чесать вниз по лестнице, и притом без оглядки. Мне всегда не нравились непьющие. Некоторых – больных с рождения – я жалел, но к другим, кто демонстративно выставлял свой трезвый образ жизни напоказ, я относился с предубеждением и недоверием. Ну не может нормальный мужик, у которого, как выяснили ученые, имеется алкоголь в крови уже с пеленок, не выпить хотя бы сто грамм за компанию несколько раз в год. Не может! Это абсолютно противоестественно.

А вот бравые работяги, слесари-ремонтники, смогли не принять на грудь ни единой капли.

И это при такой-то закуси... У них на "столе" не было даже пива, только минералка. Ну прямо тебе образцово-показательная бригада времен "сухого" закона перед объективами телекамер.

Ох, и страшно мальчики в лес ходить одной... – напевал я старую песенку, довольный, как слон. Я торопился найти Плату, чтобы он подогнал сюда наш "жигуль". Мне очень хотелось понаблюдать за весьма странной компашкой, довольно успешно изображающей из себя слесарей-ремонтников. Притом, продолжительное время. Таким крепко сбитым парням, по моему твердому убеждению, вовсе не место в рабочей среде. Уж я-то знаю...

Мне повезло. Пока я мотался по городу, изучая проблемы ремонта лифтов, Серега возвратился в контору. Выслушав мой сбивчивый доклад – я звонил из телефона-автомата – он коротко сказал:

– Буду через десять минут.

И – точка. Все-таки, Плат молодец. Наверное, он не очень поверил моим дилетантским умозаключениям, но на безрыбье и рак – окунь, а потому принял решение быстро, без лишнего ля-ля.

Когда Серега приехал, я не находил себе места от волнения. Буквально через пять минут после моего разговора с Платом ремонтники дружной толпой вывалили из подъезда и начали загружать в будку инструменты, газосварочную аппаратуру и троса. Мне очень не понравилась такая оперативность и я едва не завыл от злости, когда один из них сел в кабину и начал заводить мотор. Неужто они свалят раньше, чем появится Серега!?

Я притаился в подъезде дома напротив, усиленно изображая любителя изучать объявления, налепленные где попало. Несмотря на мою "маскировку", проходившие мимо женщины посматривали на меня с очень нехорошим, подозрительным выражением.

Я их понимал – чем может заниматься такой амбал, вылитый киллер, среди бела дня в чужом подъезде, как не высматривать очередную жертву? Но они благоразумно помалкивали и торопились побыстрее доставить свои набитые продуктами авоськи и пакеты к двери лифта, который, как ни странно при всех неурядицах в "Горлифторемонте", работал исправно.

Я уже начал нервно вздрагивать от шума любой машины – а вдруг какая-нибудь сверхбдительная жиличка звякнет в милицию и доложит о подозрительном субъекте? – как наконец подъехал Плат. Деловито замкнув "жигули", он неторопливо направился в оккупированный мною подъезд /мы договорились заранее, где я буду его ждать/, даже не

взглянув в сторону будки лифторемонтников. Я облегченно вздохнул – слава отечественному автомобилестроению! Мотор "газона" пыхтел, рычал, плевался дымом, но не заводился, тем самым предоставив нам лишних и очень важных три-четыре минуты.

– Клиенты волнуются, – с удовлетворением сказал Серега, устраиваясь рядом со мной, за приоткрытой дверью. – Похоже, и впрямь у них рыло в пуху.

– То, что они скоропостижно уезжают – это еще не факт, – возразил я, героически ломая возведенное мною здание домыслов и предположений.

– Возможно, – жестко осклабился Плат. – Ты, случаем, не поинтересовался в "Горлифторемонте" насчет мобильной связи?

– Извини, не врубился...

– Я, конечно, понимаю, что в нашей стране нынче техника шагнула далеко вперед, но не на столько, чтобы каждый слесарь имел в личном пользовании мобильный телефон. А твои новые знакомые, наверное, вышли сейчас на связь со старшим мастером, чтобы доложить об успешном завершении очередного ремонта и получить следующий наряд.

Я бесцеремонно оттолкнул Серегу от двери и во все глаза вытаращился на урчавший "газон". Погрузка была завершена, водитель и ремонтники уже расселись по своим местам, лишь бригадир Храпов, открыв дверь кабины, одновременно взбирался на подножку и трепался по миниатюрному телефону. Знать, приспичило. Да-а, слесаришки...

– Они тебя раскусили, – недовольно сказал Плат.

– Ну и хрен с ними! – я едва не визжал от радости. – Главное заключается в другом – эти козлы крупно прокололись. Теперь с крючка им уже не спрыгнуть.

– Ничего они не прокололись. Рано бьешь в колокола. Что-то их встревожило, это ежу понятно. Но доказать причастность бригады ремонтников лифтов к похищениям детей нам слабо. Мало ли что они подумали? Может, у них действительно нелады с законом, но по другому профилю. Например, квартирные кражи, торговля оружием или наркотиками, рэкет. Как ты понимаешь, это нас не очень волнует. Дадим ориентировку Жердину – и все дела.

– Только после того, как выясним всю их подноготную и поведем несколько дней по городу, – отрубил я, начиная гневаться – это что, все мои труды коту под хвост!?

– А я разве не о том говорил? – невинно спросил Плат.

– Пошел ты!.. – Я демонстративно отвернулся. – Скажи лучше, что позавидовал моему успеху. Так будет честнее.

– Ладно, сдаюсь. Похоже, из тебя может выйти настоящий сыщик. Верно говорят рыбаки, что новичкам везет.

– Спасибо, – буркнул я. – Только у этой присказки не хватает концовки. Вы с Марком очень большие умники... Поживем – увидим.

– Все, едем! – Плат проследил взглядом за удаляющимся "газоном" и поторопился к нашей машине.

– Держись от них подальше, – посоветовал я. – ГАЗ – не "мерседес". Далекое убежит.

– Чтобы я без тебя делал... – съязвил Плат.

"Газон" привел нас на хвосте прямиком в гараж лифторемонтного участка. Там передовая бригада долго не задержалась: десять минут на душ и переодевание в чистую одежду – и подозрительная компашка разбежалась как шобло тараканов.

– И что теперь? – в растерянности спросил я Серегу.

– Нас интересует Храпов. Остальные – пешки. Вот за ним мы и понаблюдаем.

– Как скажешь... – Я покорно поджал хвост – в сыске Плат смыслил гораздо больше меня.

Жизнь иногда преподносит такие сюрпризы, что диву даешься. Бригадир Храпов сначала сел в трамвай, притом на ходу, едва не свалив дородную тетку, но проехал всего одну остановку. Дальнейший его путь лежал к автостоянке, расположенной возле современной, недавно построенной, заправочной станции. Предъявив охраннику пропуск, он сел в серебристый БМВ и вырулил на проезжую часть.

– Вот тебе и работяга, – иронично ухмыльнулся Плат. – Верь теперь газетным статья после того, что мы увидели. Семьдесят процентов граждан страны – а среди рабочих все сто – живут за чертой бедности... Как бы не так.

– Наверное, Храпов очень бережливый человек.

– Это точно... – Серега умолк, стараясь не упускать из виду быстроходную БМВ; да, германская тачка – не наш грузовой "газон".

Мы едва Храпова не упустили. Этот сукин сын, не показав, что он поворачивает направо, совершенно неожиданно нырнул в переулок. Чтобы перестроиться, нам пришлось нарушить столько пунктов правил уличного движения, что лишение прав на вождение автомашины Плату было бы гарантировано, пояись в этот момент инспектор ГАИ.

Получив от возмущенных до глубины души водителей в свой адрес массу эпитетов и метафор на добротном и никем непревзойденном русском сленге, мы наконец очутились в коридоре из высотных домов.

Машина Храпова стояла возле ночного ресторана "Дарвин". Я хорошо знал эту достопримечательность города, хотя мне после реконструкции ресторана побывать в нем как-то не довелось. Здесь собирались самые дорогие телки, которых только можно было отыскать в наших палестинах. Клиенты "Дарвина" мужского пола тоже не бедствовали.

Когда где-то около одиннадцати вечера начинался главный заезд, от золотых цепей в палец толщиной, крестов и перстней-печаток рябило в глазах. Удивительно, но, несмотря на обилие вполне созревших объектов для отстрела, в "Дарвине" ни разу на моей памяти не произошло кровавое ЧП. Наверное, это злачное место охранял сам дьявол. Название ресторана в свое время вызвало кривотолки. Не знаю, кто его придумал, но то, что оно совершенно не имело никакого отношения к известному английскому естествоиспытателю – это точно. Если, конечно, не принимать во внимание, сколько двуногого скота, почему-то не охваченного создателем "Происхождение видов", собиралось там по вечерам.

Поставив свою машину подальше от входа в "Дарвин", мы стали терпеливо ждать. Я мысленно поблагодарил Боба, подогнавшего нам "Жигуль" с тонированными стеклами – нас можно было заметить, лишь прилепившись к лобовому стеклу.

– Пожрать бы... – обронил я будто невзначай – запахи ресторанной кухни разбудили во мне зверский аппетит.

– Кому что... – недовольно буркнул Плат. – Посмотри в бардачке. Может, что-нибудь найдешь.

Я нашел. Похоже, бутерброд с сыром валялся в "жигулях" недели две. Но я был таким голодным, что мог съесть даже кожаные подошвы собственных туфель. Прикинув, что для полного насыщения мне этого засушенного экспоната из фильма ужасов под названием "Завтрак холостяка" все равно не хватит, я с затаенным вздохом сожаления спросил:

– Будешь? – и сделал вид, что хочу разломить бутерброд пополам.

– Я успел перекусить, – коротко ответил Плат, не отводя глаз от входной двери "Дарвина".

– Ты лучше взгляни, какие люди пожаловали в это гнездо разврата.

Ресторан начинал работать с двенадцати часов, а потому его современные раздвижные двери из толстого витринного стекла время от времени бесшумно скользили по направляющим, чтобы впустить в свое сверкающее позолоченной бронзой и итальянским мрамором чрево очередного "сиротку" с пальцами веером. Возле "Дарвина" уже стояло около двух десятков дорогих импортных машин, и наш "жигуленок" на их фоне казался обедневшим шевалье, родственником мадам "рено", приехавшим из провинции и нечаянно угодившим на светский раут.

В ресторан входили двое. Один из них был видный мужчина с седой шевелюрой, а второй... ну, блин, дела! Вторым оказался капитан Жердин.

– Скажи, Плат, в милиции все сотрудники – мусора или через одного? – спросил я Серегу, чувствуя себя оплеванным – мне почему-то Жердин даже понравился; или, если быть совершенно точным – не вызвал неприятия.

– Неужто Валеру купили? – не обращая на меня внимания, пробубнил Плат себе под нос. – Не могу поверить...

– Что ты, дружище!? Как можно такое подумать на стражей порядка?! – возопил я с фальшивым ужасом. – Просто Жердину срочно понадобилось зайти в туалет, а тут подвернулся "Дарвин". Дело житейское...

– Иди ты знаешь куда?.. – окрысился Серега. – Балаболка. Если Жердин действительно ссучился, то нам кранты.

– Ну уж, так сразу... – Я с таким остервенением стал жевать бутерброд, что даже скулы заболели. – Мням... мням... Вот сухомытка меня точно угробит... Мы ни в чем перед законом не провинились, Плат. А Жердин пока еще не генерал.

– Но возможностей насолить нашему агентству у него хватает. Знаешь с кем он сейчас продефилировал?

– Я человек маленький, мне не обязательно знать наперечет всех городских прыщей и прыщиков.

– Этот седой господин – распорядительный директор фонда "Правопорядок", бывший сотрудник милиции, подполковник. Очень влиятельная фигура в городском масштабе.

Интересно, что у него за дела с Жердиным?

– А ты не можешь представить такой вариант, что капитан просто решил пообедать на халяву? Я почему-то не думаю, что расплачиваться за обед будет Жердин.

– Это само собой... – Плат сокрушенно покачал головой. – Чем дальше в лес, тем больше дров. Боюсь, нам еще предстоит сделать немало весьма интересных открытий, занимаясь похищением Кристины – хотим мы этого или нет.

У меня был набит рот и я лишь кивнул, соглашаясь. Я, конечно, мог сказать Плату, что мне плевать на любые открытия, когда на кону стоят сто тысяч баксов. Главное – сделать дело. А если кто будет путаться у нас под ногами – пусть пеняет сам на себя...

Глава 11. ПАЛАЧИ

Если кто-то очень желает найти приключений на свою задницу – он обязательно их найдет. Все наши беды происходят от того, что мы никогда не прислушиваемся к умным советам и не учимся на чужих ошибках. Люди вообще странные существа, готовые сто раз наступить на одни и те же грабли, лишь бы убедиться в том, что они действительно бьют точно по башке и притом очень больно. Даже самую примитивную обезьяну можно выдрессировать избегать ловушек, но человек, этот "венец" природы, божье творение, по идее, способный здраво мыслить и рассуждать, тем не менее снова и снова, с совершенно непонятным безрассудством и тупым упрямством, достойным лучшего применения, продолжает идти по той самой, уже до боли знакомой, тернистой тропе, где расставлены заплетенные паутиной капканы.

Примеров подобного поведения человека не счесть. Многие столетия яйцеголовые умники, одетые в монашеские сутаны, рубища отшельников, парчовые камзолы, шелковые халаты и модные современные костюмы, ломают копья над этой вечной проблемой нашего бытия. Что толкает мыслящего индивидуума на свершение абсолютно идиотских поступков? Одни говорят – судьба, другие – карма, третьи – божий промысел, четвертые, материалисты, кивают на воспитание и гены, пятые... Об этих разговор особый. Не мудрствуя лукаво, пятые /а может шестые, десятые и так далее/ эмпирическим путем вывели закон, по моему мнению подводящий черту под всеми схоластическими спорами – если ты дурак, то это надолго. И – точка. Ни прибавить, ни убавить.

Такие мысли – к сожалению, запоздалые – роились в моей глупой тыкве, которая пока еще держалась на шее, но очень слабо. Сам я висел распятый, как участник восстания Спартака, в полной темноте, голодный, трезвый и унылый.

Однако, не будем забегать наперед.

Мы прождали Храпова до вечера. Что он делал в "Дарвине", одному Аллаху известно.

Войти в ресторан мы никак не могли – чтобы не "засветиться". Да и денег у нас было разве что на две чашки кофе и гренки – в "Дарвине" все стоило баснословно дорого. Нас с таким "заказом" просто не поняли бы. Любители острых ощущений могут на собственной шкуре убедиться в правоте моих слов, заказав в шикарном кабаке всего лишь чашку чая и булочку.

Передовой бригадир вышел из "Дарвина" не сам. Его сопровождали два быка с короткими стрижками и девица в таком коротком платьице, что оно больше показывало, чем скрывало. Как на меня, лучше бы она одела макси – с ее худыми и длинными ногами можно, конечно, участвовать в марафонском забеге, но ни в коем случае нельзя их показывать мужикам, особенно трезвым, понимающим толк в истинной женской привлекательности. Компашка быстро уселась в машину Храпова и отбыла.

Дальнейшее было совсем не интересным. БМВ притащил нас на хвосте к обычному девятиэтажному дому, Храпов закрыл свою тачку в "ракушке" – передвижном металлическом гараже, и все четверо поднялись в лифте на пятый этаж. Судя по звукам музыки, в квартире, куда зашла компания, начался гудеж, и мы, терпеливо и бесплодно прождав еще часа два, в конце концов решили, что на первый раз наших "подвигов" в наружном наблюдении вполне

достаточно. Плат подбросил меня к родному подъезду, и я, вполне удовлетворенный своими успехами на поприще сыска, зашел в квартиру с твердым намерением хорошо отоспаться.

Человек предполагает... Едва я головой коснулся подушки и смежил веки, как внутри черепной коробки вдруг заработала мыслительная машинка – эдакая подлая, занудливая штука, с которой не было никакого сладу. Спустя десять минут после отбоя я готов был выть от злости на неподконтрольный сознанию механизм, методично дробящий на мелкие кусочки сладкую сонную истому. Еще через полчаса у меня не то что не было сна ни в одном глазу, а вообще казалось будто я проспал как минимум с обеда до полуночи и теперь только силой воли удерживаю на постели брызжущее энергией тело.

Не выдержав борьбы с самим собой, я встал и пошел в ванную. Но и контрастный душ не помог вернуть душевное равновесие, которое у меня достаточно быстро переходило в здоровый крепкий сон.

Тогда я плюнул на свои страдания и заварил крепкий кофе; урезать так урезать, сказал японский самурай, делая себе харакири. И только когда на дне чашки остался один коричневый осадок, я вдруг сообразил, что послужило подсознательной причиной моей бессонницы.

Машина лифторемонтников! Прозрение поразило меня как молния. Если бригада Храпова действительно замешана в похищениях людей, то в будке должен быть тайник, куда прятали обеспамятевшую под действием какой-нибудь гадости /например, хлороформа/ жертву. Ведь от момента пропажи до начала переполоха среди родственников похищенных чаще всего проходило немного времени. Насколько успел выяснить Плат, несколько раз отчаявшиеся люди осматривали и будку "газона" – когда пропадали мальчики, отличающиеся авантюризмом и большой любознательностью; вдруг пацан решил исследовать передвижную мастерскую, где полным полно всяких интересных штуковин? А ведь Храпов и его команда, чтобы не вызвать подозрений, ни в коем случае не должна была в спешке покидать место происшествия.

Нужно осмотреть "газон"! И если мои предположения верны... Эту мысль я просто недодумал – было недосуг. Кое-как одевшись и отыскав фонарик, я выскочил на улицу словно ошпаренный. Поймав такси и назвав адрес, я услышал в ответ от водилы такую заявку на мои кровные, что в другое время и при других обстоятельствах сдох бы на месте от приступа жадности; ну, ладно – бережливости. Но я мужественно преодолел искушение объяснить таксисту кем была его мама и кого она родила и без лишних слов плюхнулся на сидение. Будет праздник и на моей улице, утешал я себя, мысленно представляя портфель, набитый баксами...

Гаражи, наверное, охранялись, но сколько я ни рыскал вокруг них, так и не заметил даже намек на сторожа. Впрочем, боксы для грузовых машин находились в хаотическом скоплении зданий и сооружений, для охраны которых требовалось как минимум отделение солдат, а потому, скорее всего, руководство "Горлифторемонта" ради экономии зарплаты поручило сторожить свое хозяйство мужику с исконно русской фамилией Авось-Обойдется. Видимо, главная надежда в деле охраны зиждилась на трехметровой высоты бетонном заборе, заплетенном поверху колючей проволокой. Конечно, для дилетанта такая преграда была и впрямь труднопреодолима. Но только не для меня – я перемахнул забор за считанные секунды, так как подобное упражнение из методики по преодолению полосы препятствий считалось при подготовке диверсантов-спецназовцев одним из основных.

Замок на боксе, где стоял "газон" бригады Храпова, был наш, родной, а значит гостеприимный. Я такие и в детстве открывал гвоздем, а сейчас – тем более. Амбарный старожил уныло щелкнул два раза и толстая дужка открылась. Я осторожно приоткрыл ворота, опасаясь, что петли последний раз смазывали еще в эпоху развитого социализма, но

предательского скрипа не последовало, и бравый сыщик Сильвер начал воевать с будкой "газона", замок двери которой оказался посложнее своего древнего собрата. В конце концов мне пришлось прибегнуть к чисто нашенскому способу разрешения подобных проблем – к помощи лома и пока не установленной отечественной наукой всеобщей русской матери, которая по идее должна ходить все время беременной из-за обилия спонтанных сексуальных связей.

Вот оно, чрево моих сыщицких вожделений! Я забрался в будку и осмотрелся. Ничего особенного: слесарный верстак с тисками, сварочная аппаратура, баллон с кислородом, ящики с запасными деталями, канатная бухта, длинная скамья-сундук, где лежали электроды, маска сварщика, рукавицы и обтирочный материал, и в противоположном от двери конце металлический стеллаж с выдвижными ящиками. Я не поленился и проверил их все до единого. В ящиках находились болты, гайки, какие-то пластины с отверстиями, рожковые ключи, молотки, отвертки и прочая слесарная необходимость. И не более того.

Сильвер, ты идиот! Это же нужно – мчаться, высунув язык, с другого конца города на эту вонючую окраину, чтобы убедиться в том, что передвижная слесарная мастерская является именно тем, чем и должно. Трижды осел! Лучше бы вместо очередного сыщицкого бзика ты сходил развеяться в "Шаловливые ручки".

Я не сдержался и, совершенно не заботясь о шумомаскировке, в бешенстве пнул стеллаж ногой. Сварной массивный мастодонт, стоявший незыблемо как башня Кремля, неожиданно пошатнулся и слегка выдвинулся вперед. Чудеса...

Постой, постой... Я с силой потянул на себя стеллаж – и он медленно, словно дверь сейфового типа, повернулся вокруг оси. За ним я увидел свободное пространство, где запросто мог поместиться некрупный человек. Наверное, мой пинок нечаянно угодил в тайную защелку и она освободила фиксатор стеллажа-двери. Ай да Сильвер! Что за стервец! Есть! Все, бугор Храпов, кранты тебе и твоим подельникам. Сволочь... Сейчас нужно срочно звякнуть Плату, пусть решает как дальше быть.

Приладив стеллаж на место, я, легкий от радости словно пушинка, спрыгнул на пол гаража и аккуратно закрыл дверь будки. Замкнуть ее я даже не пытался /хотя и подозревал, что это будет очень непросто/ – самое позднее через два-три часа здесь будут те, кому по долгу службы давно следовало заняться подозрительной компашкой Храпова.

Я расслабился. На войне, если хочешь выжить, подобную вольность можно позволить лишь в тылу, на пышных телесах какой-нибудь Машки и лучше всего в подвале за прочной дверью. Но на гражданке, когда ты дома, под родным небом, а в кустах птички щебечут – зачем держать себя в напряге? Конечно же, я расслабился. И не могло быть иначе. Но я шел в разведку и просто обязан был держать ухо востро, пусть и не притаился где-нибудь в засаде вражеский снайпер и не плевался миномет с высоты.

Наверное, со мной сыграло дурную шутку разыгравшееся воображение – этот проклятый портфель с премией от Боба. Он замазал мне глаза и заклеил уши. Но я это понял лишь тогда, когда передо мною выросли две внушительные фигуры и два ствола больно ткнулись под ребра.

– Лапы кверху и не шали, – пробасил невидимый в темноте мужик. – Трепыхнешься – схлопочешь пулю.

И сколько было в его уверенном и немного ленивом голосе очень знакомого мне холодного любопытства, что я ни на йоту не усомнился в правдивости слов неизвестного; может быть, сторожа? Как же, размечтался... Этот басистый хмырь явно был из другой парафии. Я и сам не раз в поиске брал таким макаром на abordаж чеченов и ждал реакции на свой приказ с полным безразличием к жизни попавшего в западню. Дойдет до него смысл происходящего –

хорошо, я не кровожадный, не дойдет – Аллах акбар. В таких случаях действуешь как запрограммированный робот, потому что малейшее колебание может мгновенно изменить ситуацию не в твою пользу.

– Да вы что, мужики! – проблеял я со слезой в голосе; но руки поднял и стоял, не шевелясь. – Виноват, бес попутал. Электроды понадобились, и я, дурья башка, это...

Простите, я больше никогда не буду...

Я плел, что мне в голову сбрело, изображая обычного вора-"технократа", промышляющего ночами по предприятиям, складам, мастерским и тому подобное.

– Возьмите деньги, в правом кармане, только отпустите. Чтобы я когда-нибудь... – ни в жысть!

– Складно лает, пес подзаборный, – отозвался второй; мне послышался в его хрипловатом голосе какой-то акцент.

– Проверь карманы, – приказал первый.

Я безропотно дал себя обшмонать, при этом не переставая ныть и унижаться. А что оставалось делать? В подобных раскладах гордость лучше запихнуть куда подальше.

Правда, была еще одна тонкость в таком недостойном настоящего мужчины поведении – сопливый трандеж усыплял бдительность противника. Но, похоже, мужики были битые и ствол автомата басовитого, переместившийся в район солнечного сплетения, даже не дрогнул.

– Да, бабок у него валом, – хриплоголосый продемонстрировал чувство юмора. – Как раз хватит на веревку, чтобы вздернуть этого пидора на осину.

Я промолчал, хотя язвительный ответ так и вертелся на кончике языка. Шути, шути, лепила. Останусь живым – припомню твои базлы, хрен моржовый...

– Вяжи ему руки, – снова пробасил первый.

Похоже, он был абсолютно уверен, что я в этот момент не выкину какой-нибудь фортель, а потому даже не счел нужным напомнить мне о том, как я должен себя вести. Поскольку ствол по-прежнему с силой давил под ложечку, я молча сложил руки за спиной и их довольно быстро и сноровисто связали.

– Топай... – Меня развернули, подтолкнули в спину, и мы пошагали в направлении одинокого фонаря, который, как я уже знал, горел возле какого-то конторского помещения.

Но туда мы не дошли. Примерно на полпути мои конвоиры повернули налево и вскоре наша процессия очутилась возле длинного приземистого сооружения, похожего на склад.

Оно оказалось не запертым и мы вошли внутрь. Удивительно, но помещение было ярко освещено; похоже, нас уже ждали. Кто?

Ответ на мой безмолвный дурацкий вопрос пришел незамедлительно.

– Какие люди к нам пожаловали! Добрый вечер, господин корреспондент.

Появись передо мною живьем монстр из компьютерной игры, за которой убивал время Плат, то и тогда мое удивление было бы меньшим – возле колонны, подпирающей крышу склада, сидел на ящиках бригадир Храпов!

Это был облом. Нет, даже не облом – звезда. Я влип как последний фряер. Продолжением этой истории, судя по всему, будет деревянный макинтош, сработанный по моей мерке, и короткие проводы в места потусторонние и обетованные; если они, конечно, существуют.

Прости меня, Плат, думаю, я был неплохим другом, но сыщиком оказался говенным. Не суди меня строго – конь на четырех ногах и то спотыкается.

Я не ответил Храпову, лишь изобразил полное уныние. Сейчас в моем незавидном положении молчание и впрямь золото. Нужно было придерживаться какой-то другой линии поведения, нежели та, что я продемонстрировал быкам со стволами, но из-за сущего бедлама в башке меня заклинило.

– Значит, в свободное от основной работы время вы еще и подрабатываете? – Храпов откровенно издевался. – Что сделала демократия с лучшими людьми... – Он лениво достал из кармана пачку "Мальборо" и закурил. – И что вы здесь искали, уважаемый?

Я снова промолчал. Но за меня ответил хриплоголосый бык:

– Ему срочно понадобились электроды... ха-ха... – он коротко хохотнул.

– Брешет, сука... – с ленцой сказал бас и с отвращением сплюнул. – Видали мы таких хитрых...

– Насчет электродов – это правда? – с удивлением спросил Храпов.

Теперь молчать было просто опасно.

– Нет, конечно, – ответил я как можно искренней. – Мне дали задание написать статью об охране объектов. Нужна была "изюминка", вот я и решил проверить истинное положение дел. Но здесь у вас все поставлено будь здоров... – Я сокрушенно покачал головой.

– Это точно, – ухмыльнулся Храпов. – Воровство мы извели на корню... – Он снова ослабился – на этот раз зловеще.

– О чем он тут базарит!? – возмутился хриплоголосый; судя по чертам лица, в его крови гуляли горячие восточные примеси. – Мы его взяли возле "газона". Он так раскурочил дверь, что придется не только новый замок ставить, но и кузов варить полдня.

– И чем вас так заинтересовала наша передвижная мастерская? – хищно прищурился Храпов.

Он продолжал величать меня на "вы", хотя я знал, что это просто издевка.

– Экспромт, – коротко ответил я и на этот раз ухмыльнулся – да пошли они все!.. – Должен же я был оставить какие-то следы, чтобы статья звучала убедительно. Я еще хотел открыть какой-нибудь склад и написать на внутренней стороне забора несколько лозунгов. А утром их сфотографировать.

Господи, что я несу!? Бред сивой кобылы...

– След вы оставили, это точно... – Храпов рассматривал меня с нездоровым любопытством.

– И мы теперь не знаем, что с ним делать.

– Как сказал этот товарищ, – кивком головы я указал на смуглого быка, – вам нужно всего лишь поставить новый замок и заварить обшивку будки. Все расходы редакция газеты берет на себя.

– Не делайте вид, что вы не поняли о чем идет речь, – жестко сказал "передовик производства".

– Может, вы мне руки развяжете? Я не собираюсь убегать.

– Сейчас мы тебе еще и пеньковый галстук повяжем, – грянул своим церковным басом старший из быков.

Был он грузен, не стар – лет эдак тридцать с хвостиком – но на его коротко стриженной голове уже хорошо просматривалась обширная плешь; наверное, от чужих подушек, потому что в черепной коробке здоровяка мозгов было меньше, чем у ископаемого динозавра. Однако, судя по повадкам, этот дуболом прошел неплохую воинскую выучку.

И был опасен. Очень опасен.

– Значит, по-прежнему хитрим... – Храпов мою просьбу проигнорировал напрочь. – Мне очень не хотелось бы применять к вам некоторые очень действенные методы, развязывающие язык, но вы не оставляете выбора...

Заметив вопросительный взгляд "горячего восточного человека", он молча кивнул и быки принялись за привычное, судя по сноровке, дело. Мои руки привязали к деревянному брусу, а к ногам прицепили две металлические болванки, и я с помощью электротали вознесся над полом на целых полметра. Мне хотелось бы и дальше, через крышу и, как любимый детворой Карлсон, по воздуху домой, но уж больно тяжелыми были железяки, да и моторчик папа с мамой почему-то забыли приделать к моей многострадальной заднице.

– Все, амбец, – резко сказал Храпов. – Повыделывался – и будет. Мне нужны конкретные ответы на не менее конкретные вопросы. Твое удостоверение – "липа", притом с чужой фамилией, детский лепет о причинах появления в гараже – брехня, попытка изобразить из себя пай-мальчика, эдакого хронического интеллигента – чушь собачья. Ты Стас Сильверстов, бывший спецназовец, а нынче – сотрудник какого-то вшивого детективного агентства. Попробуй возразить, если сможешь.

Не скажу, что я не был поражен до глубины души. Так быстро разобраться в моей подноготной – по одной фотографии! – это показалось мне просто фантастикой. Неужто Жердин заложил? – мелькнула мыслишка, но здравый смысл тут же подсказал, что в моих домислах реальность и не ночевала. Я ведь никому не говорил, что пойду в "разведку", а уж капитан тем более не мог об этом знать. Оставалось единственное – за мной следили.

Притом настолько профессионально, что я даже ничего не заподозрил.

Нет, не может быть! Выйдя из дому, я полчаса проверялся на наличие "хвоста", но так никого и не вычислил. Конечно, академий шпионажа я не проходил, но топтунов чуял как легавый пес дичь. И даже не потому, что нас хорошо натаскивали в учебке. Просто у меня с детства как-то неожиданно прорезался талант следопыта. Чем я и пользовался, играя со сверстниками в войну или прятки. Это были какие-то неосознанные моменты озарения, когда голова еще ничего не соображает, а ноги несут туда, куда нужно. И в армии я не раз убеждался в своей нестандартности, когда ни с того ни с сего менял маршрут поиска, тем самым избегая засад. Парни из моего отделения по гроб жизни должны быть мне обязаны, что вернулись домой пусть и немного покарябанные, но на своих двоих и даже со всеми мужскими принадлежностями. Под конец службы я начал подозревать, что в нашем штабе сидит какая-то сука, качающая секретные сведения чеченам, но то были не мои заботы; каждый должен есть свой хлеб, в том числе и военная контрразведка.

И все-таки, откуда у Храпова такие сведения?! Как он узнал мою настоящую фамилию!?

– Допустим, – сказал я уже нормальным, не блеющим голосом. – И что с того?

– А то, что мы сейчас добавим до твоего роста еще сантиметров десять. Если, конечно, ты не будешь с нами откровенен. – Храпов подал знак, и "восточный человек", державший в руках пульт, нажал на кнопку.

Теперь уже я висел как больной радикулитом на растяжках. Груз на ногах был таким тяжелым, что у меня даже мышцы затрещали.

– Между прочим, мне больно, – сдержав невольный крик, ответил я сквозь зубы. – В таком положении я могу лишь описать, но не членораздельно говорить.

– Опустит, – приказал Храпов быку с пультом, и я почувствовал облегчение, когда груз коснулся пола. – Что ты искал в "газоне"? Только не вешай нам больше лапшу на уши!

Иначе через пять минут у тебя порвутся не только мышцы и сухожилия. Мы твою кожу порежем на ремни, а раны присыплем солью. Тебя устраивает такой вариант?

– Очень убедительно, – согласился я. – Твои доводы действуют на меня неотразимо.

Потому темнить мне как-то не с руки. Я искал в машине тайник.

Мои палачи быстро переглянулись. Храпов нахмурился.

– Что за тайник и почему ты его искал? – резко спросил он.

– Мой шеф дал мне такое задание. В нашем агентстве я человек маленький... – попытался я схитрить.

– Ты опять за свое!? Ну-ка, вздерни его... – Храпов посмотрел на быка с пультом.

– Стоп! – крикнул я. – Не нужно. Я и впрямь мало что знаю. Мне известно лишь то, что к нам обратился какой-то человек с просьбой найти похищенные из его квартиры антикварные ценности. Наш сотрудник проанализировал данные, которые удалось раскопать, и ваша машина попала под подозрение. Дело в том, что кража состоялась среди бела дня, а "газон" как раз находился возле дома потерпевшего. Может, мы и не обратили бы на будку никакого внимания, но у этого человека украли несколько картин вместе с рамами, а поскольку их в руках не унесешь, значит воры имели транспорт, притом с тайником. Вы ведь сами знаете, что гаишники проверяют почти каждый грузовик...

– Ну и что, нашел тайник? – с нервным смешком спросил Храпов.

– Нет. Теперь я вижу, что мы ошибались. – Я сделал такие честные глаза, что даже сам себе поверил.

– Вот брехливая падла... – проворчал плешивый дуболом.

– Врет, козел, – с нехорошим выражением лица поддержал его и второй бык. – Нужно его немного бритвой расписать, может, поумнеет.

– Твоя правда, – согласился Храпов. – Поднимай...

Электромотор тали противно взвыл, и я снова ощутил невероятную тяжесть, буквально расчленяющую мое тело.

– Мужики, вы что, в натуре!!! – заорал я благим матом. – Я выложил все, как на духу!

Отвяжите руки, перекрещусь!

Я не был лохом и знал, что живым они меня не отпустят. В любом случае. Но надежда всегда теплится в человеке, даже в самых критических, безвыходных ситуациях, а потому мне ничего иного не оставалось как играть свою роль до конца. Вдруг я ошибаюсь...

"Восточный человек" достал из кармана опасную бритву и вопросительно посмотрел на Храпова. Тот стоял потупясь, о чем-то размышляя.

– Парни, я не соврал! – продолжил я свою волюнку. – Ну что вы в самом деле!?

– Заткнись! – рявкнул бас. – Еще успеешь накричаться.

Храпов поднял голову и испытующе взглянул на меня. Я изо всех сил пытался выжать слезу, но мои артистические способности достигли своего предела. К тому же я готовился к боли, страшной боли, которая мне уготована. Я совершенно не сомневался в участи, которая мне предстоит. Воюя с чеченами и зная их кровожадность к пленным контрактникам, я всегда носил в кармане гранату, чтобы в случае чего отправиться на небо, минуя пыточный полустанок. Мне, конечно, приходилось испытывать боль – я был три раза ранен – однако она не шла ни в какое сравнение с теми муками, что испытали буквально расчлененные русские парни, которых мы находили в подвалах разрушенных домов Грозного и в горах. И вот теперь у меня даже нет моей смертоносной палочкивыручалочки, последнего прибежища пусть и не храбрых, но отчаявшихся – это точно.

Держись, Сильвер, держись...

– Начинай... – тихо и буднично приказал Храпов и отошел в сторону – чтобы его не обрызгало кровью.

Я сцепил зубы и обречено закрыл глаза. Господи, прости меня грешного...

И в это время среди воцарившейся тишины неожиданно громко и нагло подал голос мобильный телефон.

– Алло! – это Храпов. – Да, конечно... Взяли. Как договаривались... Нет, пока нет. Почему!?

Понял, извините... Слушаюсь. Когда? Хорошо, ждем...

Я потихоньку поднял непослушные веки и посмотрел на палачей. "Восточный человек", матерясь под нос, с явным сожалением прятал свое страшное оружие в карман. Его напарник тоже был не в лучшем расположении духа. Но никто из них даже не заикнулся, чтобы убедить Храпова продолжить экзекуцию. А то, что ее почему-то отменили, и скорее всего начальники Храпова, я понял мгновенно. Господи, спаси меня! Если меня минует чаша сия, пойду в церковь и поставлю всем святым столько свечей, сколько они никогда еще не видели.

Меня в очередной раз опустили на грешную землю. Вернее, мой груз. Я по-прежнему висел распятый и недоумевающий. Что стряслось? Похоже, мои палачи кого-то ждут. Для чего? Чтобы продолжить начатое в присутствии какого-нибудь мафиозного босса? Может, у него такое хобби – смотреть на пытки. Совсем эти новые русские озверели.

Верхний свет в складе потушили. Зато включили прожектор, бьющий мне прямо в глаза.

Так прошло добрых полчаса.

Наконец я услышал, как к моему узилищу подъехала машина – судя по тихому, воркующему звуку мотора, импортная и наверное очень дорогая. Возле двери склада наметилось какое-то движение, но я ничего, кроме обжигающе яркого света, не видел – этот подлый прожектор находился где-то в пяти-шести метрах от меня и имел лампу мощностью не ниже киловатта.

Меня созерцали минуты две. Я весь сжался, ожидая продолжения спектакля с бритвой, но мои страхи оказались напрасными. Послышался тихий говор, затем мягко хлопнула дверка машины и босс моих палачей отбыл. Спустя некоторое время прожектор потушили и я оказался в кромешной мгле, в которой катались радужные круги – "записанные" на глазную сетчатку прожекторные лучи. Кто-то невидимый подошел ко мне и грубо залепил мой рот клейкой лентой. Вскоре гроыхнул засов на двери склада и я очутился в полной тишине.

Я попытался трепыхнуться, чтобы освободить руки. Но груз на ногах не дал мне возможности поджаться даже на сантиметр. Безднажно вздохнув, я покорно сдался на милость судьбы. Мне даже не хотелось думать, что будет дальше и почему меня оставили в покое. Может, босс этих негодяев – людоед /мало ли какие бывают бзики у богатых/ и решил мною пообедать, а его шестерки ждут, пока мое мясо не станет достаточно нежным и мягким. Мне рассказывали, что так поступают корейцы для получения своего самого излюбленного деликатеса – собачьей вырезкой. У специально откормленных псов выворачивают лапы и привязывают на ночь к столбам. Бедные животные воют от боли до самого утра, тем самым очищая мясо от лишней крови – она скапливается поближе к сердцу. Поутру, сделав собачкам секир башка, корейские гурманы жарят или парят – хрен его знает – вкусный, выдержанный и натуральный продукт вместе с приправами, а потом трескают, поливая соевым соусом. Так это, или не так – утверждать не берусь. Но в данный момент, в отличие от псов, я даже лишен был удовольствия всласть покурахтаться по причине заклеенного рта.

Уже начало светать, когда вновь появились мои истязатели; за исключением Храпова. Он, похоже, и впрямь был настоящим бригадиром – только мафиозного клана, и теперь сладко почивал, предоставив двум своим подручным самим закончить начатое. Но ко мне даже пальцем не коснулись, если не считать укола, который всадил мне "восточный человек", особо не целясь, прямо в мягкое место. Наверное, этот козел имел некоторые медицинские познания; правда, весьма специфические.

Балдеж начался спустя минуту. Я не знал, какой препарат мне вкололи, но очень хотел, чтобы "медик" не рассчитал дозу. Вдруг бедолаге Сильверу повезет и он вознесется на небеса в первозданном виде и со скоростью ракеты?

С мыслью о возможности нечаянной легкой смерти я и отрубился. Это было прекрасное чувство...

Глава 12. ТЮРЬМА

Мое пробуждение оказалось наполненным чудесами. Первой мыслью, после того как я осознал себя бурно размножающейся и быстро эволюционирующей инфузорией тифелькой, стало ежесекундно крепнувшее убеждение, что я почему-то лежу в хлеву и подвергаюсь газовой атаке со стороны по меньшей мере десятка свиней. Они даже похрюкивали от удовольствия, но я их пока не видел, так как мои веки окаменели и мне никак не удавалось открыть глаза.

Прошло еще какое-то время и я наконец обрел способность шевелить своими заостренными конечностями. Придерживаясь руками непонятно за что, я сел и открыл свои диафрагмы. Картина, которую я увидел, сразила меня наповал. Судя по нарам, набитым по самое некуда мужиками, я попал или в небесное чистилище, или в самую обычную тюрьму, что подтверждала и параша, возле которой я сидел. Шлепнув несколько раз сухими губами и подвигав языком, я попробовал говорить, хотя и не очень надеялся быть услышанным:

– Где я, люди добрые?

– У хозяина на киче, соколик, – осклабился старик, сидевший неподалеку.

Был он весь сморщенный, сутулый и какой-то дерганый, несмотря на почтенный возраст.

Его руки и грудь украшали татуировки, что выдавало в нем человека бывалого, имеющего не одну "ходку" в зону. Но место, которое старик занимал в камере – почти возле двери; крайними были лишь я и параша – как-то не вязалось с его "стажем" и возрастом.

Так, понятно, подумал я. Кича – это казенный дом, хозяин – по-моему, начальник тюряги.

Но что я здесь делаю? Как сюда попал? Когда меня успели осудить? И за что?!

– Какое сегодня число? – отважился спросить я старика, начиная чувствовать себя бедным Эдмоном Дантесом, заживо похороненным в подземельях замка Иф.

Подумав, старый урка ответил. Я напряг все свои мозговые извилины – и ахнул. Твою мать!.. Это что, я торчу в камере почти неделю!? И все время в бессознательном состоянии!? Чудеса...

– Когда меня сюда... – Я запнулся, подыскивая нужное слово. – Ну, в общем, доставили.

– Ночью. Ты так набухался, что лыка не вязал.

– Так это вырезатель? – обрадовался я.

– Бери повыше, – снова заулыбался старик. – Ты попал в стойло.[2]

– А я думал, что в свинарник, – не сдержался я, чтобы не объяснить свое видение проблемы.

Старик рассмеялся. С виду он казался добрым дедушкой, но его холодные оценивающие глаза почему-то не вызывали у меня желания побеседовать с ним по душам.

– Мне бы попить... – вспомнил я о своей жажде, царапающей горло мелкими коготками.

– Вон, с другой стороны двери, бак с водой. Что, сушит?

– Угу... – собравшись с силами, я встал и подыбал к вожделенному источнику с прикованной к цепи алюминиевой кружкой.

Я выпил не меньше чем полведра. И с каждым глотком мои силы умножались, а гогольмоголь в голове постепенно превращался в нормальные мозги с пока еще только зарождающимся мыслительным процессом.

– Гля, мужики, наш ханурик очухался!

Я обернулся на голос и понял, что в мою сторону смотрят почти все сокамерники. До этого они играли в карты, о чем-то довольно шумно болтали и портили воздух, совершенно не обращая внимания ни на старика, ни на меня.

В ответ я приветливо улыбнулся и развел руками – мол, что поделаешь, со всяким может такое случиться.

Но мое демонстративное миролюбие не дало ожидаемого эффекта. Я уже понял, с кем меня угораздило столкнуться в этом клоповнике. И сообразил, почему старый урка, по воровским понятиям просто обязанный занять самое лучшее место – возле окна, расположился на отшибе, где обычно отираются салаги-"первопроходцы".

Камеру оккупировала молодая "поросль" – коротко подстриженные бычки и отморозки.

Среди них не было уникальных личностей – дуболомов эдак килограмм на сто тридцать – но и эти вонючие хорьки представляли собой грозную, жестокую силу, с которой не захотел связываться даже старый урка; возможно, вор в "законе". Молодняк брал наглостью, нахрапом, особенно в ИВС, где не было, как в зоне, устоявшейся иерархии.

– Кто такой и по какой статье катишь? – солидно спросил меня один из них, наверное, самый тупой, но отнюдь не самый хилый; похоже, он в этом хлеву был за бугра.

– Понятия не имею, – признался я вполне откровенно. – Ей Богу, ничего не помню. За что присел, кто меня сюда воткнул... – полный абзац. А зовут меня Стас.

– Законы наши знаешь? – мини-бугор показал в щербатой ухмылке редкие желтые зубы.

– Как-то не приходилось изучать... – Меня этот хмырь уже начал раздражать.

– Не знаешь – научим, не хочешь – заставим... гы-гы-гы... – изрек он прописную армейскую истину – наверное, единственное, что вдолбили в его квадратную башку ретивые сержанты.

Я промолчал. А что скажешь? Дерзить было опасно, но и поддаваться нельзя – затопчут.

Конечно, в основном морально, но от этого в тюрьме, судя по рассказам бывалых людей, все равно не становится легче. Оставалось единственное – помалкивать и ждать прояснения ситуации.

Бугор, видимо еще не прошедший в полном объеме тюремные университеты, а потому не ожесточившийся до упора, глубокомысленно кивнул, признавая за мной право держать язык на привязи, и отвалил в свой угол, чтобы продолжить картежную игру. Я облегченно вздохнул, радуясь, что мой первый контакт с "коллегами" по стойлу, как выразился старый урка, закончился миром, нашел себе свободное место на нарах и аккуратно присел на краешек. Мне нужно было здорово поразмыслить.

Но, как говорится, напрасно музыка играла, напрасно фраер танцевал. В молодости я бывал в разных переделках, иногда драться приходилось через день: и в школе, и на улице, и микрорайон на микрорайон, и на танцплощадке... – в общем, пальцев на руках не хватит, чтобы сосчитать мелкие и крупные стычки подрастающих балбесов, занимающихся самоутверждением. В принципе я не был записным драчуном, однако както так получалось, что меня будто магнитом тянуло туда, где намечалась очередная свара.

И всегда в критических ситуациях, когда пацаны сталкивались лбами, но еще колебались, размышляя – драться или пойти на мировую, находилась маленький задиристый шкет, без раздумья бросающийся на противника и бьющий первым. Потом он потихоньку исчезал с поля битвы и, наверное, наблюдал с безопасного расстояния как мутузят его приятелей и посмеивался. Мы не любили этих хорьков, однако всегда признавали их право быть членами нашей команды.

К моему глубокому сожалению, такая вонючка, выросшая в шакала, оказалась и среди старожиллов камеры. Я его сразу распознал и постарался не встречаться с ним взглядом, но злые импульсы, будоражившие нервную систему худого и проворного отморозка, не давали ему покоя ни на воле, ни в тюрьме.

Он подошел к мне с очень нехорошей ухмылкой и сказал:

– Это мое место.

Будешь приставать, подумал я, наливаясь желчью, мне придется оборудовать тебе местечко на кладбище, притом без пересадок и остановок в реанимации. Но ответил миролюбиво:

– О чем базар? Садись рядом, я подвинусь.

– Ты не понял? Я сказал – это мое место.

Ах, как хорошо я изучил таких хитрованов! Он говорил совершенно спокойно, не повышая голоса, как будто беззлобно, но я знал, что решение им уже принято и драки не миновать. Хмырек лишь выжидал удобный момент, заговаривая мне зубы.

– Ты прежде хорошо подумай, а потом начинай... – Я сказал это очень тихо, но серьезно, глядя ему прямо в глаза.

Сказал и понял, что в камере вдруг стало тихо как в могиле.

Заводила понял, что я разгадал его намерения. Будь это в другом месте, не в ИВС, скорее всего, он дал бы задний ход. Ему тоже приходилось драться, и не один раз, а потому он сразу понял, что я вовсе не мальчик для битья. Но отступить уже было поздно – позади тихо урчала свора, ожидающая жестоких развлечений.

Он ударил так, как привык: быстро, коварно и в одно из самых уязвимых мест – в нос, снизу вверх, тычком, открытой ладонью. Это был удар из разряда слепящих, когда мгновенные слезы на какой-то миг делают человека беспомощным, так как он почти ничего не видит, а потому теряет ориентацию. В подобных случаях дело остается за малым – добить лоха, набросившись на него толпой.

Я поймал его руку в нескольких сантиметрах от своего лица. Все получилось просто и элегантно: захват за пальцы, рывок вниз и хмырек завизжал от страшной боли как раненное животное. Я мог бы сломать ему все пальцы – вместе или, для большего кайфа, по одному, без разницы – но он не был моим личным врагом и злобы к нему я не испытывал.

– Все назад! – сказал я внушительно обалдевшей своре, на миг оцепеневшей от неожиданности. – Я люблю хорошие шутки, но не на столько, чтобы позволить кому-либо дать мне за здорово живешь по сопатке. Есть предложение разойтись мирно.

– Ты... ты чего!? – Словарный запас у мини-бугра явно подкачал. – На кого прешь!?

– Я на рожон не лезу. И не я первый начал. А потому давайте не будем усугублять ситуацию.

Я видел, что бугор на миг заколебался. И мне было понятно почему. Похоже, в его рэкетирской практике еще не встречались люди, способные дать ему достойный отпор. А безнаказанность порождает самоуверенность и прямолинейность суждений. Он оказался не готов принять разумное решение – момент был абсолютно не стандартный.

Однако, я не заблуждался насчет дальнейшего развития событий. Положение обязывает. А он как-никак считал себя главарем, хозяином камеры. И от него ждали только жестокого подавления бунта на "корабле" – чтобы другим было неповадно.

Краем глаза я видел старого урку. Он сидел, не шевелясь, но его острые глаза-бритвы зорко следили за мною и окружающими. И в них поблескивал какой-то странный огонек – словно ситуация не только вызывала интерес, но и возбуждала, радовала. Сукин сын...

Я так и знал. Бугор и впрямь был тупым. Окажись на его месте кто поумней, все можно было спустить на тормозах, не роняя достоинства. Но он все-таки пошел на абордаж, как говорится, без страха и упрека.

Теперь я уже не сдерживался. Их насчитывалось шестеро, камера тесная, узкая, а потому массу, которая хлынула на меня во главе с бугром, можно было сдержать лишь одним способом – валить всех подряд и до упора.

Главного "быка" я встретил прямым в лоб. Он завалился под ноги остальным и впрямь как скотина на бойне – только хрюкнул. Но мне было недосуг рассматривать дело своих рук – свалка пошла нешуточная. Я отмахивался, меня молотили – только кости трещали. К сожалению, я был лишен маневра из-за тесноты и меня едва не затоптали, когда кто-то сделал мне подсечку. Лишь с детства выработанная привычка любой ценой держаться на ногах заставила меня ценой невероятного усилия сначала встать на колени, а затем стряхнуть пенящуюся от злобы свору с заливка.

Драка закончилась прозаически: лязгнули засовы, заскрипела дверь и в камеру вошли два охранника.

– Брэк! – резко скомандовал один из них, с поломанным носом; похоже, бывший боксер. – Все по местам!

Мои супротивники повиновались беспрекословно и быстро. Наверное, этот охранник имел немалый авторитет среди подследственных, обретающихся в ИВС.

– Ты снова за свое, Дерюга? – с ленцой спросил он мини-бугра, только-только очухавшегося после моей примочки. – Нехорошо. Помнишь мое обещание? Лады. На выход. Посидишь несколько дней в карцере – остынешь. А вас, – охранник посмотрел на остальных, – предупреждаю в последний раз. Ведите себя тихо.

Свора ответила тихим покорным шелестом.

Наконец он обратил свой взгляд и на меня.

– Ты новенький?

– Похоже, что так.

Мне почему-то показалось, что охраннику я понравился. Он смотрел на меня с легким удивлением и благосклонностью. Наверное, охранник узнал во мне бывшего спортсмена, коллегу, и в его душе проснулось корпоративное чувство.

– Ну-ну... – сказал он неопределенно – и был таков, уводя смурного бугра.

В камере воцарилось напряженное ожидание. И я знал чего. Увы, таков закон подобных сообществ – кулак стоит выше мозгов. Мне приходилось бывать в разных компаниях, но нравы в них не отличались разнообразием.

Я спокойно прошел к окну и сел на "престижную" койку. Никто из моих бывших противников даже не пискнул; все сделали вид, что так оно и должно быть. Я их понимал – шобла лишилась вожака, а потому была морально сломлена.

– Отец! – позвал я старого урку. – Переселяйся.

Мне показалось, что он даже стал выше ростом и значимей. Старик не спеша протопал вслед за мной и занял шконку напротив; я уступил ему лучшее место. Он поблагодарил меня взглядом и жестом фокусника достал из своей одежды две сигареты.

– Куришь? – спросил он, не обращая ни малейшего внимания на остальных.

– Не откажусь, – ответил я и тут же почувствовал, что зверски голоден.

Мы возлегли, как римские патриции, на свои "ложа" и молча задымили. Наши сокамерники тем временем стали умывать соплю и приводить в порядок одежду.

Наконец настало время все обдумать. Я даже не пытался, как в кино, когда невинного человека бросают за решетку, бросаться на дверь камеры, стучать и требовать объяснений у охранников, просить, чтобы отвели к следователю и тому подобное. Не знаю, как там за бугром, а у нас такие номера не катят. Единственное, чего я мог добиться своим буйством, так это поссориться с надзирателями, что могло принести мне большие неприятности. А их у меня и так хватало.

Итак, кто-то запихнул меня в клетку на съедение органам нашего самого справедливого в мире правосудия. Мало того, моя одежда исчезла и я был одет в дерюжку с чужого плеча.

Зачем этот маскарад? Кто это сделал? Неужто Храпов? Нет, такой фортель был ему не по плечу. Тут чувствовалась рука опытная, жестокая и имеющая власть. И о ней я не имею ни малейшего представления. Потому оставим ее за кадром – всему свое время. Меня явно все эти дни держали на уколах – что-то наркотическое или снотворное. Зачем? Ответ напрашивался сам по себе – чтобы выиграть время. Но не проще ли было отправить меня на дно к ракам? Кто-то не захотел такого поворота ситуации. Пожалел? Ха-ха! Пожалел волк кобылу, оставив хвост и гриву.

Но что мне инкриминируют? Я был на все сто процентов уверен, что меня очень ловко подставили, а затем, обеспамятевшего, сдали ментам. И что я такого натворил? Неужто меня подвели под "мокрую" статью? Свят, свят... Постучи по дереву, Сильвер. Не дай Бог... Тогда мне точно крышка – тот, кто задумал спектакль со мной в главной роли, не позволит мне выйти сухим из воды. Деньги могут все, а большие деньги – тем более.

Единственное, что меня утешало в моем незавидном положении, так это удовлетворение от хорошо сделанной работы. Я вышел на горячий след! Он прямо обжигал, был свежим и надежным. Но меня сняли со следа как глупую букашку. Сильвер, Сильвер, как же ты, брат, лопухнулся...

– В каком мы городе? – спросил я старого урку.

Шальная мыслишка вдруг забежала в голову и заставила меня не только вздрогнуть, но и вообще задрожать осиновым листом.

Старик посмотрел на меня с недоумением и ответил. Мама родная! Ни хрена себе... Вот это компот. Меня определили на "квартиру" не менее чем за тысячу километров от родных мест. Круто.

– Что с тобой? – любопытствовал старый урка, глядя на меня своими холодными буркалами.

– Да так... ничего... – пробормотал я, стараясь прийти в себя; новость и впрямь была сногшибательной. – Как вас зовут?

– Хе... – показал вставные зубы старик. – По разному. Но для тебя я Степан Ильич.

– Как вы думаете, Степан Ильич, когда меня поведут на допрос?

– Не скоро, – коротко ответил старый урка. – Смотря что ты натворил. Если крупняк – то могут и сегодня выдернуть к следаку. А если на тебе висит мелочевка – тогда рассчитывай на месяц или два.

– Не может быть!

– Еще как может. У них запарка, – он снова показал свои фиксы. – Кича переполнена и народ продолжает прибывать не по дням, а по часам. Некоторые кантуются здесь по полгода. Притом, за сущие пустяки. Вертанул мешок картошки из соседского подвала – и приехали.

Дело пустяшное, яйца выеденного не стоит – а мужик ждет разбирательства уже седьмой месяц. Есть тут такой, в соседнем каземате. Пытался права качать – попал под каток. Теперь ребра лечит. Чухонца видел?

– Кто это?

– Попка. Тот, который только что забрал Дерюгу. Бывший боксер. Зверь... – В голосе старого урка слышались уважительные нотки. – Любит порядок. Посадили – сиди и не дергайся. Начальство разберется. Ежели в камерах что не так, с кого спрос? С Чухонца.

Он тут за бугра. Потому и не дает спуску разным сямкам, которые что-то там требуют, а еще хуже – устраивают кипиш. Не завидую я Дерюге – Чухонец предупредил его уже раза два.

– Понял... – Я задумался.

Значит я буду торчать здесь до новых веников. Плат, даже если поставит на уши весь город, меня, естественно, не найдет. Не думаю, что он догадается про мою одиссею. Как ему сообщить где я и что со мной? Как!? Надежда только на его связи, но поди докричись за тысячу верст...

– Степан Ильич, у меня вопрос... – я понизил голос до шепота.

– Ну? – Старый урка смотрел на меня выжидающе.

– Как связаться с волей?

– Хочешь послать маляву?

– Да. Иначе мне амбец.

– Дело непростое... – Старик хитро прищурился. – Но возможное.

– Помогите, пожалуйста. Тому, кто передаст записку по назначению, хорошо заплатят. А я, если выйду отсюда, постараюсь и вам помочь.

– Хе... Ну, скажем, в помощниках я не нуждаюсь. Но ты мне нравишься. На тебя можно положиться. И я выполню твою просьбу. За мною, сам понимаешь, должок... – Он остро взглянул на притихших бузотеров. – Я бы и сам с ними разобрался... со временем, но ты подсуетился в самый раз. А потому рисуй свою маляву и завтра она уйдет по назначению.

– Это в другом городе.

– Без разницы. Я сказал – доставят, значит так оно и будет...

Последующие четыре дня тянулись как резиновые. В камере царило напряженное перемирие – шестерки ждали бугра. Но ему, похоже, приходилось несладко и присел он в карцер надолго. Старый урка большей частью кемарил или дымил сигаретой. Где он доставал курево, какими путями оно к нему попадало – я даже представить себе не мог.

Судя по моим подсчетам, за день он выкуривал не менее пачки и даже меня угощал, хотя я мужественно и отказывался, не желая попасть к нему в полную зависимость. И тем не менее запас сигарет не иссякал. Прямо тебе чудеса из волшебной лампы Аладдина. Но самое интересное было тогда, когда начинался всеобщий шмон – старик, которого едва не раздевали догола, оказывался чистым словно стеклышко. Мистика...

За мною пришли к обеду пятого дня. Удивительно вежливый и дружелюбный Чухонец / в свете того, что я о нем слышал / передал меня из рук в руки менту с четырьмя звездочками на

погонах, и, подмигнув, возвратился в свою дежурку. Капитан молча состыковался со мной при помощи наручников, и мы, миновав КПП, вышли на свет ясный. Там нас уже ждала машина, почему-то частное такси, но я не стал разводить базар-вокзал – если ты в "браслетах", то лучше придержать язык, особенно когда на переднем сидении машины торчат большие розовые уши. Так мы в полном молчании доехали до самого аэропорта и поспешили на посадку – тем же макаром, в прикованном состоянии, и через служебный выход. Правда, неразговорчивый мент, во избежание излишнего внимания со стороны пассажиров к моей персоне, повесил на наши окольцованные руки пиджак, и мы благополучно добрались до своих мест.

Едва самолет взлетел, капитан отстегнул наручники и я обрел относительную свободу.

– Куда летим? – спросил я серьезного мента, чтобы заполнить вакуум в наших, пока еще и не намечавшихся, отношениях.

– В теплые края, – ответил он загадочно и вдруг широко улыбнулся.

От улыбки его строгое лицо неожиданно стало приятным и добродушным. Не будь на нем мундира, я бы мог с ним даже подружиться – этот парень чем-то мне imponировал.

– Подвинься, олух царя небесного...

Голос за спиной поразил меня словно молния. Плат!? Я резко обернулся и увидел ухмыляющегося Серегу.

– Ты!? – у меня перехватило дух.

– Нет, не я – мой призрак. Двигай, нужно перекусить... – Он буднично передал капитану объемистый пакет и сел на освободившееся место.

– Как... когда?.. – Я по-прежнему находился в радостном ступоре.

– Потом, – отмахнулся Плат. – Знакомься – капитан Лугов, бывший мой напарник, – представил он конвоира. – А это Стас, друг детства и коллега по бизнесу.

– Официальная часть нашего знакомства закончена, а потому зови меня Никитой, – все так же улыбаясь сказал капитан и мы с теплотой пожали друг другу руки.

– Из-за тебя не жрал со вчерашнего дня... – бубнил Плат, раскладывая на столике еду: цыпленка-табака, колбасу, сыр, вареные яйца, малосольные огурцы и хлеб. – Ты не человек, а сплошная головная боль...

Воровато оглянувшись, он вынул из пакета и бутылку виски, чем сразил меня окончательно.

– За знакомство, – предложил я тост, когда Плат наполнил пластмассовые стаканчики.

– Лучше давай выпьем за твое здоровье. А то последнюю неделю я боялся, что оно у тебя сильно пошатнулось, – осклабился Серега и мы дружно махнули по единой.

Мы оприходовали бутылку за считанные минуты. Похоже, не только Плат был голоден – тормозок наша дружная компашка как за себя кинула, не оставив даже крошек.

– Вы тут побеседуйте, а я пойду вперед, там есть свободные места. Немного покемарю... – Лугов деликатно удалился.

Мы некоторое время молчали, будто соображая с чего начать и кто должен играть первую скрипку в нашем разговоре.

– Начни ты, – наконец обратился ко мне Плат.

Я рассказал ему все и даже больше, присовокупив еще и версию о тех тайных силах, которые воткнули меня в каталажку; я выстроил ее, сидя на тюремных нарах.

– Нет, ну ты точно идиот, – в сердцах сказал Плат. – Неужели тебе тяжело было поднять телефонную трубку и позвонить мне?

– Виноват.. – Я покаянно опустил голову. – Вожжа под хвост попала. Думал как лучше...

– А получилось как всегда, – подхватил Серега. – Пойми, мы играем с очень серьезными людьми, в чем ты убедился на собственном опыте. Нельзя быть дилетантом, когда земля горит под ногами. Каждый наш шаг должен быть выверен и осторожен. А ты, по своей дурацкой привычке, прешь буром. Новый Чапаев нашелся – шашку наголо и вперед.

– Да понял я, но сделанного не воротишь... Как меня разыскали?

– А разве не ты прислал мне записку?

– В общем, я, но...

– Не ожидал, что я так быстро и эффективно отреагирую? А как бы ты поступил на моем месте? То-то... Мне пришлось задействовать связи отца. Кто-то очень хотел, чтобы ты надолго присох в ИВС. Твои документы нашли с большим трудом. И то когда нажали со столицы. Тебя хотели похоронить заживо. Конечно, со временем все прояснилось бы, но на это мог уйти целый год – ты был записан под другой фамилией.

– И тем не менее меня не грохнули...

– Что совсем запутало карты. Тех, с кем мы схлестнулись, вовсе нельзя обвинить в человеколюбию и законопослушании.

– Чертовщина какая-то...

– Да уж... Ты знаешь, что тебе инкриминировали?

– Откуда? Я сейчас как новорожденный телок – совсем глупый и в слизи. Об этом мне не удосужились доложить, а самому лезло в голову черт знает что.

– Судя по протоколам, ты надрался в местном кабаке до положения риз, устроил дебош, набил морду метрдотелю и звезданул милицейского сержанта. Так что при желании тебя можно пристроить в бригаду лесорубов года на три. Вот так, соколик.

– Не был я ни в каком кабаке! И город мне тот нужен был, как козе баян. А как я в него попал? Я ведь не кузнец Вакула, которого черт в Питер отволоч на собственной спине.

– Это знаешь ты, знаю я, а следователю твои байки по барабану. У него есть показания свидетелей, акты медицинских экспертиз – результат твоих антиобщественных действий в сфере рукоприкладства, и наконец чье-то горячее желание поспособствовать правосудию.

И не только морально, но и при помощи вездесущей "зелени". Кстати, Лугову повезло, что следователя, который должен вести твое дело, не оказалось на месте.

– Под каким соусом меня изъяли?

– Не только под соусом, но и вместе с гарниром. Лугов настрочил такую бумагу, что тебя просто обязаны были вернуть в родной город.

– Уж не записали ли меня в серийные убийцы?

– Что-то вроде этого. Конечно, бумажки Никиты – липа, это понятно. Они исчезнут, едва мы прилетим в родные пенаты.

– А меня снова не возьмут за жабры?

– О чем речь? Твой следователь должен радоваться, что у него изъяли такого клиента как ты. А иначе он выступит укрывателем от правосудия опаснейшего рецидивиста... – Плат довольно хохотнул. – Это тебе не фунт изюма. Кроме того, поделюсь печальным секретом – денежки, полученные от Боба, помахали крылышками.

– Не понял... Как это!?

– А ты думаешь Станислава Сильверстова освободили за его армейские подвиги? У тебя много боевых наград? Вот-вот, до хрена. Но эти цацки в нашей стране стоят сколько, во столько оценивается металл, из которого они изготовлены. Это тебе они дороги, потому что на них твоя кровь. А в родной правоохранительной системе все гораздо проще: плати бабки – и все дела. Думаю, что тот, кто тебя приговорил к отсидке, все-таки поспешил и дал следователю сущий мизер. Потому он тебя не теребил и сильно не стерек, считая мелкой сошкой, недостойной особого внимания.

– Продажные шкуры... твою мать! – отвел я душу. – Когда они уже нажрут.

– Человеческой жадности нет предела. Такова жизнь. Менты тоже люди. И им тоже кушать хочется. Не попадайся – не будешь платить. Философия элементарно проста и доходчива. Влип – сам виноват, раскошеливайся, если не хочешь попасть за решетку.

– Ты тоже брал?

– Обижаешь... В "убойном" отделе такие моменты практически исключены. Может, к сожалению. Я не хуже и не лучше других. К тому же есть еще один нюанс: не будешь получать на лапу, свои же и сожрут. В системе нельзя быть белой вороной.

– Все вы суки... менты поганые... – Мне захотелось запить неприятный привкус от разговора стаканом водки. – Вас бы, бля, на передовую, в окопы, чтобы вы кровью харкали и клопов кормили. Как не посмотришь, у всех рожи семь на восемь, восемь на семь.

– Стас, плевков не по адресу. Я уже не мент.

– Ну, извини...

Мы замолчали. Я посмотрел вперед – Лугов спал, положив голову на плече симпатичной девушке. По-моему, ей такое соседство нравилось.

Самолет пошел на снижение. Этапированный подследственный Станислав Сильверстов /или как там меня обозвали в бумагах/ прибыл в родные места.

Глава 13. НОВАЯ ВЕРСИЯ

Кто меня обнял и нежно приласкал, так это наш кожаный диван. Мебельный патриарх с таким удовольствием крякнул, когда я с размаху опустил свои мощи на его согбенную спину, что мне захотелось поцеловать доброго старичка и сказать: "Спасибо, друг. Только ты

понимаешь, что испытали мои кости на жестких нарах ИВС." Марк смотрел на меня так долго и пристально, притом молча, что я испугался. Уж не заболел ли он какой-нибудь экзотической болезнью, пока я чалился, как наименовал мою недолгую отсидку старый урка Степан Ильич? Сейчас столько всякой дряни расплодилось – СПИД, лихорадка Эбола, разные синдромы – что я совершенно не удивился бы, приключись с Маркузиком какой-нибудь венерический спино-мозговой столбняк имени академика Ройзмана, который наш гений подхватил у одной из своих боевых подруг.

Особенно меня беспокоил его полубезумный взгляд и дрожащие руки.

– Ста-а-а-с!!! – вдруг ни с того, ни с сего возопил он диким голосом и прыгнул на меня как ковбой на необъезженного мустанга. – Стас, дружище... – Марк крепко обнял меня, всхлипнул и – о чудо! – пустил настоящую слезу. – Мы тебя уже похоронили... Живой. Ах, как здорово...

– Как это похоронили? – воззрился я на ухмыляющегося Плата. – Ты о чем умолчал, великий темнила?

– От большого количества информации у тебя голова может съехать набекрень. Тем более, что она не самая крепкая часть твоего тела.

– Ну-ка, колись, шеф. Я должен знать все.

– Да, задал ты нам загадку... – Плат угнездился на свое место за столом; Марк примостился рядом со мной, на диване. – Мы и впрямь уже думали, что тебе кранты. На следующий день после твоего похищения – как теперь выяснилось – в райотдел милиции утром позвонила какая-то женщина и сказала, что на берегу реки, возле городского пляжа /ты знаешь это место – там лежат бетонные плиты/, она наткнулась на мужскую одежду, пустую бутылку водки и остатки закуски. Наряд выехал сразу, шмотки нашли и в кармане брюк обнаружили редакционное удостоверение. Что это липа, выяснили сразу, но там была твоя подлинная фотография. Короче говоря, мне повезло: мой приятель из горотдела, который знает тебя в лицо /помнишь Леху Синельникова? мы вместе с ним несколько раз выезжали на природу/ и которому известно о наших с тобой отношениях, известил меня о случившемся где-то в обед, а водолазы до вечера обшаривали дно в поисках утопленника – версия была однозначной.

– Ты тоже поверил, что я среди ночи решил принять на грудь поллитра и окунуться?

– Что я могу сказать... Если честно, то от моего друга Сильвера можно всего ждать. То, что тебе могла взбрести в голову идея ночного променада, в этом у меня практически не было сомнений. Однако, там было одно "но"... – Плат ухмыльнулся и не торопясь, с удовольствием, раскурил сигарету.

– Не томи, продолжай! – взмолился я в нетерпении.

– Мне показали фотографию места происшествия. Так вот, твои манатки валялись как попало. А к ним, между прочим, никто не касался – в кармане брюк лежал кошелек с деньгами и часы. При всей твоей безалаберности, с одеждой ты всегда обращаешься аккуратно, где бы это ни происходило – дома, в бане, на пляже. Солдатская привычка – чтобы все находилось под рукой, было сложено в определенном порядке и чтобы не дай Бог не помялось.

– Это точно, – согласился я. – И все из-за лени. Как подумаю, что утром придется работать утюгом, так сразу включается какой-то автомат, вроде робота-горничной. Бывают, конечно, и исключения, но это когда я в полном отрубе и засыпаю одетым.

– Так и я подумал. Что-то в этой истории с пьяницей-утопленником было нарочитым, показательным. Идеальный вариант для следствия – все улики налицо, ты явно не тянешь на трезвенника, а труп возможно когда-нибудь и всплывет. Так часто бывает – в реке хватает

омутов и коряг, под которые утопленника могло затащить запросто, а течение в том месте быстрое.

– Зачем нужна была эта инсценировка? И кому?

– По второму вопросу у нас пока глухо. Так, предположения, кое-какая информация... А что касается инсценировки, то тебя просто хотели на некоторое время вывести из игры.

Кстати, я почему-то не думаю, что те, которые упрятали тебя в ИВС, не знали о моих возможностях. Сцена с "утопленником" – это скорее последнее предупреждение, нежели серьезная акция. Притом, всем нам.

– Но кто тогда мой "ангел-хранитель" и почему он испытывает ко мне дружеские чувства?

Для мафии, сам знаешь, это не характерно.

– Это вопрос. Для них действительно лучше было спрятать концы в воду. Загадка... Тебя даже не стали пытаться, чтобы получить информацию.

– Хотя и намеревались. Притом их поведение отнюдь не было инсценировкой.

– Короче, мы с Марком находились в трансе. Но у меня все-таки хватило ума и душевных сил проверить бригаду Храпова. Все были на месте и дружно трудились. А вот когда ко мне пришла твоя малява, их будто корова языком слизала – не знаю с каких соображений, скорее чисто интуитивно, перед вылетом в город, где ты торчал в тюрьме, я позвонил в отдел кадров "Горлифторемонта" и узнал, что все четверо отбыли в очередной отпуск.

Куда? Эти вещи кадровикам знать не обязательно. Вот такая петрушка.

– Значит, Храпова предупредили...

– А ты как думал? Контроль и информация у них поставлены будь здоров.

– Меня волнует еще один вопрос: как Храпов смог узнать, что я именно в ту ночь пойду проверять их "газон"? А ведь меня ждали, я уверен.

– Может, ты просто не заметил наружного наблюдения?

– Плат, ты меня обижаешь. Я предохранялся как дорогая путана перед стыковкой с очередным клиентом. Сзади за такси все было чисто. И вышел я из машины за три квартала от территории гаражей. Я почему-то не думаю, что эти козлы имеют в своем распоряжении ясновидящего.

– Ну, по части мистики я принадлежу к сомневающимся. Для меня главный аргумент – проза жизни. И то, что они так ловко обвели тебя вокруг пальца, наводит меня на тревожные размышления. Действительно, в твоих мозгах они копать не могут, топтунов ты не заметил, тогда что?

Мы переглянулись. Марк сосредоточенно кивнул, будто соглашаясь со своим внутренним голосом, и сказал:

– Или элементарные "жучки" – скорее всего, в "жигулях", где вы разговариваете без опаски – или система лазерного слежения. А возможно прослушиваются наши телефонные разговоры.

– Я об этом давно думал... – Плат сокрушенно покачал головой. – Да все руки не доходили.

Ко всему прочему, до работы по заданию Стеблова у нас не было каких-то особых тайн.

– Если не считать бумажник Завалихина... – Я уже освоился с возвращением в родные пенаты и мысленно обшаривал свои тайники; к моему глубокому сожалению они уже были опустошены, и теперь я выбирал удобный момент в разговоре, чтобы напомнить друзьям о праздничном ужине по случаю моего освобождения из сетей правоохранительной системы.

– Возможно. Но эти два дела никак не связаны между собой.

– А если ты ошибаешься? – Во мне проснулся бес противоречия. – Эти городские мафиозо на проверку больше приятели, нежели соперники, а тем паче враги.

– В твоих словах есть доля правды... – Плат надолго задумался.

Я сидел, как на иголках. Когда закончится этот базар-вокзал!? Да хрен с ними, с этими делами, у меня во рту уже пустыня, которая действительно требует орошения. Но скомкать разговор было неприлично и я продолжал стоически терпеть вечернюю внеплановую оперативку, так некстати устроенную Платом в исторический момент возвращения блудного сына.

– Неужто Завалихин или Соломонов приложили руки и к похищениям? – наконец задумчиво спросил сам себя Серега. – Нет, как-то все это не вяжется. Слишком много случайных совпадений. Это первое. И второе – зачем таким солидным бизнесменам с практически легальным бизнесом заниматься еще и очень опасным криминалом? Ведь вероятность прокола всегда имеется, а те, кто стояли над ними – в этом нет сомнений – вряд ли совсем тупые и недалекие. Одно дело работать в бизнесе, который пусть и не совсем в ладах с моралью, но находится почти в рамках закона /правда, имеющего кучу процессуальных дыр и белых пятен/, другое – вешать себе на шею камень, способный утопить не только фирмы, но и явных, а также тайных учредителей и руководителей этих сомнительных контор.

– Ладно, что сейчас голову ломать. Время покажет, – мудро рассудил я и спросил у Плата:

– Ты расскажи главное – что там с Кристиной Стебловых?

– Тебе не дают покоя сто тысяч баксов? – хмуро ухмыльнулся Серега.

– А хоть бы и так. Сам говорил, что благодаря мне наша фирма несколько поиздержалась.

Поэтому поправка финансового положения нашего О.С.А. висит на моей совести.

– Она у тебя выдержит и не такой груз, – вступил с ехидным замечанием Маркузик.

– Чья бы корова мычала... – Я по-дружески пнул его локтем под ребра. – Сексуальный маньяк...

– С Алиной очень плохо, – сказал Плат. – Она совсем с ума сошла и ее держат на уколах. А Боб не просыхает, пьет горькую почти каждый день и до упора. Никаких известий от похитителей нет. Непонятно все это... Зачем тогда нужно было девочку похищать? Чтобы насолить Бобу? Возможно... Что касается наших разработок, то один след оборвался – я имею ввиду бригаду Храпова – а второй начинает обретать зримые очертания.

– Что же ты молчишь!? – Я даже подскочил на месте.

– Не ори... – поморщился Плат. – А то твой командный голос за версту слышно. Я вплотную занялся одной очень интересной бабурей. Помнишь, той самой, что видела в парке в день похищения Кристины какого-то странного работягу?

– Еще бы. Ей не понравилась твоя демократическая сущность.

– Точно. Мне пришлось на ходу менять лозунги и ругать президента и правительство с такой горячностью, что я даже голос сорвал.

– Помогло?

– В какой-то мере. Старушка оказалась уж больно хитра и злопамятна. Но этот момент меня как раз и воодушевил – несмотря на весьма преклонные годы, на память ей грех жаловаться. Такое впечатление, что она работала в разведке НКВД и прошла спецподготовку. Я не понимаю, почему ни милиция, ни служба безопасности не попросили ее поучаствовать в создании фоторобота этого подозрительного работяги. Он и впрямь был очень нестандартный.

– Нестандартный слесарь – это что-то новое...

– Почему новое? Вспомни Храпова и его молодцов. Но и они не тянут по сравнению с тем, кто был в парке. Во-первых, он больше напоминал бомжа, чем нормального рабочего – давно не бритый, в когда-то добротных и дорогих, а теперь мятых и грязных шмотках.

Рабочие обычно надевают сменную одежду, в основном старье, но достаточно чистое – такое, чтобы не замарать тело. Редко кто относится с полным безразличием к своему внешнему виду. Таких насчитываются единицы. Старое – да, но постиранное и заштопанное.

– Это все домыслы, – заявил я достаточно самоуверенно. – Твои или бабули?

– Ты лучше помолчи! – окрысился Маркузик. – Слушай и мотай на ус. Может, поумнеешь.

– Я готов прямо сейчас недостаток ума заменить румяным горячим бифштексом с поджаренной картошкой и порцией холодной водки... – Мне очень хотелось, чтобы мои друзья поняли этот весьма прозрачный намек.

И они поняли. Но, как всегда, превратно истолковали.

– Тебя даже тюрьма не исправила, – ехидно хихикнул Марк. – Пожрать и выпить – вот твоё жизненное кредо.

– А мне оно нравится. В отличие от тебя, мамино сыначка, я хожу вечно голодным. Так что, как говорили древние, каждому свое.

– Сильвер, помечтай о вкусной и здоровой пище еще чуток, – подключился к бичеванию старого друга и Плат. – Между прочим, как отметили умные люди, на голодный желудок голова лучше работает.

– Вы садисты и извращенцы, помешанные на работе. Если будете так относиться к моей простительной слабости – ей Богу уволюсь.

– Ладно, не плачь, страдалец... – Плат улыбнулся. – Пока я болтался вместе с тобой в воздухе, Марк набил продуктами и спиртным полный холодильник.

– Так чего же вы молчите, изверги!? Черт с ним, с этим бифштексом, я согласен на колбасу.

– Придется немного потерпеть... – Серега закурил. – Мы должны все обсудить до того, как хмель шибанет в башку. Ситуация сложилась непростая, опасная, и я не хочу повторения истории с "утопленником". Потому что на этот раз все будет без дураков. Нас просто завалят, как мамонтов, и закопают так глубоко, что никакая собака не отыщет.

– Ладно, – смирился я, – продолжай.

– Итак, первое – одежда. Второе, возможно, самое главное – старушка вспомнила, что видела, как этот самый гражданин, когда она шла после опроса свидетелей похищения из парка... – Плат сделал эффектную паузу, – катил по улице тележку с мороженым! И одет он был, между прочим, в белую курточку, а на голове у него красовалась светлая кепка с яркой фирменной эмблемой. Каково, а?

– По-моему, твоя "разведчица" шизует, – сказал я скептически. – Почему тогда в ее официальных показаниях нет ни слова о чудесном превращении гадкого утенка-бомжа в белого лебедя-мороженщика?

– Как бабуля мне объяснила, она поначалу глазам своим не поверила и подумала, что ей просто померещилось. Но потом, уже дома, она проанализировала случившееся и думает, что не ошиблась – с тележкой был тот самый подозрительный рабочий. А из ее рассказа я понял, что этот мужик и впрямь нестандартный.

– Чем еще он ее поразил? – Я не знал, верить мне этому бреду сивой кобылы, или нет; какая-то фантазмагория, честное слово.

– Так, ничего особенного. Просто бабуля подметила, что этот человек очень силен – он довольно легко, одним движением, поднимал свою тележку с мостовой на тротуар; а в том месте, где она его встретила, высокие бордюры, я лично проверил. И, как для работяги, оказался удивительно вежлив и предупредителен – это старушка заметила еще в парке. Он таскал трубы или что-то там еще – понятное дело, для маскировки – и не пер буром, как обычно делают наши "гегемоны"-пролетарии, а уступал дорогу мамашам с детьми, при этом едва не кланяясь.

– Фантастика... Пижон-интеллигент пошел на дело, чтобы поправить свое нелегкое финансовое положение. Чушь! Старушка ошиблась. Может, и впрямь мороженщик был похож на слесаря, такое случается, но не более того.

– Возможно. Да и бабуля временами колебалась, когда описывала его внешность. Но ведь версия вытанцовывается классная. Просто-таки железная. Он ждал именно ребенка Стебловых, так как знал, когда Кристину выводят гулять. Затем, улучив момент, дал по башке телохранителю, забрал ребенка, скорее всего, усыпил девочку, чтобы она не смогла поднять шум, запихнул ее в тележку /если убрать холодильный агрегат и компрессор, то в ней поместится и более крупный экземпляр, нежели дочка Боба; мне показывали такую тележку в магазине торгового оборудования/, и, напялив на себя белую куртку, преспокойно удалился из парка. А затем, также не спеша, довез свою добычу туда, куда нужно. Никакого риска – кто подумает, что в тележке мороженщика спрятана похищенная девочка? Никто.

– А милиция? Ведь твои бывшие коллеги, если верить Бобу, прибыли на место происшествия за считанные минуты.

– Этого времени было вполне достаточно, чтобы похититель прогулочным шагом, не вызывая подозрений, убрался вместе с тележкой из парка. Такие дела, Сильвер.

– Складно пташечка поешь... – Я был весь во власти сомнений. – А тележку в парке видел кто-нибудь?

– Да их там море. На каждой аллее по паре штук. Для похитителя передвижной холодильник самое незаметное транспортное средство.

– Если все, что ты говоришь, правда, то этот человек очень даже не глуп.

– Мало того – он работал в одиночку и его достаток весьма скромный.

– Это, я так понимаю, дедуктивный метод Шерлока Холмса в дистиллированном виде... – Мой скептицизм рос прямо пропорционально чувству голода.

– Где-то ты попал в точку. У меня доказательств, естественно, нет, одни предположения.

Почему в одиночку? А потому, что он тащил тележку через весь город и у всех на виду.

Разве организованная группа похитителей могла пойти на такой риск? Ни в коем случае.

Тележку погрузили бы в фургон – и привет, ищи-свищи ветра в поле. Пока сотрудники ГАИ перекрывали улицы, за это время можно было вообще выехать за околицу.

– А почему ты считаешь, что похититель небогат?

– Так ведь все удивительно просто. Сколько стоит на автомобильном рынке самый дешевый подержанный "москвич"-пирожок старой модели? Верно, не более полутора тысяч "зеленью". Что стоило похитителю с деньгами чуток потратиться и купить этот мини-фургон, чтобы свести риск до мизерно малой величины? А ведь этот мужик, как ты сам говорил, не дурак. Выкуп – если он рассчитывал именно на это – покрывал его расходы в сотню, а то и тысячу раз. Логично?

– Твои логические рассуждения напомнили мне известный анекдот о Чапаеве, когда наш любимый герой гражданской войны проверял полученные в академии знания по логике на Анке-пулеметнице. Все это догадки из серии контора пишет... – Я сглотнул голодную слюну и героически продолжил, тем самым еще больше отдаляя начало застолья: – Может в отсутствии транспорта как раз и заключалась изюминка его замысла. А если бы кто-нибудь заметил "москвич" похитителя? Для милиции вычислить его владельца раз плюнуть. У нас в городе импортных тачек раз в пять больше чем отечественных. Так что твой ветеран-пирожок намозолил бы глаза прохожим больше, чем шестисотый "мерс". А возможно у нашего гангстера нет прав на вождение машины. Вариантов море. Между прочим мобильный холодильник мороженщика стоит не на много дешевле подержанного "москвича".

– Ты где-то прав... – неохотно согласился Плат. – И тем не менее я почти уверен, что похищение устроено не ради выкупа.

– Мечь?..

– Скорее всего. Наверное, Боб кому-то перешел дорогу. Притом, по крупному.

– Тогда, если это так, плакали наши денежки. Похититель никогда не объявится. И найти нам его будет не легче, чем сейчас в моем кармане пятак.

– Ошибаешься. Мстителю просто обязан довести до сведения обидчика кто ему нанес ответный удар. Иначе зачем было городить такой огород?

– Уповаешь на психологию? – Я скептически ухмыльнулся. – Все мы в детстве читали детективы, а некоторые – в том числе, кстати, и я – увлекаются ими до сих пор. Да, в книгах такое возможно. И даже обязательно. Но в жизни все бывает совсем по-иному. На кой ляд этому человеку светиться перед Бобом? Ведь Стеблов с его миллионами достанет похитителя из-под земли, куда бы он ни убежал. Вякнуть о своей причастности к похищению – значит подписать себе смертный приговор. Если, конечно, этот наш слесарьинтеллигент не самоубийца.

– Ты обладаешь удивительной способностью походя ополнить самые хорошие идеи и начинания, – в сердцах сказал Плат. – Ты брюзга и сукин сын.

– Вот так всегда: скажешь правду в глаза – и тебя уже причисляют к редискам. Да согласен я

с твоей версий... потому что других кот заплакал. Кстати, бабуля о своем открытии в милицию сообщила?

– О чем речь!? Она ненавидит нынешнюю власть – а милицию в особенности – всеми фибрами своей души. Я, например, представился ей как родственник несчастной семьи, у которой злодеи похитили ребенка. Только тогда она снизошла до разговора со мной. Но все равно так и не избавилась от подозрений, что я переодетый сотрудник уголовного розыска.

– Это и не мудрено – у тебя на лице написано, что ты потомственный мент. Знаешь как выводят породы собак? Отбирают особей с какими-то характерными отклонениями и развивают эти уродства до беспредела. Так случается и с рабочими династиями. Гордись – ты уже особый подвид человека мыслящего. Скоро похожим на тебя будут на выставках медали давать – за экстерьер.

– Зачем я старался, чтобы освободить тебя из каталажки? – с задумчивым видом спросил Плат. – Так хорошо и спокойно было, когда мы все считали тебя уопленником. Мне уже даже представлялось, как в поминальные дни я и Марк будем приходить на твою могилу... или к реке, если тело не отыщется, и в скорбной тишине отдыхать на природе /что так редко случается в городской жизни/, роняя слезы в лафитнички со спиртным. Это была удивительно светлая мечта...

– У вас еще будет такая возможность, – обнадежил я друзей. – Но надеюсь, что не скоро.

Марк! – рывкнул я и спихнул с дивана Маркузика, начавшего клевать носом. – К барьеру!

Открывай холодильник и мечи все, что там есть, на стол. Я уже совсем озверел от голода.

Поболтаем за ужином.

Я перевел взгляд на Плата. Он смотрел на меня, набычившись, но в его глазах искрились смешинки. Я подмигнул ему – и мы весело расхохотались.

Как здорово, когда ты дома и у тебя есть верные друзья!

Глава 14. МАЭСТРО

Самое главное в любом мало-мальски работоспособном коллективе – разделение труда.

Для непонятливых скажу проще – это когда один с сошкой, а семеро с ложкой. Как-то так в нашей стране издревле повелось, будь-то боярский приказ, канцелярия градоначальника, контора Рабкрин[3] или офис вполне современной фирмы "Вася Хряк лимитед" – всегда в этих заведениях бездельников гораздо больше, чем пахарей. Мне не так часто удавалось подсмотреть со стороны за работой большой группы служащих, но всякий раз я наблюдал одну и ту же картину – один, максимум два человека пашут до седьмого пота, а остальные валяют ваньку. Временное оживление наступает лишь тогда, когда заходит руководитель рангом гораздо выше непосредственного начальника шарашки небокоптителей. Но едва босс скрывается за дверью, бурный трудовой спурт мгновенно заканчивается дохлым финишем, и трудящиеся задницы опять расслабляют мускулатуру, чтобы расплыться по сидению стула сонной рыхлой квашней. Увы, таковы наши народные традиции, и если даже товарищ Сталин не смог перековать их в лагерях, то нынешнему поколению демократических управленцев не стоит и пытаться вытащить из болота воз, у которого нет ни колес, ни дышла.

Такие мысли меня посещали, когда я челноком мотался по городу /притом на своих двоих!/,

выполняя предначертания великого теоретика сыскного дела Сереги Платонова.

После недолгих дебатов мы разделили наши усилия: Марк как обычно закопался в свои электронные цацки, Плат взял на себя слесаря-мороженщика, ну а мне достался самый обширный фронт работ – искать следы бригады Храпова. И пока Маркузик дремал перед компьютером после бессонной ночи, проведенной с какой-нибудь Офелией, а Плат за своим столом глубокомысленно строил версии, попивая кофе и покуривая сигарету, я, как искусанный оводами лось, бегал, высунув язык, по разным темным местам, рискуя не только сломать ноги, но и получить "перо" в бок. Нет, я не утверждаю, что мои друзья бездельничали, однако такова уж человеческая сущность – считать, что твои затраты умственного или физического труда в несколько раз превосходят усилия коллег. Я уже не говорю о зарплате, которая никогда не соответствует ни запросам, ни количеству и качеству проделанной работы...

Стеблову мы решили карты до конца не открывать. Нам, конечно, пришлось рассказать о бригаде Храпова, и Боб долго капал мне на мозги, упрекая за то, что я не поставил его в известность о своих инициативах. Возможно, он был прав – в гараже, когда меня прихватили быки Храпова, бойцы Стеблова совсем были бы не лишними. Но что поделаешь – пароход ушел, а крысы разбежались. Боб, злой, как три тысячи чертей, пообещал поставить на уши всех и вся, чтобы разыскать Храпова и иже с ним. Мало того – он попросил, чтобы наша контора больше не совалась в это дело, а занималась проработкой других версий. Боб все еще верил в нас и мы воспрянули духом.

Однако про странного мороженщика Плат приказал мне и Марку в разговоре со Стебловым не распространяться. С его доводами я был вполне согласен. Правда, Серега напирал на то, что не стоит поднимать вокруг мороженщика лишнюю суету – а так оно и будет, если по нашей наводке в розыске начнут участвовать еще и официальные органы, спущенные с поводка Бобом, но я имел свою точку зрения – мне вовсе не хотелось, чтобы сто тысяч баксов уплыли из О.С.А., погруженные на яхту моей голубой мечты, и растворились в горьком тумане непоправимой утраты.

Несмотря на обещание, которое мы дали Стеблову, Плат почему-то настоял на дальнейшей разработке Храпова. На мои недоуменные вопросы Серега отвечал весьма туманно, но образно: лишний хрен... ну, в общем, кое-чему не помеха. Иными словами, как гласит теория криминалистики, на одной версии далеко не уедешь, а если да – то только в тупик. Я немного поупрямился, но в конце концов махнул рукой и начал нарезать по городу концентрические круги. Благо и допинг был налицо – Боб, узнав, что Плат потратил на мое освобождение из ИВС все деньги, авансированные им на расходы по розыску Кристины, подкинул нам еще пять тысяч баксов. Этот момент в расследовании меня настолько воодушевил, что я тут же выбил у Маркузика, все еще пребывающего в состоянии эйфории от моего "воскрешения" из утопленников, не только солидные проездные, но и пайковые, мотивировав это тем, что отсидка в тюрьме здорово подорвала мою работоспособность в связи с резким ухудшением работы желудка. А значит мне, ко всему прочему, полагалось еще и диетическое питание. Хорошо, что Марк не знал, на какую "диету" я потратил большую часть полученных денег...

Зацепку в деле Храпова я отыскал достаточно быстро. Есть такое избитое выражение, уж не знаю кем придуманное – ищите женщину. Конечно, на такую проблему нужно было запускать Маркузика – с его талантами записного оболъстителя он бы решил ее походя; но разве можно заставить кабинетного крота выползти на свет ясный? Поэтому, повздыхав и поплакавшись своей любимой и безотказной женщине, продавщице из киоска, я напялил на себя костюм и отправился в ресторан "Дарвин", где, как мне подсказали знающие люди, Храпов убивал свои холостяцкие вечера. Тем более, что идея с его любимой женщиной целиком принадлежала лично мне. Теперь уже я подоил Плата, согласившегося профинансировать мое мероприятие в полном объеме. Нужно отдать ему должное – мою идею он уловил сразу и принял решение без проволочек.

Да, умеют жить эти новые русские... Я помнил ресторан с тех пор, когда он назывался просто, неприязнательно и чисто по-советски – "Огонек". Это было последнее место в городе, куда шли отчаявшиеся найти место в приличных, но вечно переполненных питейных заведениях. Огромный зал с квадратными колоннами напоминал имперскую канцелярию рейха – такую, как нам ее показывали в кинохронике ко Дню Победы.

Впрочем, в этом не было ничего необычного – здание, в котором два этажа занимал ресторан, строили пленные немцы. Унылые голые стены и десятки столов, выстроившиеся в солдатские шеренги, навевали нехорошие мысли о бренности бытия, и даже оркестр Левы Бермана, наяривавший попсу тех времен – от "Семь сорок" до возрожденных из небытия песен Вертинского, не мог развеять это нехорошее чувство. Потому клиенты "Огонька", вместо приятного и веселого времяпровождения, обычно надирались до положения риз и заканчивали свой выход "в люди" хорошим мордобитием. Ближе к двенадцати ночи сюда боялись заявляться даже самые отчаянные менты – постоянные клиенты "Огонька" имели их ввиду...

Я стоял в вестибюле "Дарвина" и глазам своим не верил. Куда девались облезлые бемские зеркала и бархатные портьеры, скрипучие двери туалетов, покрашенные черт знает чем, и длинные тощие клячи-вешалки, сработанные, как в старину, одним топором местным плотником, бывавшим трезвым только час в день – между утренней побудкой и началом работы винно-водочного отдела гастронома?

Теперь весь первый этаж был одет в мрамор, везде стояли современные кадки с экзотическими растениями, а в углу вызывающе и безостановочно журчал фонтан в виде упитанного голого мальчика, справляющего нужду.

Я неторопливо, с достоинством поднялся по дубовой лестнице на второй этаж, где собственно и находился обеденный зал "Дарвина". Внизу размещались кухня и большой бар. Здесь за чашкой кофе или бокалом вина кучковались дежурные "дамы" в ожидании богатого лоха, желающего скрасить ресторанное застолье присутствием представительницы несомненно лучшей половины человечества. К моему стыду, дорогие путаны полностью проигнорировали появление в кабаке Стаса Сильверстова. Но я, спрятав мужское самолюбие в карман, вынужден был констатировать, что чутье на добычу у этих сучек развито гораздо лучше, чем у собаки Баскервилей, которая по ошибке едва не сожрала Шерлока Холмса и доктора Ватсона.

Я заказал себе шикарный стол. Представив на миг лицо Маркузика в момент предоставления отчета за выход "в люди", я сочно расхохотался, чем вызвал нездоровый интерес к своей персоне со стороны официантского корпуса. Похоже, парни решили, что смеющийся и пока трезвый клиент явно не в себе, а потому за ним нужен глаз да глаз.

Глядя на официантов, я понял, почему в ресторане практически отсутствуют охранники /всего два мента на входе/ – все шнурки в красивых форменных костюмах имели по меньшей мере второй дан каратэ.

Когда я появился в зале ресторана, людей было немного. Еще не пробил час, говоря высоким слогом – главные события в "Дарвине" обычно начинались после одиннадцати вечера. А пока за столиками сидели такие же, как я, нервные одиночки, и только кое-где, местами, что-то там отмечая, гуляли небольшие компании, находившиеся в стадии алкогольного полураспада психики. Тихо, ненавязчиво играл оркестр, салаты и закуски были восхитительны, водка – в меру охлаждена, и жизнь за стенами ресторана казалась дурным сном... Балдеж!

– Стас! Тебя ли я вижу, дружище!?

Я обернулся на оклик – и глазам своим не поверил. Мапочки! Чтоб я так жил – Лева Берман собственной персоной!

– Лева!? Ни фи́га себе...

– Ну, здоров, гусь лапчатый...

Мы сердечно обнялись. Лева здорово располнел, и мне пришлось поднатужиться, чтобы в радостном порыве поднять его над паркетным полом.

– Садись, – пригласил я Леву. – Нет, нет! – вскричал я заметив его протестующий жест. – На хрен все твои компании. Мы с тобой не виделись... сколько?.. точно – восемь лет. Так что если сейчас не примешь вместе со мной на грудь – обижусь до хронического насморка.

Давай, давай, становись на якорь.

– Стас, я на работе.

– Не понял... – Я вытаращил на него глаза. – Ты хочешь сказать?..

– Именно... – Лева не очень весело улыбнулся. – Все как в старые добрые времена.

Руководу оркестром.

– Ей Богу, не ожидал. Ты сразил меня наповал. – Только теперь я заметил, что в ресторане воцарилась относительная тишина; у оркестрантов начался обычный пятнадцатиминутный перерыв.

– Ты, небось, думал, что я сейчас по меньшей мере руководу банком?

– Так ведь большинство твоих единокровных братьев после распада Союза пошло в большой бизнес. А кое-кто вообще умудрился добраться до таких высот, что страшно представить. Как это по научному – олигархи. Евреи стали столпами русского народа. На твоём месте я бы этот момент отразил в оратории или как там это называется. Ты ведь, настолько мне помнится, пробовал сочинять классические вещи.

– Было... – хмуро кивнул Лева. – Милые увлечения молодости. Мне и нынче, если честно, хочется посидеть за роялем над чем-нибудь стоящим. Увы...

– Текучка задрала?

– Не то слово... – Лева походя хлопыстнул рюмашку и зажевал веточкой петрушки. – Чтобы выжить в нынешнем бардаке, нужно постоянно и неустанно вертеться. Финансист из меня никакой, в бизнесе я разбираюсь как свинья в апельсинах, остается последнее – то, на чем воспитан. Музыка. Лабух я, Стас, по жизни лабух. И никуда мне от этого не деться.

– Линяй в Израиль. Там тоже нужны музыкальные таланты. Создашь оркестр – и по Европам. Дарю идею – будешь нести в зажравшиеся капиталистические массы музыку ресторанного подполья времен тоталитарного советского режима. Уверен, народ на твои концерты повалит косяками.

– Я уже был в Израиле. Сманили дурака... – Лева смачно завернул и вовсе не по интеллигентному. – Полгода на метизном заводе гвозди и болты в тару фасовал. Пальцы стали как обрубки.

– Что поделаешь, – заметил я философски. – Там ведь живут одни евреи. Кому-то надо пахать...

– Короче говоря, я повернул оглобли – и очутился в родном "Огоньке"... тьху! – "Дарвине". Платят здесь вполне прилично, ну а сармак... что тебе говорить, сам понимаешь. Бабки

кидают не глядя. И кстати, твои русские.

– Лева, позволь заметить – не мои, а новые. Я, кроме шапки, которой у меня нет, бросить ничего не в состоянии.

– Судя по заказу, – Лева критическим взглядом окинул стол, – ты тоже не бедствуешь.

– Дружище, я здесь на спецзадании. – Я решил рискнуть – Лева всегда был надежным парнем и обычно держал язык на привязи, что особенно ценили разные совковские жучки, пропивающие шальные деньги в банкетном зале "Огонька".

– Ты мент!? – Большие грустные глаза Бермана полезли на лоб.

– Обижаешь, гражданин хороший. Я всего-навсего служащий частного детективного агентства.

– Стас, я сражен наповал... – Лева расхохотался. – Я готов был поверить, что ты занимаешься каким-то бизнесом, но чтобы так... Ну и жизнь... – Он удивленно покачал уже лысеющей кудрявой головой.

– Судьба играет человеком, а он, мятежный, шпилит на трубе. Больно кушать хочется, Лева, притом, постоянно. Вот и сманили меня на неизведанную стезю. И теперь я по ней не иду, а большей частью ползу на карачках.

– И что тебя привело в "Дарвин"? Если, конечно, это не секрет.

– Для других – да, для тебя – нет... – Я пустился берега и нырнул в стремнину – будь что будет. – Только очень прошу, Лева – не для прессы...

– Мог бы и не предупреждать. Ты меня знаешь.

– Знал, Лева, знал. Будем откровенны. Люди со временем меняются, и, к сожалению, чаще всего в худшую сторону. Но у меня секреты не геополитического масштаба, а потому я особо не буду переживать, если они нечаянно уйдут в открытый эфир.

– Может, ты и прав. С годами я начал замечать, что становлюсь брюзгой и женоненавистником.

– Почему так?

– Я развелся. Жена и дочь остались в Израиле. Моя половина не хотела возвращаться ни в какую. Недавно вышла замуж за какого-то Шмуля и теперь живет в кибуце, выращивает розы. Но про нее ладно, а вот дочь...

– Не переживай, – утешил я его. – Телок на твой век хватит. А что касается дочери, так ведь она, надеюсь, жива-здоровая и тебя, уверен, не забывает.

– Да, так оно и есть... – Глаза Левы увлажнились от переизбытка чувств.

– Вот видишь... А что касается моего секрета... – Я на мгновение умолк, собираясь с мыслями. – Лева, тебе известен некто Храпов?

Перемена, произошедшая с Берманом, была поразительной. Он вдруг застыл и напялил на себя каменную маску. В его взгляде, обращенном на меня, мелькнул самый настоящий страх.

– Ты с ума сошел! – зашипел он, склоняясь к столу. – Забудь и думать о нем!

– Значит, известен, – с удовлетворением констатировал я и разлил водку по рюмкам. – За нас с вами, Лева, и хрен с ними. Выпей и приди в себя. Моя скромная тайна, как я и предупреждал, не для широкой общественности. Что поделаешь: секреты подобного рода – мой хлеб.

– Все, мне пора... – Лева посмотрел на свои наручные часы.

– Так мы еще поболтаем о жизни?

– Стас, ты как был пиратом, так им и остался. Позволь я немного подумаю... и поработаю.

– Лева, выручай. Наше интервью не затянется. Я тебя жду...

Берман пошел к эстраде, а я предался воспоминаниям.

Я познакомился с ним и подружился совершенно случайно. Действительно – что могло быть общего у парней из разных слоев общества, один из которых /Лева/, был старше другого на десять лет? Но так уж устроена жизнь, что чаще всего приятелей и друзей не выбираешь – они сами сыплются неизвестно откуда и непонятно зачем. И хорошо, если тебе на голову неожиданно свалится всего лишь птичье дерьмо, а не тяжеленный булыжник. Что чаще всего и случается. Известный поэт-классик по этому поводу издал крик души, обращаясь к верхним силам: Господи, избави меня от друзей, а с врагами я как-нибудь и сам справлюсь. За точность выражения не поручусь, но по смыслу – гениально. Меня столько раз подставляли так называемые "друзья", что в какой-то период жизни я стал шарахаться от любых проявлений добрых человеческих чувств, считая их очередной ловушкой для доверчивого, а потому уникально глупого лоха по имени Стас Сильверстов.

У Левы была /да, наверное, и сейчас есть/ сестра, совершенно обаятельная девушка /по крайней мере, в молодости/, очень похожая на армянку. На красивую армянку. Я тогда не знал, что она родственница известного в городе лабуха Бермана. Просто Софья была одной из девчонок, посещающих вместе с подругами танцплощадку в парке культуры и отдыха имени революционера-большевика, расстрелявшего в годы гражданской войны столько юных кадетов и институтков, что их телами можно было доверху заполнить чашу городского стадиона. Я принципиально не хочу называть имя этого убежденного борца за светлое будущее, чтобы нечаянно не нарушить его покой в котле с кипящей смолой, адский костер под которым он зажег собственноручно еще при своей жизни.

Так вот, в один прекрасный осенний вечер /конец сентября выдался очень теплым и сухим/ бедняга Сильвер, замученный непосильной учебой, решил развеяться, прошвырнувшись на танцульки. Марка, как обычно, не пустила мамаша, а Плат вместе со своим отцом достраивал дачу – был воскресный день, когда и менты отдыхают. Все шло, как и положено: я пообщался с приятелями, затем закадрил новенькую шестнадцатилетнюю пацанку, на которую уже положил глаз один из местных заправил /пришлось в доходчивой форме объяснить ему кто на самом деле держит мазу на танцплощадке; даже в отсутствии Сереги/, а после завершения мероприятия я, как настоящий джентльмен, пошел провожать свою прекрасную леди, притом кружным путем, по самым темным местам – мне почему-то захотелось отдалить момент расставания; девочка и в самом деле оказалась клевой.

Я наткнулся на них совершенно случайно. Меня так прижало, что я плюнул на изысканные манеры и, попросив у своей подруги пARDону, забежал в ближайшую подворотню, чтобы облегчиться. Они затащили Софку за контейнеры для мусора, сорвали с девушки одежонку и уже намеревались приступить к гнусному преступному соитию. Их было трое: один зажимал ей рот, другой держал руки, а третий снимал свои штаны, мучаясь с заклинившим замком "молнии".

Я просто-таки озверел. Меня ни в коем случае нельзя было назвать пай-мальчиком, мое

мужское начало тоже требовало выхода /и получало/, но грубо насиловать там, где можно взять лишь вежливо попросив – это казалось мне верхом кощунства.

Я их буквально замесил. У одного из них был нож и этот стервец его достал, и я только огромным усилием воли сдержался, чтобы не забить ему клинок в глотку по самую рукоять. Сдавать несостоявшихся насильников ментам я не стал – моих "университетов" им хватило с лихвой. Позже я узнал, что все трое провалялись в больнице до конца осени.

Поделом...

Так я познакомился с Софьей. А через нее и слевой, который в порыве благодарности великодушно дал обещание привечать меня в "Огоньке" в любое время и бесплатно. Чем я беззастенчиво и пользовался вплоть до ухода в армию. Правда, не злоупотреблял – все хорошее должно иметь меру. Слевой мы закадычными друзьями не стали – не позволял возраст и общественное положение – но теплые приятельские чувства друг к другу сохранили. Софа вышла замуж рано, за овдовевшего, но богатого Мойшу и ее следы затерялись; по крайней мере, я не интересовался ее дальнейшей судьбой; а Лева пока ничего о ней не говорил...

– У меня есть минут двадцать, – заявил Лева, устало плюхнувшись в кресло. – Сегодня собрался городской бомонд, кого-то будут чествовать, так что болтовня в виде пожеланий и поздравлений растянется на добрых полчаса. Ну а потом, Стас, извини – придется шпарить до утра практически без перерывов.

– И что ты решил? Спрятать голову в песок, как страус? – спросил я с горькой иронией.

– Стас! – возопил Лева; вернее, кричала его душа, а сам он говорил шепотом. – Забудь про Храпова! Эти люди... а, какие люди, о чем я говорю! Они готовы на любую пакость. Тебя просто грохнут – и все дела. И меня за компанию – чтобы не путался под ногами. Я просто не могу... да, я боюсь!.. пошло оно все на хрен!

– Лева, послушай... – Я задумчиво ковырялся в тарелке, на которой красным золотом светился лангуст под винным соусом. – Эти гады украли у моего одноклассника ребенка.

Представляешь!? Он на коленях умоляет помочь в розысках, потому что менты и прочая не в состоянии это сделать. Не знаю, получится ли у нашего агентства или нет, но не дать парню шанс, пусть и мизерный, я просто не вправе. И мне плевать на Храпова и иже с ним. Мы тоже не пальцем деланные и кое-что можем.

– Нет и нет! Стас, ну пожалуйста, любую другую просьбу... все, что в моих силах... – Лева едва не плакал.

Не думаю, что он научился так притворяться. Скорее всего, его мучила собственная беспомощность и незащитность. И совесть.

– Знаешь что, маэстро... – Я выдержал тяжелую, длительную паузу. – Когда я махался с тремя козлами из-за Софки – здоровые были битюги, доложу тебя – у меня и в мыслях не было, что могу ни за хрен собачий получить "перо" в живот. Я просто обязан был помочь – вот и весь мой расчет. Извини, что напомнил...

– Сволочь ты, Стас... – Лева дышал, как загнанная лошадь. – А я – еще большая... Дерьмо!

Всю жизнь только то и делаю, что спину гну. Как бы чего не вышло... А оно выходит!

Зачем я к тебе подошел!?

– Затем, что мы до сих пор можем честно смотреть друг другу в глаза. – Я налил себе и

выпил. Лева сделал отрицательный жест: не могу, хватит, работа. – Впрочем, как знаешь.

Я тебя не насилую. Пойдем, как говорил наш бывший душка-вождь другим путем.

– Ну уж нет! – отрезал Лева. – Ты меня сейчас выставил последним гадом и хочешь добить? Спрашивай, я расскажу все, что знаю. Мне все равно жизни нет. Деньги? Барахло!

К сожалению, это я начал понимать только к сорока годам.

– Ты прав. Маленькие деньги и впрямь фигня. А вот большие – не скажи...

Лева долго смотрел на меня, будто пытаюсь понять, что у его собеседника на уме, а затем печально улыбнулся.

– Узнаю Стаса... Ты в молодые годы был трепачом, и сейчас доказываешь, что у тебя язык как помело.

– Дурная наследственность, Лева. Ну, ладно, ближе к телу, как говорил Мопассан. Говори, что тебе известно про этого паршивца Храпова.

– Ничего такого, что могло бы тебя удивить. Похоже, ты знаешь побольше, чем я. Скажу только то, что он подвизается в компании очень серьезных и богатых людей. Все они "сливки" общества.

– Перечисли, – потребовал я.

Берман назвал с десятков и впрямь известных в городе фамилий, и среди них, к моему огорчению и недоумению, упомянул и Боба Стеблова.

– Неужто Храпов держится с ними на равных? – спросил я удивленно.

– Нет, что ты! Жошка – вот его кредо. Мелкая шестеренка в большом механизме. Не более того.

– Но все-таки в механизме.. – сказал я задумчиво.

– Несомненно, – подтвердил Лева. – Не знаю, чем он их всех берет и что для них делает, но они относятся к нему как... – Он запнулся, подыскивая нужное сравнение. – Как английские лорды к своим слугам – без особого пиетета, но достаточно прилично и даже уважительно.

– Он что, гуляет с ними за одним столом?

– Никогда. За исключением... – Лева замялся.

– Колись дальше, – потребовал я. – Мне важна каждая мелкая подробность, каждый штрих в его поведении.

– Как то раз я нечаянно заглянул в банкетный зал – помнишь? – и застал там весьма солидную компанию, состоящую из нескольких вышеуказанных господ. Среди них был и Храпов. Они, понятное дело, бухали и смотрели видик. Притом, в абсолютно мужской компании.

– Гомики?

– Нет, не похоже. Никаких вольностей я не заметил.

– Говоришь, заглянул в банкетный зал нечаянно? – Я откровенно рассмеялся.

– Ну, не совсем... – Лева смутился. – Бес любопытства попутал. В банкетный зал так просто не попадешь. Охрана, скрытые видеокамеры и прочее. В то время ремонтировали кабинет директора ресторана, соседствующий с банкетным залом, вот я и... В перегородке были щели и я воспользовался моментом.

– Ты не заметил, что они смотрели?

– Было не до того. Какой-то фильм, по-моему, порнуха. Долго рассиживаться в кабинете директора я не мог.

– А почему тебя вообще заинтересовала компания в банкетном зале?

– Как тебе сказать... – Лева попытался пригладить свои жесткие и непослушные волосы. – Они шли туда с видом заговорщиков.

– И ты решил, что в нашем городе появились масоны...

– Я же тебе сказал – бес попутал. Сам не знаю как так получилось, что ноги понесли меня в банкетный... помимо моей воли. Наваждение. Между прочим, если бы меня там поймали...

– Лева покачал головой. – Мама родная... В "Дарвине" с этим очень серьезно. Может, голову и не оторвали бы, но с работы – тю-тю... Пинком под зад – вот и все выходное пособие.

– Понятно. Загнивающий капитализм показывает свое звериное лицо. Помнишь агитки недавних времен? Против чего боролись, на то и напоролись.

Мы еще немного поговорили, и Лева сообщил несколько интересных фактов из ресторанной жизни Храпова. Но главный вопрос, ради которого, собственно, подающий большие надежды детектив Сильверстов и припылил в "Дарвин", я задал в конце разговора:

– Лева, а телка у Храпова была? Не мог же он тереться только с мужиками.

– Этого добра у него было валом. Разных калибров и стоимости.

– Я не про путан спрашиваю. Здесь все понятно. А вот для души он никого не держал? С виду Храпов не тупой и, скорее всего, образованный, а значит такое понятие, как душа, ему не должно быть чуждо.

– Есть тут... одна... – Лева вмиг поскуцнел и отключился от окружающей действительности.

– Э-э, маэстро! – Я хорошо знал эту способность Левы, как говорится, "среди шумного бала" прятаться в личную ракушку. – Не засыпай. Кто она?

Берман медлил. Почему? Это было странно...

– Ее зовут Элла... – наконец сказал он с большой неохотой. – Работает у нас... танцовщицей. Но она не имеет ничего общего с его темными делами! У них просто дружеские отношения. Она не позволяет ему ничего такого...

Так, так... Понятно... Вот и открылась истинная причина любопытства обычно сдержанного лабуха Левы Бермана к неприятной и опасной персоне Храпова. Отвергнутая любовь? Или нечто большее?

– Кто спорит... – Я как можно равнодушной пожал плечами. – Сегодня ее можно лицезреть?

– Да. Танцгруппа будет выступать сразу после перерыва. Все, я пошел... – Он поднялся.

– Спасибо, Лева. Ты мне здорово помог. И последнее: как она выглядит и когда танцовщицы

заканчивают свои выступления?

– Примерно в три часа утра, – ответил Лева на вторую половину моего вопроса. – А как выглядит... Брюнетка, красивая фигура... ну, не знаю, как тебе ее обрисовать. Следи за мной, когда девочки будут танцевать, я покажу...

Лева влюбился! Это было понятно как дважды два. Он никогда не был падким на женщин, что при его профессии казалось несколько странным. Мало того, Лева вообще смотрел на слабый пол сквозь пальцы – со скучающим видом пресыщенного половой жизнью эгоиста.

Он был верен своей жене и избегал случайных связей. А тут... Какие коленца откалывает жизнь...

Глава 15. ПОДСТАВЛЕННЫЙ

Глупость всегда наказуема. Особенно если ее совершаешь подшофе. Мало мне было гаражно-тюремных приключений, так я еще влип в абсолютно скверную историю, которая сулила совсем не медовые пряники и счастливый финал, а долгие годы за решеткой...

Я пошел "проводить" танцовщицу Эллу; правда, без ее ведома. Ход моих рассуждений не отличался оригинальностью – если она и впрямь запала в душу Храпова, то он просто обязан был выходить с ней на контакт. Телефонные звонки, почта, посылные и, чем черт не шутит, даже личные встречи. Ведь еще никем не доказано, что передовик "Горлифторемонта" смайнал из города куда подальше. Может, где-то залег, притаился, ждет, пока все не уляжется и пока единственный прокол в деятельности подпольного синдиката похитителей не ликвидируют вместе с неким горе-сыщиком Стасом Сильверстовым, имевшим неосторожность претендовать на место свидетеля обвинения, которое еще никто не предъявлял.

Элла и впрямь впечатляла. Она не была гипертрофированно длиннонога, как нынешние "мисс" от Москвы и до северных окраин, и имела не костлявый мини-тазик, а самые настоящие крутые женские бедра, способные зажечь воображение даже у почтенного, убеленного сединами главы большого семейства, исповедующего принципы пуританской морали. Да, на такую телку Лева действительно мог запасть.

Зазноба Храпова и примкнувшего к нему Левы Бермана взяла частное такси. Сейчас это не проблема. Закрытые проходные не работающих предприятий отсекали от куска хлеба целую армию работяг, и теперь те, у кого были мало-мальски сносные колеса, вышивали на них по городу в любое время дня и ночи, подшакаливая детишкам на молочишко; притом брали за проезд по божески, не так, как в недавние времена официальные таксисты, эти зажавшиеся от своей значимости козлы. Чтобы добраться в поздний час даже на недалекую окраину, приходилось перед ними падать на колени в буквальном смысле этого слова. Я уже не говорю про расценки...

Я последовал ее примеру, благо возле "Дарвина" ночных извозчиков хватало. Водила попался с понятием и без лишних расспросов упал на хвост такси, которое облюбовала Элла. Так мы пересекли город из одного конца в другой и вскоре оказались в микрорайоне Парковом, вплотную примыкавшему к лесному массиву. Раньше тут был поселок железнодорожников, в семидесятые годы поглощенный городом и подкинувший чинной и благополучной окраине неуправляемые и буйные орды переселенцев, собранных, что называется, с миру по нитке. И теперь здесь держала мазу отморозенная братва, плевавшая на традиции и внешнюю благопристойность.

Танцовщица покинула такси возле пятиэтажной "хрущевки" и, дробно стуча каблучками, поторопилась скрыться в подъезде. От хмельной заморочки я тоже отпустил своего извозчика, а когда он уехал, до меня вдруг дошла элементарная мысль, все это время вяло ворочающаяся в желудке вместе с лангустом и жареным рябчиком – какого хрена мне здесь нужно!? Ну узнал адрес Эллы – что с того? Или ты ожидал, что Храпов выйдет ее встречать? Нет, Сильвер, ты и впрямь осел...

Ругаясь последними словами, я все-таки заприметил как слегка осветилось кухонное окно на втором этаже; похоже, Элла зашла в туалет. От нечего делать я поднялся по лестничному маршу к двери ее квартиры, потыкался возле нее, словно слепой новорожденный щенок, и с тем и свалил, от злости готовый разорвать сам себя на части.

На улице царила глухая темень, в частном секторе сонно и нехотя лаяли псы, а где-то неподалеку пьяные голоса вразнобой орали общеизвестную народную песню про мороз.

Впрочем, после самопальной подпольной водки русскому человеку до лампочки даже Северный полюс в самую лютую зиму. А иную в Парковом не употребляли – доходы не позволяли.

Я уже хотел было поворачивать оглобли и искать какой-нибудь транспорт, чтобы вернуться в лоно цивилизации, но упрямый бес, заведенный еще в "Дарвине" ледяным "Абсолютом", вцепился в меня мертвой хваткой и подталкивал на свершение очередных глупостей. Я сдался ему не без борьбы и пошел вокруг дома. Позади "хрущевки" были разбиты крохотные огородики и росли уже заматеревшие деревья, посаженные сразу после окончания строительства. Окна квартиры, где жила танцовщица, оказались занавешены непрозрачными шторами, но достаточно небрежно и в широкую щель мне были видны какие-то мелькания.

И я поступил, как в глубокой юности, когда у меня проснулся интерес к запретному плоду и я какое-то время подсматривал за раздевающимися девчонками – ухватился за ветки и мигом взобрался на дерево, толстые ветки которого тянулись к интересующему меня окну.

Картина, увиденная мною через неплотно закрытые шторы, сразила меня наповал: в крохотном зальчике, обставленном старой мебелью, выясняли отношения Элла и Храпов!

Она что-то горячо доказывала, а "передовой" бригадир наступал на нее с угрожающим видом. Черт возьми, что он делает!? Ах, скотина... Храпов ударил Эллу коротко, почти без замаха, и девушка отлетела к стене как пушинка. Но вместо того, чтобы удариться в плач /что вполне естественно в такой ситуации/, девушка схватила с полки бронзовую статуэтку и врезала ею Храпова чисто по мужски, от всей души и в нужное место – по кумполу.

Мать твою!.. Мне даже через двойные рамы слышался хруст дробящихся костей, и обильно хлынувшая из раны кровь вмиг залила светлую футболку горе-ухажора. Храпов какой-то миг постоял, будто раздумывая – падать или нет, а затем, подкатив глаза под лоб, завалился навзничь. И тут я увидел как Элла с искаженным от ненависти лицом взмахнула рукой с зажатой в ней статуэткой еще раз – так сказать, примочила вдогонку.

Братцы, что же это такое творится!? На моих глазах кончают главное звено цепи, уцепившись за которую я намеревался вытащить вместе с похищенной Кристиной сто тысяч баксов. Моя яхта шла ко дну в замызганной "хрущобе"! А ее капитан висел на дереве как гнилая груша и созерцал последние конвульсии своей "голубой" мечты.

Ни фиги! Быть или не быть – это уже не вопрос, а диагноз. Прочь сомнения и колебания, пора приниматься за дело. Вперед!

Я поднялся по дереву чуть выше и прыгнул на балкон зловещей квартирki как кот – бесшумно и опустившись на все четыре кости. Дверь оказалась заперта, но меня это не

смутило – в балконном окне была открыта форточка. Я прислушался – из квартиры не доносилось ни звука. Похоже, Элла ушла в другую комнату, а бедный Храпов пребывал в сумеречном состоянии.

Открыть окно оказалось проще простого – руки у меня длинные, куда хочешь достанут. Я осторожно раздвинул шторы и осмотрелся. Да, в зале никого не было. Если не считать Храпова, не подающего признаков жизни. Перекинув ногу через подоконник, я наконец очутился в жилище, как я предполагал, зазнобы Левы Бермана. В квартире царила поразительно мертвая тишина, и даже тиканье моих наручных часов звучало словно бой кремлевских курантов. Конечно же, это было не так – шалили нервы, но в такие моменты человек не задумывается над обоснованием своих ощущений. Он только констатирует факты и действует, запрограммированный тысячелетним опытом предыдущих поколений.

В конце концов я отважился и прошел вглубь квартиры. Она оказалась трехкомнатной, но ни в одном из помещений Эллы я не застал. Блин! С перепугу сбежала? Вряд ли. На нее, судя по моим мимолетным наблюдениям, это не похоже. Пошла за доктором? Возможно.

Хотя... Я посмотрел на тумбочку в углу прихожей и обнаружил там телефон; ради интереса проверил – работает. Значит, можно было вызвать "Скорую", а не вышивать по ночной окраине в поисках эскулапа. Тогда что? Сбежала, но не от страха, а вполне осознанно и хладнокровно. Бросила квартиру с бараклом и... Стоп, стоп! Что-то здесь не вяжется...

Я зашел в спальню и открыл шифоньер. Ну вот, приплыли – там находилась только мужская одежда. Похоже, это была нора Храпова, где он отсиживался до прояснения ситуации. Час от часу не легче...

Возвратившись в зал, я присел на корточки над бригадиром и попытался нащупать пульс.

Но уже при виде его проломленного черепа я понял, что мои потуги тщетны – он был мертв. Этого только мне и не хватало... Хмель, до сих пор толкавший меня на необдуманные поступки, выветрился из головы моментально, и я заметался по квартире, словно вшивый по бане. Что делать!? Линять, настойчиво подсказывал здравый смысл. Но с другой стороны сделать ноги никогда не поздно. А что если я немного осмотрюсь?

Может, найду какие-либо бумаги /или еще что/, которые могут пригодиться в расследовании. Жмурики не вызывали во мне боязни или неприятия. Я их за свою жизнь насмотрелся по самое некуда. Поэтому я совершенно спокойно начал исследовать содержимое шкафов и секретера, предварительно обмотав руку носовым платком – чтобы не оставлять следов.

Но нашел только грязное белье и немного одежды – самое основное. Почти во всех шкафах властвовало запустение. Как я и предполагал, это была конспиративная квартира.

Но когда я прошел на кухню и открыл холодильник, моему взгляду предстало поистине гастрономическое изобилие. Да, Храпов не любил себе отказывать в еде и хороших напитках...

Я опоздал на долю секунды. Меня заинтересовала коробка из-под обуви, стоявшая под шифоньером. Я лег на пол и потянул ее к себе. И в этот момент рядом со мной послышался подозрительный шорох. Мне стала понятна моя фатальная ошибка практически мгновенно, но уже было поздно. Сначала послышался треск электрического разряда, и мое тело скрутила в узел жестокая боль; кто-то воспользовался поистине дьявольским изобретением цивилизованного человечества конца двадцатого века – мощным электроимпульсным разрядником. Ну, а потом моя голова, как мне показалось, раскололась от сильного удара словно перезрелый арбуз...

Пробуждение показалось мне вечными муками в преисподней, куда я попал прямиком из

квартиры, миновав все загробные формальности, в том числе и чистилище. Голова – о, моя бедная, многострадальная бестолковка! – так сильно болела, что в глазах мелькало красное пламя вперемешку с едкими нашатырными пузырьками, вышибающими слезу. Кряхтя, как столетний старец, я сел и попытался разобраться в окружающей обстановке.

Я находился в той самой квартире, где Элла завалила Храпова. Он и лежал рядом со мной, уже начавший холодеть. Лужа крови, набежавшая из раны на светлый линолеум пола, загустела, потемнела и казалась вишневым сиропом. Я посмотрел на свою правую руку, которой что-то мешало – и выпучил от удивления глаза. Твою дивизию!.. Моя широкая ладонь крепко сжимала уже знакомую статуэтку – ту, которой танцовщица оприходовала своего фраера!

Несмотря на боль /как выражались сочинители девятнадцатого столетия – во всех членах; именно так мне и хотелось охарактеризовать свое состояние/, я встал и, уже было вознамерившись куда-нибудь определить злосчастную копию творения безвестного гения /это было изображение обнаженной девы-купальщицы/, посмотрел на стол-книжку, до моего свержения с Олимпа скромно стоявший под стеной в сложенном состоянии. И обалдел – вместо покрытой пылью широкой тумбочки в зале красовалась накрытая по всем правилам этикета скатерть-самобранка! Правда, ее первозданная свежесть уже была несколько подпорчена огрызками и пустыми бутылками, коих я насчитал две с хвостиком;

"хвостик" являл собой литровую бутылку виски, осушенную больше, чем наполовину. Но все равно зрелище впечатляло. Но самое главное, что меня поразило до мозга костей, было следующее – стол накрыли на двоих!

Я прозрел так стремительно, что даже испугался. Меня подставили! Мне очень ловко шьют убийство Храпова! Едит твою мать! Все, Сильвер, трандец, ты влип со всеми своими членами...

Я заметался по квартире как внезапно заболевший поносом в поисках туалета: быстро протер носовым платком статуэтку, стаканы, бутылки, вилки, телефон – все, что только можно, и где неизвестные "доброжелатели" могли сообразить оставить мои обеспамятевшие пальчики. А они постарались, в этом я совершенно не сомневался. Их подвело лишь одно – мое поистине бычье здоровье; я слишком рано очнулся.

Слишком рано!? Дверь! Быстрее к двери!

Она оказалась не заперта, но на цепочке, которую оборвать – раз плюнуть. Ну, конечно, а как же иначе – кого опасаться двум корешам, парням – косая сажень в плечах, Сильверстову и Храпову, собравшимся на дружеский сабантуйчик? Разве что самих себя.

Так оно и вышло – завязалась драка и наклюкавшийся до изумления Сильвер треснул по башке передового бригадира "Горлифторемонта" тем, что подвернулось под руку. То бишь, бронзовым произведением искусства. А потом и сам отключился – с пьяницами такое случается. Версия – закачаешься. Фактаж – налицо, главный подозреваемый в отключке и с орудием убийства в руках... блеск! Бери на цугундер, сажай и получи повышение по службе за раскрытие очередного убийства.

Хрен вам! Ключи, где ключи!? Где, где... и так понятно... Вешалка! Есть! Висят, родимые, под плащом. Наверное, запасные. Основные, похоже, пошли своим ходом к какой-нибудь помойке...

Я едва успел замкнуть двери, как раздался требовательный стук и начальственный ментовский голос заревел иерихонской трубой:

– Милиция! Откройте дверь!

Сейчас, размечтался... Я рванул к балкону и хотел сделать парашютный прыжок вниз, но что-то меня сдержало. Несмотря на остроту ситуации – в дверь пинали так, что стены дома дрожали – я собрал волю в кулак и прислушался. Точно, в кустах слева от балкона кто-то хрипло дышал. Засада! Ну я вам сейчас покажу, желторотые!

Я прыгнул прямо в кусты – туда, где темень была гуще. И попал. Кто-то под моими копытами только мяукнул. И сразу благополучно затих. Там был еще один, но я его вырубил ребром ладони, по наитию. Единственное, чего я боялся, так это пересолить.

Рука у меня с детства тяжелая, а потому я все-таки ее придержал – чай, не во вражеском тылу в составе разведгруппы...

Полностью очнулся я от заторможенного состояния, вызванного травмой головы и сумасшедшими событиями в квартире Храпова, лишь возле дома, где жила моя безотказная Анка-пулеметчица – продавщица киоска. Ноги сами принесли меня туда, куда нужно. Только она могла подтвердить мое алиби – на всякий случай – и стоять на своем даже под пыткой. А то от тех хитровыдрюченных шустряков, что сварганили постановку убийства Храпова, можно всего ждать. И я почему-то не думал, что в этом спектакле принимала участие и Элла. Не хотел думать.

Моя пассия от радости ошизела. Я еще никогда не приходил к ней на квартиру, и она решила, что дело на мази и беспутный Сильвер все-таки решился приклонить к ее крепкому плечу свою бесшабашную голову навсегда. У меня не было ни сил, ни желания разуверить милое создание в обратном, и я, пока она лечила мою ушибленную голову и строила радужные планы, только кивал, бормоча обычные в таких случаях слова. Про алиби мы сговорились вмиг – она ради меня готова была пойти хоть на эшафот. Мне, конечно, такая жертвенность льстила, но не на столько, чтобы я безрассудно и немедленно сунул голову в петлю супружества. Брехать – не пахать, и я наплел ей черт знает что для получения отсрочки хотя бы на период боевых действий, объявленных нашему агентству неизвестным противником. Потом в крайнем случае можно будет сослаться на ушибленную голову – чего не наболтаешь, когда крыша не на месте.

С любовью в эту ночь у меня тоже не сложилось. Сколько я ни пытался изобразить хоть что-то – в знак благодарности за будущую услугу – мой сексуальный пыл оставлял желать лучшего. Верно говорят, что мужчина в постели работает головой, а женщина – сердцем.

Кого я только не вызывал в своей памяти для поднятия мужского духа, но результат все равно был плачевный – перед моим мысленным взором постоянно мелькала окровавленная башка Храпова. В конце концов, чтобы не потерять лицо, как говорят японцы, мне пришлось прибегнуть к совершенно недостойной истинного джентльмена уловке – я притворился совсем больным и даже на несколько минут "потерял сознание".

Моя ненаглядная настолько испугалась, что тут же оставила все свои сексуальносемейные притязания и начала отпаивать меня какими-то отварами – с ложечки, как ребенка. Остаток ночи прошел в милой патриархальной обстановке: я храпел, положив многострадальную головушку на колени своей персональной Дульсинеи, а она, умиротворенная нежданной и негаданной идиллией, тихо роняла счастливую слезу на чалму из бинтов, скрывающую под собой рану современного Дон Кихота, сдуру налетевшего кувшинным рылом на мафиозный забор.

В конторе, слава Богу, меня не ждали. Ну, те, которые... в общем, при погонах. Если так пойдет и дальше, подумал я, усаживаясь на диван, то мне придется завербоваться куданибудь в Зимбабве наемником – лишь бы не видеть наших доблестных защитников правопорядка, которые, будто сговорившись, устроили на меня настоящую травлю. И это при том, что я еще ничего не успел натворить.

Плата пока не было. Марк, погруженный в свои бредовые идеи, лишь что-то буркнул в ответ на мое приветствие и скрылся за дверью электронной кельи. Башка уже не болела, но в голове стоял тихий гул, и мне страсть как хотелось облегчить страдания хорошей дозой чего-нибудь эдакого. Меня сдерживала лишь необходимость соблюдать приличия – я дал своим партнерам по бизнесу торжественное обещание, что на оперативки буду являться трезвым и даже здравомыслящим. Интересно, что запоет Плат, когда узнает о моих ночных похождениях! Я бы на его месте уволил Стаса Сильверстова по статье.

Сергея появился на пороге конторы ровно без пяти девять. Он выглядел бодрым и хорошо отдохнувшим. Я знал, что последние три дня он находится в злорадно-приподнятом настроении – его блудливая женушка Машка, разочаровавшись в кобелях, искавших ее благосклонности когда она была в замужестве, а теперь вдруг сделавших ноги, решила сделать крутой поворот и сдаться на милость законного супруга. И теперь Плат с мстительным равнодушием каждый вечер выслушивал слезливо-сопливые покаянные речи падшей жены, после чего спал как убитый. Один. Как стойкий оловянный солдатик.

Мы с Марком даже заключили пари – на сколько дней у Сереги хватит терпения изображать из себя крутого и независимого мужика. Я застолбил недельный срок, а Маркузик – чертов подхалим! – утверждал, что Плат продержится как минимум месяц.

– Ты чего такой бледный? – мимоходом спросил Сергей и плюхнулся в свое козырное кресло.

В пику моим непомерным расходам на сыскную деятельность он со зла пошел в магазин офисной мебели и прикупил себе настоящий кожаный шедевр, мечту бюрократа – кресловертушку с дубовыми подлокотниками и высокой спинкой; это чтобы можно было в рабочее время дремать спокойно и с комфортом. Я, конечно, почувствовал себя уязвленным, но смолчал, решив, что его покупка может стать для меня неплохим козырем – когда меня в очередной раз начнет гонять по кочкам главный финансист О.С.А. господин Кузьмин.

– Нездоровится... – ответил я и не удержался, чтобы не пощупать на макушке место ушиба, заклеенное пластырем; чалму из бинтов я снял, чтобы не привлекать лишнего внимания.

– Тру-ля-ля... Тру-ля-ля... Завтра грабим короля... – Плат, перевирая слова и мотив, запел известную песенку из мультфильма "Бременские музыканты".

Он был в приподнятом настроении, а потому ничего вокруг не замечал.

– Ты никак сошелся с Марьей? – поинтересовался я осторожно и с надеждой – выигравшему пари полагалась приличная сумма, жалование за две недели, и мне очень хотелось насолить нашему гению-всезнайке Маркузику.

– Стас, я понял, что был не прав! Все, довольно ссор и недоразумений. Мы помирились, она уже переехала ко мне... и жизнь стала прекрасной и удивительной. И-ех! – он издал такой молодецкий вопль, что даже Марк высунул смуглую физиономию из своей норы.

– С чем тебя и поздравляю, – сказал я и, заметив, что Маркузик вознамерился потихоньку заползти обратно, скомандовал: – Стоять! Ко мне, шагом марш! Марик, настоящего мужчину украшают не только женщины, с которыми он ходит под руку, но и вовремя оплаченные долги. Извольте, господин хороший, к барьеру.

– Сильвер, это несерьезно... – жалобно заныл этот пройдоха, жлоб в пятом поколении. – Мы ведь шутили...

– Судьба друга – это не шутка, позволь тебе заметить. Ладно, кончай базар-вокзал и тащи сюда мои бабки. Вечером отметим окончание капитального ремонта семейной жизни супругов

Платоновых. Я теперь богатый, так что финансирование мероприятия беру на себя.

Марк вздыхал еще немного, но я был неумолим, и он, с видом осужденного к высшей мере, потащился в свои закрома за презренными бумажками, без которых в нашем сумасшедшем мире и шагу не ступишь.

Вдруг я заметил, что Плат несколько увял и смотрит на меня очень пристально, будто целясь. Все-таки до него кое-что дошло...

Я приложил палец к губам – молчи! – подошел к столу и написал на клочке бумаги:

"Нужно поговорить. Не здесь. Есть очень серьезная проблема".

Сергеа кивнул и поднялся.

– Собирайся, едем, – сказал он и направился к выходу.

– Куда? – спросил я, продолжая его игру.

– Дела, брат, дела. Сегодня нам предстоит много работы. И большей частью на колесах.

Да, работы и впрямь непочатый край... Знал бы ты, в чем она состоит, подумал я. Твой друг Сильвер в очередной раз вляпался в дерьмо и теперь нужно думать, как его отмыть или куда спрятать, чтобы не нашла никакая ищейка.

С некоторых пор мы перестали обсуждать серьезные вещи как по телефону, так и в конторе. Несмотря на то, что Маркузик проверил самым тщательным образом весь наш офис на предмет различных закладок – "жучков", "клопов" и прочая – полной уверенности в том, что нас не прослушивают, ни у меня, ни у Плата не было. Возможно, мы перестраховывались, но ощущение "чужого уха" все больше и больше овладевало нашим сознанием, совершенно не считаясь с элементарной логикой и горячими доводами Марка, который бил себя в грудь и рвал тельняшку, доказывая, что его прибор для обнаружения подслушивающих устройств – само совершенство и работает со стопроцентной гарантией.

Мы сели в "жигуль" и рванули в сторону центрального городского парка. Там были много достаточно укромных уголков, которые так и напрашивались на роль хранилищ сокровенных тайн. Чем и пользовались в свое время мы, а нынче – молодая, но бойкая поросль.

– Что у тебя стряслось? – В голосе Плата звучали тревожные нотки.

Он знал, что я никогда не буду поднимать шум из-за пустяков.

– Да так, ничего особенного... Голова болит, – ответил я; и опять, как и в конторе, сделал предупреждающий жест – ни звука!

– Выпей таблетку анальгина... – Серега врубился моментально и похлопал меня по колену – мол, все понял, буду нем, как рыба.

Марк проверял и арендованный у Боба "жигуль". Однако и тут его ждало фиаско – изобретенный нашим гением прибор лишь вяло бибикал и успокаивающе подмигивал зеленым светодиодом. Но если за контору я все-таки был более-менее спокоен, хотя полностью и не исключал вероятность наличия какой-нибудь очень хитрой "блошки", пристроенной умельцами на службе у мафиозо в укромном уголке, то насчет машины мои сомнения росли не по дням, а по часам. Спрятать миниатюрный микрофон в этой куче начинающего ржаветь железа было раз плюнуть. Поди знай, куда его воткнули; может,

"жучок" вмонтировали в рукоятку рычага переключения скоростей или в руль, а возможно в

подголовник сидения. Для того, чтобы найти его, нужно по меньшей мере разобрать "жигули" по винтику, а что не разбирается – распилить ножовкой.

Мы уже выехали на проспект Победы, как меня будто шилом ткнули снизу. У нашей "семерки" имелось два зеркала заднего вида по бокам плюс третье в салоне. У меня уже вошло в привычку при посадке в "жигуль" устанавливать зеркало с моей стороны так, чтобы я мог наблюдать за тылом. Так, на всякий пожарный случай. Я знал, что Плат – достаточно внимательный водитель и постоянно проверяется на предмет "хвоста" /по крайней мере, начал проверяться после моей одиссеи/, но мне также было хорошо известно железное правило диверсантов: один глаз – хорошо, два – еще лучше, ну а четыре – вообще кайф.

И как раз сегодня Плат не заметил, что нас ведут две машины, периодически меняющие друг друга – темно-синий "фольксваген" и белая "девятка". Возможно, и я дал бы маху, но на одном из перекрестков, задумавшись, Серега проскочил на красный свет. Он, конечно же, в этот момент не смотрел в зеркало заднего вида, ему было не до того – наш "жигуль" едва не вмазался в сверкающую никелированными деталями черную "волжанку" и Плат проявлял чудеса изворотливости, объезжая резко затормозивший членовоз, как в свое время называли эту модель ГАЗа трудящиеся страны Советов.

"Девятка", которая находилась позади нас, рванула с места так резво, что успела проскочить буквально в считанных сантиметрах перед тупым носом "джипа", мчащегося на всех парах. Я поневоле вздрогнул – доля секунды и на перекрестке было бы море крови и несколько трупов. Вздрогнул и подумал: какого хрена водителю "девятки" вздумалось повторить "подвиг" Плата? У Сереги все-таки был оправдательный мотив – он продолжил движение на желтом свете светофора. А вот шофер "девятки" в наглую попер на красный, и это при том, что он хорошо видел как Плат занимается трюкачеством, чтобы избежать столкновения.

Я тут же насторожил уши и распахнул пошире глаза. Теперь я уже не отводил взгляд от подозрительной "девятки". Меня даже не успокоило ее временное исчезновение с моего поля зрения – машина шла за нами будто привязанная.

– Плат, – сказал я. – Есть предложение перекусить. Жрать хочу еще с вечера. Сверни на бульвар. Там есть недорогая забегаловка.

Серега недоуменно посмотрел на меня и по моему выразительному взгляду понял, на что я намекаю. Он даже в лице изменился и прикипел взглядом к зеркалу заднего вида – тому, что в салоне.

Я показал ему на пальцах – девять. Плат кивнул – он уже усек белую "ладу", которая снова висела у нас на хвосте.

"Фольксваген" проявился, когда Серега начал разбойничать по уже апробированной методе – после того, как "девятка" опять скрылась с наших глаз, он, нимало не смущаясь, поехал под "кирпич". Я знал этот тихий зеленый переулок не хуже Сереги. Здесь в свое время жили избранные – секретари обкома и прочая шелуха рангом пониже. Чуть-чуть пониже – партийная элита, несмотря на показушную демократичность, на самом деле блюла иерархию почище представителей ненавистного ей дворянства. Раньше у въезда в переулок было два "кирпича" – один нарисованный на жестянке, закрепленной на столбе, второй в ментовской форме и при погонах с кирпично-красной физиономией размером не меньше, чем у диска, висевшего у него над головой. После победы демократии и бесславного финала забега в светлое коммунистическое будущее постового убрали, а вот кирпич, изображенный на жестянке, оставили. Не тронули и тех, кто проживал в шикарных домах с многокомнатными квартирами. И я понимал новую власть. Демократия ведь происходит от греческого слова демос, что в переводе обозначает народ. А в нынешних демократических верхах от красного коммунистического цвета в глазах рябит.

Там народом почему-то и не пахнет. Все верно: партия, пусть и благополучно усопшая, все равно ум, честь и совесть граждан нашей великой страны.

Нас никто не остановил и даже не погрозил вслед пальчиком. Оно и понятно – "кирпич" предназначался для всех прочих, но не для тех, кто жил в переулке. Сотрудники ГАИ время от времени паслись на этих лугах, вылавливая особо борзых – таких как мы с Серегой – но сегодня было еще рано, гаишники только разминались перед вечерней дойкой, и мы проскочили переулок без приключений.

Красный "фольксваген" тоже было повернул вслед за нами, но "кирпич" смутил его водителя и машина резко притормозила. Но не на долго: едва мы начали нарочито медленно выруливать на улицу, как "фолькс" рванул за нами словно гончий пес. Серега многозначительно посмотрел на меня, а я лишь развел руками – мол, что тут базарить, и так ясно.

Серега обрубил "хвост" элементарно. Он, как и я, знал город словно свои пять пальцев.

Не долго думая, он заехал во двор, где располагалась городская санэпидемстанция и, подождав, пока ГАЗ-фургон не загородит своим толстым туловищем проезд, бросил "жигуль" на прорыв – выехал через узкую арку, о которой мало кто знал, в проулок, ведущий к привокзальной площади. Дальнейшая наша поездка представляла собой сплошные мелькания – Плат гнал, как сумасшедший. К счастью, нас никто не остановил,

"фольксвагена" и "девятки" позади не наблюдалось, и вскоре мы, спрятав машину под ивой, расположились на скамье над крохотным прудом в самом неухоженном и дальнем конце парковой зоны.

– Выкладывай, – потребовал сжатый, как пружина, Плат.

– Дела наши – или, если быть точным, мои – скорбные, дружище... – И я рассказал ему все.

Серега молчал после моего выступления минут пять. Он то бледнел, то краснел, а к концу пятиминутки стал вообще бледно-зеленым.

– Сильвер, ты большая тупая скотина...

– Так ведь разве я против? – Мне удалось изобразить предельную степень раскаяния. – Но кто мог предполагать, что все так печально закончится!? Провел телку домой /пусть и без ее согласия/, разведал окрестности, полазил на деревьях – какой в этом криминал?

– А какого ты хрена забрался в квартиру, осел безмозглый!? – сорвавшись, заорал Плат.

– Ну, это, чтобы спасти...

– Кого!?

– Наши денежки. Премию. Обидно, понимаешь, когда на твоих глазах кончают передового бригадира "Горлифторемонта". А он – пока единственная наша надежда и...

– Была! – обрубил меня Серега. – Да сплыла. А вот у тебя положение хуже некуда.

– Думаешь, опять посадят? – спросил я упавшим голосом.

– Не то слово. С дерьмом смешают и под "вышку" подведут. И уж на этот раз от них жалости не жди. И не потому, что ты вычислил логово Храпова и видел, кто его грохнул.

А из-за того, что им неизвестен объем информации, которую тебе удалось собрать, и они не

знают насколько она для них опасна.

– Нам удалось собрать... – осторожно поправил я Плата.

– Да, нам, черт тебя дери! Ты и нас подставил как последних фраеров. Что будет дальше, я не могу представить.

– Выкрутимся, – попробовал я бодриться.

– А что еще остается делать? – обречено прошелестел совсем сникший Плат.

– Есть у меня одна идея...

– От твоих идей у меня только седины прибавляются.

– Позволь заметить, что только благодаря мне мы хоть что-то откопали, – оцетинился я. – Не разбив яйцо яичницу не приготовишь. Да, я проявил самостоятельность, да, я пока дилетант в сыском деле, но все же кое-какие подвижки наметились. В конце концов, если на меня наедут твои бывшие коллеги, уйду в подполье. И буду сидеть там до тех пор, пока мы не раскрутим эту банду похитителей.

– Допустим ты так и сделаешь. А как мне и Марку быть? Если они не найдут тебя, значит примутся за нас.

– Ты предлагаешь мне сесть в тюрьму? Меня там сразу разделают как барашка, а шкуру натянут на барабан. Но даже в таком варианте вас не оставят в покое. Да ты и сам это знаешь. Не желаю я быть камикадзе. И тебе не советую. Если мы и дальше будем толочь воду в ступе, то нас точно уроют.

– И что ты предлагаешь?

– До сих пор нас опережали на ход, а то и на два. И все из-за нашей инертности и осторожности. За нами все это время вели наблюдение, а мы, как попугаи, болтали почем зря. Ладно я темный в деле сыска, но ты ведь профи. Уже после налета на контору можно было предположить, что за нами секут. А мы лишь мандражировали и ходили кругами.

Чтобы обезвредить врага, нужно забраться к нему в тыл. И бить, не раздумывая. Хватит с ними миндальничать.

– А как насчет закона?

– Это пусть его соблюдают твои кореша из ментовки. Они такие большие законники, мать их... – Я длинно и виртуозно выругался. – Речь уже идет даже не о премии Боба, а о спасении наших жизней. И в этом случае я не буду изображать из себя мальчика для порки. Что касается вас... – Я горько ухмыльнулся. – Не дрейфь. Я все возьму на себя, в случае чего. Я не буду сейчас приносить клятвы или что-то еще в этом роде. Ты меня знаешь. Сказал – сделаю.

– От твоих проникновенных речей у меня уже изжога. Это ты хорошо придумал – пожертвовать собой ради друзей. А я, конечно, буду носить тебе передачи и рассказывать своим детям какой у меня был благородный друг. Дело не в том, что мы в опасности. Какнибуде переживем. Загвоздка в другом – я просто в растерянности и не знаю, что дальше предпринять. Все концы обрублены, мы обставлены со всех сторон, но до сих пор так и не узнали, кто наш противник. Хуже такой ситуации не придумаешь. Храпов и его бригада – пешки. А нам нужен шахматист, гроссмейстер – их главный босс. Как к нему подобраться?

– Нужно сосредоточиться на "мороженщике". Других зацепок у нас пока нет.

– От этой сосредоточенности у меня голова кругом идет. Он как фантом – будто бы существует, и в то же время его нет. Что с тобой?

– Делай вид, что продолжаешь разговор... – шепнул я очень тихо, на миг опустив голову. – Нас пасут...

Плат непроизвольно дернулся, но тут же, собрав волю в кулак, расслабился и начал нести какую-то чушь – пересказывать содержание то ли книги, то ли фильма.

Наблюдателя выдал предательский солнечный блик, отразившийся от линзы бинокля; или прицела лазерного подслушивающего устройства. /Мне почему-то не хотелось думать, что на нас смотрят через оптику снайперской винтовки/. Он устроился на противоположном берегу пруда, замаскировавшись в кустарнике, выросшем рядом с полуразрушенной беседкой. Как долго он там находился? Этот вопрос сильно беспокоил не только меня, но и Плата, который наконец самостоятельно вычислил откуда исходит угроза. По его закаменевшему лицу я понял, что он в легком трансе. Серега, как и я, не был уверен, что на нас навели всего лишь безобидный бинокль. Но в отличие от меня, хорошо понимавшего, что сейчас нас уже не спасет ничто, если мы в прицеле, скажем, СВД-С, не нюхавший пороху Плат лихорадочно соображал не лучше ли нам сорваться со скамьи и спрятаться за деревьями.

Не лучше, предупредил я его строгим взглядом. Потому что опытный снайпер, пока мы сделаем несколько шагов к укрытию, успеет всадить в нас по две пули.

Меня несколько успокаивала мысль, что скорее всего за нами наблюдают. Не думаю, что классный стрелок медлил бы так долго. Тем более, что расстояние до цели было просто смешным – от силы сто метров.

– Серега! – сказал я, поднимаясь. – Извини, я сейчас. Что-то мой желудок бунтует. Схожука я за кустик...

– Только подальше. – Плат с трудом изобразил улыбку. – А то я не захватил освежитель воздуха.

Он сразу понял, что я задумал. Но от этого ему легче не стало. Быть подсадной уткой и врагу не пожелаешь...

Я повернулся спиной к пруду и, на ходу расстегивая брючный ремень, направился к зарослям в десяти шагах от скамьи. Мне показалось, что какая-то нечистая сила оголила меня до пояса и взгляд наблюдателя /или снайпера/ буквально вонзился между моих беззащитных лопаток. От этого очень неприятного ощущения по коже побежали мурашки и мне до зуда в конечностях захотелось рвануть в спасительное укрытие со скоростью, на которую я только был способен.

Как тяжело мне дались эти несколько шагов... Разум кричал, вопил – беги! А сила воли и чувство долга объединенными усилиями придерживали меня за рукава, и от этого ноги бежали впереди туловища. Когда я подошел к зарослям, то пот лился с меня ручьями, а по уже полуогонной заднице гулял ледяной ветер непроизвольного страха.

Уф-ф! Наконец-то! Я присел и стена молодой, но густой поросли, укрыла меня от того сукиного сына, что глазами сверлил мне позвоночник. Если ты, паря, снайпер, то эта промашка тебе боком выйдет...

Я скользил между кустов как вождь могикан Большой Змей. Это я умел, нас учили основам маскировки и скрытного передвижения по пересеченной местности капитально.

Доза адреналина, впрыснутая в кровь шприцем страха, омолодила меня лет на пять и мое

тело неожиданно стало по молодому гибким и послушным. Навыки диверсанта, несколько подрастерянные на гражданке, возвращались ко мне с каждым метром пройденного пути.

Я снова стал тем, кем был на войне – очень опасным хищником, кровожадным зверем, готовым разорвать в клочья любого, кто попытается меня остановить, а тем более убить.

Наблюдатель дал маху. Опытный специалист такого профиля при изменении ситуации – как в нашем случае, когда я изобразил страстное желание сходить по нужному делу – просто обязан был немедленно сменить позицию. На всякий случай. Но этот хмырь понадеялся на авось. Впрочем, его можно было понять – мы сыграли свою партию пусть и не на отлично, но вполне убедительно. Он лежал на подстилке – что делает с людьми цивилизация! Впрочем, земля и впрямь была сыровата – и пялился на с виду невозмутимого Плата через оптический видеоискатель очень дорогого импортного фоторужья. Рядом с ним тихо шипело мобильное переговорное устройство.

У меня отлегло от сердца. Слава Богу! Значит, он не слышал о чем шла речь между мною и Серегой и у него не было задания на ликвидацию. Это несколько подняло мое настроение, и я не стал свирепствовать, когда обрушился ему на спину.

– Вякнешь – урою, – предупредил я незадачливого наблюдателя, прижимая его лицом к земле. – И не брыкайся – перережу горло. – Я приложил к шее своего пленника обыкновенную расческу.

Он здорово испугался, а потому поверил мне сразу и безоговорочно. Более вялого "языка" мне еще брать не приходилось. Он послушно выполнял все мои требования и вел себя тихо, как мышь в подполе. Связав ему руки его же брючным ремнем, я быстро перетащил наблюдателя на другое место и, приподнявшись над зарослями, помахал Плату, который будто врос в скамью. Я представлял, что у него творилось в душе...

Серегу прибежал на мой зов где-то через три-четыре минуты. Он ломился сквозь кусты как молодой олень и за эту неосторожность в другое время и при иных обстоятельствах я бы с него три шкуры спустил. Но сейчас смолчал, понимая, что Плат просто летит на крыльях облегчения и щенячьей радости. Еще бы – ситуация и впрямь была очень опасной и непредсказуемой.

– Где твой напарник? – строго спросил я наблюдателя, лежавшего физиономией вниз и слушавшего, как гудят шмели – все-таки ему немного досталось, когда все мои девяносто килограмм проутюжили его не шибко крепкую спину.

– Какой напарник!? О чем вы говорите!? – попытался было прикинуться невинной овечкой наш пленник. – Я фотограф и пришел в парк сделать несколько художественных снимков.

– А "макарыча" прихватил с собою для куражу, – сказал я со злой иронией, доставая из его кармана пистолет. – Ты, лох ушастый, кончай баланду травить. Мы с тобой не в детском садике и у нас сейчас не игра в прятки. Колись, мужик, по-хорошему, и не заставляй меня сделать тебе больно. Ну!?

Наблюдатель молчал. Я без особых усилий сначала перевернул его на спину, а затем заставил сесть спиной к дереву. Пленнику было от силы двадцать пять лет, но в его невыразительных серо-голубых глазах таилась житейская мудрость, возраст которой измерялся по несколько иной шкале. От этого наблюдатель казался значительно старше... и опасней. Он постепенно приходил в себя и уже был готов оказать сопротивление. И не только моральное. Да, парень оказался битым и мой расчет на его полную откровенность явно не оправдывался.

– Та-ак... – протянул я с иронией. – Взаимопонимания у нас не получается... Плат, возьми

"дуру" и побудь на стреме. Отойди в сторону... вон туда. А я немного потолкую с нашим "фотографом". Заметишь клиента со стволом – бей его влет, не задумываясь. Поверь, нас не пожалеют.

Сергея хотел было что-то сказать, но, посмотрев мне в глаза, угрюмо кивнул и отправился на свой пост. Я еще раз, теперь более тщательно, обыскал "мастера художественной фотографии" и в кармане брюк нашел нож с выкидывающимся лезвием.

– Это для того, чтобы маникюр делать? – спросил я, пробуя остроту лезвия. – Странные пошли нынче фотографы. Идут на обычные съемки как на войну. Ну ладно, пора приниматься за работу... – С этими словами я связал ему ноги куском проволоки, которая валялась возле беседки, а в рот воткнул "удила" – туго скрученный носовой платок, завязав концы позади головы. – Вот теперь тебя люблю я, вот теперь тебя хвалю я... – Напевая детскую песенку, я играл с ножом прямо перед носом пленника. – Вот что, парень. Я не хочу неприятностей. Мне плевать, как тебя зовут и чем ты зарабатываешь себе на хлеб с маслом. Но мне край нужно узнать, кто тебя послал и по какой причине.

Мы никому дорогу не перебежали, однако нас начали травить как лис. Такая ситуация, сам понимаешь, не может понравиться никому. Мне нужна полная ясность. Если ты согласен помочь нам разобраться – всего лишь разобраться! – в том шухере, что творится вокруг нас, кивни. Нет? Значит, не желаешь... Ну, извини, дружище, ты меня вынудил...

С этими словами я тремя молниеносными взмахами острого, словно бритва, ножа располосовал брюки наблюдателя и оголил его главную мужскую принадлежность.

– Мне, знаешь ли, довелось пройти Чечню, – как ни в чем не бывало, продолжал я говорить, глядя в неподвижные глаза "фотографа", – и я там кое-чему научился.

Мусульмане – большие выдумщики. Они могут заставить говорить даже мумию фараона Рамзеса. Знаешь такого? Вижу, что нет. И чему тебя в школе учили? Итак, мой вопрос остается прежним – базар у нас будет или нет?

Пленник даже не шелохнулся. Мне показалось, что в его глазах светится неистовое упрямство. Неужели фанатик? – подумал я. Ладно, сейчас выясним...

Изобразив брезгливую мину, я обмотал свои пальцы носовым платком и решительным – может, несколько грубым – движением схватился за его хозяйство; в другой руке я держал нож – точь-в-точь как хирург скальпель.

И все-таки парень сломался. Он вдруг забил ногами и замычал, пытаясь что-то сказать.

– Да или нет? – спросил я жестко. – Положительный ответ – это кивок, если ты забыл.

"Фотограф" закивал как китайский болванчик, только гораздо быстрее.

– Лады... – Я убрал нож и вынул из его рта "удила". – Только отвечай мне честно – как на духу. В противном случае пощады не жди. Евнух, конечно, неплохая должность, но только при дворе арабского шейха. А туда тебя точно не пустят.

– Я скажу... конечно... – "Фотограф" был бледен, как льняное полотно.

– Итак, где твой напарник?

– Он ждет в машине... там, – он кивком головы указал направление. – Возле центральной аллеи.

– Марка тачки и номер?

Пленник ответил. Значит, в наши сети попался пассажир "фольксвагена"... А где тогда "лада"?

– Кто-нибудь еще висел у нас на хвосте? – кинул я пробный камень для проверки на вшивость.

– Да, – не колеблясь ни секунды, ответил "фотограф". – "Девятка... – он назвал и номер. – Но ее отозвали, когда мы засекли вас в парке.

Что значит хорошая беседа по душам...

– Как вы нас здесь нашли? Ведь мы от вас оторвались.

– В вашей машине установлен радиомаяк. Он включается с дистанционного пульта.

Маркузик, сукин ты сын! Гений гребаный! Рационализатор хренов... Проверял он, как вша трахается... За секунду я мысленно выдал непечатных выражений не меньше чем на страницу толкового словаря русского сленга.

– А подслушка в "жигуле" стоит?

– Есть... – понуро кивнул пленник. – Только она почему-то плохо работает. Ваши разговоры мы практически не слышали. Так, отдельные фразы...

Ну, все, вернись в контору, удавлю Марка собственными руками!

– Кто вас послал и с каким заданием?

– Я человек маленький... – начал было мямлить "фотограф", но я тут же его образумил.

– Ты, бля, кончай темнить! Мы с тобой, кажется, договорились. Иначе отрежу тебе яйца к бениной маме и не засмеюсь. Усек! Все, щечечи.

– Я работаю в фирме "Линкос"... охранником. Следить за вами нам приказал шеф, начальник охраны. Следить и фотографировать все ваши контакты. Вот и все. Чуря знает больше.

– Это кто такой?

– Наш бригадир. Он в "фольксвагене"...

Похоже, парень не врал. Фирма "Линкос"... Опять всплывает это дерьмо в бумажнике.

– Плат! – позвал я Серегу. – Поди сюда!

Мой друг был мрачный, как грозовая ночь. И лишь при взгляде на целого и невредимого "фотографа" он немного расслабился и облегченно вздохнул.

– Посторожи этого кента. Я хочу прошвырнуться по парку. А ты, – обратился я к пленнику, – если вякнет твоя говорилка, ответишь бригадиру, что у тебя все в норме. И смотри, без глупостей. Плат, если он надумает выкинуть фортель, дай ему пистолетом по башке.

Плат не стал уточнять мои намерения, лишь предостерегающе нахмурил брови. Кто бы мог подумать, что в милиции растят такие слабонервные кадры? Я бросил взгляд на пистолет в его руке и Серега инстинктивно спрятал "макарова" за спину. Да не нужна мне "пушка" и не собираюсь я, дружище, мочить кого бы то ни было. Если, конечно, меня не вынудят.

"Фольксваген" стоял в тенечке, у самого въезда на центральную аллею. Бугор "фотографа" сидел на водительском месте и слушал музыку. Интересно, почему все тупорылые так любят

громкий звук? Машина буквально сотрясалась от грохота стереодинамиков.

Я ужом подполз к машине, стараясь, чтобы меня не было видно в зеркалах заднего вида.

Любитель музыки, увлеченно подпевая какой-то сумасшедшей группе, несущей сплошной бред, тем не менее был настороже и вертел головой словно летчик-истребитель в воздушном бою. Козел выхолощенный... Сейчас ты у меня заблещешь...

Я метнулся вперед со скоростью удава, охотящегося на глупую мартышку, и рывком отворил дверь "фолькса". Меломан дернулся, будто его обожгло, и с ужасом вытаращился на меня и впрямь как на атакующего ползучего гада. Он даже не пытался сопротивляться, лишь пялился безумными глазами и пытался что-то сказать.

Я его узнал сразу. Это был тот самый хмырь, которого мне пришлось огреть по башке нунчаками во время ночного налета на нашу контору.

Глава 16. ПО ПЯТАМ СМЕРТИ

Мы ехали на "фольксвагене". Теперь наш "жигуль" стал не транспортным средством, а ловушкой для дураков. Коими являлась вся наша троица во главе с великим сыщиком Платоновым. Мы решили оставить презент Боба в парке – до вечера, чтобы не простыл горячий след, на который нас поставила госпожа Удача. Два хмыря – наш улов – лежали на заднем сидении в виде гусеничных коконов – спеленатые и с заклеенными скотчем ртами.

Мы держали курс на штаб-квартиру любителей чужих тайн, откуда осуществлялось управление операцией по слежению за нами и нашим офисом. По словам пленников, бригадира Чури и Гольяна /так кликали "фотографа"/, там находился их босс, который не числился в штате фирмы "Линкос", но заправлял всеми бойцами, осуществлявшими в подозрительной конторке охранные и иные функции. По поводу "иных функций" Чуря сильно притемнил, но я не стал настаивать на полной откровенности с его стороны. Мне было и так понятно, что собой представляют эти двое и иже с ними. В наплечной кобуре бригадира покоился великолепный девятимиллиметровый "вальтер" Р88 с емкостью магазина в пятнадцать патронов. Это была классная машинка. За нее в Чечне давали очень большие деньги, но мне такая модель попала всего один раз и то ее замылил комбат, которому какой-то завистник шепнул на ухо о моем сокровище. Поэтому я немедленно спрятал "вальтер" подальше – чтобы у Плата не потекли слюнки. К чему я был до неприличия жаден, так это к хорошему оружию...

Любят современные бандиты всякие гаражи, склады, безвременно умершие предприятия, в основном небольшие, местпромовские, банно-прачечные комбинаты и приказавшие долго жить, а еще долгие качать мускулатуру, дворцы спорта. Все эти сооружения обычно располагаются на отшибе, имеют оставшуюся от прежней хорошей жизни телефонную связь, отопление и канализацию, но самое главное – никто в здравом уме не пойдет туда, чтобы поинтересоваться чем занимаются подозрительного вида молодцы, изредка мелькающие на мрачном похоронном фоне полуразрушенных и разграбленных строений. Эти "памятники" последних конвульсий социалистической системы, ставящей труд /пусть малоэффективный и никому не нужный/ во главу угла, навевают тоску и ностальгию. Однако даже бывшим кадровым рабочим не придет в голову шальная мысль собрать старых приятелей и раздавить бутылочку в родном цехе, на голой станине ржавеющего молота, подаренного русским пролетариям в двадцать четвертом году английскими рабочими и безотказно работавшего до начала светлых дней преждевременно родившейся демократии.

Баня на окраине казалась небольшим замком, чудом устоявшим перед ордами Чингисхана. Она была построена для рабочих в начале века каким-то чудаковатым промышленником, мнивший себя большим либералом, а потому желавший видеть черную трудовую кость отмытую до бела; хотя бы по праздникам, когда он раздавал босоногой малышне пряники и леденцы на палочке. После революции, как рассказывали старики, либерального барина-заводчика его подопечные повесили на воротах фабрики одним из первых.

Но баня осталась. Ее не смогли разрушить ни освобожденные пролетарии, которым ажурные башенки помывочного заведения казались отрыжкой буржуазии, ни немцы, бомбившие баню в сорок первом с непонятым остервенением, ни строители коммунизма семидесятых, тачавшие пятиэтажки как хреновый сапожник обувку, а ремонты вообще делавшие кое-как. И все-таки красный кирпич, положенный для крепости кладки на специальном растворе с яичным белком, от времени постепенно крошился и к концу столетия здание стало напоминать побитую оспой физиономию склеротического великана в зубчатой короне из пяти башен – четыре по бокам, одна посередине, на макушке – и множеством подслеповатых глаз-окон.

Теперь, по идее, банное сооружение пустовало. В центре города ушлые бизнесмены быстренько переделали бани на сауны с джакузи, бассейном и шустрыми, очень работоспособными массажистками, исполняющими любые желания клиентов. А ближе к окраинам обнищавшему народу было не до парных, ставших простым труженикам не по карману, и периферийные здания банно-прачечного комбината, никому не нужные из-за нерентабельности, одно за другим стали погружаться в летаргический сон. Такая же судьба постигла и старинный "замок" блаженного заводчика-либерала, только с высоты перекладки, на которой его повесили, наконец узревшего, что классовые различия въелись в кожу и души людей до скончания веков и их не отмоешь даже в отделанных изразцами и мрамором римских термах.

Мы спрятали позаимствованный "фольксваген" за полуразрушенным кирпичным забором и пошли на штурм бани, по словам Чури переоборудованной в некое подобие командного пункта бригады мафиозных братков. Нас проинформировали, что внутри не должно быть больше трех человек и, учитывая наше вооружение, мы чувствовали себя достаточно уверенно; по крайней мере я – точно.

– Войдем через центральный вход? – спросил Плат, поигрывая желваками.

– Экий вы, батенька, смелый, – охладил я его боевой пыл. – Не забывай, что ты уже давно не мент и можешь предъявить нашим будущим клиентам лишь обложку от своего удостоверения. Впрочем, мне сдается, что парни внутри бани чихали на все органы вместе взятые. Не удивлюсь, если у них есть не только шмайсеры, но и гранатометы. Так что держи ушки на макушке и слушайся дядю Стаса. Сегодня моя очередь командовать.

Заберемся в баню через чердак.

– Как? – не удержался, чтобы не спросить Серега. – Взмахнем крыльями и полетим?

А вот язвить не стоит, друг мой сердечный. Увидишь Сильвера в деле – тогда и поймешь что почем. Пока ты зубрил уголовный кодекс, я ползал, как таракан, по таким высоким стенам, что тебе и не снились. И без всяких крылышек.

– За мной! – скомандовал я без лишнего трандежа. – Держись поближе к стенам, следи за окнами. Начнут палить – падай и как можно быстрее меняй позицию. Все. Молись, если веришь. Аминь...

Как я и предполагал, позади бани была пожарная лестница. Она оказалась такой древней и ржавой, что я поневоле посетовал на свой немалый вес. Но поскольку за считанные минуты я

никак не мог сбросить эдак килограмм двадцать, мне пришлось, пока лез вверх, мысленно представлять себя Винни-Пухом на воздушном шарике и на всякий случай подстраховываться, цепляясь еще и за выступы на стенах. Когда я очутился возле башни, на парапете, меня можно было выжимать – вся моя одежда промокла от пота насквозь. И немудрено – баня имела всего два этажа, но их общая высота составляла не менее десяти метров. А прыгать в случае чего вниз на разный хлам даже такому бывалому десантнику, как я, медом не казалось.

Плат был полегче, но и он поднимался вверх с шальными от мандража глазами.

Изъеденные ржавчиной прутья-ступени гнулись и кое-где ломались, и только хорошая реакция и пока еще вполне приличная сила позволили ему благополучно пройти этот путь на банную Голгофу. Поднявшись, Серега упал на крышу и отдыхал минуты три в полном изнеможении. Я его не торопил – в штаб-квартиру наших преследователей мы должны войти в состоянии повышенной боевой готовности.

Лаз внутрь бани находился в центральной башне. Его закрывала обитая жестью дверь, но она держалась на честном слове, и когда я потянул за ручку, эта древняя калитка рухнула на меня, едва не сделав калеккой на всю оставшуюся жизнь – у нее вес был как у надгробной плиты из гранита. Хорошо, что Плат помог, вовремя подставив свое крепкое плечо.

Лестница, которая вела вниз, на чердак, оказалась такой ветхой, что я просто не представлял, как можно по ней спуститься не наделав шуму. Серега, критически осмотрев изъеденные древоточцами ступеньки, отстранил меня и... Признаюсь, Плат совершил невиданное: он с такой скоростью пробежал по ступенькам, едва касаясь их носками ботинок, что гнилые доски издали лишь легкий вздох досады. Я их понимал – западня не сработала. Пока я размышлял, что делать – балетные па не по моей части – Серега нашел длинную толстую доску и мне ничего иного не осталось, как без особых затруднений и с достоинством сойти на слежавшиеся опилки, служившие утеплителем перекрытия.

Дальше дело пошло проще. В потолке мы отыскали люк и пусть возле него не оказалось лестницы, это нас особо не смутило. Мы просто спрыгнули вниз /хотя от потолка до пола второго этажа было не менее четырех с половиной метров/, причем Плат теперь шел за мной и я его подстраховал; прыжки – мой конек.

В бане царил подозрительная тишина. Мы тщательно осмотрели второй этаж, но кроме двух прохудившихся оцинкованных шаек и десятка поломанных деревянных скамеек ничего не нашли. Наверное, внуки пролетариев разобрали банное оборудование, как берлинскую стену, на сувениры. Обеспечив таким образом надежность тыла, мы спустились по широкой мраморной лестнице на первый этаж. Удивительно, но она осталась в неприкосновенности. Похоже, несуну оставили ее на закуску, но им помешали оккупанты в лице мафиозных братков.

То, что мы увидели в конце лестнице, на кафельном полу возле парадного входа, нас ошеломило. Там лежал здоровенный бык без признаков жизни. Рядом с ним валялось помповое ружье. Пока Плат держал под прицелом двери, ведущие в помещения первого этажа, я быстро осмотрел мертвеца. Судя по температуре тела, его грохнули совсем недавно, возможно, в то самое время, когда я и Серега беседовали в парке. Скорее всего, парень был охранником и кто-то "погладил" его по башке чем-то тяжелым.

Присмотревшись, я несколько изменил свое мнение – быка убил /притом одним ударом в висок!/ настоящий мастер своего дела. А уж в этом я кое-что смыслил.

Не скажу, что, осматривая первый этаж, мы не мандражировали. Такую тревогу я не испытывал даже тогда, когда выбирался из окружения, скрываясь в разрушенных домах Грозного. Мне казалось, что опасность таится в каждом коридорчике, за каждой дверью.

Плат вообще изменился в лице и дрожал, как осиновый лист. Я его понимал – мы ступили на тропу настоящей войны и чем она закончится он не представлял. Тем более, что мы даже не знали, кто наш противник. А он был очень опасен, судя по тому, как неизвестный /или неизвестные/ "приспал" незадачливого охранника.

То, что мы нашли, подтвердило мои худшие предположения. В большой комнате, отделанной дубовыми панелями и напичканной разнообразной электронной аппаратурой – видимо, это был кабинет директора бани – во вращающемся кресле сидел еще один жмурик. И его оприходовали почти по той же технологии, что и "быка". За одним мелким отличием – мужику /а ему было никак не меньше сорока с хвостиком/ ребром ладони перерубили кадык. Да-а, не хотелось бы мне попасть под горячую руку неизвестного бойца...

Но главная находка ждала нас в полуподвальном помещении, где располагались навсегда потухшие котлы и прочая сантехника, ржавая и покореженная. Там лежал парень, измочаленный так, что на него нельзя было смотреть без содрогания. На этот раз клиента мутузили ломиком, который затем бросили в угол. У второго быка были переломаны все кости, а лицо представляло собой бифштекс с кровью. Похоже, он не сдался без боя, но его шансы в схватке оказались совсем мизерными.

– Твою мать... – Серега схватился за голову. – Может, я сплю и все это мне снится?

– Дать тебе по башке, чтобы ты проснулся? – с участием спросил я и смачно выругался. – Лучше подумай, как мы будем объяснять ментам весь этот бардак с кучей трупов.

– Никак, – устало ответил Плат. – Если мы высветимся, нас закопают вместе с банными жмуриками. А тут еще убийство Храпова... Господи, в какое дерьмо мы вляпались?!

– Эт точно, – философски ответил я, и начал осматривать полуподвал. – Не переживай, семь бед – один ответ. Мы чисты перед законом и главное – перед собственной совестью.

А на остальное -чихать. Эй, Плат, поди сюда!

Я остановился перед дверью в какую-то конуру, переоборудованную под тюремную камеру. Там стояли койка, застеленная грубошерстным солдатским одеялом, табурет и параша, прикрытая деревянным щитом. К толстой скобе, забитой в стену, была приклепана длинная цепь с наручниками. Судя по беспорядку на постели, запаху, идущему от параша, и свежим остаткам еды в тарелке, стоявшей на приспособленном под столик табурете, узника забрал с собой неизвестный. Подтверждением этому служил и ключ от наручников, небрежно брошенный на пол у самой кровати.

– Женщина, – сказал Плат, осмотрев постель. – Здесь находилась молодая женщина, темноволосая и с короткой стрижкой.

– Ты еще, мистер Шерлок Холмс, скажи сколько ей лет, во что она была одета и как ее зовут. – Я не удержался, чтобы не съязвить.

– Смотри... – Он снял с подушки, похожей на засохший блин, несколько волосинок. – Как видишь, волосы темно-русые, почти черные, короткие, эластичные и достаточно прочные.

Их еще не успела изуродовать краска, которой пользуются женщины, чтобы прикрыть седины или сделать какую-нибудь сногшибательную прическу на очередной юбилей.

– У нас хватает и парней с длинными волосами. В богемной среде это модно, – не сдавался я.

– Верно. Но у мужиков не бывает менструаций. – И Плат ткнул пальцем в небольшое бурое пятнышко на одеяле. – Это свежак.

- Твоя взяла. И это значит, что мы действительно идем по горячему следу. Похоже, здесь находится перевалочный пункт похитителей людей.
- Находился, – поправил меня Серега. – Кто-то его раздолбал в пух и прах. И это очень худо.
- Да уж... – Я сокрушенно покачал головой. – Наш рейд по вражеским тылам за "языком" оказался безуспешным. И что теперь нам делать с теми двумя гавриками, что в машине?
- Проблема из проблем... – Плат скривился, будто съел что-то очень кислое.
- Если ты не желаешь помочь родной милиции, есть предложение присоединить их к тем троим, что уже отбыли в заоблачные выси. У наших пленников, похоже, за плечами не одна "мокруха". Общество нам только спасибо скажет.
- Выкинь эти глупости из головы! – рассердился Серега.
- Тогда как мы останемся в тени, отпустив их на все четыре стороны?
- Пока не знаю...

Мы возвратились на первый этаж и занялись исследованием электронной аппаратуры, которую, похоже, обслуживал сидевший в кресле мертвец. С компьютером Плат решил не возиться, а забрать с собой винчестер – пусть в его памяти покопается наш спец по этим делам Маркузик. В операторской /так между собой мы называли бывший кабинет директора бани/ было много чего, но мне понравилось лазерное ружье, предназначенное для подсушивания на расстоянии. Это была очень дорогая и полезная штукавина и я, окрысившись на Серегу, возражавшего против чрезмерной экспроприации, решительно присоединил элегантный чемоданчик с суперсовременным аппаратом к винчестеру и коробке с магнитофонными кассетами – этого добра мы набрали свыше сотни единиц. В операторской была целая стенка с двумя десятками работающих на запись магнитофонов.

Некоторые крутились и во время обыска, и я включил один из них, с мигающей сигнальной лампочкой красного цвета, на воспроизведение. Судя по болтовне, раздавшейся из динамика, в бане находился пункт прослушивания телефонных разговоров. А найденные кассеты составляли своеобразный архив.

- Круто, – прокомментировал я увиденное. – И главное, народ работал без санкции прокурора. Да, техника – великое дело. Интересно, в архиве, – я кивком указал на ящик с кассетами, – есть и наши голоса?
- Если желаешь, проверим. Но позже. А сейчас пора уносить ноги.
- Так что ты решил по поводу Чури и Гольяна?
- Отпустим. Хрен с ними.
- Э-э, погодь! Как это – отпустим? Нам еще нужно провести с ними разъяснительную работу.
- Не понял... Что ты имеешь ввиду?
- Чего проще – мы должны привести их сюда и показать жмуриков. И не только показать, но еще и доходчиво объяснить, что мы не имеем к этому никакого отношения. В противном случае трупы занесут на наш счет и тогда нас не спасет даже срочная эвакуация в очень далекие края.

– Резонно, – согласился Плат. – Тем более, что мы не знаем кто они. – Он бросил взгляд на восковое лицо покойника в кресле и невольно содрогнулся. – А это может пригодиться.

Я кивнул. Действительно, у жмуриков почему-то не оказалось документов. Скорее всего, их позаимствовал убийца. Для чего? – догадка лежала на поверхности. Похоже, этот крутой мужик /или группа – мы так и не определились/ решил не успокаиваться на достигнутом. Конкурент, твою мать...

"Фотограф" и мой "крестник"-меломан при виде трупов впали в прострацию. Они решили, что мы будем и их кончать, а потому страх напрочь отшиб у Чури и Гольяна возможность здраво мыслить и хоть кое-что соображать. Мне не раз приходилось сталкиваться с таким явлением, когда жестокие кровожадные убийцы, фанаты, отправившие на тот свет не один десяток человек, перед лицом неотвратимой гибели вдруг начинают понимать, что оказывается и они смертны и что жизнь так прекрасна.

Лучше бы они об этом думали, когда целились в очередную, чаще всего невинную, жертву.

Я привел их в чувство элементарно просто – дал несколько раз одному и другому по роже.

– Подберите сопли! – рявкнул я, сделав зверское лицо. – Не писайте кипятком, мы вас отпустим. Это не наших рук дело. Мы не убийцы. Кто-то до нас постарался. Вам ясно!?

– Да, да! – предупредительно закивали оба, не сводя глаз с быка, которого завалили в полуподвальном помещении.

Я специально привел их сюда, чтобы эффект от моей воспитательной и разъяснительной работы был как можно сильнее.

– Как их зовут? – спросил я уже тише и спокойней.

– Это Колян... – с дрожью в голосе ответил старшой – "меломан". – У входа Боксер. Это он вас тогда... в конторе... Мы не хотели, так получилось... – Чуря смотрел на меня с видом побитого пса. – А в кресле... Олег Петрович.

– Он ваш босс?

– Нет. Он помощник босса. Олег Петрович занимался электроникой... ну и еще чем-то, я точно не знаю.

– Кстати, как зовут того очкарика, что работал на компьютере, когда я вас застал на горячем, и где он сейчас?

– Вадим... Мы с ним не дружили, он у босса ходит в любимчиках. Его куда-то услали.

Говорили, что за границу. Он большой спец по компьютерам.

– Расскажи о жмуриках поподробней. Знаешь их фамилии?

– Конечно... – Чуря выдал нам устное досье на своих бывших товарищей и, уже по требованию Плата, сообщил их адреса.

– Вот что, бабуины... – Я подошел к ним вплотную. – Мы все оказались в таком дерьме, что страшно представить. Да, да, и вы тоже – в первую очередь. Если вашей щоблой займутся, вас двоих присоединят к компании Олега Петровича – или те, кто его грохнул, или ваши боссы; скорее всего, именно они. Не нужно рассказывать своему пахану, что вы тут увидели, тем более – под конвоем. Если вы не круглые идиоты, то даже не вякнете о том, что знаете о смерти Олега Петровича и иже с ним. Пусть ваши бугры сами решают – дать официальный ход этому делу, или нет. Но не дай вам Бог, если все-таки расколется перед своими боссами, даже упомянуть о нас в связи с этим инцидентом! Мы тут не были и ничего не знаем. И сможем это доказать – уж поверьте мне на слово. Молчание в ваших интересах.

Знаете, как будет реагировать ваше начальство? Нет? Объясню как они подумают: эти козлы не выполнили поручение – раз, чересчур много знают – два, и кто может поручиться, что им не развяжет язык уголовка, когда выйдет на их след. На месте вашего шефа я бы сделал совершенно однозначный вывод... – Я многозначительно чиркнул ладонью по горлу. – А если вы нас заложите, то нам ничего иного не останется как прояснить картину до конца. Вот такие пироги, мальчики. Вам все ясно?

– Да! – дружно и бодро ответили воспрянувшие духом Чуря и Гольян.

– А теперь позвольте мне запечатлеть ваши рожи... на фоне этой сногшибательной картинки... – Я указал на мертвеца и приготовил фоторужье к работе.

– Зачем!? – опять в один голос воскликнули укрощенные братцы-кролики.

– А затем, что мы теперь с вами повязаны намертво. И нам нужны фотодокументы, подтверждающие эту неразрывную связь. Чтобы вы не выкинули какой-нибудь неприятный фортель. Не волнуйтесь, фотки будут надежно спрятаны. Так сказать, до особого...

Я щелкал затвором фотоаппарата минут десять, засняв весь бардак, творившийся в бане, и сделав наш совместный групповой снимок – в кабинете-операторской, на фоне благородного, но уже трухлявого дуба старинных панелей. С этим кадром у меня вышла небольшая проблема – наши пленники почему-то никак не желали улыбаться. А мне так хотелось, чтобы на снимке мы выглядели закадычными корешами, собравшимися в бане на маленький сабантуй. Это был довольно рискованный ход, зато он давал хоть кое-какие гарантии – в случае чего, мы пойдем ко дну вместе. Так я и объяснил совсем скисшим пленникам, которые никак не могли раскусить мой тонкий и коварный замысел.

Мы отпустили их все в том же парке. И даже отдали ключи от "фольксвагена" и фоторужье, предварительно освободив его чрево от пленки.

– Это... – Чуря виновато переминался с ноги на ногу. – Ну, в общем... как насчет пистолетов?

– Забудь о них! – твердо отрезал я. – Достанете себе новые. Они еще не меченые?

– Нет... – грустно ответил совсем сникший "меломан". – Крови на них нет.

– Вот и лады. И последнее: встретимся еще раз на узкой дорожке – грохну вас, не задумываясь. Несмотря на наши "приятельские" отношения. Держитесь от нас подальше...

Чуря и Гольян уехали, а мы, оседлав подлого предателя "жигуля", в полном молчании неторопливо покатали сначала в одно укромное местечко, где спрятали нашу добычу /в том числе и пистолеты/, а затем в контору – клепать себе алиби...

Если уж не повезет, то и на родной жене подхватишь триппер. Так случилось и с нами.

Когда мы появились в офисе, нас уже ждал капитан Жердин. Хмурый, взлохмаченный Марк сидел в кресле Плата и усиленно изображал радушного хозяина; он терпеть не мог, когда его нагло отрывали от работы. Капитан нетерпеливо ерзал по дивану и не прекратил это занятие даже после того, как мы поздоровались и приготовились к самому худшему – ни у меня, ни у Плата не было ни малейшего сомнения в том, что явление мента трудовому народу ни в коей мере не является счастливым предзнаменованием.

Так оно и вышло. Первые слова, слетевшие с уст мессии в погонах, ударили меня словно бухом между глаз – как быка на бойне.

– Вам знаком некто Храпов? – резко и непримиримо спросил Жердин.

Мы были готовы к любым неожиданностям, а потому удар выдержали стоически. Не знаю, как у меня, но на лице Плата не дернулся ни единый мускул, а глаза моего друга продолжали излучать ленивое любопытство.

– Это кто, новый мэр? – невинно поинтересовался я и для разрядки попросил Маркузика: – Марк, будь добр, изобрази для нас и капитана чайку. Только мне без сахара.

Марик что-то буркнул – наверное, выразил горячее желание поработать официантом – и пошел в свою келью, где мы держали электрический самовар и чайную посуду.

– Я поставил совершенно конкретный вопрос и прошу на него отвечать! – взвился Жердин, усмотрев в моем гостеприимстве некий подтекст.

– Валера, остынь... – поморщился Плат. – С Храповым нас никто не знакомил... /Умно, нет, просто здорово сказано! – восхитился я. Да, точно, "передового" бригадира "Горлифторемонта" нам и впрямь никто официально не представлял. Так что Серега против истины не погрешил ни на йоту/.

– И мне совсем непонятно, – между тем продолжал мой друг, – почему ты мечешь икру там, где к тебе относятся вполне даже прилично? Сначала ты припер досье на Соломонова, теперь шьешь нам какого-то Храпова. Но первый хотя бы числился нашим клиентом, а вот второй... – Плат недоуменно пожал плечами. – Кто он и почему ты о нем расспрашиваешь?

– Ах, вы не знаете... – Жердин саркастически осклабился. – Серега, не лепи горбатого! Если я пришел к вам и задаю такие вопросы, значит у меня на это имеются веские основания.

– Вот с оснований и начни, – жестко отрубил Плат.

– Ладно, – тяжело сказал капитан. – Ты, конечно, законы знаешь хорошо, но не забывай, что именно я представляю официальные органы...

– А потому можешь качать права когда и как тебе заблагорассудится? – перебил его Серега. – Ни фига подобного! Не подумай, что я загрызаюсь, однако твой интерес к нашему агентству начинает меня раздражать. Валера, мы детективы. Правда, частные, но тем не менее не обязаны работать внештатными агентами милиции. Это для совков непривычно, очень уж по буржуазному, однако никуда от современных реалий не денешься. И если мы проводим свое расследование, то просто не имеем права разглашать тайну следствия. Да, у нас все так, как в уголовке. За одним маленьким исключением – мы не в состоянии, когда это край нужно, задействовать всю мощь государственного аппарата. Потому наш хлеб чаще всего бывает горек. Это ты можешь в конце концов понять?!

– Могу, – немного оттаивая, сказал Жердин. – Извини, я и впрямь того... Заработался. Ты знаешь, каково не спать две ночи подряд...

– Выпей чаю, взбодрись, – посоветовал Плат, когда Марк поставил перед диваном журнальный столик и водрузил на него пыхтящий паром самовар.

– Спасибо... – Капитан налил себе заварки больше чем полчашки. – Горячий... – Он смешно, по-детски далеко оттопырив губы, дул на чай.

Мы с Платом незаметно и в тревоге переглянулись. Я понимал, что Серега хотел сказать своим выразительным взглядом: Сильвер, мы тонем; и как выплыть, я не знаю.

Не дрейфь, кореш! Не такой страшен мент, как его рисуют.

– Храпов убит, – буднично сообщил Жердин, когда наконец чашка показала дно. – Ему разmozжили голову на хазе, где он почему-то скрывался. От кого, не знаете?

– От алиментов, – не удержался я, чтобы не сосстрить. – Так все-таки, кто он, этот Храпов?

– Передовой бригадир "Горлифторемонта", у которого незадолго до его смерти хотел взять интервью некий корреспондент газеты "Ням-ням" – или как там она называется, я не запомнил – поразительно похожий на вас, Сильверстов.

– Что вы говорите? – фальшиво удивился я. – Это же надо...

– Да, удивительное сходство, – нехорошо ухмыльнулся Жердин. – Вы похожи друг на друга, как две капли воды.

– Хотелось бы взглянуть хотя бы на его фотку. Все-таки, уникальный случай. Может и впрямь он мой брат. Папаша втихомолку постарался...

– Нет проблем, – с непередаваемым коварством в голосе сказал капитан и достал из кожаной папки... увеличенную ксерокопию моего фальшивого удостоверения!

К сожалению, на нем была наклеена подлинная фотография Стаса Сильверстова. Черт возьми! Откуда появилась эта ксерокопия? Ведь Плат уверял меня, что капитан Лугов изъясил все материалы, касающиеся моих "гаражных" походов.

– Да-а, уникам... – Я разглядывал лист бумаги так, словно страдал дальновзоркостью – на расстоянии вытянутой руки. – Шутка матушки-природы. Жаль, что мне не довелось встретиться с этим корреспондентом раньше.

– Вы долго будете меня за нос водить? – со зловещим спокойствием спросил капитан. – Серега, я ведь далеко не пацан и в сыске собаку съел. Зачем вам нужен был Храпов?

Надеюсь, мне не понадобится проводить опознание твоего коллеги по бизнесу Сильверстова?

– И кто его будет опознавать? – Плат был само спокойствие и уверенность. – Я уже не спрашиваю с какой стати.

– Свидетелей хватает, – парировал выпад Сереги капитан. – Например, некая дама, старший диспетчер "Горлифторемонта". Она прямо-таки жаждет лицезреть очень понравившегося ей душку-корреспондента.

Вот зараза! Верно говорил некий маститый урка из фильма "Место встречи изменить нельзя", воровавший в театре дорогие шубы на пару с телкой, что не будь такой необходимости, он бы женщин обходил десятой дорогой. Наверное, это сексуально озабоченное создание из конторы "Горлифторемонта" так отвязало свой чересчур длинный язык, что слухи о корреспонденте достигли даже уловки. Ну, а опытным следакам, занимающимся расследованием убийства Храпова, связать все нити не составило особого труда. Все ли?

– Допустим Стас, изображая корреспондента, действительно наводил кое-какие справки в управлении, где работает эта дама. Ну и что с этого? Я не вижу в этой ситуации криминала. Фальшивое удостоверение? Шутка. Розыгрыш, если хочешь. Тем более, что газеты с таким названием и в помине нет.

– Сильный ход, – одобрительно кивнул Жердин. – Но в "мокром" деле он не катит. Мне все равно придется закрыть господина Сильверстова в каталажку – для прояснения некоторых обстоятельств, предшествующих преступлению. Это говоря высоким слогом. А проще – я его брошу в "вертушку" и после двадцати четырех часов непрерывного допроса он расколется как миленький. Вас такая перспектива устраивает?

Плат, дружище, выручай! Мне пока рано на нары. Ну придумай что-нибудь!

Сергея посмотрел на меня с сожалением и осуждением, тяжело вздохнул и сказал:

– Валера, как мне сейчас не хочется выворачиваться наизнанку... Но ты меня вынуждаешь.

Что ж, пеняй сам на себя. Мы влезли в это дело из-за денег – по крайней мере, у нас есть веское оправдание. А вот тебя толкает под паровоз долг. Что, конечно, делает тебе честь, но принесет одни неприятности.

– Ты вещаешь, как пророк, – насмешливо сказал Жердин. – Ничего, как-нибудь...

– Что ж, хозяин-барин... – Плат хищно прищурился. – Но имя нашего клиента я могу назвать тебе только с его согласия. Уж не обессудь.

– Рассказывай суть дела, а там посмотрим.

– К нам обратился один очень влиятельный человек с просьбой о помощи в розысках его похищенного ребенка. Работая с доступными нам материалами, мы вышли на бригаду ремонтников лифтов, которую возглавлял Храпов... – Плат говорил взвешенно, короткими, рубленными фразами. – Стас под видом корреспондента вошел с ними в контакт. Храпов то ли почуял опасность, то ли с каких-то иных соображений, но немедленно куда-то свалил вместе со своей бригадой. Они якобы отправились на юга, в отпуск. После того, как мы навели справки о их местонахождении и получили полный облом, ни Храпов, ни его подручные на нашем горизонте не появлялись.

Класс! Сергей сказал многое, и в то же время с его слов трудно было составить полное представление о тех перипетиях, которые постигли нас /в частности, меня/ при расследовании этого дела.

– Как вы попали на след Храпова в похищениях? – Жердин смотрел на Плата с удивлением, смешанным с уважением.

Сергея рассказал. Не забыл он поведать капитану и о моих подозрениях насчет машины лифторемонтников. Правда, Плат напрочь "забыл" как я устроил проверку "газона" по горячим следам...

– Зря ты ушел из уголовного розыска, – восхищенно покачал головой Жердин. – Наши парни несколько лет бились над разгадкой таинственных похищений и в результате до сих пор топчутся на месте. А ты раскрутил Храпова за считанные дни.

– Предположим, не я одни. Нас трое и все мы внесли в раскрутку свой вклад. Но, если честно, нам от этого сейчас не легче. Все концы оборваны и теперь я не знаю как продолжить начатое. Клиент давит будь здоров. И его можно понять. Тем более, что мы не можем даже себе дать гарантию, что поиск идет в верном направлении. Да, Храпов, скорее всего, причастен к похищениям детей. Но это нужно обосновать и доказать. И еще не факт, что именно он похитил ребенка нашего клиента. То, что он со товарищи лег на дно, еще ни о чем конкретном не говорит.

– Имя клиента ты, конечно, не скажешь...

– Я предупреждал. Не нужно его беспокоить. Ему и так не сладко.

– Понимаю, понимаю... – Жердин о чем-то сосредоточенно думал. – Скажи, а как к нам попала ксерокопия журналистского удостоверения? – Он глянул на меня словно бритвой полоснул. – Оригинал я так и не нашел.

– Этот вопрос и я хотел тебе задать, – спокойно ответил Плат. – Признаюсь, мы со Стасом были здорово удивлены. А что касается удостоверения, так Сильвер его где-то посеял.

– Вполне удобоваримая версия, – хитровато ухмыльнулся капитан. – Ладно, это не суть важно. Главное в другом – в деле Храпова появился мало-мальски определенный след.

Есть откуда плясать. Если он вместе с бригадой и впрямь занимался похищениями... – Он покачал головой. – Я подозреваю, что его убийство – это только начало серьезных событий. А вы не боитесь за свои жизни? – вдруг спросил он с сочувствием.

– Нет. Я понимаю, что ты имеешь в виду. Да, похоже, за Храповым стоит мощная организация. Что там и как, я не знаю, но думаю, что мы им не интересны. Нить расследования оборвалась вместе с жизнью бригадира, а больше мы ничего не знаем.

Зачем им привлекать лишнее внимание к ремонтникам лифтов, находящимся в бегах? Тем более, они практически уверены, что наша разработка уже известна уголовному розыску.

– Ничего, теперь за них примутся всерьез, – пообещал Жердин. – Наколку ты дал отменную, так что ребятам есть от чего плясать.

– Валера, у меня к тебе просьба...

– Говори. И не смущайся, как красная девица.

– Доложи руководству версию по Храпову от своего имени. Мне теперь благодарности в приказе ни к чему, а тебе лишняя пара баллов не помешает.

– Маслом мажешь? – ухмыльнулся капитан.

– Можешь считать мое предложение взяткой при исполнении, но я уверен, что так будет лучше. От версии, которая исходит из уст старшего опера "убойного" отдела, вряд ли отмахнутся. Тем более, что тебе и карты в руки – ты ведь ищешь его убийц. В крайнем случае, для прикрытия, можешь выдумать недавно завербованного тобой мифического секретного агента, накропавшего донесение на бравых лифторемонтников. В этом случае ты здорово выигрываешь. Две бригады сыскарей, брошенные на одно дело – это при нынешнем кризисе в угрозыске с кадрами, сам понимаешь, мечта идиота.

– Заметано. Ты прав. Но я себя чувствую неловко. Мало того, что я присваиваю чужие идеи, так еще должен и химичить в документации по делу. Ведь я понимаю, к чему ты клонишь. Тебе страх как не хочется фигурировать в протоколах.

– Мне, в общем, все равно. Но я не хочу светить раньше времени наше агентство.

"Доброжелателей", сам знаешь, хватает. Особенно в органах. Из зависти подставят ножку – далеко придется катиться. Хорошо, если не в пропасть.

– А как быть с "журналистом"? – Жердин с сомнением посмотрел в мою сторону.

– Оставь его за кадром. Ты не обязан докладывать руководству все свои соображения и посвящать шефов в разнообразные ответвления основной версии. Да они этого и не требуют. Им подавай раскрытия. От бредятины, что несут опера, у них изжога.

– Я почему-то уверен, что ты все-таки притемнил... – Капитан буквально впился взглядом в невозмутимое лицо Плата.

– Валера, не нужно со мной повторяться. При первой нашей встрече в этих стенах ты меня дожал. Сознаю. И правильно сделал. Но тогда была совершенно иная ситуация. А сейчас я сказал то, что обязан был сказать. Возможно, у нас есть и другие соображения по расследуемому нами делу, но они не касаются твоего жмурика Храпова. Если всплывет что-то эдакое – не сомневайся, информацию ты получишь. Притом, оперативно. Мне ведь

тоже нужна твоя поддержка. Как ты верно заметил, за тобой стоит официоз. И никуда от этого не денешься.

– Ладно, на том и порешили... – Жердин засобирался.

– А ты не желаешь поделиться с нами кое-какой информацией? – спросил Серега. – Понимаешь, как-то нехорошо, когда игра идет в одни ворота...

– Я думал, что ты забудешь задать такой вопрос, – осклабился старший опер. – Нет, я не намерен играть в одни ворота. Баш на баш. Только извини, я тоже расскажу лишь то, что сочту нужным.

– На большее мы и не претендуем.

– Храпова убили вчера ночью. Вернее, под утро. На "заказ", вроде, не похоже, а там кто о его знает. Ему размозжили голову бронзовой статуэткой. И явно кто-то свой – борьбы не было. Есть любопытная деталь – убийца тщательно протер все, к чему прикасался.

Видимо, хладнокровия ему не занимать... /Блин! – подумал я. – Перестарался... С перепугу сделал на хазе Храпова едва не генеральную уборку/.

– Оперативная группа выехала на квартиру Храпова по наводке какой-то старушки. Она позвонила и сказала, что там-то и там-то драка, возможно, убийство. Зафиксировать откуда она звонила не удалось, так как старушка быстро положила трубку. А назвать свое имя отказалась. В райотделе этому обстоятельству не удивились – героев в наше время маловато – и, благо дежурная машина была под парами, немедленно отправились по указанному адресу. Дверь пришлось взломать, хотя в квартире явно кто-то был... – Жердин досадливо поморщился. – Наши орлы, как всегда, дали маху – не устроили засаду под балконом. Похоже, убийца находился в квартире до самого приезда опергруппы. Идиоты! – выругался он. – Набрали пацанов желторотых, у них в голове даже не мякина – дерьмо.

Короче говоря, пока раздербанили входную дверь, клиента и след простыл. Кинулись вниз – и нашли под балконом двух хмырей в полной отключке. Оклемавшись, они рассказали, что сидели и курили в кустах – там есть укромный уголок со скамейкой – пока им на голову не свалился какой-то громила. Больше они ничего вспомнить не могли – он вырубил их за считанные секунды. Вот и все, что у меня есть.

– Парней, которых отметелил неизвестный, проверяли?

Спасибо тебе, Плат, что хоть ты назвал меня не убийцей, а неизвестным. А тем двум козлам еще мало досталось – не хрен по ночам курить, для здоровья вредно.

– Местные. Живут в доме напротив. Похоже, балуются наркотой. Нам они не интересны.

– Значит, возможна и бытовуха?

– Очень похоже. Даже чересчур. В квартире был накрыт стол, причем весьма приличный.

Культурно накрыт. Так в холостяцкой пьянке не бывает. А Храпов жил в квартире один.

И, скорее всего, он хорошо знал убийцу. Все, кого мы опрашивали, в один голос твердят, что бывший бригадир слесарей-ремонтников был осторожным и недоверчивым человеком. Не мог он впустить в квартиру чужого человека. Тем более, как теперь выяснилось, Храпов скрывался – правда, непонятно по какой причине.

– Я так понял, что ты колеблешься.

– Да. Но больше склоняюсь к заказному убийству. Однако, этот театр с застольем... – Жердин наморщил нос. – Зачем?

Я сидел, как на иголках. Намекнуть капитану про любимую женщину Храпова Эллу, или нет? Вернее, просто напомнить ему о том, что нередко в смерти мужчины повинны представительницы слабого пола. Но под каким соусом это подать? А если сказать прямо, что нам известно ее имя и где она работает? Тогда может сработать эффект отката. Стоит Жердину опросить сотрудников "Дарвина" и кто даст гарантию, что они не вспомнят странного малого, сидевшего за одним из столиков ресторана в ночь убийства Храпова и слинявшего в аккурат после ухода танцовщицы домой. Я уже не говорю про Леву Бермана, который назвавшего мне имя пассивного передового бригадира. Или про таксиста-участника, подвезшего меня глухой ночью к дому, где было совершено убийство. Тем более, что он дежурит возле "Дарвина" постоянно. А мой портрет нарисовать не трудно.

Такого мордоворота, как я, не потеряешь в любой толпе. Что, впрочем, до сих пор меня особо не волновало – я ведь не собирался пойти в шпионы, где незаметная внешность просто обязательна.

Я промолчал. Хотя понимал, что Жердин и сам может докопаться до истины, пусть и в препарированном виде. Я почти не сомневался, что капитан навестит "Дарвин". Кто-то ведь должен знать о привычках Храпова, очень часто посещавшего этот престижный ресторан. Я пытался глазами делать знаки Сереге, но он даже избегал смотреть в мою сторону. Интересно, о чем он сейчас думает? И вообще, Плат, что мне делать – сказать Жердину или не сказать кто грохнул Храпова!? А если скажу и мне не поверят? Мало того – пришьют еще и "мокруху"? У тех, кто хотел меня подставить, бабок валом, сомнений нет. Подмажут, где нужно, и привет Сильвер. Пишите письма нам из зоны... лет эдак пятнадцать-двадцать. Обидно, понимаешь. Было бы за что.

– А как ты вышел на Стаса? – спросил Серега.

– Элементарно. Утром я первым делом поехал на участок, где работал Храпов. Там я познакомился с одним уникальным человеком, оказавшимся старшим мастером. Он сначала обложил меня трехэтажным матом, а затем рассказал даже больше, чем я ожидал.

И меня почему-то очень заинтересовал корреспондент, расспрашивавший про передового бригадира. Ежу понятно, что нынче в газетах пишут о чем угодно, только не о рабочем классе – как в прежние времена. Узнав, кто порекомендовал "газетчику" обратиться к мастеру участка, я отыскал известную вам Алевтину Михайловну, старшего диспетчера "Горлифторемонта". Обаятельная женщина... – Жердин с ехидцей посмотрел в мою сторону.

– Ну и?..

– Под ее описание внешности корреспондента подходило сколь угодно много человек и, скорее всего, я никогда бы не появился в вашей конторе, но мне помог случай. Ты ведь, Сергей, знаешь, что в "убойном" отделе есть папка с грифом "Разное". Туда даже не подшивают, а складывают всякую всячину, которая всплывает в расследовании разных дел. Так сказать, побочный продукт. Авось когда пригодится. Не знаю, что мне понадобилось в той папке, но когда я нашел там ксерокопию корреспондентского удостоверения с портретом твоего друга, то от изумления начал икать. Я глазам своим не поверил – это был человек, которого мне обрисовала сексапильная дамочка с "Горлифторемонта"! Я не поленился и съездил в управление, чтобы показать старшему диспетчеру свою находку. Она от умиления едва не попросила ксерокопию удостоверения в качестве сувенира... – И капитан откровенно рассмеялся.

Мы не очень радостно его поддержали...

Жердин прощался сдержанно. Он был весь в раздумьях и сомнениях. Уже у порога он неожиданно резко обернулся и спросил:

– И все-таки, как удостоверение "корреспондента" попало в папку "убойного" отдела?

Плат ответил ему долгим отморозенным взглядом и пожал плечами. Лицо моего друга выражало каменное спокойствие и отрешенность.

Глава 17. КИЛЛЕРЫ

В нашей конторе шла незримая борьба двух компьютерных гениев – Маркузика и бесфамильного Вадима, того самого очкарика, что выпал в осадок во время ночного налета Чури и Боксера на О.С.А. Этот юный сукин сын так закодировал информацию, хранившуюся в винчестере, который мы умыкнули из бани, что у бедного Марка едва крыша не поехала, когда он начал взламывать электронные замки секретных файлов. Он торчал в офисе сутками, забыв про еду, сон и юных, пока еще непорочных, див. Иногда Марик выползал из лаборатории – так он звучно именовал свою келью – взлохмаченный, с остановившимся взглядом, и садился рядом со мной на диван. Мы уже знали бзики нашего вундеркинда, а потому продолжали разговор, будто его и не было.

Теперь мы могли не беспокоиться, что нас прослушивают. Разъяренный нашими упреками в несостоятельности его усилий по ограждению офиса от подслушивающих устройств, Маркузик, не долго думая, изготовил электронный генератор /что-то очень мудреное, не для среднего ума, потому я так и не понял принцип его работы/, напроць забивавший всех "клопов", "жучков" и прочая. Теперь, нажав кнопку небольшого переносного прибора, мы могли болтать о чем угодно и где угодно, не боясь, что наши крамольные и опасные речи достигнут ушей тех, кто просто жаждал их послушать. Мы даже не стали разбирать по винтику "жигуль" – зачем? Стоило лишь взять с собой достаточно компактную глушилку, и в наушниках слухачей раздавался отвратительный визг – будто стадо дьяволов сошло с ума.

Но радиомаяк, установленный мафиозными умельцами на "жигули", мы все-таки отыскали, хотя это было очень нелегко. Для такой работы пришлось привлечь опытного автомеханика и заткнуть ему рот приличной суммой. Он справился с заданием за два дня.

И при расставании сказал, что поставить такую хреновину никак нельзя в походных условиях. Радиомаяк явно был установлен еще до того, как Боб презентовал нам тачку.

Этот факт нас не столько удивил, сколько обескуражил. Мы еще не знали, как к нему относиться, однако Плат, прирожденный мент, почему-то стал относиться к Стеблову гораздо прохладней. Возможно, он подозревал, что Боб хотел держать нас на всякий случай на коротком поводке. Тогда напрашивался вопрос – а что это мог быть за случай?

Ответить мы так и не смогли. Серега вообще не хотел говорить на эту тему, а у меня ума не хватало, чтобы проанализировать ситуацию. Мы просто вынули из наших мыслей эту досадную занозу и продолжали искать Кристину.

После наших приключений в бане прошла неделя. Каждый день мы с трепетом ждали каких-либо известий о кровавых событиях в бывшем культурно-гигиеническом заведении заводчика-либерала, но так и не дождались. Плат даже рискнул и навел справки в городском угрозыске – понятно, в завуалированном виде – однако и там пребывали в блаженном неведении относительно чрезвычайного происшествия, хотя скрыть такое количество смертей казалось бы было невозможно. Да и не нужно.

Тем не менее, факты – упрямая вещь. А они говорили весьма недвусмысленно /для тех, кто мог слышать и понимать, о чем идет речь/, что некие силы заинтересованы спустить "банное" дело на тормозах. И лишь моими скромными усилиями /я опять повторил свой эпический "подвиг" – сходил в читальный зал библиотеки/ удалось выяснить дальнейшую судьбу главного из трех банных жмуриков. В скромном некрологе в одной из новоявленных газетенок группа товарищей выражала соболезнование вдове и двум сыновьям безвременного усопшего Олега Петровича Майорова. Судя по тексту, этот большой труженик буквально сгорел на работе – в моральном смысле. Я с ними был согласен – господин Майоров и впрямь крупно погорел и притом именно на рабочем месте. Об остальных – Боксере и Коляне – никто даже не пискнул. Кого интересуется навоз?

Конечно, кроме тех, кто удобряет землю. Скорее всего, этих двух быков зарыли без лишней помпы и с диагнозом "прободение язвы желудка".

Не подавал голос и безвременный усопший Храпов. Вернее, те, кто хотели меня подставить, использовав его наглую смерть в своих корыстных целях. Похоже, сначала они были в легком трансе от моего таранного прорыва, а затем их окончательно добились милицейские эксперты, не нашедшие в квартире передового бригадира слесарей-ремонтников моих отпечатков. Наверное, они могли настучать уголке про чересчур любопытного Стаса Сильверстова, нечаянно угодившего в западню, но, по здравому размышлению, решили не поднимать большую волну. Я их понимал: спектакль с накрытым столом и дракой двух корешей-пьяниц, скорее всего, они поставили в большой запарке, необдуманно. А после сообразили, что волна в состоянии достать и до них и тогда последствия наводнения могут быть катастрофическими.

Однако, главная проблема, с которой мы столкнулись в процессе мандража и хронических переживаний, характеризовалась кратко – маэстро Берман. О моем нездоровом интересе к личности Храпова знали только двое посторонних – Лева и капитан Жердин – но лишь Берману было известно, что я вышел на след пассии передового бригадира именно в ночь убийства. Конечно, смерть Храпова была на руку маэстро, однако все усугублялось тем, что Элла исчезла. Танцовщица не появлялась ни дома – она снимала однокомнатную квартиру в центре города – ни в "Дарвине". А когда я осторожно навел среди знакомых мне музыкантов оркестра справки о состоянии здоровья Левы, который вдруг резко заболел и перестал ходить на работу, мне ответили, что он сидит сиднем в своей квартире и даже на телефонные звонки отвечает очень неохотно. По здравому размышлению, только СПИД был в состоянии так сильно подействовать на шустрого, как живчик, Бермана, но он никогда не увлекался беспорядочными половыми связями, а потому его болезнь в свете последних событий казалась несколько странной – если не сказать больше.

И я решил навестить тяжело больного Леву на дому. Как старый приятель, я имел на это полное право. Мало того, мне было позволительно явиться к нему вообще без доклада.

Но, если честно, я как раз и не хотел, чтобы Берман прослышал о моем неожиданном визите.

На этот раз я о своих намерениях Плату сообщил. А то он начал обращаться со мной как с неразорвавшейся бомбой, стоящей на боевом взводе – с опаской и даже страхом, соблюдая дистанцию и не оставляя без присмотра. Занятый своими мыслями, Серега лишь вяло кивнул, соглашаясь, и продолжил что-то карябать на чистом листе бумаги. У него, насколько я знал, вновь обострились отношения с Машкой. Однако, теперь совершенно на иной почве, чем прежде – на сексуальной. Блудливая, а нынче укрощенная женушка ни с того ни с сего воспылала к мужу невиданной ранее страстью, и бедный страдалец Плат пахал в постели как проклятый, с вечера и до утра. Но это только в эротических фильмах мужик способен геройствовать ночь без остановки – чем-то же нужно заполнять куцый до неприличия сценарий какого-нибудь козла, сдвинутого на сексе. А Серега, замотанный и морально угнетенный событиями последних дней, был способен лишь на семейный максимум – три

раза в неделю, в режиме скорого поезда.

Но упрямая Машка, настаивая на своих супружеских правах, была безжалостна и бескомпромиссна. В конце концов Плат решил ночевать в офисе, благо у Маркузика нашлась раскладушка. Однако наша героиня легко разгадала этот коварный план и в первый же вечер изъясла блаженствующего в тишине и покое Серегу из конторских стен в два часа ночи, приехав на такси. Плат, озверевший от такого надругательства над личностью, устроил ей громкий скандал, едва не закончившийся мордобитием, и пообещал в случае повторения подобных наездов подать на развод. Машка с перепугу притихла и заковала на время свою сексапильность в тяжкие оковы благоразумия. Но я был уверен, что не на долго. То же самое думал и Серега.

О, семейная жизнь! Как много в этом слове...

Для посещения Левы Бермана я выбрал вечернее время. Созвонившись с администратором "Дарвина" и выяснив, что маэстро до сих пор пребывает едва не в коме, я наступил на горло собственной песне – записного растратчика – и отправился к его дому пешком, таким образом сэкономив нашему О.С.А. энную сумму. Но, кроме финансовых соображений, мною двигали и иные мотивы – мне не хотелось в очередной раз наступать на грабли, нанимая такси. Теперь я уже просто боялся оставлять какие-либо следы – даже в таком вполне законном и невинном деле, как посещение тяжело больного приятеля. Я не был вполне уверен в своих предположениях, но странная болезнь Левы, никогда не страдавшего даже простудными заболеваниями /насколько мне помнилось/, вызвала у меня определенные подозрения. Впрочем, возможно я ошибался. Не исключено, что Берман подхватил в своей "земле обетованной" какую-нибудь экзотическую форму пустынной лихорадки, никак не проявляющейся в Израиле, но совершенно не переносящей русского духа, а потому в наших условиях освирепевшей и смертельно опасной.

Дом, где жил Лева, я помнил с детства. В свое время это было престижное строение, где жили в основном люди творческих профессий – папаша Берман работал режиссером в драмтеатре. Городскую шпану сюда не пускали, но во дворе дома какая-то строительная организация соорудила детскую игровую площадку, венцом которой являлся самый настоящий замок в миниатюре, сложенный из дикого камня, и мы всеми правдами и неправдами проникали в его крохотные кельи, чтобы всласть пофантазировать и насладиться запретным плодом курения. Нас гоняли – и дворники, и менты – но кто и что может остановить бесшабашную юность?

Сейчас дом обветшал и даже, как мне показалось в сумерках, сгорбился, игрушечный замок рачительные несуну растаскали по камешку для строительства сортиров камерного типа на своих загородных фазендах, а старые тополя усохли и теперь напоминали подвешенные к небу за хвост скелеты огромных рыб. Людей во дворе было немного, не то что в прежние времена, когда и стар, и млад спускались со своих колоколен на грешную землю, чтобы обсудить свежие новости и очень осторожно, под большим секретом, рассказать очередной анекдот о дряхлых кремлевских старцах, теснящихся в очереди к катафалку. Бродячие псы тоскливыми взглядами провожали наполненные снедью пластиковые пакеты, отягощавшие руки жильцов, спешащих укрыться за металлическими дверями квартир, летучие мыши чертили пока еще серое небо черными молниями, а одинокий сибирский кот в ошейнике, которого вывела на прогулку чопорная гримза, горящими изумрудной зеленью глазами беспокойно высматривал бездомных подружек, прячущихся по подвалам и чердакам в ожидание ночной охоты. Все было как прежде, за исключением того, что многое виделось не так, как в юности, а совсем по другому.

Окна квартиры Бермана, как я и ожидал, оказались зашторены. Она находилась на третьем этаже и во двор выходил только крохотный балкончик, прихоть какого-то чиновного идиота от архитектуры с красным партбилетом в кармане. На балконе с трудом мог поместиться лишь

один человек и то если он был тонкий, звонкий и прозрачный. Мне доводилось бывать в таких домах. Чтобы выйти покурить на свежем воздухе, нужно было ждать свой черед добрых полчаса – и это если компания не превышала десяти человек.

Похоже, таким ненавязчивым способом советского человека приучали к бесконечным очередям за продуктами, шмотками и в начальственные кабинеты начиная с собственного жилища.

Я поднялся не лифтом – старым, дребезжащим уродцем, заключенным в сетчатую клетку – а по широкому лестничному маршу. Здесь мысль архитектора мне была понятна, в отличие от его последователей, проектирующих новые здания с немыслимо узкими лестничными пролетами – финишная прямая дороги в светлое коммунистическое будущее должна быть максимально удобной и помпезной.

Мне пришлось давить на кнопку звонка минут пять. Молчание за дверью меня не пугало, а только раздражало. Я не думал, что Лева и впрямь лежит в полном отрубе. Похоже, он просто прятался в своей обители от чего-то, пока мне неизвестного.

Наконец я услышал по другую сторону широкой деревянной двери какой-то шорох.

– Лева, это я, Стас! – теперь я уже пнул дверь ногой. – Открывай, я знаю, что ты меня слышишь.

Ответом мне было молчание. Но я точно знал, что маэстро никуда не ушел, а стоит, притаившись, и, как обычно, когда он сильно нервничает, грызет ногти.

– Дружище, я все равно не уйду. Открой, есть разговор. А иначе залезу через окно. Я так и сделаю, ты меня знаешь.

За дверью послышался крепкий мужской матерок, затем щелкнул замок и на пороге появился Лева, одетый совсем не по домашнему – в светлый костюм и черную рубашку.

– Тебе чего? – неприятливо буркнул он, не высказывая ни малейшего желания пропустить меня внутрь.

– Я апельсины принес, – изобразив повышенную степень радушия, я ткнул ему в руки пакет с цитрусовыми. – Пришел навестить больного.

– Навестил? А теперь иди своей дорогой. За апельсины спасибо – И он сделал попытку закрыть дверь.

Я быстро шагнул вперед и, легко отстранив Бермана, оказался в просторной прихожей.

– Лева, так не поступают с друзьями. Я ведь сказал – нужно побазарить.

– Стас, это хамство... – начал было Лева, но я его перебил.

– Если причина твоей болезни та, что я думаю, то ты в большой опасности. И ради бога, не лепи горбатого хоть передо мной. Закрывай дверь и ставь чай. Разговор может быть длинным и не очень приятным.

Лева посмотрел на меня, как рублем подарил. Но дверь все же замкнул и решительно потащил меня на кухню. Однако, я уже почувствовал, что стою на верном пути. След был свежий, горячий и пах дорогими французскими духами.

Кроме чая, оказавшимся крепким бразильским кофе, Лева угостил меня и хорошим армянским коньяком. Правда, он, вместо солидной тары, поставил какие-то серебряные

рюмки-огрызки, похожие на наперстки, но я, не мудрствуя лукаво, быстро поменял свою на небольшой бокал. Маэстро лишь скривился негодующе, однако бурлящие в глубине души негативные эмоции не высказал.

Выпили, покурили. Помолчали. Лева сидел будто на горящих угольях; его так и подмывало дать мне пинка под зад и выпроводить восвояси.

– Что ты хотел мне сказать? – наконец не выдержал затянувшейся паузы Берман.

– А то, что двум мужикам, когда в доме находится дама, неприлично игнорировать ее присутствие. Тем более, если они пьют кофе и закусывают коньяком.

Леву, казалось, хватил удар. Он смотрел на меня, беззвучно открывая и закрывая рот, но вместо слов из его горла слышалось лишь сипение.

– Как... Откуда?.. – наконец прорвался хрип, закончившийся кашлем.

– От верблюда. – Я ухмыльнулся, довольный произведенным эффектом. – Элла! – я врубил свой голос на полную мощность. – Присоединяйтесь к нам. Здесь все свои, к чему буржуазный политес?

Она и впрямь была решительной и мужественной девушкой. Появившись на пороге кухни, Элла одарила меня ослепительной улыбкой и непринужденно уселась рядом слевой, показав мне свои ну просто офигенные ножки аж до того самого места, откуда они растут. Картина, прямо скажу, была впечатляющей. У меня даже пульс участился.

– Стас... – Я церемонно склонил голову, вызвав у Левы пароксизм ревности. – Большой поклонник ваших талантов.

Она рассмеялась – как серебро по полу рассыпала.

– Лева, он такой чудной... – Девушка прильнула к Берману так, как это умеют делать большие профессионалки.

Неужто она не участвовала в постановке на квартире Храпова и ей незнакома моя личность? В это мне почему-то верилось с трудом. Но если Элла играет, то она и впрямь очень серьезный противник, несмотря на свою женскую сущность.

– Да, ребята, я очень чудной. А сегодня ну просто записной комик. Есть предложение вмазать грамм по сто. Для хорошего разговора... – Я испытующе заглянул в черные глаза девушки.

Однако в них я прочитал лишь обычное женское кокетство и абсолютную невозмутимость. Ну и штучка...

Мы выпили и зажевали лимонными дольками. Лева сразу же задымил, как паровоз русского умельца Черепанова; Элла тоже закурила длинную и тонкую сигарету. Она все так же безмятежно смотрела на меня несколько увлажнившимися от спиртного глазами и нежно теребила остатки волос на голове Бермана.

– Что ты там трепался насчет опасности? – осторожно спросил Лева, бросив быстрый взгляд на девушку.

– Разве? – почти натурально удивился я, и заметил, как Элла, которая, похоже, не слышала наш разговор в прихожей, вдруг изменилась в лице.

– Стас, не тяни кота за хвост! – рассердился Берман. – Говори, с чем пришел, и катись. Сам видишь, – он обнял Эллу за талию, – мне не до тебя.

– А на дорожку? – Я критически посмотрел на опустевшую бутылку. – Не забывай, Лева, обычаи своей первой родины... или второй? Извини, я немного путаю грешное с праведным.

– Вот сукин сын... – Берман полез в шкафчик за доппайком. – Ты, Стас, если раскалываешь клиента, то всегда на полную катушку.

– Что, жаба задавила? – спросил я, посмеиваясь. – Или зарплату зажали? Не жмись, все там будем...

Верно говорят: не буди нечистого, когда он спит. Несмотря на то, что атмосфера вполне дружеского застолья располагала к безмятежности, все мои чувства были обострены до предела. Возможно, на меня дурно влияла сияющая, нежная дива, угнездившаяся возле размякшего от ее близости Левы. Я видел милую танцовщицу в несколько иной ипостаси, а потому все эти женские штучки с улыбочками, томными, многообещающими взглядами и ужимками на меня не действовали. Я был на охоте, притом пока не знал, кем являюсь – стрелком или дичью, а потому старался не обольщаться покоем, готовым в любой момент разбиться вдребезги как мой хрустальный бокал.

В прихожей явно кто-то был. Не знаю, каким макаром открыли замок – все было проделано совершенно бесшумно и быстро, но легкий и уже знакомый скрип входной двери подсказал мне, что на дорожку придется пить в другом месте. Если вообще придется...

Все, что я успел сделать, так это мигом вскочить и спрятаться за громоздким старинным буфетом. Лева даже не успел спросить, что стряслось, как в кухню ввалились два хмыря в масках и с "дурами" в руках. Я сразу понял, что они готовы стрелять без всякого базарвокзала, а потому буквально взорвался. Я их смел, как ураган осенние листья, и пока они, ошеломленные таким невежливым приемом, пытались встать на ноги, отмерил каждому по страшному удару; и на этот раз руку мне сдерживать почему-то не хотелось. Надоело изображать из себя кролика!

Но был и третий. Я знал о его присутствии, нутром чуял, а потому схватил со стола кухонный нож и когда он возник в дверном проеме, метнул его наугад, мысленно моля всех святых, чтобы меня не подвела моя бывшая сноровка и не приспособленных для таких кровожадных действий предмет домашнего обихода.

Мне повезло. Я попал. Правда, не совсем так, как мыслил, но все же вполне прилично.

Уже падая, этот гад нажал на спусковой крючок пистолета с глушителем и несколько хлопков, завершившихся звоном разбитого оконного стекла, возвестили нашей дружной компании о благополучном финале драмы, едва не переросшей в трагедию. Схватил пистолет, оброненный одним из налетчиков /скорее, киллеров, мелькнула в моей голове не совсем уж глупая мысль/, я выскочил в прихожую, но там больше никого не было.

Захлопнув приоткрытую дверь и задвинув засов – эх, раньше бы это сделать, когда я только пришел... – и быстро вернулся на кухню, по ходу вырубив ударом ноги живую "мишень" с ножом, торчащим из груди. Клинок вонзился неглубоко и клиент больше пострадал от шока, нежели от пореза; он сидел под стеной и всхлипывал, боясь даже двинуться. Я был уверен, что этот незадачливый мудила встанет на ноги уже завтра – естественно, при хорошем врачебном уходе.

Остальные двое меня несколько огорчили. Одному из них я по запарке, похоже, сломал хребет локтем, а второму нужен был опытный хирург, чтобы сделать пластическую операцию – его ряшка, куда попал носок моего ботинка, представляло собой кровавое бесформенное месиво.

– Встали, быстро! – скомандовал я заледеневшим Берману и Элле, превратившимся в

восковые экспонаты музея мадам Тюссо. – Соберите самое необходимое – документы, деньги, минимум шмоток – и пошли.

– К-куда? – пролепетал, заикаясь, Лева.

– Узнаешь потом. Если будешь жив. Быстрее, черт вас дерит! Ходу, ходу!

Несмотря на вполне естественный транс, собрались они довольно быстро. Я не стал закрывать входную дверь, надеясь, что это сделают незваные гости или те, кто придут за ними. В крайнем случае можно будет позвонить соседям, друзьям Берманов, чтобы они присмотрели за опустевшей квартирой. То, что Лева сможет сюда вернуться в ближайшем обозримом будущем, у меня были очень большие сомнения.

Я так и знал – они приехали на машине. И не на какой-нибудь "мазде", а на простой невзрачной "восьмерке" с битыми крыльями и номерами, привычно забрызганными грязью. И ясное дело, в тачке остался на стреме шофер. "Восьмерка" стояла возле соседнего подъезда, под деревьями, и казалась пустой. Но предательский огонек сигареты за ветровым стеклом выдал неосторожного малого со всеми потрохами.

– Тихо! – цыкнул я на свою "мобильную группу" и запихнул Леву с дамой обратно в чернильную темень подъезда.

Они молча повиновались, все еще пребывая в шоковом состоянии, а я, небрежно насвистывая, прогулочным шагом направился по дорожке прямо к машине налетчиков.

Хмырь в кабине, конечно же, насторожился. И я точно так бы сделал на его месте. Будь это в фронтовых условиях, я бы не стал рисковать. Влепить ему пулю между глаз с такого маленького расстояния было раз плюнуть – я захватил с собой один из пистолетов. Но я был не на войне и между нами стоял грозный закон, которому очень не нравится, когда простой обыватель решается защитить свою жизнь с применением оружия; пусть даже чужого и в экстремальной обстановке. А чалиться, как говаривал мой сокамерник по ИВС, старый урка Степан Ильич, за здорово живешь мне страсть как не хотелось. Одно дело кому-то поломать ребра, другое – наштамповать кучу жмуриков. И пусть это будут самые отъявленные бандиты, убийцы, все равно судебские крючкотворы закуют сумевшего возвыситься над общей серой массой смельчака в кандалы и отправят по этапу; в лучшем случае. В худшем могут подвести и под "вышку". В назидание другим. Потому что любому государству нужны законопослушные рабы – пусть их и называют гражданами – способные мыслить и действовать только по устоявшимся канонам, придуманным дрожащей за свои теплые местечка чиновной сворой, а не по велению совести и чести.

Наверное, водила вздохнул с облегчением, когда я продефилировал мимо машины и скрылся за углом дома. Но мне пришлось его крупно разочаровать: упав на землю, я попластунски подполз к "восьмерке" и, сунув руку с пистолетом в открытое окно, приставил дуло к виску раскуривающего очередную сигарету хмыря.

– Не дергайся, падло, – ласково и тихо сказал я ему и медленно открыл дверку. – Руки за голову. Молодец. А теперь медленно-медленно выходи. И без глупостей, а то я очень нервный...

Ошеломленный шофер вылез из машины и покорно лег ничком на землю. К моему удивлению, он был пустой – ни ножа, ни "пушки". Я не стал расспрашивать его, почему он пошел на дело с голыми руками, а безжалостно врубил рукояткой пистолета по стриженной башке; для науки. Не хрен водиться с дурной компанией.

Загадка раскрылась когда я сел на водительское место – на соседнем сидении лежало помповое ружье солидного калибра с укороченным прикладом. Хороший мальчик, подумал я,

запуская мотор. Шмальни он в меня из этой гаубицы, от Стаса Сильверстова осталась бы одна голая задница, которая с криком "алаверды!" чесала бы по инерции железнодорожными путями до самого Владивостока.

– Такси подано! – заявил я томящейся в неведении "сладкой" парочке. – Поторопитесь, сэр.

И вы, мадам, тоже. Нас тут не любят, а потому мы отбываем в Рио-де-Жанейро.

– Куда!? – с надрывом спросил совсем офигевший от нежданного приключения Лева.

– Туда, где сотни мулатов в белых штанах гуляют по золотым песчаным пляжам и пьют самый лучший в мире ром.

Наученный горьким опытом с нашим "жигулем", я не хотел им что-либо объяснять.

Придет время – сами все увидят и узнают.

Только родившаяся ночь приняла нас в свои объятия и мы помчались вместе с нею навстречу загорающим звездам. Нервное напряжение прошло свой пик и упало даже ниже нуля. Каждый из нас был расслаблен и пребывал в непередаваемо-прекрасном блаженстве. Так бывает всегда, когда черные крылья смерти лишь овеют ваше лицо и унесутся вдаль искать другой объект своих мрачных вожелений.

Глава 18. УБЕЖИЩЕ

Я вез их к своему родному деду Артему. Он жил один в добротном деревенском доме и пока пребывал в добром здравии, хотя ему и стукнуло семьдесят с хвостиком.

Дед был еще тот тип. Он пережил двух жен и любовницу, и теперь, насколько я знал, накидывал глазом на одну молоденькую /по сравнению с ним/ вдовушку. В начале этой эпопеи она была вроде и не против нового семейного очага /больше по причине материальной выгоды, нежели из-за внезапно вспыхнувшей любви/, однако для понта решила немного поломаться – чтобы набить себе цену. Но тут дед как бы прозрел к старости и не стал бросаться, сломя голову, в очередной омут. Короче говоря, пошел обратный процесс, и безутешная вдова, получив нежданный облом, бросилась штурмовать деда по всем правилам женского военного искусства. Она обихаживала его так и эдак, но Артем Тарасович стоял насмерть и отделялся философскими фразами о смысле бытия и приводил ей выдержки из классиков, ярых противников семейной жизни – несмотря на свою деревенскую сущность, дед был грамотным, начитанным человеком. Вдова ревела белугой в своем законном поместье и клялась подругам, что если сойдется с дедом, то на следующий же день утопит его в проруби или закопает живьем.

Когда мы подъехали к дому деда, почти вся деревня уже спала. Но в окнах моего будущего наследства свет еще горел – Артем Тарасович обычно ложился спать поздно, а вставал с первыми петухами. Как-то в порыве благородства дед составил завещание, где указал меня своим преемником на тернистой деревенской ниве. Я тогда лишь посмеивался с его блажи, но теперь мое мнение в связи с последними событиями начало колебаться.

Лучше быть бедным крестьянином, чем богатым покойником...

– Ты чего так поздно? – начал было бурчать дед, но затем крепко обнял и поцеловал, пустив старческую слезу.

Раньше он меня особо не баловал любовью и вниманием, но с годами его привязанность ко мне начала расти в геометрической прогрессии.

– Деда, мне нужно на время спрятать моих друзей, – не стал я кривить душой и плести ему небылицы. – Тут у тебя тихо и спокойно, пусть поживут неделю-другую.

– Еврей? – спросил он, присмотревшись к Берману.

– А что такое!? – взбурлил Лева, усмотрев в вопросе антисемитскую направленность.

– Станька, неужто новая власть преследует евреев? – Дед сокрушенно покачал головой и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Ладно, пусть обустроиваются. В войну их спасали, хоть фриц и дюже лютовал, и нынче как-нибудь справимся с задачей...

В годы войны прабабка и впрямь приютила еврейскую семью и прятала ее до самого прихода наших. В начале семидесятых они выехали в Израиль и с той поры постоянно присылали в деревню посылки, чем вызывали немалый ажиотаж как среди односельчан деда, так и в среде сотрудников комитета госбезопасности, усматривавших в благодарности спасенных некий антисоветский подтекст. Артема Тарасовича вызывали в "контору" раз двадцать, но он был еще упрямей меня и наотрез отказался устроить отлуп своим старым друзьям. В общем ему было плевать на посылки – с материальной точки зрения – но он считал, что негоже обижать людей, которые действуют от чистого сердца.

В конце концов от деда отстали – что возьмешь с забитого крестьянина? Сажать его было не за что – дед Артем числился в передовиках и даже был представлен к ордену, который ему так и не дали; похоже, тут подсуетилась "контора" в отместку за строптивость. А к политике он относился равнодушно и благоразумно держал язык за зубами, хотя к нему косяками ходили деревенские сексоты, чтобы за бутылкой раскрутить его на откровенность. Но хитрый дед с удовольствием пил чужую казенку – хотя любил самогон собственного изготовления – и вешал тайным помощникам гэбистов лапшу на уши, рассказывая о своих успехах на любовном фронте и на рыбалке; и не более того. Притом старался не оставаться с этими проходимцами наедине – во избежание наговора – и обычно звал к столу всех соседей мужского пола.

– Станька, как насчет?.. – Дед выразительно щелкнул себя пальцем по горлу.

Мы еще не успели умыться с дороги, как он уже приготовил ужин. Не без задней мысли, я попросил Эллу накрыть на стол. Она с радостью согласилась.

– Дед, ну зачем спрашивать? Тащи. Только ту самую, заговоренную.

Артем Тарасович, единственный из всей нашей небольшой семьи, называл меня Станькой.

С самого детства. Его пытались наставить на "путь истинный", указывая на неблагозвучность производной от моего официального имени, но упрямец даже ухом не вел. Мне поначалу тоже не нравилась такая интерпретация – это когда я начал самостоятельно мыслить – но впоследствии до меня дошло, что дед просто наслаждается произношением уменьшительно-ласкательного имени и вкладывает в него всю свою любовь и привязанность к внуку. И теперь, когда он называл меня Станькой, в моей душе расцветал благоухающий букет нежности к этому в общем-то суровому нелюдимому старику, а затем подкатывал к горлу ком, когда я вдруг вспоминал сколько ему лет и что вскорости может наступить момент нашего последнего прощания.

Бутыль, которую принес дед, оказалась запыленной и в паутине. Это была самая настоящая водка – немного похожая по вкусу на первоклассное виски – изготовленная Артемом Тарасовичем по старинному рецепту. Он держал ее только для особых случаев.

В производстве этой оригинальной водки, как ни странно, главным компонентом был заговор. Дед закрывался в каморке и часа два что-то шептал над бродильным чаном, делая руками шаманские пассы – это я подсмотрел в отверстие, просверленное мною в потолке.

Во время "сухого" закона, последней отрыжки подыхающего в конвульсиях развитого социализма, ушлые соседи все-таки выманили у деда Артема рецепт этой поистине "огненной воды", но как они не изощрялись, а достичь при большой крепости удивительной мягкости оригинального самопального продукта так и не смогли. Дед пытался и мне передать свои знания по части самогонварения, но учеником я оказался никудышным, хотя записи его "лекций" сохранил. Из них я вычитал, что для производства "заговоренной" водки требуется не менее двух десятков лечебных трав, древесный уголь, дубовые опилки, особая вода, которая была только в нашей кринице на огороде, жженный сахар, заморские специи, дрожжи с хмелем и... некая молитва почти в стихах, обращенная неизвестно к кому. Когда я пробовал удивительный напиток в последний раз, то дал себе клятву, что когда пойду на пенсию, обязательно продолжу семейную традицию – буду производить эту поистине царскую водку, но только для друзей.

Наш поздний ужин, больше похожий на очень ранний завтрак, прошел в сдержанной обстановке. Дед, большой знаток человеческих душ, мудро помалкивал, а Лева и Элла, все еще не пришедшие в себя от переживаний, и вовсе не были расположены к легкомысленному трепу, обычно царящему во время застолья с выпивкой. Но на "заговоренную" водку они налегли с такой страстью, что у Артема Тарасовича глаза полезли на лоб. Дед хотел было их предупредить о ее коварстве, но я сделал знак, чтобы он воздержался от замечаний. Я знал, что эта водка развязывает язык почище специальных химических препаратов, используемых при допросах во вражеском тылу. А это было мне на руку.

Дед постелил гостям в разных спальнях, но они располагались рядом. Наш большой рубленый дом, несмотря на внешне абсолютно деревенский вид, тем не менее был построен как нынешние дачи – с удобствами внутри и даже некоторым комфортом. Артем Тарасович полжизни проработал механиком МТС, а затем, уже будучи на пенсии, нанялся в строительную организацию, занимавшуюся возведением особняков и коттеджей. Там он был и слесарем, и сварщиком, и автомехаником – короче говоря, мастером на все руки и все случаи производственной жизни. Оттуда дед и вынес некоторые познания в архитектуре и проектировании жилых домов. Когда организация после очередной девальвации дензнаков развалилась, он остался без работы, а так как сидеть без кагонибудь дела ему было невозможно, дед, не долго думая, занялся перестройкой собственного дома. Он убрал ненужные перегородки, добавил новые, соорудил мансарду, поставил котел на мазуте и смонтировал первоклассную отопительную систему. Дед в своем рационализаторстве дошел до невиданного в деревне – он пробурил скважину, провел в дом водопровод и оборудовал в нем туалет и ванную. И, ясное дело, после этого стал самым видным женихом среди холостых односельчан.

– А теперь нам пора поговорить, – сказал я очень серьезно, когда мы остались втроем – я, Лева и заблудшая душа по имени Элла.

– Я ничего не понимаю... – немного заплетающимся языком сказал Берман и обхватил голову руками. – Эти бандиты в масках... пистолеты... Почему!?

– У нас есть ответ. Прямой и однозначный. – Я жестко посмотрел в глаза Эллы. – Мадам, вам пора расколоться. Если вы водите за нос этого лопуха, – я обличающим жестом указал на Леву, – то со мной такой номер не катит.

– Как ты смеешь!? – задохнулся в праведном гневе Лева.

– Еще как смею, – ответил я с гнусной ухмылочкой. – На мою жизнь за последний месяц

столько раз покушались, что я уже сбился со счета. А потому я имею полное право узнать хотя бы кусочек правды. И именно от вас, несравненная.

– Лева, что ему от меня нужно? – с растерянным видом спросила Элла.

Нет, ну меня эта женская непосредственность, которой наши подруги маскируют патологическую лживость, просто умиляет!

– Красавица, не нужно нам ля-ля, – отрезал я грубо и нагло. – Если не хочешь понимать меня по хорошему, я могу и не спрашивать. Но тогда завтра вы отсюда съедете, а я пойду в ближайшую церковь и поставлю свечи за упокой ваших грешных душ. Самые толстые и дорогие, какие только есть, можете не сомневаться. Не думаю, что вам позволят ходить на этой земле больше суток. Адью, господа. Спите спокойно, дорогие друзья.

– Стас! – возопил Берман, перепуганный моим, никогда прежде неслыханным, дерзким выступлением. – погоди! Объясни, в чем дело... – Он смотрел на меня с мольбой.

Я взглянул на Эллу. Теперь в ее глазах засветилось упрямство – до нее уже начала доходить моя игра. Свои полные розовые губы она сжала так плотно, что они превратились в очень тонкие бледные полоски. Ладно, твоя взяла, краля, я тебе помогу.

– Не знаю, что она тебе плела, окопавшись в твоей квартире, но эта милая девушка замочила небезызвестного нам обоим Храпова. Треснула по башке статуэткой – и все дела.

Причем даже не один, а два раза. Для верности. Как по мне, так этот гад заслужил и большего – например, четвертования – но зачем нас подставлять? Пардон, тебя, Лева – я в эту молотилку попал почти случайно.

– Элин, это... правда!? – У Левы отвисла челюсть от изумления. /Ни фига себе – Элин... С этими интеллектуалами, бля, не соскучишься. Даже мой дедфантазер до такого классного имечка не додумался бы./ Ну, конечно, я так и знал... Элла ударилась в бурные слезы, являющиеся самым опасным оружием для недалеких лохов, Лева, естественно, начал ее утешать, предлагая свой носовой платок и стакан воды, а я, как древний сфинкс, гордо возвышался над этим бардаком, дожидаясь, пока не закончится соленый ливень. Мы и не такое видали...

Наконец запас слякоти исчерпался, Лева, как может только мужчина, размазал остатки макияжа по лицу Элин – тху, твою дивизию! – и она обрела способность связно говорить и излагать то, что у слабой половины рода человеческого называется мыслями.

– Я не хотела... – всхлипывая, начала она свою исповедь. – Он ударил меня... он бы меня убил! Я знаю его... Знала, – поправилась танцовщица. – Это настоящий зверь – хладнокровный и жестокий. Он меня просто терроризировал. Я не помню... как это все случилось. Я ничего не помню!

– Зато я все хорошо запомнил...

Я встал и потянулся. Несмотря на усталость, спать мне не хотелось. Но мне предстояла длинная дорога и выехать из деревни я должен был до рассвета. Так что у меня на сон оставалось всего ничего, не более двух часов. И если этот базар-вокзал затянется, то я рискую сломать себе шею, свалившись сонный вместе с машиной в какой-нибудь овраг.

Что ж, придется форсировать события.

– Вы, милочка, шандарахнули хахалю по кумполу, проломили ему череп, а затем, позвонив своим приятелям /а их у вас хватает/, устроили китайский цирк с болванчиком в виде бездыханного Стаса Сильверстова. – Я церемонно поклонился. – Дико извиняюсь, что

нечаянно разрушил всю вашу постановку. Особенно прекрасной была сервировка стола.

Только не говори, подруга, что твоим духом там и не пахло! Так накрыть стол могла только женщина, при этом обладающая очень недурным вкусом. Я специально попросил тебя помочь деду оформить наше застолье. Он человек простой, в этикете ни буб-бум. А ты все сделала классно. И точно так, как было на хазе Храпова. Возразите, мадам, если сможете.

– Элин... – Берман смотрел на свою пассию с ужасом. – Это... правда!?

– Господи! – Она закрыла лицо руками и попыталась выдавить слезу; но это ей не удалось, и Элла, бледная от внутреннего напряжения, с вызовом ответила: – Да, я это сделала. Лева, у меня не было иного выбора. Меня заставили! Но я не знала, что он твой друг.

– Оправдание, достойное Макиавелли. Сей господин с раздвоенным змеиным языком, скорее всего нашей даме неизвестен, но тебе, Лева, интеллигенту по крайней мере в третьем поколении, он хорошо знаком. Это я сказал для того, чтобы подвести черту под прениями.

– Как ты могла?.. – Лева страдал, а "заговоренная" водка вышибала пьяную слезу. – Как ты могла... так... Со мной!?

– Повторяю – у меня не было выбора. – Теперь танцовщица стала такой, какой я запомнил ее, глядя в окно квартиры Храпова – решительной, непримиримой и отважной. – Он мог меня убить.

– Выбор, милочка, всегда есть. Только нужно делать его вовремя. – Я говорил менторским тоном. – Не свяжись ты с Храповым и его компанией, мы сейчас бы пили шампанское в дружеской компании и рассказывали анекдоты. Но теперь, увы, нам приходится говорить о мрачных, опасных вещах.

– Что мне делать? – спросила Элла, не обращая ни малейшего внимания на хныкающего Бермана.

– Во-первых, рассказать мне всю правду. Подчеркиваю – всю. А потом решим.

– Но я уже все сказала...

– Милочка, я похож на лоха? Верно – не очень. Тебе Лева говорил, где и кем я работаю?

Нет? Не пугайся, я не мент, а всего лишь частный детектив...

Только сейчас я понял, что мне очень приятно выговаривать эти слова. Частный детектив!

Читая книги, в детства я часто фантазировал, представляя себя в такой ипостаси, но тогда у меня даже в мыслях не было, что когда-то на самом деле я буду распутывать сложные узлы преступлений и участвовать в событиях не как читатель или зритель, а как главное действующее лицо. Нет, жизнь все-таки чертовски интересная штука.

– Это означает, что мною руководит отнюдь не примитивный интерес к трагическим событиям или просто желание помочь старому приятелю, – продолжал я свои выкладки. – Я работаю, дорогая. И мне известно об этом деле гораздо больше, чем ты думаешь. Но я хочу знать всю подноготную. И ты мне ее расскажешь. Потому что тебе деваться некуда.

"Мокруха" – это не шутки. А если учесть, что на твой след спустили псов-людоедов, то я и вовсе тебе не завидую. Решай. И побыстрее – времени у меня в обрез.

Наверное, с Эллой еще никто не говорил так грубо и напористо. Возможно, за исключением Храпова. Но он получил достойный "ответ". В ее взгляде я читал готовность сожрать меня с

потрохами. Однако я не отвел глаз, смотрел на нее как на подопытного кролика – хладнокровно и оценивающее.

Она сдалась. Не без внутренней борьбы, но – сдалась. Мне уже был знаком такой тип людей современной формации. Их еще называют новое поколение. Прагматики до мозга костей, они за деньги готовы пойти на что угодно. Ни своего не отдадут, ни чужого не упустят.

– Все началось года два назад... – Она говорила глухо, будто выдавливая слова. – Я познакомилась с Храповым совершенно случайно, на одной вечеринке. Он был любезен – не более того. Дарил цветы, духи... и разные мелочи. В этом не было ничего необычного, все наши девушки из танцевального коллектива пользуются повышенным вниманием клиентов ресторана. Но однажды он предложил мне поучаствовать в бизнесе. В нем не было ничего криминального – по крайней мере, я так поначалу думала – и я согласилась... – Элла прикусила губу, а по ее лицу пошли красные пятна.

– Принести воды? – спросил я заботливо.

– Не нужно... – Она глубоко вздохнула и продолжила свой рассказ-исповедь: – Не секрет, что сейчас многие девушки стремятся уехать за рубеж – или на работу, или для того, чтобы выйти замуж за иностранца. У Храпова возникла идея заработать на этом большие деньги. Для этого я должна была искать подходящие кандидатуры. Требования он выставлял строгие – рост, вес, красота, молодость – девочки должны быть не старше двадцати двух лет. Я знала многих – школа и хореографическое училище, где мне довелось заниматься, танцевальные группы и просто обширный круг общения – потому мои функции не показались мне чересчур обременительными. Поначалу все шло как по маслу. Я находила нужную девушку, иногда приходилось ее уговаривать, но мне почемуто верили и вскоре заключался контракт. Все было в рамках закона – мне так казалось.

Впрочем, деньги я получала за посредничество немалые и это приспало мою бдительность...

– Да, "зелень" кому хочешь мозги закомпостирует, – заметил я философски. – Не ты первая, не ты последняя.

– Совсем недавно – месяца два назад – ко мне пришла мать одной из девушек, которых я завербовала. Что мне довелось выслушать... – Она горестно всхлипнула. – Ее дочь погибла.

Вернее – ее убили. Оказывается, девушку сдали в какой-то турецкий бордель, она попыталась сбежать, ну и... Но незадолго до смерти девушке удалось через "челноков" передать домой письмо, где она подробно описала все свои приключения. Мать, продав квартиру, на вырученные деньги поехала в Турцию, однако привезла оттуда лишь страшное известие... Она не успела... Я доказывала ей, что девушка по контракту должна была ехать в Америку, и я понятия не имею, почему она оказалась совсем не там, где нужно. Но мои слова были для несчастной матери очень слабым утешением.

– И тогда ты насела на Храпова, – высказал я предположение.

– Да. Правда, перед этим я попыталась разузнать о судьбе остальных девушек, которые прошли через мои руки. К сожалению, мне мало что удалось. Но я все равно разыскала следы двоих. К моему ужасу они тоже... тоже оказались проститутками. Их продали в Арабские Эмираты. Продали!

– Жадность фраеров всегда губит, – сказал я назидательно. – Женщин тоже. Даже в большей степени. Примеров тому – не счесть. Не хрен было им ехать за тысячи верст киселя хлебать. Но ты тоже хороша. Запудрила мозги юным дурочкам – и вот результат.

– Я не знала! Я ничего не знала!

– Да ладно тебе... – Я скептически ухмыльнулся. – Ах, какие мы наивные. Ни газет не читаем, ни кино не смотрим. Просто тундра не огороженная. Все тебе было известно, дорогуша. Возможно, не до конца, но то, что девушек везли за бугор вовсе не для того, чтобы одеть в подвенечные платья, об этом ты знала наверняка. Тебя просто охватил мандраж, потому что женщина, мать убитой девушки, скорее всего, пригрозила судебным преследованием вашей так называемой "фирме". И тебе – в частности. Скажи, что я не прав?

– В какой-то мере... – Элла была бледна как мертвец. – Я себя ненавижу! Дура, дура!

– И я почему-то уверен, что твоя ссора с Храповым на хазе как-то связана с ее угрозами. – Догадка вдруг пронзила меня с головы до ног, как молния. – Я так думаю, что с женщиной произошел "несчастный" случай.

– Как... откуда?.. – Элла едва не потеряла сознание.

Лева, совершенно невменяемый от признаний своей возлюбленной, бестолково засуетился, пытаясь ей помочь, но она сама справилась с временным недомоганием и решительно его оттолкнула.

– Ее сбила машина, – сказала Элла. – Водитель с места происшествия скрылся...

– А тачка была ворованная, – закончил я ее мысль.

– Верно. Я рассказала Храпову о письме девушки и о том, что мать хочет заявить на нас в правоохранительные органы, а на следующий день... она погибла. Я не была уверена в причастности Храпова к наезду на женщину, но когда ночью после работы приехала к нему, чтобы окончательно прояснить наши отношения, он сам мне об этом сказал.

Мерзавец! Ублюдок! – Она вся тряслась от злости и возбуждения.

– Тогда ты заявила, что не можешь с этим мириться и хочешь отойти от дел, – подсказал я, внимательно наблюдая за ее реакцией на мои слова. – Я почему-то не думаю, что у тебя хватило смелости даже намекнуть Храпову на возможность твоих контактов с милицией.

– А разве я могла поступить иначе? За Храповым стоит организация, и они не задумываясь отправят меня на тот свет, если я надумаю даже слово лишнее сказать.

– Вот подтверждение моих выводов. Ты знала, что работаешь на организацию, которая не гнушается никакими методами для достижения своих целей. И знала, что твои комиссионные дурно пахнут. Между прочим, такая организация называется мафией. Это если до тебя еще до сих пор не дошло.

– Господи... – простонала Элла, закрыв лицо руками. – Я пропала...

– И давно, – подтвердил я ее слова. – Но безвыходных положений не бывает. Так что продолжай рассказывать. Может мы вместе и найдем светлое окошко в этом сплошном мраке.

– Когда я высказала Храпову все, что о нем думаю, он меня ударил. Я ответила ему пощечиной. Тогда он начал обзывать меня разными словами и сказал, что выход из организации у меня лишь один – через трубу... Дальнейшее я помню смутно. Знаю лишь, что я опять сказала ему что-то очень обидное, он снова ударил меня, на этот раз кулаком, изо всей силы, а потом... Потом сплошной черный провал... Наверное, я просто сошла с ума... Когда я очнулась от транса, Храпов уже был мертв...

– Дальше, дальше... – в нетерпении подгонял я девушку – мне безумно хотелось побыстрее узнать, кто споровил сценку моей "драки" с Храповым.

– Несмотря на то, что у Храпова был мобильный телефон, я в горячке выбежала на улицу и позвонила с автомата его помощнику. Он жил рядом, а потому прибежал минут через пять. Когда спустя некоторое время он позвал меня и я вошла в квартиру... – Она замялась.

– То увидела меня. В полной отключке, – подсказал я зло.

– Да... – Элла старалась не смотреть мне в глаза. – Он чем-то ударил вас по голове...

– Понятно. И под каким соусом ты представила этому помощнику убийство шефа?

– Я сказала... – танцовщица вдруг покраснела. – Я сказала, что когда приехала на его вызов, дверь квартиры была не заперта, а Храпов...

– Понятно. Но почему ты вообще вызвала помощника? Могла ведь преспокойно уехать домой и никакая собака не отыскала бы твой след.

– Нет, не могла. Помощник знал, что я должна в эту ночь быть у Храпова. С отчетом. Он не мог появляться на людях, а потому я и другие согласно графика приезжали на эту квартиру, чтобы доложить ему о состоянии дел.

– Оказывается, этот Храпов был очень трудолюбивым человеком. Пахал даже по ночам, – не удержался я от едкого замечания. – Ну, а что дальше? Кто выдвинул идею с подставой?

Неужто помощник?

В моем голосе было столько яда, что Эллу снова начала бить крупная дрожь.

– Это я... Но я ведь не знала, кто вы!

– Извинения принимаются. Должен заметить, что все было сработано на достаточно высоком уровне. А кто позвонил в милицию?

– Пришлось мне... Я симитировала старушечий голос, назвала адрес...

– И вы с помощником Храпова благополучно разбежались...

– Я уехала, а он остался понаблюдать за дальнейшим развитием событий.

– Он был один?

– Нет. К нему присоединился "боец", как он его называл. Тот тоже живет в соседнем доме.

Так, так... Значит, теперь моя совесть чиста. Похоже, я и впрямь налетел на засаду под балконом. А этот помощник Храпова – большой хитрец. И очень предусмотрителен.

"Курильщики" хреновы... Между прочим, очень толково придумано: сидим, курим, болтаем, и вдруг с балкона прыгает человек. Подумали, что вор, повязали и сдали милиции. А он оказался убийцей, что доказывают следы в квартире. В итоге – честь и хвала законопослушным гражданам, добровольным помощникам правоохранительных органов. Весьма неплохо задумано, если бы не одно "но" – клиент оказался больно кусачий. Вместо приветствия, ребра, гад невежливый, поломал...

– В общем, картина несколько прояснилась. Дальнейшее несложно и додумать. – Я посмотрел на часы и тяжело вздохнул – похоже, прилечь мне уже не удастся; ну да ладно, мы привычные. – Помощник доложил о происшествии боссам, те сразу уловили некоторые

несообразности в его объяснениях и решили допросить тебя с пристрастием...

Тем более, подумал я, что помощник, естественно, описал мою внешность, а так как она в последнее время стала весьма "авторитетной" в некоторых кругах, мафиозные воротилы забеспокоились всерьез. Ведь я шел по горячему следу, а значит они не исключали вариант нашего с Эллой сотрудничества. Квартирка-то была конспиративной и о ней мало кто знал.

– Масла в огонь подлило еще и то, что ты перестала появляться дома и на работе, – продолжил я. – Это было очень неразумно. Хотя... – Я пожал плечами. – Все равно они за тебя, милочка, взялись бы всерьез.

– Я очень испугалась. Меня преследовали кошмары, я думала, что сойду с ума.

– Нас хотели убить! – наконец прорвало и Леву.

– Ну, предположим, это пока не факт. Тебя – возможно, ее – трудно сказать... Но, скорее всего, приговор ей уже подписан. А это значит, что будут подчищать и ее контакты.

– Что значит – подчищать? – Лева недоуменно хлопал длинными ресницами.

– "Зачистка" – это, брат, такое мероприятие, когда убирают свидетелей. И истинных, и мнимых – на всякий случай. Безопасность фирмы должна быть железной. Такие вот дела, птенчики.

– Так что же нам тогда делать!? – в отчаянии воскликнул Берман.

– Уповать на всевышнего. И молиться за мою удачу. Она теперь и ваша. Ладно, поговорили – и будет. Элла, вот тебе бумага и авторучка, напиши как было. И в квартире Храпова, и чем занималась "фирма", в которой ты работала. Изложи все в форме заявления в органы. Скажем, в городское управление милиции – я знаю фамилию их начальника.

– Зачем!? Ведь это... – Танцовщица снова стала как с креста снятая – бледная до синевы.

– Явка с повинной? Конечно. Но не сегодня и не завтра. Это на всякий случай. Страховка.

Пока у тебя есть отмазка: скрывалась от бандитов, даже позвонить было неоткуда. Станет это дело "глухарем" – тогда бумагу в огонь, а сама с милым другом в Израиль. Ты не против, Лева? Конечно, нет. А про Храпова забудь – этого ублюдка давно могила ждала.

Туда ему и дорога.

Я, понятное дело, не стал сообщать им об истинной причине моего требования по поводу написания заявления. Мне эта бумага была нужна как воздух. Ведь именно я оказался в квартире Храпова в очень неподходящее время и именно на мне пока висело обвинение в убийстве. А чалиться за других – увольте. Своя рубаха ближе к телу...

Провожая меня, дед Артем бурчал:

– Вот так завсегда: явился, как красное солнышко в зимний день на несколько часов – и унесся перекасти-полем. И в кого ты такой непоседливый удался?

– Артем Тарасыч, дорогой мой, я так тебя люблю и так скучаю по тебе... – Я обнял деда. – Но жизнь вносит свои коррективы. Надо. Обещаю приехать зимой на охоту. На целую неделю. Да что там обещаю – клянусь... – И подумал: "Если жив буду..." Дед крякнул в досаде и поцеловал меня по русскому обычаю – троекратно. Удивительно, но он очень любил, когда я кликал его по имени-отчеству. Наверное, ему казалось, что таким макаром я проявляю к нему не только родственные чувства, но и огромное уважение – как к патриарху нашего рода.

Впрочем, так оно и было.

– Деда, эту "дуру" дарю тебе на память. Только людям ее не показывай. – Я вручил ему помповое ружье, которое изъял их обращения вместе с "восьмеркой", и патроны. – И еще одно: вдруг здесь появятся нехорошие люди – стреляй, долго не раздумывая. Они ни тебя, ни моих друзей не пощадят.

– Станька, ужель так все сурьезно?

– Еще как серьезно. Ну, ничего, прорвемся. Из дому выпускай их только вечером, по темноте. И проследи, чтобы даже соседи их не видели.

– Это можно. Не впервой...

"Восьмерка" пожирала шоссе как мифический дракон. Только начало светать, дороги были еще пусты, и я гнал, словно сумасшедший. Мне край нужно было посоветоваться с Платом. События нарастали словно катящийся с Эвереста снежный ком, и я очень боялся, что он погребет под собой и меня, и Леву с Эллой, и наше О.С.А.

Вдогонку мне летел розовый прозрачный рассвет.

Глава 19. ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ

Я успел вовремя. На часах была половина десятого, когда я, с воспаленными от бессонницы глазами, ввалился в нашу контору. "Восьмерку" мне пришлось отогнать на противоположный конец города, где я ее и оставил, припарковав среди двух десятков машин, стоящих возле какого-то завода, а сам добрался на работу на перекладных – автобусом и двумя трамваями.

Плат, красный от злости, едва меня не съел.

– Где тебя нечистый носит!?! – набросился он, едва я переступил через порог. – Не мог позвонить и предупредить!?

– Не мог! – огрызнулся я и плюхнулся на диван. – Кофе... Чашечку кофе... Марк, ты меня слышишь!?

– Я тебе что, половой!?! – Маркузик выскочил из своей кельи с воинственным видом. – Поддай, принеси, чего изволите-с... Совсем оборзел.

Плат вдруг успокоился. Он смотрел на меня с тревогой и пониманием. Мы так хорошо изучили друг друга, что нам не нужно было лишних слов. Видимо, Серега сообразил, что я не просто где-то болтался, а явился с очень важными новостями.

Я поднял на него глаза и кивнул. Плат остро взглянул на злого, как черт, Марка, строго сдвинул брови и тихо пощелкал пальцами. Тот недоуменно прищурился, но тут же, сообразив, что хочет сказать Серега, поторопился вернуться в лабораторию и спустя несколько секунд принес свою "глушилку".

Я заговорил лишь тогда, когда на панели миниатюрного электронного генератора зажглась зеленая лампочка и раздался едва слышный зудящий звук.

– У нас опять серьезная проблема. А ты, – обратился я к Марику, – кофе мне все-таки сварь. Свой, фирменный. Будь добр. За мною не залежится. Я бодрствовал всю ночь.

– Это на тебя так похоже... – иронично ухмыльнулся Маркузик. – Небось, надрызгался и закадрил новенькую?

– Чья бы корова мычала... – буркнул я и тряхнул головой, прогоняя сонную одурь.

– Так что там у тебя за новость? – нетерпеливо спросил Плат.

– Как тебе сказать... В общем, ничего из ряда вон выходящего. Просто меня в очередной раз намеревались грохнуть. Правда, на этот раз не одного, а вместе с компанией. Хоть какое-то разнообразие.

– Он всегда лезет туда, куда его не просят, – не преминул встрять в разговор наш гений. – Почему со мной не случаются всякие истории? Или с Платом?

– За исключением того момента, когда тебе дали по башке в собственной лаборатории, – с ехидством парировал я выпад Марка. – Нынче даже днем ходить по улицам опасно, а наша работа предполагает сплошные сумерки. Частный детектив – это ночное животное. К сожалению, беззубое. Вот ему и достается на орехи. Это я к тому, что в нашем агентстве все как в сказке про мужика и медведя: одному достаются вершки, а другому – несъедобные корешки. Кто-то сидит в тепле и довольствии, а кто бегаёт как отвязанный лось.

– Ну, заплакал... – Марк демонстративно хлопнул дверью и скрылся в лаборатории.

Но уже через несколько секунд я услышал вой кофемолки.

– Рассказывай, – решительно потребовал Плат, которому моя перепалка с Марком была как кость в горле.

Я сделал доклад по всей форме, не упустив ни малейшей детали.

– Верно говорил Марк, что ты вечно куда-нибудь вляпаешься, – резюмировал мое повествование рассерженный Плат.

– Между прочим, Леву я пошел навестить с твоего согласия, – не без удовольствия напомнил я Сереге о том, что фактически выполнял его указания.

– Но идея-то была твоя.

– Не придирайся. Подумаешь, еще одних козлов научил хорошим манерам. Не хрен без стука врывать в дом, когда хозяева ужинают. Кто знал, что на эту длинноногую телку устроена облава и что она скрывается у Бермана?

– Ты. И попробуй мне возразить.

– Предположим, я не знал, а всего лишь догадывался. За тем и заявился к Лева, чтобы подтвердить или опровергнуть свои подозрения. Моей вины в том, что мафиози оказались весьма сообразительными, нет. А если бы я опоздал или вообще не пришел? Представь себе – две невинные убиенные души на моей совести.

– Герой... – Марк принес большую чашку кофе и пряники. – Великий человеколюб.

Защитник всех обиженных и угнетенных. А о нас ты подумал!?

– Ну заладил... Причем здесь вы? По-моему, в основном страдает моя задница. Мне и ответ держать, случись чего. Разве я против? Я уже привык ходить в козлах отпущения. С самого детства. Это я напоминаю, если у тебя память стала короткой.

– Кончайте пикироваться. – Плат задумчиво потер виски. – Вместе прыгнули в омут, вместе

будем и выплывать. Сильвер проделал большой объем работы, нужно отдать ему должное... /Слава Богу, наконец дождался похвалы! Ах, как я рад. Может, мне от умиления стоит прослезиться? Да пошли вы все!.. Мне бы сейчас рюмашку – и поспать минут шестьсот./ – Но как быть с новыми обстоятельствами? – между тем продолжал начальственным тоном Плат.

– А никак, – отрезал я. – Пусть они, эти самые обстоятельства, варятся в собственном соку.

Главное в другом – нужно каким-то образом вывести из-под удара Бермана и несравненную Элин.

– Ты с ума сошел! На этой телке висит труп, ей прямая дорожка не в Израиль, как мыслит твой маэстро, а в каталажку. Если, конечно, суд не примет во внимание смягчающие обстоятельства.

– Какие смягчающие!? – снова возник Маркузик; оказывается, несмотря на занятость в сфере обслуживания, краем уха он слушал и наши переговоры. – Сажать таких нужно.

Сажать! Она замазана по самые уши. Прошмандовка коцаная...

– Что я слышу? Куда катится интеллигенция? – Я заржал. – Плат, наш Эйнштейн выражается как бомж. Марик, ей Богу, расскажу твоей мамаше. Пусть она тебя в угол на горох поставит. А то все -Сильвер такой, Сильвер эдакий...

– С кем поведешься, от того и наберешься, – огрызнулся Марк. – Все равно вы меня не переубедите. Пусть этой Эллой занимается милиция.

– Экий вы законник, батенька... – Я посуровел. – Значит, ты хочешь сдать своего старого друга Стаса Сильверстова со всеми потрохами?

– Почему сдать? – удивился Маркузик. – Ты ни в чем не замешан.

– Раньше в уголовном кодексе была статья о дононительстве. Слыхал? Так она там и сейчас присутствует, правда, в несколько ином виде. Я, как законопослушный гражданин, обязан был сообщить органам о случившемся на хазе Храпова. А потом, уже вдогонку, рассказать еще и о тех трех хмырях, что ввалились в квартиру Бермана. Между прочим, одного я слегка ножичком кухонным порезал. Так, самую малость. Что вины с меня не снимает. Мечтаешь мне передачи носить в тюрьму? Так это запросто. Ты только скажи, и я сдамся ментам. Чтобы угодить другу, ничего не жалко. Только потом вы меня оттуда и танком не вытащите. Вот такие пироги, ваше светлейшество.

– Сильвер прав, – вступился за меня Плат. – Сдавать его уголовке нельзя. Иначе ему, с помощью наших, пока неизвестных, "друзей", навесят еще что-нибудь. И тогда точно какюк. Ну, а что ты предлагаешь? – обратился он ко мне.

– Ты у нас голова, тебе и решать, – ответил я с досадой.

– А все-таки? Только не строй из себя обиженного. Твои похождения втянули всех нас в такую молотилку, что у меня голова кругом идет.

– Неужто ты, затеяв сыскное агентство, надеялся зарабатывать деньги задницей? С твоим-то ментовским опытом... Не разбив яйцо, яичницу не приготовишь. По-моему, я уже говорил об этом. А может и не я – не суть важно. Главное в другом – мы наконец разворошили осиное гнездо и теперь нужно лишь добавит дымку, чтобы окончательно выкурить этих зловредных насекомых. И в этом случае, надеюсь, под шумок мы доберемся и до похитителей Кристины. А может и ее найдем. Вот так.

– Ты уверен, что мы на правильном пути?

Вопрос застал меня врасплох. Я уже не раз думал об этом и все чаще и чаще сомнения нарушали мое душевное равновесие. А вдруг и впрямь мы ошибаемся? Да, возможно, Храпов и компания, а также те, кто стояли над ними, занимаются похищением детей; то, что они торгуют девушками, продавая их в бордели – это уже факт. Но что если Кристину похитили другие? Ведь "слесарь-мороженщик", судя по тому, что нам о нем известно, как-то не вписывается в общую картину. Он явно инородное тело.

Меня даже пот прошиб. Что если вместо того, чтобы искать одиночку, может, маньяка, мы нечаянно перешли дорогу мафии? Именно – нечаянно. На кой черт нам с ними было связываться, когда они не причастны к похищению дочери Боба? И что теперь получается, вдруг и впрямь мы ошиблись: у мафиозо на нас зуб, так как им надо на кого-то списать кучу жмуриков, у милиции тоже труп по имени Храпов и она землю роет, чтобы найти убийцу /я уже не говорю о покойных Завалихине и Соломонове/, а Стеблов, вдруг до него дойдет вся полнота картины, поторопится отказаться от наших услуг. Кристину, конечно, ему очень жалко, но если мы вместо ребенка притащим Бобу на хвосте толпу отморозков и пару-другую мафиозных бугров, можно не сомневаться, что он немедленно даст задний ход. Стеблов в бизнесе не один год и хорошо знает, чем заканчиваются конфронтации.

Будь у нас стопроцентные факты – тогда другое дело. У Боба – а я в этом был уверен – тоже имелась "армия". И за дочь он не пощадит никого. Но это только в том случае, когда будет точно знать имена похитителей. Вот и выходит, что мы из-за собственной глупости получили головную боль, которую можно вылечить лишь одним способом – лечь под нож гильотины.

– Не знаю... – ответил я очень осторожно, стараясь не смотреть в глаза Сереги.

– Значит, не уверен, – жестко сказал Плат. – И никогда не был уверен. Так же, как и я. Но все равно пер буром и не туда, куда нужно. Ретивое взыграло.

– И что ты предлагаешь?

– Я хочу послушать тебя.

– И я тоже, – с вызовом брякнул Маркузик. – Между прочим, – он обернулся к Сереге, – я тебя в самом начале, когда мы обсуждали кандидатуру Сильвера, предупреждал, что от него можно ждать только неприятностей. Они всегда ходили за ним толпой.

– Знаешь что, закрой пасть, – грубо отрезал Плат. – Ты у нас идеальный... В ситуации, которая сложилась, в первую голову виноват я – как руководитель и человек, имеющий кое-какой опыт в подобных делах. Говори, Стас.

– Плат, я совершенно запутался, – ответил я честно. – Нюхом чую, что в общем-то мы на верном пути, но пошли несколько в ином направлении. Вся эта паутина сплетена одним человеком /или группой – так сказать, единомышленников/. Суди сам: могут ли в нашем не очень большом городе существовать две подобные организации, занимающиеся одним и тем же? Нет. Конечно, нет. Сферы бизнеса сейчас расписаны до мелочей и конкурентов выжигают каленым железом. Или подминают под себя. Завалихин, Соломонов, Храпов, фирмы "Линкос", "Анкона-Арт лимитед" и другие, пока нам неизвестные – все это звенья одной цепи. Но где замок, скрепляющий эти звенья? Вот главный вопрос. Найти бы к нему подходы, точно определиться, что именно эта компашка повинна в бедах Стебловых, и сдать их Бобу со всеми потрохами. Он с ними разберется так, что им будет не до нас.

Только таким макаром мы сможем выйти сухими из воды. Это мое мнение.

– Я тоже так думаю, – кивнул Плат. – Однако, меня мучает другой вопрос: как нам теперь отмахиваться на три фронта? Уголовка нас не оставит в покое – это точно. Что-нибудь да откопают и тогда придется потратить массу сил и времени, чтобы от них отбрыкаться. С

другой стороны на нас спущена мафиозная свора. Не сомневаюсь, что сейчас они поставили город на уши, чтобы отыскать тебя, Сильвер. И последнее – неизвестный, похитивший Кристину. У меня крепнет убеждение, что это верный след. Но все упирается в то, что мы ограничены в маневре. То есть, нам – в особенности тебе, Плат – придется ходить и постоянно оглядываться.

– Как-нибудь переживу... – буркнул я раздраженно. – С сегодняшнего дня я перестану изображать мальчика для порки. Нарвутся – получают по полной программе. Этим козлам просто до сих пор никто не вешал хороших звиздюлей. Если они меня заведут – пусть заказывают побольше гробов.

– Экий ты храбрец... – Плат поморщился, будто на зуб ему попало что-то горькое. – Сядешь – и все дела. В лучшем случае.

– Меня еще нужно им поймать. Черт бы побрал эту гражданскую жизнь... – Я выругался, как пьяный сапожник. – За годы, что я кантовался в армии, у вас тут начался сплошной бардак. Нужно же кому-то выступить в роли мусорщика. Это как раз по мне – дворником я уже работал.

– Не горячись. Безвыходных положений не бывает. Нужно думать, думать и думать.

– Хорошая идея. Особенно в нашем случае, когда мы сидим голыми задницами на раскаленной сковородке. От умных мыслей неприятностей не убавится. А вот от бездействия нам точно каюк.

– Ладно, давайте на этом наши прения закончим. – Плат посмотрел на часы. – Утром звонил Боб, он скоро приедет. Пока есть время, нужно поразмыслить, что будем ему говорить.

– Да-а, это вопрос... – Я выразительно посмотрел в сторону нахохлившегося Марка и показал на пустую чашку. – Марик, не сочти за труд. Еще чашку и покрепче. Иначе усну на лету.

На удивление, Маркузик даже слова не сказал. Он лишь недовольно поджал губы и с независимым видом удалился. На этот раз вой кофемолки, как мне показалось, был еще более гнусным и злобным. Все, подумал я, теперь неделя молчания обеспечена. Когда Марк на кого-то злился, он замыкался в себе и привязывал язык как минимум на три дня.

Все зависело от степени обиды. Однажды, еще в школе, этот чертов гений молчал почти месяц – чем-то, уже точно не помню, мы с Платом ему не угодили. Притом по крупному.

И только когда Маркузику в очередной раз поставили фингал под глазом, он снизошел до разговора с нами, в котором вскользь, как о чем-то несущественном, упомянул своих недругов, разукрасивших его смуглую физиономию. Ну, а мы были рады стараться...

– И мне тоже! – крикнул Серега.

В ответ раздалось злобное ворчанье. Наверное, Марк метался по лаборатории и мысленно с нами дискутировал.

– А что Бобу нужно? – спросил я с интересом.

– Не знаю. Он был не в духе и ничего не захотел объяснять. Сказал, что приедет – и точка.

– Это меня настораживает. Неужто до него уже дошли кое-какие слухи и он хочет нас абортить?

– Что гадать, сам обо все расскажет. А если так, то нам нужно подогреть его интерес к делу новой информацией. Никуда не денешься, придется пойти на некоторые жертвы.

Я с Платом был согласен на все сто. Упускать такого клиента нельзя ни в коем случае.

Перед моим мысленным взором мелькнул парус яхты, моей голубой мечты, и тут же растворился в густом тумане. Мгла была зеленой, как обещанные Стебловым баксы.

– И что мы ему наплетем? И вообще, не лучше ли рассказать все – от корки до корки?

– Мы с тобой на эту тему уже говорили. Повторяю еще раз – не лучше. Так у нас всегда есть в запасе необходимый допинг, и хотя паразитировать на людском горе негоже, но мы сейчас в безвыходном положении. Если Боб оставит О.С.А. на растерзание всем тем, кого только что мы перечисляли, от нас и косточек не останется. За ним стоят очень солидные деньги, а потому с его поддержкой нам и черт не брат.

– Большие знания, большие горести... – заметил я философски и с благодарностью кивнул Марку, который принес целый кофейник черной густой жидкости; да, наш вундеркинд постарался, ничего не скажешь; что-то, а кофе он варить умел, научился у своей мамы.

– В данном случае это касается в большей степени нас, нежели Боба. А кое о чем ему вообще не стоит говорить.

– Несомненно, – согласился Плат. – Предполагаю, что ты имеешь в виду все вариации с Храповым.

– Ну... Леву жалко. Он угодил в эту ситуацию как муха в патоку – будто бы сладко и вкусно, и в то же время хрен выберешься.

– Не знаю, не знаю... – Серегу одолевали сомнения.

– Тебя что-то смущает?

– По правде говоря, да. Понимаешь, мне не хочется сдавать тех двух козлов, Чурю и Гольяна. Они еще могут нам здорово пригодиться. А если мы расскажем Бобу о событиях в бане, то не исключен вариант, что произойдет утечка информации. Он ведь не будет лично устраивать разборки, а кого-то пошлет. Чтобы поспрашивать Чурю и Гольяна еще раз. Это психология чистой воды. Абсолютно уверен, что у Боба возникнут сомнения на наш счет. И небезосновательные. Мы ведь не заплечных дел мастера и никого пытать не будем... /Ну разве что самую малость, мелькнула у меня злобная мыслишка, которую я поторопился запихнуть поглубже – туда, где хранился мусор, вынесенный мною из горнила чеченской войны./ – А потому, – тем временем продолжал Плат, – он посчитает, что они нам не все сказали.

– Понял. Хочешь сработать в лучших ментовских традициях – заполучить двух "добровольных" помощников в стане врага.

– А разве это нас обременит?

– Ни в коем случае. Тут я с тобой согласен. Парни и впрямь могут пригодиться. Они у нас на крючке и особо трепыхаться не будут. Но у меня есть и некоторые замечания.

– Касательно твоей стычки в квартире Бермана? – догадался Серега.

– Точно. Об этом нельзя Бобу говорить ни в коем случае. Если на хазе Храпова меня видел помощник "передового" бригадира, то у Левы я проскочил как Фантомас. Не думаю, что водитель, которого я "погладил" по башке, может нарисовать мой портрет. А остальные трое меня вообще не рассмотрели; просто не успели.

– И, кроме всего прочего, ты не хочешь подставлять под удар деда Артема...

– Само собой. О чем речь. Элла все равно увязла в дерьме по самое некуда и мой рассказ Стеблову о событиях той ночи в квартире Храпова уже ничего не изменит в ее судьбе.

Девку ищут и возможно найдут. Но будет лучше, если это случится не в деревне деда. И чтобы Левы не было поблизости. Любовь – это хорошо, а жизнь – гораздо лучше.

Втрескавшемся по уши маэстро сейчас ничего не докажешь, но время всегда вносит определенные коррективы. Может, у них и выгорит сначала лечь на дно, а затем слинять куда подальше. У Бермана хватает знакомых и приятелей, которые могут ему в этом деле помочь. Пока он в трансе, но скоро придет в себя и найдет выход из ситуации.

– Дело остается за малым... – Плат выглядел встревоженным. – Я не думаю, что Боб расскажет уголовке о твоих злоключениях на квартире Храпова, ну а вдруг? Проговорится или еще что-то в этом роде... Пусть не милиции или службе безопасности – своим помощникам, но кто даст гарантию, что молва не побежит дальше?

– Никто. Но ты ведь сам говорил, что твои бывшие коллеги рано или поздно могут выйти на мой след. Так какая разница, когда это случится? Семь бед, один ответ. Раньше сяду, раньше выйду. Если, конечно, не сбегу.

Сергея посмотрел на меня долгим взглядом и сокрушенно вздохнул. Я не очень весело подмигнул ему и налил себе еще одну чашку уже остывшего кофе...

Боб влетел в наш офис как торнадо. На него было страшно смотреть. В ожидании Стеблова я по солдатской привычке – вполглаза – успел даже вздремнуть; не более двадцати минут. Но когда он появился на пороге, мой сон улетучился быстрее, чем я успел сказать: "Мама миа..." Куда девался франт, которого мы видели на встрече выпускников? Где здоровый румянец на щеках и вальяжные манеры? Что случилось с его дорогим костюмом от Валентино или от кого-то из сдвинутых по фазе гомиков-кутюрье, стригущих своими портняжными ножницами "зелень" словно шелковичные черви листья смоковницы? Мятая одежда, несвежая рубашка, трехдневная щетина на подбородке, растоптанные туфли... – черт знает что!

– Кофе? – вежливо спросил Плат, когда Боб сел возле его стола.

Марк закрылся в своей келье – он никак не мог побороть неприязнь к своему бывшему сопернику. Теперь наш компьютерный гений колдовал над "глушилкой", которую перенес в лабораторию, и видеозаписывающей аппаратурой – мы взяли за правило все наши встречи с клиентами фиксировать на пленку. Так сказать, во избежание...

– Ты мне зубы не заговаривай... – тяжело обронил Стеблов, взглядом прожигая Серегу насквозь. – Где отчет по расследованию, обещанный тобою неделю назад?

– Пока могу представить только в устном виде, – спокойно ответил Плат, глядя на Боба как невинный младенец на няньку-кормилицу.

– Почему!?! – сорвался на крик Стеблов. – Я бабки плачу не за воздух, а за дело! Вы тут спите, мать вашу, и в ус не дуете! Я скоро в психушку попаду! Мне до лампочки!..

Боб бушевал минуты две. Мы с пониманием помалкивали, терпеливо снося оскорбления, за которые при других обстоятельствах он вылетел бы из конторы как пробка из бутылки подогретого шампанского. Наконец Стеблов выдохся и, тяжело дыша, полез в карман за сигаретами.

– Позволь спросить, – начал, как ни в чем ни бывало, Плат, – как твои успехи по части поисков Храпова и его бригады?

– Ну, бля, и спецы... – устало матернулся Боб. – Большие мастера задавать идиотские вопросы. Это я вас должен спрашивать, а не вы.

– И все-таки? – не отставал Серега.

– Храпова грохнули, его подельников и след простыл. Доволен?

– Не совсем.

– Что ты еще хочешь знать? – Боб яростно смолил сигарету, окутав себя облаком дыма.

– Почему Храпова никто не искал? – каким-то скрипучим неприятным голосом спросил Плат.

– А ты ведь обещал лично заняться этим вопросом.

Это было новостью даже для меня. Я остолбенело уставился на Серегу, но он и бровью не повел, сидел, глядя на опешившего Стеблова с видом проголодавшегося удава.

– Кто вам сказал такую чушь!? – окрысился Боб.

– Не думаю, что тебе неизвестно о некоторых моих возможностях и связях. Так вот, мои источники в один голос твердят, что в соответствующие органы, ведущие поиски Кристины, заявки на розыск Храпова от тебя не поступали. А наколку мы дали железную, это отрицать ты не сможешь.

– Я не стал обращаться в угрозыск и службу безопасности, решив, что обойдусь своими силами... – внезапно севшим голосом ответил Боб.

– Ладно, пусть так. – Похоже, Плат закусил удила и пер буром. – Но мы не заметили никакого шевеления и со стороны твоих "бойцов". Почему?

– Ничего подобного! Мои парни перевернули в поисках Храпова и его бригады весь город.

– Позволь усомниться в твоих словах. Или твои помощники вешают тебе лапшу на уши, изображая высокую активность, или... – Серега многозначительно умолк.

– Что – или? – Стеблов постепенно обретал уверенность и уже готовился перейти в нападение.

– Или ты, дорогой друг, водишь нас за нос, – отрубил Плат.

– Ты в своем уме? – зловещим шепотом спросил Боб.

– Очень даже в своем. Боб, здесь собрались одни аборигены, так что нам не нужны твои ля-ля. И нас, и тебя в городе знают как облупленных. Ты был не в курсе где искать Храпова? Ха! Расскажи об этом козе, она дура с рождения.

– Не понял... Ты меня в чем-то обвиняешь? – В голосе Боба послышалась угроза.

– Упаси Бог! Я всего лишь констатирую факты. Так вот, скажу прямо – тебя видели /и не раз/ вместе с Храповым в "Дарвине". Это был его любимый ресторан. Практически он не пропускал ни одного вечера, чтобы там не отметить. Теперь, если у тебя хватит смелости, опровергни мои слова. Ты был знаком с Храповым и знал где его искать.

Подчеркиваю – знал, но почему-то не искал. Такие дела, уважаемый клиент.

Наверное Боба заклинило. Впрочем, как и меня. Стеблов глядел на Плата какими-то отороженными глазами, будто он только что выскочил из холодильника и теперь, сидя напротив Сереги, оттаивал до комнатной температуры.

А я вообще ничего не понимал. Мне показалось, что у Плата крыша поехала. Какого черта он раскрывает наши карты!? Да мало ли какие дела могли быть у Боба с Храповым.

Может, передовой бригадир снабжал Стеблова и других новых русских первоклассными телками. Что вполне вкладывалось в обойму тех сведений, что мы добыли на Храпова. Но вот так, прямо в глаза... И кому!? Нашему дорогому кормильцу. Плакали мои денежки...

Вместе с яхтой... Ну, Плат, ну, зараза! Правдолюбец хренов!

– Допустим... – хрипло каркнул Боб. – Что дальше?

– А ничего, – пожал плечами Плат. – Просто тебе нужно было сразу сказать, что наша версия насчет Храпова несостоятельна. Чтобы мы не ломали свои головы впустую. У нас, сам понимаешь, хватает и других концов, которые нужно распутывать... – Серега помолчал, а затем буднично сказал: – Сильвер видел как убивали Храпова.

– Не может быть! – вскричал Стеблов.

– Почему не может? Так получилось, что мы опять, притом нечаянно, – Плат соврал, не моргнув глазом, – напали на след Храпова. Кстати, он тянулся как раз от ресторана "Дарвин". Стас проследил одну танцовщицу, подругу Храпова, и она привела его на хазу, где тот скрывался. Там его и шлепнули, прямо на глазах Сильвера.

– Кто!? – Боб был страшен.

– Девушка. Некая Элла. Та самая танцовщица из "Дарвина". Кстати, это получилось нечаянно. Похоже, они здорово поссорились и Храпов решил ее как следует проучить. Но она оказалась бойкой и отчаянной бабенкой. Эта телка треснула его по башке статуэткой.

– Где она?

– Фиг ее знает, – пожал плечами Серега.

– Значит, Храпова Стас выследил, а пойти за девушкой ума не хватило?

– Он был в отключке...

И Плат в подробностях рассказал Бобу конец истории, приключившейся со мной на квартире Храпова.

Боб переваривал услышанное минут пять. Он вдруг успокоился и сидел с каменным выражением лица, уставившись в стол. Мы терпеливо ждали.

– С этим все ясно, – наконец молвил Стеблов сухо и отрывисто. – У вас все? – Он поочередно посмотрел на Плата, а затем на меня с большим подозрением.

– Конечно, нет, – твердо ответил Плат. – А иначе нам была бы грош цена в базарный день.

– Тогда выкладывай, – потребовал Боб.

– Извини, на этот раз наши сведения мы разгласить не можем. Даже тебе. Идет серьезная работа и малейшая помеха может разрушить все то, что уже нами создано.

– Не понял... Ты меня считаешь помехой!?

– Да. Горе подействовало на тебя не лучшим образом и мы боимся, что ты наломаешь дров. И тогда похитители, заподозрив неладное, просто убьют Кристину и смоятся.

Потом найти их будет практически невозможно. Но даже если похитителей разыщут, тебе от этого легче не станет.

– Это правда? Вы вышли на подлинный след? Она жива? – Глаза Боба загорелись безумием.
– Ну говори, черт тебя дери, не мотай жилы!

– Скажем так – почти вышли. Но предстоит много работы. И вот тут как раз нам совершенно не нужна лишняя возня.

– Кристина жива или нет!? – заорал Стеблов.

– Думаю, да. – Плат ответил без колебаний, но я-то его хорошо знал – в душе Сереги царил хаос во главе с неуверенностью.

– Но почему я не должен ничего знать, почему!? – Боб был вне себя.

– А ты можешь дать гарантию, что возле тебя нет предателя, работающего на твоих врагов или конкурентов? Подумай, прежде чем ответить.

Стеблов смотрел на Серегу бешеными глазами, будто собрался сожрать его со всеми потрохами. Так прошла минута, другая... Но вот по бледному лицу Боба пробежала тень, он нахмурился и сказал:

– Нет, такие гарантии я давать не вправе.

– То-то же. Если кто-то за тобой наблюдает – возможно даже пособник похитителей – он даже по выражению твоего лица поймет, что ты напал на след мерзавцев, укравших Кристину. Чем это чревато, догадаться не трудно. Ты ведь хочешь увидеть свою дочь живой и невредимой?

– Да... – глухо ответил Боб и украдкой смахнул набежавшую слезу.

– Поэтому, мы ничего тебе толком не скажем. Работаем – и все дела. Мало того – то, что сейчас Кристина, скорее всего, жива-здорова, еще ничего не значит. Если у похитителя в голове не все дома, то кто может знать, что ему взбредет на ум через день или два?

– Он... действовал один? – осторожно спросил Стеблов.

– Вероятнее всего. Это наша главная версия. И сегодня мы уже не думаем, что в похищении замешан Храпов и его бригада. У них, как выяснилось, "профиль" не тот.

Хотя полностью сбрасывать со счетов этот вариант пока рано.

– Откуда вам известно, что у него был не тот "профиль"? – Боб хищно прищурился.

– По некоторым данным, Храпов и компания занимались молодыми девушками. Они продавали их в зарубежные бордели.

– Что значит "некоторые данные"?

– Об этом, дружище, позволь мне не говорить. Сие не моя тайна. А свои источники я не сдаю. Короче говоря, нам плевать на дела Храпова и иже с ним. Пусть ими занимаются официальные органы... если, конечно, у них есть какие-нибудь зацепки. Со своей стороны мы закроем рот на замок – я не хочу становиться на пути мафиозным кланам. Своя рубашка ближе к телу. Возможно, по этим же причинам и ты поосторожничал, не стал подключать органы к розыску Храпова. Так что не нам судить тебя на сей счет.

Плат совсем оборзел – бросил Бобу спасательный круг на виду у почтенной публики как

подачку. Я еще не понял, что за игру он затеял со Стебловым, но почему-то был уверен, что она в интересах О.С.А. И у меня создалось впечатление, что Серега знает гораздо больше, чем говорит даже мне. Сукин сын! Темнила хренов... Впрочем, главное, чтобы обещания Боба насчет денежек остались в силе. А то от этих новых русских всего можно ждать.

– Да... В общем – да. Так оно и есть... – Стеблов сказал это, глядя куда-то в сторону. – Я тоже предполагал нечто подобное. Потому и...

Он был натянут, как струна...

Прощаясь, Боб выглядел каким-то растерянным – будто не знал, с какой ноги шагнуть.

Судя по морщинам на лбу, он о чем-то сосредоточенно размышлял.

Едва за ним закрылась входная дверь, я резко обернулся к Плату.

– Ты, чертов мент! Держишь меня за идиота!? – Я и впрямь рассвирепел. – В чем дело, объяснись. Какую игру ты затеял?

– Перестань... – поморщился Серега. – Все получилось спонтанно. Ты наблюдал за Бобом, когда он услышал о том, кто оказался невольным свидетелем убийства Храпова?

– Предположим, наблюдал. Ну и что?

– Он совершенно не удивился. А реакцию на новость сыграл и притом весьма посредственно. Если сомневаешься, можем прокрутить видеозапись. Чтобы это могло значить?

– И что это значит? – откликнулся я как эхо.

– Поди знай... – Плат сокрушенно покачал головой. – Я тебе еще в начале расследования сказал, что это дело непростое и может принести нам массу разных открытий. И большей частью неприятных. Так оно и получается, как видишь.

– Думаешь, Боб темнит?

– Не сомневаюсь. Но зачем? Вот в чем проблема. Кстати, когда Стеблов узнал, кто именно виновник смерти Храпова, он и впрямь был удивлен; нет, даже не удивлен – шокирован.

Опять-таки напрашивается вопрос – почему? Неужто ему представили убийство Храпова как заказное? И он действительно не знает, что "передового" бригадира нечаянно грохнула танцовщица?

– Тогда еще один вопрос: кто давал ему сведения о событиях на хазе Храпова – органы или свои?

– Верно. В самое яблочко. Я тоже подумал об этом. Потому и решил немного потеребить Боба за вымя, чтобы устроить ему раскрутку. Он ведь действительно и не думал искать Храпова с его поделщиками. Мало того, я совершенно уверен, что Стеблову известно, где скрываются и остальные. А раз Боб не чешется на сей предмет, то и нам делать там нечего. Видимо, он точно знает, что "лифторемонтники" к похищению Кристины непричастны...

– И это наводит на определенные размышления... – подхватил я мысль Плата.

– Несомненно. Мне пришлось заняться безбожным враньем, чтобы обезопасить нас от происков озверевших от больших потерь мафиозо хотя бы на некоторое время.

Получается так, что мы невольно нарушили их бизнес, а подобное в среде этих уродов не прощается. Я не сомневаюсь, что Боб знает кому мы наступили на мозоль. Но нам не

говорит. Почему? А потому, что все еще лелеет надежду на наш успех в поисках Кристины. И боится сказать напрямую, чьи интересы зацепило наше О.С.А. – чтобы мы не спасовали. Мало того, после сегодняшнего разговора ему придется еще и защищать нас.

Потому я и затеял весь этот базар-вокзал. Пусть Боб сто раз подумает, прежде чем решится сдать нас в корыстных целях со всеми потрохами кому следует. На кону стоит жизнь его любимой дочери. Я это сказал ему почти впрямую. И он, уверен, меня понял.

Я сидел и занимался непривычным для себя делом – думал и анализировал сказанное Платом. Что-то в его выкладках, с виду железных и непоколебимых, меня смущало.

Какая-то малость, мелкий гвоздик, пробившийся сквозь стельку башмака. Он будто бы и не досаждал особо, а потому им лень заниматься, но в определенные моменты, когда бежишь, унося ноги, гляди и уколется в пятку, да так, что в мозгах словно током стеганет.

Но зато теперь я был практически не сомневался, что Плат поступил абсолютно правильно, не рассказав Бобу о событиях в бане и на квартире Бермана. Они могли стать тем самым первым камешком, с которого начинается камнепад в горах. И тогда даже Стеблов со своей широкой денежной грудью будет не в состоянии защитить нас от лавины, готовой обрушиться на О.С.А. в любой момент.

Глава 20. БОЛЬШИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

За нами опять началась слежка. Первым ее ощутил я; именно ощутил, а не заметил – по нашим следам шли самые настоящие профи. Чувство опасности, несколько притупленное на гражданке, вновь вынырнуло откуда-то из глубин подсознания и полностью завладело моими инстинктами. Я за себя не боялся, так как теперь меня везде и всюду сопровождал трофейный "вальтер" – тот самый, реквизируемый у Чури. Но из-за ребят я пребывал в постоянном мандраже. И если Марка мы с Платом доставляли прямо в объятия его заботливой мамы, а утром так же сообща вытаскивали из теплой постели, чтобы доставить в офис под конвоем, то насчет Сереги, который ходил, как кот – сам по себе, у меня были очень большие опасения. Этот сукин сын, миротворец гребаный, и слушать не хотел насчет оружия. Он, видите ли, считал, что его опыта и сноровки вполне хватит, чтобы избежать опасности. Дурак, трижды дурак! Если захотят, то шлепнут за милую душу. Профессионал тем и отличается от дилетанта, что свои операции готовит очень тщательно, продумывая разные варианты. Пытаться от него уберечься все равно, что спать в одной постели с коброй и предохраняться от ее укуса полной неподвижностью.

Все равно когда-нибудь чихнешь или почешешься и тогда пиши пропало. Так я Плату и сказал. Но разве его можно переубедить?

Самое скверное в этой истории со слежкой было то, что мы не знали ее причин. Если за нами прицепили "хвост" боссы убиенного Храпова, чтобы просто держать нас на коротком поводке – это одно. Но вдруг они решили, что пора этих мух в лице частных детективов, нечаянно угодивших в мафиозный суп, убирать – тогда это совсем другое.

Конечно, эти гады знали, что и мы можем кусаться, притом весьма больно. А потому и не спешили предъявить нам свои козыри; быть может ждали удобного момента. Как бы там ни было, а жить с постоянно приставленным к виску дулом пистолета и врагу не пожелаешь. Особенно скверно было то, что мы не могли полноценно работать.

Теперь наши усилия были сосредоточены на "слесаре-мороженщике". У нас уже был его

фоторобот, составленный Маркузиком со слов старушки, видевшей неизвестного в парке в день похищения Кристины. Марк где-то откопал полицейскую программу, которой пользуются копы США для опознания преступников, и сварганил нам на компьютере изображение некоего чересчур обобщенного гражданина, похожего на известного американского актера Стивена Сигала. Такой же здоровяк, судя по мордуленции, но очень худой, заросший щетиной и с зверским выражением лица. Увидев его в подворотне, даже я рванул бы прочь с максимальной возможной скоростью. Скорее всего, бабуля несколько сгустила краски, но что поделаешь – за неимением корабля и корыто броненосец.

Но самое странное заключалось в другом: мне казалось, что я где-то встречал этого малого. Где и когда? Вопрос был из разряда неразрешимых. Хотя, возможно, мое бурное воображение, усиленное слежкой, решило сыграть со мной дурную шутку, выдав желаемое за действительное.

И все же самым хреновым было то, что мы здорово прокололись. Притом так по-глупому, что даже самим не верилось.

Плат решил "подойти" Чурю и Гольяна. Так, на всякий случай. Вдруг что-нибудь и всплывет в процессе разговора. В этом большой необходимости не было, коль мы решили бросить все свои силы на "слесаря-мороженщика", но бес нездорового любопытства в тот злополучный день, похоже, решил немного порезвиться и выбрал достойный объект для своих, с позволения сказать, шуточек в лице двух друзей – Платонова и Сильверстова.

Парни пошли на контакт довольно неохотно, но особо и не сопротивлялись. Они оказались вовсе не глупыми, а потому понимали, что мы в какой-то мере их спасители.

Весь наш странный конгломерат сыщиков и бандитов уединился на речном островке, где, по идее, нас мог заметить лишь сам Господь и то если его колесница спуститься пониже – вокруг были лесные заросли. Когда-то, в глубоком детстве, на этом крохотном клочке суши посреди речного разлива наша команда в составе пяти человек – Плат, я и еще трое гавриков – играла в пиратов. У нас даже был свой бриг, который мы прятали от нескромных глаз в болотистом устье маленького ручья – четыре стибренные у частников деревянные калитки, положенные на два толстых бревна и закрепленные мягкой отоженной проволокой. Батальи мы, конечно, не устраивали, но рыбу с нашего "брига" ловили, притом отборную и много, так как знали все рыбные места на пять верст вниз и вверх по реке.

Судя по растительности, на островок давно уже не ступала нога человека. Интересно, чем занимается нынешняя молодая поросль? Неужто у нее напрочь отсутствует романтика и тяга к приключениям? Естественно, в хорошем смысле этого слова. Похоже, телевизор и прочие прелести цивилизованной жизни в конце концов сделают из нормальных здоровых ребяташек дебилов с атрофированными мышцами и салатом в голове из рекламы женских гигиенических прокладок, разных заграничных прохладительных напитков, жвачки, шоколадных батончиков и отвратительной песенной попсы, круто замешанной на сексе.

Ужас...

На островок мы переправились в моторке, где-то добытой Платом. Перед этим и он, и я сто раз перепроверялись на предмет "хвоста", но так ничего и не заметили. Чуря и Гольян тоже были очень осторожны, хорошо понимая, что если до ушей их хозяев дойдет хоть что-то, им сразу придет конец. Разговор мало что добавил к той картине, которая уже сложилась, как мозаика, в наших с Платом головах. Да, боссы Чури и Гольяна и впрямь решили скрыть от органов и общественности трагические события в бане. Тут мы угадали.

Наших двух везунчиков никто ни в чем не заподозрил, так как отчет о слежке за нами они составляли под диктовку Плата, который кое в чем разбирался; по крайней мере, Серега с прежней ментовской жизни хорошо знал, как правильно навешать начальству лапшу на уши –

чтобы комар носа не подточил. Верным оказался и наш вывод о большом аврале, начавшемся сразу после похорон трех банных жмуриков. Мафиозные боссы рвали и металы, лишь бы найти убийц /или убийцу/ двух своих быков и Олега Петровича. Но мы предполагали, что их больше интересовала не жизнь этой троицы, а судьба винчестера и магнитофонных кассет, которые я и Плат изъяли в пункте прослушки, размещавшемся в бане.

Это предположение очень нас встревожило. Мы уже были не рады, что связались с кассетами. Они представляли узкоспециальный интерес лишь для правоохранительных органов, но не для О.С.А. Судя по тому, что мы поняли, пропустив часть записанного телефонного трепа через свои уши, мафиози прослушивали большинство переговоров солидных городских учреждений – как государственных, так и частных. У них на контроле были не только кабельные телефоны, но и мобильные. Когда мы рассказали Маркузику, что там была за аппаратура, он за голову схватился – она стоила сотни тысяч долларов. И начал на нас переть – почему мы взяли с собой лишь магнитофонные кассеты и дурацкий винчестер с кодированным вводом, а не то, это и еще черт знает что. На мой резонный довод, что примитивное воровство интеллигенции просто противопоказано, Марк разразился речью, которой позавидовал бы сам Цицерон, в древности большой дока по части трепа. Оставив Плата за кадром, он, как обычно, обвинил меня во всех грехах и непроходимой тупости. Я не стал с ним спорить, чтобы его кондратий не хватил, лишь коротко ответил, что так приказал наш шеф, Сергей Платонов. С этим Марик и заткнулся.

Все открылось и стало угрожающей явью, а не просто бездоказательными ощущениями, когда мы покинули островок. Чуря и Гольян попылили на своем "фольксвагене" в одну сторону, а я с Серегой, захомотав такси /наш "жигуль", хорошо известный разным нехорошим людям, Плат из соображений безопасности оставил на стоянке/, поехали в другую – в центр, чтобы нанести визит некоему господину Белякову, владельцу частной фирмы по изготовлению и сбыту мороженого. Он основал производство восхитительного и всеми любимого продукта года два назад и за это время фактически стал монополистом в этом виде бизнеса. Плат раскопал, что лишь фирма Белякова выдавала гражданам города напрокат мобильные холодильные установки с непременным условием, что лоточники будут продавать мороженое, сделанное только его предприятием. Существовали и другие частные лавочки по продаже мороженого, но они торговали в основном импортом и не имели такого размаха, как их главный конкурент.

Серегга, пойдя по пути наименьшего сопротивления и в расчете на максимальный эффект своих изысканий, начал проверку именно с этих фирм, но там все было чисто.

Плат рассуждал вполне здраво и я с ним был вполне согласен. Он предположил, что "слесарь-мороженщик" не столь богат, чтобы покупать дорогую штучковину для одноразового использования. Тем более, что после похищения Кристины он не мог работать мороженщиком во избежание провала. Кто мог дать гарантию, что его не узнает кто-нибудь из покупателей-сластен, присутствовавших во время событий в парке и опрошенных милицией? Никто. А он, судя по всему, был далеко не глупым человеком.

Значит, передвижную морозилку похититель должен был взять напрокат. И скорее всего, под чужим именем. В этом заключалась главная наша трудность, так как, судя по добытой Платом информации, Беляков год назад закупил свыше двухсот мобильных холодильных установок. Что для нас значило непечатый край, возможно, совершенно идиотской работы. Попробуй проверь такое количество лоточников; и это без гарантии, что мы на верном пути.

Но была в идее Плата и некая изюминка, озарение, если хотите. Он выдвинул тезис, что похититель должен был вернуть морозилку фирме Белякова вскоре после заключения договора на ее прокат. Во-первых, она стала ему совершенно не нужна, а во-вторых, этот сукин сын /или сучьи дети/ понимал, что в случае невозврата дорогостоящей установки его будут искать. А это означало элементарный прокол с непредсказуемыми последствиями. Чего

сей умник допустить никак не мог. Впрочем, были и другие варианты – например, в тот день похититель мог кого-то из лоточников подменять – но о них мы старались не думать.

Так что мы ехали к главному офису господина Белякова с нетерпеливой дрожью ожидания и глубоко упрятанной надеждой на удачу.

Первый звонок в моей башке прозвучал, когда наш таксист-частник по крупному нарушил правила уличного движения и его выловил тщедушный сержантик, похоже, недавно сменивший военный мундир на ментовский прикид. Он терроризировал шоферюгу минут двадцать. Тот ему и бабки в руку совал, и взывал к чувству сострадания, и едва не становился на колени, но гаишник был тверд, как скала, и неподкупен словно статуя богини правосудия, которая не может брать взятки лишь по одной причине – у нее руки заняты причитающимися ей атрибутами.

Плат весь на дерьмо изошел, наблюдая за перипетиями явно неравного поединка между сержантом и водилой. Но я смотрел совсем на другое.

Я уже видел этот "форд" на речной пристани. Там он стоял в отдалении, возле какой-то забегаловки, но по уже устоявшейся привычке я запоминал все тачки, которые гипотетически могли представлять опасность. Вдруг в одной из машин сидят бравые парни со стволами, чтобы наделать в моей шкуре с десяток лишних дырок? Особенно мне не нравились автомобили с затемненными стеклами. А этот американский "мустанг" как раз и отличался от остальных тем, что смотрел на нас с Платом черными непрозрачными бельмами...

И сейчас подозрительный "форд" торчал позади нашего такси, спрятавшись за "газелью", из фургона которой разгружали продукты. Случайность? Ни фигя подобного. Подобные совпадения чрезвычайно редки, а при нашей работе и вовсе весьма симптоматичны.

Наконец разборки между сержантом и шофером закончились и мы двинулись дальше.

Водила был зол, словно черт, и ругался, не переставая. Плат сидел рядом с ним, а я – на заднем сидении. Чтобы не раскрыться перед возможным "хвостом" раньше времени, я прибег к старому, как мир, трюку – достал зеркальце, которое всегда носил в нагрудном кармане именно для таких случаев, и посмотрел в него, держа таким образом, чтобы мне была видна улица позади нашего такси.

"Форд" ехал за нами! Вот сука! – яростно выругался я про себя, а вслух и очень громко скомандовал:

– Направо! Быстро!

Водитель хотел было послать меня к той самой всегда беременной матери, но, увидев в зеркале заднего вида мои бешенные глаза, решил не рисковать и резко переложил руль.

Опять-таки нарушив правила уличного движения, такси нырнуло в проулок и через минуту-другую мы оказались на параллельной улице.

"Форд" не отставал. Похоже, его седоки еще не поняли, что я их намерения раскусил. У меня практически не было сомнений, что где-то неподалеку следует еще одна тачка, коллеги тех, кто нас преследовал в "форде", но я пока ее не вычислил.

– Что стряслось, Сильвер!? – Плат смотрел на меня, вытаращив от изумления глаза.

Я ничего ему не ответил, а сказал водителю:

– Мужик, мы оплатим все твои издержки за старые и новые нарушения правил и плюс даем двойную оплату за километр, только делай то, что я тебе скажу. Усек?

– Угу... – благоразумно кивнул битый шоферюга и добавил газу, наверное, прочитав такое пожелание в моем взгляде.

– Держи курс на Нивки, – приказал я таксисту и наконец обратил свой взор на Серегу. – Опять жена следит. Как чуёт, что мы к телкам собрались.

Эту версию я выдал для водителя, хотя она и прозвучала чересчур банально, но Плат понял все и сразу. Он принял мою наивную игру и в досаде выругался. У шофера даже уши покраснели от нашей лжи, однако он и виду не подал, что нас раскусил. Еще бы – попробуй брыкаться, если в салоне сидят два таких мордovorота, у которых неизвестно что на уме.

Микрорайон Нивки славился своим огромным вещевым рынком. Он был длинным, словно собачья песня, и людным как и положено толкучке. Затеряться среди тысяч покупателей было раз плюнуть, что нам с Платом и следовало доказать.

Таксист по моей указке подвез нас к центральному входу в рынок, лихо проскочив под "кирпич", тем самым удивив до столбняка кучу ментов, которые всегда роились вокруг Нивок как зеленые мухи возле навозной кучи. Этот толчок держали азербайджанцы, щедро оплачивавшие услуги охраны, а потому сотрудникам милиции устроиться к ним на подработку было весьма сложно, но престижно. Выскочив из машины, мы немедленно нырнули в людской водоворот, а водила, заложив крутой вираж, исчез с поля зрения спешившего к нему гаишника со скоростью ракеты. Мы не поскупились и отвалили таксисту такую сумму, что он обалдел от радостной неожиданности. И от облегчения – что избавился от очень подозрительных и непредсказуемых пассажиров.

На рынке мы пробыли недолго – ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы едва не бегом добраться до одного из боковых выходов, ведущих к подземному переходу. Я практически не сомневался, что никакому топтуну не под силу вычислить нас в такой толпе, а тем более -прорюхать наш дальнейший маршрут. Рынок имел около десятка калиток и чтобы их перекрыть, преследователям понадобилось бы большое количество людей и машин, что вряд ли возможно для любой структуры; конечно, кроме государственной.

Выбравшись из перехода, мы моментально сели на маршрутное такси и, сделав три пересадки, вскоре входили в офис господина Беякова. На этот раз позади нас было чисто, но на всякий случай мы еще немного поплутали и по проходным дворам – для стопроцентной уверенности. Потому когда я и Плат предстали перед начальником отдела сбыта, попутно занимавшимся и выдачей напрокат мобильных морозилок, мне очень хотелось срочно попроситься опробовать импортную холодильную технику на себе – мы были мокры от пота и разогреты до степени каления.

Начальник оказался особой женского пола. Достаточно миловидной особой, между прочим. Мы не стали размазывать манную кашу по белому столу, а сразу приступили к делу. Плат, у которого была старая ментовская ксива, солидно помахал ею перед симпатичным носиком в веснушках и, представившись сотрудником уголовного розыска, нимало не смущаясь потребовал нужный нам список лоточников.

Пока он делал нужные выписки, я строил начальнику отдела сбыта глазки и плел всякую чепуху – чтобы она не успела опомниться от нашего натиска и ничего не заподозрила. На женщин такие коварные приемы действуют неотразимо, особенно когда перед ними стоящий мужик. /А меня никак нельзя было причислить к разной шушере – и по габаритам, и по физиономии./ В подобные моменты "производственного" кобеляжа клиент в юбке больше думает о своей внешности, нежели о непосредственных рабочих функциях. Немного мужского обаяния, чуточку примитивной лести, два-три прозрачных намека – и мадам испеклась, лежит на блюде в собственном соку, готовая к употреблению.

Бывают, конечно, и неприятные исключения из общего правила. Но все-таки крокодилы в

юбках встречаются гораздо реже, нежели истинные представительницы несомненно лучшей половины человечества...

В контору мы не поехали, имея основания полагать, что там нас уже ждут и не те, кого нам хотелось бы лицезреть. Домой заявляться тоже было опасно, а потому, скрепив сердце, я предложил пойти в мини-бар, который держала – кто бы мог подумать! – ЛилькаЧугунок. Эта бой-баба оказалась в самом деле железной – под стать своей девичьей фамилии, которую она после развода с мужем решила себе вернуть. Лилька оторвала каким-то макаром полуподвал в престижном месте и, не долго думая, переоборудовала его под приличное питейное заведение. Но самое смешное заключалось в том, что, как мне доложили мои приятели, мини-бар процветал и пользовался повышенной популярностью.

Чугунок на встрече выпускников дала адрес своего предприятия и я однажды туда заглянул. Именно заглянул, а не зашел, опасаясь бурного темперамента своей бывшей пассии. И скажу честно – мне понравилось. По крайней мере, интерьер. Все было сделано со вкусом и даже с некоторой претензией на роскошь. Интересно, где Лилька нашла столько бабок? Я не думаю, что она заработала их на заводе или чисто женским способом.

Скорее всего, Чугунок прижала какого-нибудь богатого лоха в темном месте и под угрозой немедленного изнасилования заставила его щедро раскошелиться.

– Мальчики!!!

От радостного вопля Лильки-Чугунка казалось вот-вот обрушатся своды полуподвала.

Она бросилась на нас, как коршун на добычу, но я оказался похитрее Плата, и когда наша боевая подруга оказалась рядышком, быстро спрятался за его спину. Лилька налетела на Серегу, как танк, с уже закрытыми от радостного предвкушения глазами, и начала его страстно лобызать, приговаривая:

– Стасик, миленький... /чмок! чмок!../ как я рада... /чмок! чмок!../ как я рада... ум-м-м... – Это она уже приложилась взасос.

Глядя на совершенно обалдевшего Плата, я до крови прикусил нижнюю губу, чтобы не расхохотаться и не испортить своей невоспитанностью общую картину радостной встречи одноклассников.

– Лилька! – наконец заорал Серега, с трудом вырвавшись из ее объятий. – Ты чего, в натуре!

– Ста... Сережа!? – Чугунок так удивилась, что ее пыл мгновенно угас. – Ой, мальчики, что это я... – Она довольно натурально смутилась.

И при этом бросила в мою сторону такой страстный взгляд, что мне захотелось немедленно рвануть по ступенькам вверх, на улицу – пусть меня лучше грохнут мафиозные киллеры, чем я соглашусь на тот вариант, недвусмысленно предрекаемый кошачьими глазами моей бывшей ненаглядной...

Лилька определила нас в свой личный кабинет. И умчалась на кухню готовить что-нибудь эдакое, как она выразилась, соответствующее случаю. Мы попросили дать нам для краткого совещания полчаса, и Чугунок отнеслась к нашему пожеланию с пониманием.

Она и впрямь была очень неглупой бабой, несмотря на свои сексуальные проблемы, а потому мгновенно поняла причину нашего появления в ее кабачке. Все-таки бизнес – хорошая школа жизни.

– Стас, мы влипли, – угрюмо заявил Серега, едва за Лилькой закрылась дверь.

– Да уж... – неохотно согласился я и с досады закурил.

– Если за нами следили от острова, Чуре и Гольяну амбец.

– Про них ладно, туда им и дорога. Но вот что мы будем делать? Ни ты, ни я не сомневаемся, что этих козлов, прежде чем отправить вперед ногами, хорошо "прокачают". И расколют, будь спок. До самого донышка.

– И узнают, кто забрал винчестер и магнитофонные кассеты... Черт возьми! Хреновые дела...

– Как мы могли так влипнуть? Где были мои глаза? Идиот! – Я стукнул себя по голове кулаком.

– Я не лучше... – Плат сидел, как с креста снятый. – Нам хана, Сильвер. Хана!

– Ну, не так сразу. Мафиозные боссы или их подручные должны еще поговорить с нами по душам. А для этого нас нужно выловить. Что не совсем просто, потому как мы уже предупреждены о надвигающейся опасности и готовы встретить ее во всеоружии.

– Мечтатель... – Серега горестно покривился. – Да знаешь ли ты, сколько в городе быков под ружьем!? Они нас размажут по асфальту словно козляков.

– Мы уже пужатые, осмелюсь вам, дорогой шеф, доложить. Но тебе советую не вышивать по городу в гордом одиночестве, а держаться поближе ко мне. И достать из тайника "дуру". Она может пригодиться уже завтра. Марик пусть сидит в нашем офисе безвылазно – так сказать, во избежание...

– И сколько может продлиться эта осада?

– Все зависит от нас. Найдем похитителя Кристины быстро /а еще лучше – ее саму/ – обрадованный до потери пульса Боб нас прикроет, можешь не сомневаться. Затянем с этим делом – тогда придется отмахиваться. Но учти, чтобы победить, нужно бить по верхам. Мелочь мы не одолеем, ее слишком много. Кое-кого из мафиозной верхушки, противостоящей нам, мы уже знаем благодаря Чуре и Гольяну. До остальных добраться тоже будет не очень сложно. Уж поверь мне, я в этом кое-что смыслю. Свара идет баш на баш, кто кого. И средства для достижения цели я особо выбирать не собираюсь. Клин клином вышибают, Плат.

– Как складно ты говоришь... – Серега не то чтобы оживился, но несколько порозовел. – Однако словом делу не шибко поможешь.

– Вот потому кончай плакаться и доставай свои записи. Скоро Лилька придет. Нам нужно определиться с объектом, чтобы уже сегодня, пока суть да дело, его хорошенько прощупать. Может, и не одного, а нескольких – как получится.

Плат тяжело вздохнул и нехотя полез в карман за бумагами. Спустя минуту мы уже горячо обсуждали кандидатуру нашего потенциального клиента на роль "слесарямороженщика"...

Чугунок пришла в сопровождении целой свиты своих работников. Посмотрев на харч, который они принесли, я почувствовал радостный подъем – Лилька притаранила сколько первоклассной жратвы, что из-за такого вкусного изобилия я готов был махнуть рукой на принципы и лишиться своей девственности. Немедленно. Но только не по окончании пиршества, когда даже меня будет трудно поднять из-за стола, не говоря уже... Что поделаешь, полный желудок не терпит конкуренции.

Посиделки в Лилькиной вотчине длились больше двух часов. И все это время Чугунок

безостановочно чесала языком. Насытившись, сначала я, а затем и Плат делали робкие попытки побыстрее свалить из "Эдема" – так назывался бар – но эта хитрая стервочка каждый раз нажимала кнопку на переносном пульте и в дверях вырастал официант с очередным деликатесом, отказаться от которого у нас просто не было моральных сил.

В конце концов мы распрощались вполне довольные встречей: я и Серега по причине полного кайфа, который нам в последний раз довелось испытать на встрече выпускников благодаря щедротам Боба Стеблова, а наша боевая подруга была на седьмом небе от уникальной возможности сделать такую длительную гимнастику своему языку в присутствии покорных и терпеливых слушателей.

Каюсь, Лильку я все-таки на прощанье поцеловал. Пришлось. Притом в губы и почти взасос. И скажу честно – без особого нажима с ее стороны и даже с приятностью. И должен вам доложить, что женщины с годами меняются в этом деле только в лучшую сторону. Главное в такой ситуации для мужика – это вовремя закрыть глаза и мечтать, мечтать, мечтать...

Глава 21. СТАРЫЙ ГЭБИСТ

Нас резко оставили в покое. Подозрительно резко, чтобы не сказать больше. Теперь никто не сидел у нас на хвосте, никто не использовал оптику, чтобы следить за нами издали, и никто не препятствовал нам заниматься поисками неуловимого "слесаря-мороженщика".

Мы понимали, что над нашими головами собираются грозовые тучи, но были не в состоянии ни остановить свой бег, ни спрятаться куда-нибудь, чтобы переждать ненастье; смертельно опасное ненастье. Что двигает в такие моменты людьми, трудно сказать. Они уподобляются мигрирующим животным, которые, сбившись в сплошную массу, непрерывным и нескончаемым потоком бегут только к им одним известной цели, не обращая внимания на естественные ловушки, сплошь и рядом встречающиеся на нетореных тропах. Тысячами срываясь в пропасти, сотнями проваливаясь в трясины и захлебываясь на речных стремнинах, животные-камикадзе тем не менее продолжают свой путь будто их охватило повальное безумие.

Так получилось и с нами. По крайней мере, со мной и Платом; Маркузика мы оберегали со всем тщанием, на которое только были способны, хотя такая опека ему и не нравилась.

Он преимущественно сидел взаперти, по-прежнему пытаюсь "расколоть" винчестер, позаимствованный нами в бане. Когда мы возвращались в контору, Марк устраивал нам бурные сцены, что называется, на ровном месте. Но и я, и Серега мудро помалкивали, не устраивая конфронтации, прекрасно понимая, что наш гений находится на грани психологического срыва – ему никак не удавалось подобрать код к информации, записанной на жестком диске винчестера.

Из достаточно обширного списка лоточников, потерпевших неудачу в бизнесе и возвративших передвижные морозильные установки в нужный нам период, мы отобрали пятерых, наиболее вероятных кандидатов на роль "слесаря-мороженщика". Двое из них оказались особами женского пола, обозленными на свою неустроенную жизнь до крайности. Нам пришлось пустить в ход не только мужское обаяние, но и примитивный ментовский нажим, которым Плат владел в совершенстве, чтобы убедиться в непричастности этих двух фурий к похищению Кристины.

Еще два мужика, лентяи и пьяницы по натуре, легкомысленно позарившиеся на "шалльные" деньги лоточника-мороженщика, обещанные рекламой фирмы господина Белякова, тоже не

представляли особого интереса; разве что в плане классификации человеческих видов. За неделю так называемой работы они умудрились испортить товар и сломать взятые напрокат морозилки. Когда мы расспрашивали их об интересующих нас проблемах, они вели себя на удивление смиренно и покладисто, хотя и были подшофе.

Причину такого примерного поведения нам объяснили соседи, которые были в курсе событий. Оказывается, эти два ловкача по социалистической привычке хотели спихнуть фирме поломанные морозилки за здорово живешь, на арапа. Но не тут-то было. Крутые парни им быстро втюкали в головы разницу между ничейной государственной и частной собственностью, напроочь отбив охоту вешать лапшу на уши кому бы то ни было.

Звериный оскал капитализма вылился этим хитрецам в крупную копеечку и поломанные ребра. Поэтому при виде двух таких амбалов, как я и Серега, они решили больше не искушать судьбу и исповедались нам, как на духу.

Оставался последний, некто Тертышный, военный пенсионер. Он жил бобылем и имел двухкомнатную квартиру в центре города, которую сдавал молодой семье, а сам обретался неизвестно где и с кем. Используя свои связи, Плат узнал, что Тертышный – бывший сотрудник НКВД, притом из тех, у кого и после смерти на личном деле стоит гриф "Совершенно секретно". Похоже, конспирация у бывшего гэбэшника вошла в кровь и плоть. Он даже деньги от квартиросъемщика брал не как все нормальные люди – в открытую и в заранее обусловленное время, а когда ему заблагорассудится, предупреждая об этом по телефону за час до встречи. Несколько смущенный квартирант рассказал, что Тертышный обставлял их свидания словно нелегал – с паролем в виде какого-нибудь журнала и различными маскировочными ухищрениями. Сумасбродный старик, как выразился парень, каждый раз приходил в другой одежде, при этом нередко надевая парик и цепляя накладную бороду. Если "пароль" – обычно журнал "Огонек" – Тертышный совал в карман, значит встреча переносилась на другой день. Ко всему прочему он обладал удивительной, пугающей простодушного паренька-квартиросъемщика особенностью внезапно появляться и мгновенно исчезать, будто растворяясь в людском потоке.

– Он? – с сомнением спросил я Серегу.

– Что значит – он? – ответил вопросом на вопрос мой друг и шеф.

– Обозлившийся на новых русских старый чекист, у которого поехала крыша. По-моему, этот Тертышный вполне способен отмочить номер с похищением.

– Согласен. Однако, есть одно "но" – внешний облик старого гэбэшника никак не подходит под описание "слесаря-мороженщика". Тертышный, судя по рассказам соседей, невысокого роста, лысоват и с лицом похожим на бульдожью морду.

– Возможно, он работает с кем-то в паре.

– Не исключено, – согласился Плат. – Но чтобы проверить наше предположение, Тертышного нужно еще отыскать...

– И вытрясти из него душу, – подхватил я, – чтобы он раскололся, как гнилой орех.

– Что будет отнюдь не просто, учитывая его "славное" прошлое.

– Поживем – увидим, – злобно окрысился я, запихивая в карман "вальтер"; теперь без оружия мы с Платом не ходили даже в туалет.

Правда, Серега имел в этом отношении по сравнению со мной некоторое преимущество – он таскал с собой наградной отцовский ТТ модификации 1951 года и в случае прокола с

правоохранительными органами мог оправдаться, сославшись на кучу разных причин, побудивших его вынести оружие из дому. Зато мне не нужно было, в случае чего, придерживать палец на спусковом крючке из опасений засветиться – мой пистолет не значился ни в одной картотеке; если, конечно, верить Чуре. Впрочем, я не собирался сдаваться с оружием в руках ни бандитам, ни на милость нашей горячо любимой милиции.

Поиски старого гэбэшника несколько затянулись. В принципе мы могли дожидаться, когда он соизволит напомнить о своем существовании квартиросъемщику /на этот счет у нас была с парнем договоренность/, но месяц только начался, и сидеть, ожидая с моря погоды три недели, нам было не с руки. Плат, почерневший от вполне понятных переживаний, нарезал вместе со мной круги по городу и окрестностям на презентованном Стебловым "жигуле" с раннего утра до ночи. Эти поездки были мне в тягость, так как мой друг в последнее время напрочь утратил присущее ему чувство юмора и на мои попытки побалагурить не откликался. Потому я сидел рядом с ним в "жигуленке" как приговоренный к пытке молчанием, до боли в челюстях стискивая зубы – чтобы нечаянно не отвязать свой неуправляемый язык и не нарваться на очередные неприятности.

След Тертышного мы отыскиали лишь спустя четыре дня после того как он попал в наше поле зрения. Старый конспиратор все-таки допустил досадную оплошность, нечаянно проболтавшись по пьяни о местонахождении своей "земли обетованной" соседке, восьмидесятилетней бабуле. Наверное, расписывая красоты Богоявленки, небольшой, затерянной в лесах, деревеньки километрах в двадцати от города, он даже не предполагал, что старуха в свои весьма преклонные годы обладает удивительно цепкой памятью.

Конечно, Тертышный не сказал ей, что у него в той местности дом или дача, но бабуля, которую нам удалось разговорить с помощью взятки в виде пачки чая и торта, привела такие подробности, которые мог знать лишь житель Богоявленки; или дачник, снимавший там жилье в летний период. Я судил об этом вполне квалифицированно, так как в юности вместе с приятелями не раз сплавлялся по реке к деревне, чтобы там порыбачить – возле Богоявленки река изобиловала глубокими проминами, в которых водились сомы. А какой трофей для настоящего рыбака может быть ценнее и желаннее двух или трехпудового бревна с глазами и длиной в сажень? Однажды я поймал полутораметрового сома и после этого "подвига" ходил в героях целый год, рассказывая коллегам разные небылицы, которые принимались на веру с удивительной легкостью. Что значит слава...

В Богоявленку мы приехали в обед. Но не на "жигуле", оставленном в соседнем селе, а на двух одрах, которые нам предоставил напрокат шустрый деревенский конюх всего за двадцать баксов. Похоже, он отродясь не держал в руках американскую "зелень", и неожиданно свалившееся на забубенную голову мужичка богатство совсем смутило его и так нетрезвый ум. Мы еще седлали лошадей, а он уже помчался в местный продмаг с удивительной для такого задохлика прытью, чтобы отовариться беленькой и отметить свою удачу.

До Богоявленки и в былые времена можно было добраться только в большую сушь. Или по реке, что для нас нынче являлось проблемой. Поэтому мы пошли по пути наименьшего сопротивления, благо от села, где нам одолжили двух четвероногих вездеходов, до Богоявленки по прямой было не более пяти километров. Мы не стали ехать по тракту, представлявшему собой глубокую канаву, наполненную жидкой грязью, а свернули в лес, где виднелась неширокая и достаточно сухая тропа, которую явно проложил какой-нибудь пьяница – она петляла среди деревьев настолько замысловато, что нам временами казалось будто нас угораздило попасть в лабиринт.

И все же мы справились с задачей, руководствуясь больше интуицией, нежели здравым смыслом, и без пяти двенадцать уже подъезжали к рубленой церкви, главной достопримечательности заброшенной деревеньки, теперь насчитывающей не более

двадцати дворов.

Это и впрямь была воистину легендарная церковь. Большевики пытались ее разрушить еще в период коллективизации. Но тогда леса вокруг Богоявленки стояли не в пример нынешним, и уполномоченный из района, который должен был подвигнуть местных коммунаров на очередной атеистический почин, заблудился, да так, что его нашли лишь через две недели без лошади и брички в чем мать родила. Где и при каких обстоятельствах он потерял средство передвижения и штаны с толстовкой, про то история умалчивает.

Достоверно известно лишь то, что его жизненный путь закончился в психушке.

Большевик-атеист, к большому смущению товарищей партийцев, неожиданно стал богобоязненным кликушей и, закутавшись в белую простыню, как в тогу, часами вещал несчастным психам библейские истины, представляясь кем-то из апостолов.

Вторая попытка уничтожить церковь /между прочим, архитектурный памятник деревянного зодчества восемнадцатого века/ была предпринята в начале сороковых годов.

Очередной райкомовский шнурок все-таки добрался в Богоявленку и даже успел сколотить коллектив хриstopродавцев, готовых за бутылку родную мать вздернуть на сосну. Но во время инструктажа с непременно застольем не рассчитал своих сил и сгорел самым натуральным образом, правда, без дыма и пламени – от крепчайшего самогона, изнутри.

После этого смельчаков в партийных рядах района, готовых жизнь положить ради атеистической идеи, уже не находилось. Церковь Богоявленки /кстати, переименованной в село Красное/ почему-то исчезла из всех планов отдела по религии, а когда какой-нибудь ретивый партайгеноссе, из новеньких, заводил о ней речь, на всех старых партийных зубров вдруг нападала слепоглухонемота. Другие церкви рушились одна за другой, а богоявленская, сложенная из почерневших от времени дубовых плах, стояла незыблемо как сама христианская вера.

Последний "наезд" на старинную церковь свершился в аккурат за две недели до начала войны. После всех вышеуказанных перипетий Богоявленка стала местом паломничества верующих, приходивших сюда из самых отдаленных мест. Власти, как таковой, в деревне не было, потому что вся молодежь уехала в город – что ей делать среди болот в глухомани? – и аборигены преклонного возраста жили словно в отдельном сказочном государстве под мудрым руководством батюшки и дьяка. Слух о такой "малине" распространился среди христиан, как поется в бодреньком коммунистическом шлягере,

"от Москвы до самых до окраин" и народ рванул в Богоявленку как в нынешние времена на престижный курорт – чтобы отдохнуть духовно от разнообразных большевистских починов и безбоязненно помолиться в лесной тиши чудотворной иконе.

Конечно же власть не могла оставить без внимания подобное безобразие. Новый секретарь райкома, сосланный в наши места за какие-то грехи, взялся за дело с партийным азартом и бескомпромиссностью: богомольцев разогнал, батюшку вместе с дьяком послал по этапу, а к церкви направил бригаду с трактором и волокушей, чтобы разобрать ее по бревнышку и построить в райцентре то ли амбар для хранения зерна, то ли конюшню.

Правда, его подчиненные все-таки намекали своему боссу о нехорошей славе богоявленской церкви, но ретивое взяло верх и главный партайгеноссе закусил удила.

Как и следовало ожидать, трактор обломался на полпути и пока его ремонтировали, в небе появились "мессеры". В горячке первых дней войны секретарь о церкви забыл и вспомнил, видимо, лишь тогда, когда полутонная бомба, посеянная заблудившимся немецким бомбардировщиком, упала точно на здание райкома партии. Но это было его последнее в

этой жизни воспоминание. Кстати, больше за всю войну райцентр не бомбили ни разу...

Богоявленка словно вымерла. Осень уже давно вступила в свои права и деревья уныло роняли на землю последние листья. Только сосняк по-прежнему радовал глаз яркой зеленью, да какой-то кустарник у самой реки золотил ее неспешные темные воды, отражаясь в них словно в зеркале.

– Куда теперь? – спросил меня Плат как знатока местных достопримечательностей.

– Будем проверять все избы. Их тут не так много. За час управимся.

– Может, кого-нибудь спросим?

– А тут сейчас живут в основном дачники, которые купили избы у аборигенов. Они друг с другом обычно не контактируют.

– Между прочим, церковь открыта, – заметил Серега. – Неужто работает?

– Давай проверим, – я решительно ступил на паперть. – Даже большим грешникам вход в святую обитель не заказан.

Плат немного поколебался, но все же последовал моему примеру.

В церкви царил полумрак. Неяркий свет робко проскальзывал внутрь через узкие стрельчатые окна-вitraжи, рисуя на чисто выскобленном деревянном полу красные, синие и желтые треугольники и квадраты. Несколько свечей перед иконами мерцали успокаивающе и безмятежно, совсем некстати навевая мысли о бренности бытия. В церкви, как и в деревне, тоже не было ни одной живой души.

– Никого нету... – тихо и робко сказал Плат.

– Никого, – подтвердил я с недоумением.

– Линяем?

– Ну...

Мы довольно неуклюже перекрестились и, положив несколько купюр в кружку для пожертвований, направились к выходу.

Сухонькую согбенную старушку казалось родили церковные стены. Она возникла из ничего, будто ее сформировал дневной свет, вливающийся через входную дверь. Мы поневоле остановились, остолбенело уставившись на возникшую перед нами тщедушную фигуру.

– Здравствуйте, добрые люди, – тихо прошелестела старушка, глядя на нас удивительно ясными и живыми для ее преклонного возраста глазами.

– Здравствуйте, бабушка, – первым опомнился Плат.

– Вы батюшку ищете?

– Да нет... в общем... – Серега смешался и умолк.

– Не думаю, что человек, которого мы разыскиваем, имеет какое-либо отношение к церкви. – Я перевел дух и стал самим собой – разбитным нагловатым малым, которому везде и всюду море по колени. – Его фамилия Тертышный. Знаете такого?

Старушка подумала и отрицательно покрутила головой.

– Не припоминаю, – ответила она с извиняющейся улыбкой. – Здесь много людей пришлых, они в церковь не заглядывают.

– Он невысокого роста, в годах, плешивый, лицо квадратное, брови широкие, рыжие, на левой руке нет указательного пальца... – Я, как сумел, "нарисовал" бабуле внешний облик Тертышного, почерпнутый из беседы с его городской соседкой.

– Антихрист... – Старушка посуровела и посмотрела на нас неприязненно. – Вы к нему по делу или как?

– Еще по какому делу, бабушка... – быстро смекнув что почем, сказал я жестко и с угрозой.

– Он живет... – Старушка обстоятельно рассказала, как пройти к избе Тертышного, чем вызвала в моей душе тихое ликование – есть! попался, курилка!

Видимо, она поняла меня правильно, так как ее лицо снова прояснилось, а затуманившиеся явным неприятием глаза опять приобрели кроткое, добросердечное выражение.

– А он сейчас дома? – спросил я с невольной дрожью в голосе.

– Где же ему быть? Сидит сиднем, филин... – Бабуля явно была не равнодушна к бывшему гэбешнику.

– Спасибо, бабушка, – сердечно поблагодарил я старушку и добавил на прощание, вспомнив, где мы находимся: – Дай вам Бог здоровья.

Мы уже подходили к лошадям, привязанным к телефонному столбу /похоже, у местных дачников денежки водились немалые, если в такую глушь они сумели провести телефонную линию/, как нас окликнули:

– Деточка! Погодь...

Я в недоумении оглянулся и увидел, что старушка, опираясь на самодельную клюку, спешит к нашей импровизированной коновязи.

– Возьми... – Она всучила мне в руки крохотный образок Божьей матери, изготовленный типографским способом на гляцевом картоне. – Спаси тебя Господь...

В большом смущении я пробормотал слова благодарности и старушка возвратилась в церковь. Я вертел в руках иконку и не знал, что с ней делать. Меня даже война не научила быть набожным, хотя крест я носил – скорее в пику чеченцам-мусульманам, нежели из-за внутренней убежденности.

– Спрячь в нагрудный карман, – осторожно посоветовал Плат, которого тоже нельзя было причислить к верующим. – Может, когда пригодится...

Я посмотрел на него с подозрением, но в его глазах не увидел и тени насмешки. Более того – Серега смотрел на меня с тревогой, как на потенциального жмурика. Тьху, чур его!

Если я и не был истинно верующим, то по части суеверий мог дать фору кому угодно.

Впрочем, как и многие из ребят, понюхавших пороху.

Сунув иконку за пазуху, в карман рубахи, я вскочил в седло и мы поехали на край деревни, где в добротной рубленой избе обретался бывший гэбист Тертышный.

– А он, случаем, не шамальнет по нам из какой-нибудь "дуры"? – спросил я у Плата с большим сомнением – у меня из головы не выходила старушка с ее подарком. – С него станется.

– Держи ушки на макушке, – нехотя бросил Серега, сам во власти подозрений.

– Тогда вот что... – Я придержал своего одра и спрыгнул на землю. – Атакуй с фронта, а я зайду в тыл. Пока не свистну, в калитку не суйся. Хрен его знает, что на уме у этого "нелегала". В случае чего падай и отползай к укрытию. Только не мешкай, мать твою!

Лучше быть живым трусом, чем мертвым дураком. И достань свой ТТ, чтобы он был под рукой.

Плат мрачно кивнул, и я, перемахнув через плетень соседнего с избой Тертышного двора, по-пластунски пополз между кустиков смородины, держа курс на сортир, построенный на меже. Вскоре я занял удобную позицию возле крохотного сарайчика и по-разбойничьи, заложив четыре пальца в рот, засвистел.

Через минуту скрипнули несмазанные петли калитки и Серега крикнул:

– Хозяин! Эй, хозяин! Выйди на минутку, нужно поговорить.

Я вынул из кармана "вальтер", дослал патрон в ствол и, махнув рукой на маскировку, перебежал под стену избы. Выглянув из-за угла, я увидел Серегу, уже стоявшего во дворе, возле калитки, но все еще не решающегося пройти дальше.

И правильно сделал. Ответ Тертышного был весьма оригинален и очень действенен: скрипнула дверь, раздались быстрые дробные шажки и... Плата как корова языком слизала! Он закрыл калитку с такой поспешностью, что прищемил пальцы, и я услышал как он высказал об этом прискорбном факте свое мнение в очень не литературных выражениях.

Но я даже не улыбнулся. Мое внимание было приковано к приземистому коротконогому существу, которое спокойно и обстоятельно обнюхивало место, где совсем недавно стоял Серега. Это был пес из очень кровожадной породы бойцовых собак бультерьеров. Можно сказать, живое и очень опасное оружие.

Едва я подумал не без дрожи в конечностях о том, что меня от пса отделяет всего несколько метров и низенький заборчик, как позади избы раздались шорохи и какая-то возня. "В клещи берет, гад!" мелькнула отнюдь не глупая мыслишка и я, совсем озверевший от такого нахальства, рванул навстречу опасности, готовый стрелять без размышлений.

Тертышный застрял в окне, вовсе не предназначавшемся для таких фортелей, так как оно было совсем маленьким. Он уже до половины выбрался наружу – ногами вперед – и теперь смешно вертел задом словно пес с обрубленным хвостом, увидевший хозяина с костью в руках. Видимо Тертышный под шумок решил дать деру – уйти огородами в недалекую рощицу. Я облегченно вздохнул, сунул пистолет за пояс и одним сильным рывком выдернул старого гэбиста из окна вместе с трухлявой рамой.

– Здравствуй, дядя, – сказал я с ехидством и забрал у Тертышного двустволку, в которую он вцепился как черт в грешную душу. – Никак на охоту собрался?

Ошеломленный моим появлением старый гэбист не нашелся, что ответить. Он лишь угрюмо посмотрел в мою сторону и без лишних слов пошел впереди, заложив руки за спину. Я поневоле восхитился его понятливостью – что значит старый сталинский кадр.

На пороге избы-дачи нас встретил все тот же бультерьер. Он смотрел на меня с таким нехорошим выражением, что я немедленно достал "вальтер" и предупредил его хозяина:

– Дядя, убери пса. Иначе грохну.

Тертышной что-то буркнул и успокоенный бультерьер с независимым видом улегся на

крыльце, поглядывая одним глазом на меня, другим на Плата, наконец преодолевшего вполне понятную робость и присоединившегося к нашей компании.

– Есть разговор, – жестко сказал я и мы прошли в горницу, не забыв поплотнее закрыть входную дверь, чтобы за нами не последовал четвероногий друг Тертышного.

Интерьер горницы не отличался изысканностью и богатством: ковер на полу, крепкий дубовый стол, две деревянные резные скамьи, сработанные хорошим мастером, старинная керосиновая лампа, подвешенная к потолку, дореволюционный самовар на тумбочке, несколько фотографий в рамках на стене, а вместо иконостаса, как я и ожидал, застекленный щит с портретами Сталина, Ленина и еще каких-то большевистских начальников в военной форме. В том же красном углу стояла этажерка с книгами, название которых я прочесть не смог из-за сильно потертых корешков.

– Что вам нужно? – хмуро спросил Тертышный, переминаясь с ноги на ногу.

И опять-таки я был восхищен его дисциплинированностью и железной выдержкой.

Другой на месте старого гэбиста уже на дерьмо изошел бы, качая права. А он даже не потребовал документы, удостоверяющие наши личности. И я его понимал – два таких лба, да еще с оружием, явно пришли не чай гонять. Наверное, ему не раз приходилось вот так нагло и бесцеремонно вламываться в чужие дома и квартиры, чтобы арестовать очередного "врага народа", потому он прекрасно понимал, чем может закончиться даже попытка к сопротивлению.

Пока я беседовал с Тертышным, Серега быстро осмотрел остальные помещения и, возвратившись в горницу, отрицательно покачал головой. Значит, Кристины здесь нет...

Неужто мы ошиблись и опять вытянули пустышку? Черт!

– Садитесь, Кузьма Игнатьевич, – любезно пригласил Тертышного Плат.

Теперь он, как более опытный по части допросов, взял инициативу в свои руки. А я и не возражал; хотя бы потому, что хозяин избы вызывал у меня стойкое неприятие. Мне такой тип людей всегда не нравился. В глубоко упрятанных под кустистыми рыжими бровями глазах Тертышного светилась неумолимая первобытная жестокость хама от рождения, которая с годами только усилилась. Наверное, он и сейчас ходил на митинги и демонстрации под кумачовыми транспарантами, до хрипоты требуя возврата к прошлому.

Случись чудо и вернись прежние времена, Тертышный работал бы, несмотря на преклонный возраст, денно и нощно, ломая кости и отбивая почки у "агентов империализма", вздумавших вырваться из-за колючей проволоки соцлагеря.

– У нас есть несколько вопросов, на которые нужно ответить правдиво, – между тем продолжал Серега, глядя на хозяина избы как удав на кролика. – Надеюсь, вы представляете, чем грозит вам, – эти слова Плат произнес с нажимом, – дача ложных показаний?

Тертышный обречено кивнул. Он давно понял, что попал в жесткий переплет, не имеющего ничего общего с законом. И теперь, несмотря на строптивый характер, готов был нам выложить все, что знал, и чего и в помине не было.

– Зачем вы брали передвижную морозильную установку? – в лоб спросил Плат.

Наверное, брехня уже висела на кончике языка Тертышного, но тут он взглянул на меня и невольно закрыл рот, щелкнув вставными челюстями. Ну почему я так не нравлюсь некоторым штатским?

- Внук Темрючихи попросил... – ответил он чуток погодя с огромной неохотой.
- Кто такая Темрючиха?
- Соседка... бывшая. Это когда я жил на улице Снегиревской... – Тертышный назвал точный адрес. – Темрюковы они. Лизаветой звали... Представилась два года назад.
- Имя, фамилия внука? – резко спросил Плат.
- Валеркой кличут. Фамилию не знаю. Он сын дочери Темрючихи.
- Где живет?
- В городе... – неопределенно ответил Тертышный. – Валерка не говорил, а я не спрашивал.
- Он объяснил, зачем ему морозилка?
- Сказал, что хочет подработать. Сами знаете, что сейчас почти все заводы стоят. Довели... демократы... – Это слово он произнес как ругательство, с ненавистью.
- Почему он сам не взял?
- Паспорт украли. А без документов куда сунешься?
- И вы так просто, по старому знакомству, отдали ему вещь, которая стоит как подержанная машина? Не зная ни адреса Валерки, ни его фамилии? – Плат скептически ухмыльнулся.

Впервые за время нашей беседы Тертышный смутился и заерзал по скамье. Ему до смерти не хотелось говорить всю правду, но внутренний голос подсказывал бывшему гэбисту, что мы не отвяжемся, пока не расколем его до конца. И он абсолютно не сомневался, что в средствах и методах допроса мы не будем очень щепетильными.

- Он оставил залог... – нехотя буркнул старый проходимец.
- Интересно, что этот залог собой представляет? – любопытствовал Серега. – Не думаю, что вы продешевили, а потому считаю, что его стоимость находится в пределах трехчетырех тысяч долларов. Не так ли?
- Кольцо...с камушком... – ржаво проскрипел в ответ Тертышный, пряча от нас глаза.
- Это близко к истине... – Плат хищно прищурился. – Кузьма Игнатьевич, у нас есть сильное желание взглянуть на залог. Только не говорите, что вы его вернули! Мы люди недоверчивые и если не найдем понимания, то разберем избу по бревнышку, но колечко отыщем. Не волнуйтесь, мы его у вас не отберем.

Гамма чувств отразилась на топорно сработанной физиономии бывшего гэбиста – от страха и отчаяния, до ненависти и патологической жадности. Будь его воля, он нас живьем закопал бы в землю. Мы нечаянно затронули его ахиллесову пяту – скаредность и страсть к накопительству. Я был абсолютно уверен, что где-то в подполе старый хрыч хранит кубышку с золотом. И боялся, что он уже положил туда "залог" неизвестного Валерки. Если это так, то мы и под пытками не узнаем, где находится его заначка. А то, что Тертышный оставил кольцо себе, как предположил Плат, я уже практически не сомневался.

- Я сейчас... – наконец сказал хозяин избы и вышел в соседнюю комнату, плотно притворив дверь.

Мы не стали его сопровождать – куда он денется? Тем более, как мне успел подсказать Плат, там находилась кладовая с оконцем, в которое могла пролезть разве что кошка.

Возвратившись, Тертышный развернул тряпицу и положил на стол красивый золотой перстень, явно старинной работы, с большим бриллиантом. Да, этот сукин сын не прогадал с залогом, похоже, превратившимся в его собственность – камушек тянул на все пять штук "зеленью", если не больше. И я поневоле восхитился хитроумием неизвестного Валерки, сыгравшего на жадности старика. Будь на нашем месте сотрудники уголовного розыска, Тертышный не выдал бы парня ни под каким соусом из-за боязни потерять эту драгоценность. Но битого гэбиста нельзя было провести на мякине, а потому он прекрасно понимал, что мы к официозу не имеем никакого отношения и что с нами шутки плохи.

Припертый в угол, Тертышный решил потерять малость, чтобы не лишиться всего остального, а возможно и жизни.

Но как же нужно ненавидеть Стеблова, чтобы отдать в чужие руки фамильную драгоценность! Неужто и впрямь похищение Кристины – самая настоящая вендетта? Мы с Платом все больше и больше склонялись к такому варианту, и теперь наши умозаключения получили довольно весомое подтверждение. Если и впрямь Валерка тот самый "слесарь-мороженщик", то мы его со дна морского достанем. Что, впрочем, ни в коей мере не будет гарантировать успех в расследовании дела о похищении Кристины.

Похоже, этот парень – крепкий орешек. И он так просто не сдастся. Ладно, поживем – увидим...

– Вот вам бумага и ручка. – Плат раскрыл свою папку. – Напишите все, что нам рассказали.

В подробностях...

Немного успокоенный Тертышный согласно кивнул...

Закончив бумажные формальности, мы распрощались. К взаимной радости. Берлога старого гэбиста почему-то навевала тоскливое настроение, а потому мне – да, похоже, и Плату – хотелось поскорее выйти на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха.

– Я думаю, не стоит говорить о том, что вы должны держать язык за зубами, – сурово сказал Плат. – Предупреждаю. Если Валерка появится в Богоявленке, немедленно позвоните по этому телефону. – Он написал на клочке бумажки номер нашей конторы. – Обязательно!

– А как же, а как же, мы завсегда... – угодливо закивал старый гэбист, все еще не веря, что мы не отбираем у него фамильную драгоценность семьи Темрюковых.

– Перстень сохраните. Возможно, он потребуется в качестве вещественного доказательства. И не волнуйтесь – теперь перстень принадлежит вам.

Тут Плат несколько покривил душой и я понял почему. Конечно, можно было изъять у старого гэбиста драгоценную вещицу под благовидным предлогом, но Серега разумно рассудил, что лучше все оставить как есть, чтобы иметь в лице Тертышного, при необходимости, не врага, а добровольного помощника и надежного свидетеля.

– Скажите, а что случилось? – наконец набрался смелости старый хрыч и выдал вопрос, буквально обжигавший кончик его языка.

Плат посмотрел на него, как на пустое место, и с таким выражением осклабился, что Тертышный сразу же заткнулся и невольно стал перед ним навтыжку. О, этот ментовский взгляд! Холодный, циничный, пронизывающий до мозга костей, он вызывает неистовое желание немедленно забиться в угол и жалобно скулить, прося пощады неизвестно за что.

Мы покинули Богоявленку в хорошем расположении духа. Наконец наши усилия дали хоть какой-то результат и теперь будущее О.С.А. уже виделось в порозовевших тонах. Я ехал,

глядя на пронзительно голубое осеннее небо, и мне казалось, что над верхушками сосен плывет, подгоняемая солнечным ветром, красавица-яхта – пока еще призрачная и невесомая, но постепенно приближающаяся и приобретающая четкость и законченность очертаний.

Глава 22. ВЗРЫВ

Когда мы прибыли на исходный пункт, бедолага конюх уже не вязал лыка. Он сидел под конюшней, нежно обнимая наполовину пустую бутылку, а рядом валялись еще две, высосанные до капли. Рядом с ним, на ящике, застеленном пожелтевшей газетой, лежала почти не тронутая закуска – три яблока /одно из них надкушенное/, разрезанная на четыре дольки луковица, кусок черняшки и обглоданный селедочный хвост.

Завидев нас, конюх протянул свободную руку и изрек:

– Д-дайте... на опохмелку...

– А мертвого осла уши не хочешь? – ответил я, расседывая своего "скакуна".

– Не-а... – подумав чуток, покрутил головой несчастный. – Уши нам ни к чему...

Загнав лошадей в стойло, мы поторопились к "жигулю", который был оставлен под присмотром конюха и укрыт от нескромного глаза за какими-то постройками; мы его прятали не столько от автомобильных воров, сколько от вездесущих деревенских ребятишек. Уже отъезжая, я увидел нашего горе-сторожа, пытавшегося подняться на ноги.

Он махал нам рукой и что-то кричал, но за шумом мотора ничего не было слышно.

– Клиент готов, – констатировал Плат, на этот раз уступивший место за рулем мне.

– Что он хотел сказать? – спросил я больше себя, нежели Серегу.

– А ты разве не слышал? – улыбнулся Плат. – Он просил премиальные.

– Так-то оно так, однако... – Я неожиданно почувствовал странное томление в груди – будто упустил нечто очень важное и теперь безуспешно пытаюсь отыскать его в закоулках подсознания.

– Тебя что-то смущает?

– Как тебе сказать... – Я едва успел крутануть рулем, чтобы объехать глубокую колдобину.

– Твою дивизию!.. – Минуты две я высказывал все, что думаю о нынешней власти и о роли дорог в интимной жизни наших граждан. – Бля... – так закончил я свое выступление, когда совершенно выдохся.

– И все-таки, что тебе не нравится? – подождав, пока я закончу тираду, снова спросил Плат.

Похоже, и ему почему-то было не по себе и теперь он пытался подтвердить или опровергнуть свои сомнения.

– Не знаю, – честно признался я. – Интуиция взбунтовалась. Такое впечатление, что мы в большой опасности. Это если руководствоваться моим военным опытом. Но дорога, сам видишь, пуста, местность открытая, лесок впереди просматривается насквозь... нет, не знаю, что со мной творится.

– Это у тебя нервишки шалят. Пей слабо заваренный чай с мятой и медом, – посоветовал Серега.

Но меня не обманул его бодрый голос. Боковым зрением я видел, что у Сереги на скулах igraют желваки. С чего бы вдруг?

Прозрение свершилось настолько внезапно, что я поначалу даже не поверил тому тихому и назойливому голосу, который вдруг ни с того, ни с сего начал нашептывать мне одну единственную фразу: "Выйди из машины... Выйди из машины... Выйди..." Мы как раз миновали лесок и повернули в сторону автомобильной трассы; до нее оставалось всего ничего – около километра.

Я тормознул так резко, что Плат едва не расшиб лоб о ветровое стекло.

– Ты чего!? – всполошено спросил он, глядя на меня с негодованием.

– Серега, выходи из машины! – заорал я и открыв дверку с его стороны, буквально выпихнул своего друга наружу. – Беги, мать твою!

Он хотел было еще что-то спросить, но, глянув мне в глаза, тут же рванул прочь. Я бросился в другую сторону и, пробежав метров десять, упал в неглубокий овражек. То же самое сделал и Плат – спрятавшись за невысоким холмиком.

Минуты две я лежал неподвижно, весь во власти нахлынувших сомнений. Что случилось, думал я, какого черта я послушался той бредятины, которая вдруг втемяшилась мне в башку, и запаниковал как последний фраер?

Ответ пришел как гром с ясного неба. Взрыв нагло расколол предвечернюю тишину и над нашим "жигулем" взметнулся столб пламени. Я потеснее прижался к земле и прикрыл голову руками, опасаясь, что меня шандарахнет по кумполу какая-нибудь железка. Но все обошлось, хотя совсем рядом с моим укрытием упал покореженный взрывом капот.

То, что осталось от машины, пылало ярким факелом. Но я не стал пялить глаза на останки нашего "жигуля", а быстро перебежал дорогу и, убедившись, что Плат тоже цел и невредим, скомандовал:

– За мной! Ходу!

И мы помчались изо всех сил к недалекому лесочку.

Я перевел дух лишь тогда, когда мы почти без сил рухнули на землю в густом хвойном подлеске. Машина все еще горела, и черный вонючий дым от пылающих покрышек столбом поднимался вверх, где на большой высоте расплывался в уродливый гриб.

– Что это было? – с глупым выражением на лице спросил вконец растерянный Плат.

– Полный звездац, которого нам удалось избежать благодаря чуду, – ответил я, блаженно ухмыляясь. – Впрочем, погодь... – Я полез в карман рубахи и достал богоявленскую иконку, презентованную мне старушкой. – Все, дружище, с этого дня буду ходить в церковь. Уверен, бабуля точно знала, что мне грозит большая опасность. Похоже, эта иконка спасла нам жизнь. Я, конечно, атеист, но, знаешь ли, после сегодняшнего случая мне придется обстоятельно пересмотреть свое мировоззрение.

В ответ Серега лишь как-то беспомощно покачал головой. Он все еще никак не мог прийти в себя после такого облома. Я его понимал: только когда смерть проходит мимо, совсем рядышком, начинаешь осознавать, что жизнь в общем не такая уж плохая штука, а все остальное – деньги, слава, положение в обществе – всего лишь шелуха, которой место в

мусорной корзине.

– Посмотри на дорогу, – тронул я Плата за рукав. – Вот и ответ на все наши вопросы.

Только сильно не высовывайся.

Со стороны автотрассы катила шикарная импортная машина, по-моему, БМВ новой модели. Не доезжая до горящего "жигуля", она остановилась и выпустила из своей сверкающей лакированной утробы на свет ясный двух хмырей при полном параде – в темных костюмах и черных очках. Ну прямо тебе киношные сотрудники американского ФБР, подумал я. Они прошли вперед шагов десять, но подойти к нашей горемычной тачке поближе не решились – "жигуль" все еще плевался огненными плевками. Постояв в раздумье минуты три, они о чем-то переговорили между собой и решительно повернули обратно. Машина любопытных джентльменов дала задний ход, развернулась, и, мгновенно набрав приличную скорость, выехала на трассу. Там она влилась в поток автомобилей, водителям которых было чихать на пожар, потому как с такого расстояния они просто не могли рассмотреть, что именно горит за деревьями, на проселочной дороге, и вскоре ее и след простыл.

– Радиоуправляемая мина, – уверенно сказал я. – Все продумано и рассчитано до мелочей, Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Теперь я понял, что хотел сказать конюх.

Он пытался нас предупредить, что в "жигулях" кто-то копался. Похоже, наш горячий поклонник Бахуса видел этих козлов. Но по вполне понятной причине не смог им воспрепятствовать. Да он и не сообразил, что им было нужно.

– Но почему взрыв произошел именно здесь, рядом с трассой? – спросил Плат уже более твердым голосом.

– Во-первых, потому что в деревне слишком много любопытных и невидимых глаз. В сельской местности не успеешь чихнуть, как тебе уже говорят "будь здоров". Там всем и всегда все известно. При расследовании соответствующими органами деревенские могли дать им добротную наколку. А взорванную неподалеку от автотрассы машину трудно каким-то образом связать с деревней. Мало ли куда или откуда мы могли ехать.

– А во-вторых?

– Это проще простого. Стоящий в ожидании на обочине трассы БМВ вызвать подозрений не может – обычное дело. Может, кому-то захотелось по нужному делу в кусты. А они следили за проселком и едва увидев наш "жигуль", преспокойно нажали на кнопку радиопередатчика. И после – ты сам видел – убедились, что от нашего козлика остались рожки и ножки. Вот и все дела.

– Но как они вышли на наш след? Ведь мы проверялись...

– Какие проблемы... – Я горько ухмыльнулся. – Похоже наш "покойник" напичкан всякой дрянью по самое некуда. Нам удалось найти кое-что, но, оказывается, не все. Да-а, подарочек... – помянул я недобрым словом Боба Стеблова.

– А тебе не кажется?.. – осторожно начал Серега.

– Очень даже кажется, – понял я его мысль с полуслова. – Что-то тут не чисто. Мы все время торчим как вошь на иголке – и в задницу колет, и прыгнуть некуда. Ладно, разберемся. Вставай, хватит бока отлеживать. Нам еще топать и топать. Хорошо если удастся быстро найти попутку.

– Но что все это значит? – с дрожью в голосе спросил Плат.

– Ты до сих пор не понял? Или просто не хочешь понимать? Мы вышли на тропу войны.

Настоящей войны, где не брезгают никакими методами. И нам суждено или погибнуть, или победить. Я не думаю, что в такой ситуации возможны компромиссы. Рубикон перейден, дружище, все концы обрублены. Сражайся или умри – другого не дано.

– И как нам теперь быть?

– Играть на опережение. Хватит прятать головы в песок, словно мы какие-нибудь австралийские страусы. Нужно брать кое-кого за вымя и доить до упора, пока вымя не оборвет. А такие клиенты, сам знаешь, у нас на примете имеются...

До города мы добрались уже по темноте. Что-то мало в нынешние времена находится автолюбителей, готовых подобрать по дороге двух крепких мужиков. Я и Плат торчали на шоссе, как два гвоздя на видном месте, и все время мандражировали – вдруг вернется уже знакомый нам БМВ, а "покойнички" вот они? Мы, конечно, были вооружены, но если у фраеров в машине имелись автоматы, то нас после встречи с ними могли бы соскрести с асфальта разве что совковой лопатой.

Однако все, к счастью, обошлось /нас подкинул к городу автобус, который вез дорожных рабочих/ и около восьми вечера мы уже стучались в дверь нашей конторы, так как на звонки Маркузик не откликался.

– Он что, уснул? – встревожено спросил Серега.

– Лишь бы не на всю оставшуюся жизнь. – У меня на душе тоже почему-то кошки заскребли.

– Марк, отвори! – крикнул Плат и пнул в дверь ногой. – Это мы.

За дверью что-то скрипнуло, затем раздался грохот, будто упал шкаф, и спустя две-три минуты она отворилась.

– Ты чего забаррикадировался? – спросил я взлохмаченного Марка, пытающегося расчистить нам дорогу от ящиков с разнообразными железками.

– Какие-то хмыри хотели взломать дверь, – сумрачно ответил наш гений.

– Когда?

– Часа два назад. Сначала пытались открыть отмычками, а когда не получилось, взялись за ломы...

Я возвратился к двери и осмотрел ее повнимательней. Да, действительно, на краске виднелись свежие царапины. И я мысленно поблагодарил прежних хозяев нашего офиса, которые не поскупились и установили настоящего монстра из каленой стали.

– Марик, расскажи подробней, – потребовал Плат, когда мы очутились внутри помещения.

– Около пяти позвонили в дверь. Я посмотрел в глазок и увидел двух ментов. Мне они почему-то не понравились и я решил не открывать. Собственно, как ты и советовал. Они топтались возле двери с полчаса. Затем ушли. А потом появились четверо, здоровенные лбы. Но я перед их приходом на всякий случай соорудил из ящиков баррикаду. Как чувствовал... Все.

– Ночуем здесь, – сказал я безапелляционно. – Надеюсь, наш холодильник не пуст? – спросил я у Марка.

– Выпивку не держим, – дерзко ответил он и пошел ставить самовар.

– Это вы не держите. – Я полез за диван и достал оттуда литровую бутылку водки. – Интеллигенты хреновы... Нам сейчас в самый раз нервишки подлечить. Иначе будут сниться кошмарные сны.

Плат молча кивнул. Он был сильно расстроен и даже напуган, хотя не подавал виду. Эх, пехота... Чтобы вы делали без Сильвера?

Тщательно занавесив окна, мы спрятали оружие в тайник и сели ужинать. Я принципиально не стал наливать Маркузику – пусть помается, чертов трезвенник – но он, наступив на горло собственной песне, не стал корчить из себя обиженного.

– Плесни и мне, – Марк указал на рюмку.

Я решил своим дурацким трепом не обострять ситуацию и так накаленную до предела, а потому молча выполнил его просьбу. Мы выпили, пожевали, затем еще раз причастились и еще – но уже в малых дозах. Никто из нас даже попытки не сделал завязать разговор.

Моральная усталость камнем легла на наши плечи, напрочь отбив желание не то что разговаривать, но даже двигаться.

Пожинав, мы легли спать: я вместе с Платом на диване, а Маркузик на раскладушке. Мне снилась какая-то абракадабра, потому я часто просыпался, а Серега, по-моему, вообще промаялся всю ночь без сна. Переживал...

Утром с помятыми физиономиями мы стали держать совет. Видимо, у Плата никак не мог выветриться из головы случай с нашим "жигулем", а потому он сразу же спросил:

– И все-таки, как ты додумался, что машина заминирована и мы должны ее немедленно покинуть? Только не говори, что на тебя снизошло озарение. Это же нужно – за минуту до взрыва...

– Факт остается фактом, – пожал я плечами. – Нас и впрямь спасло чудо. Хотя последним аргументом, подтверждающим мои страхи, стала тень.

– Не понял...

– Мы все время ехали на запад и солнце стояло прямо перед нами, а в том месте, где взорвался "жигуль", дорога забирает влево и машина попала в тень сосен, что растут на обочине. Ты помнишь, что перед выездом я отдраил нашу тачку до блеска. И между прочим, работал в перчатках. Так вот, когда на машину упала тень, я заметил на капоте следы рук. Он плохо закрывался – что-то было с защелкой – поэтому приходилось применять силу. Тот, кто установил взрывное устройство, был очень небрежен. Хотя поставлено оно было верно – в двигательный отсек. В этом случае и обнаружить его труднее и взрыв более эффективный.

– Сволочи! – с чувством сказал Серега.

– Да уж... Но руганью делу не поможешь. Мы влипли по самое некуда. И теперь спрашивается в задаче: что нам делать в первую голову – искать похитителя Кристины или заняться спасением своих задниц? А нас в покое уже не оставят – это точно.

– Может, есть смысл подключить уголовный розыск? – не очень уверенно спросил Плат.

– Так они и разбежались, чтобы прийти нам на помощь. Да ты и сам понимаешь, что уголовке лишняя головная боль ни к чему. Заставят нас написать кучу бумажек – и привет.

Факты, которые мы накопили, ценны только для нашей конторы. Мало того, нас еще и виноватыми сделают. А меня могут и вообще бросить за решетку.

– Ты хочешь устроить разборку?

– А почему бы и нет? – Я закусил удила. – Какого черта, Плат!? Сколько можно бегать от этих козлов? Нужно заставить их бояться нас. Я уже говорил – будем бить по верхам.

Только в этом случае мы сможем выйти сухими из воды. Нам пока неизвестен самый главный мафиозный босс, но его помощников мы знаем. Но прежде надо с ними поговорить. Отдать, наконец, к чертовой бабушке магнитофонные кассеты и этот долбаный винчестер, разъяснить, что мы не причастны к убийству в бане... и вообще потолковать по душам. Вдруг ситуацию удастся спустить на тормозах.

– И что мы им скажем? – Серега саркастически ухмылялся.

– Что у них своя свадьба, а у нас – своя. Теперь мы практически определились с похитителем. И почти уверены, что Храпов и мафиозная компания по торговле "живым" товаром к похищению Кристины не причастны. А значит у нас к ним претензий нет.

– Круто... – Плат смеялся уже вполне откровенно. – Все как в народной притче: с хромым и горбатым женихом все в порядке, главное красавицу-невесту уговорить выйти за него замуж.

– Уговорим, – сказал я уверенно, хотя в глубине души не было даже намека на уверенность. – И нужно приниматься за дело как можно быстрее, пока они думают, что мы покойники. Внезапность и натиск – залог успеха.

– Ты и в самом деле думаешь, что мы можем договориться с нашими городскими мафиозо? – Серега смотрел на меня как на придурка.

– Хочешь, чтобы я ответил честно?

– И не иначе.

– Как же, жди от него правды, – неожиданно вмешался в наш разговор Маркузик. – Брехло собачье. Подставил нас, как захотел, а теперь героя изображает.

– Плат, скажи ему, чтобы он исчез. – Я разозлился. – Не втяни вы меня в это дурацкое О.С.А., я бы сейчас был бугром у бригады грузчиков. И плевал бы на всех мафиозо вместе взятых с высокой колокольни. Так кто кого подставил?

– Перестаньте... – досадливо поморщился Плат. – Уже ничего не изменишь. От того, что мы побьем горшки и перессоримся, легче не будет... – Он хотел развить эту тему дальше, как вдруг требовательно задребезжал звонок входной двери.

Мы тревожно переглянулись.

– Не открывайте! – прошипел Марк.

– Думаю, что Марик прав, – согласился с ним Серега. – Нас нету.

Но звонок не утихал. Мало того, в дверь начали стучаться.

– Пойду посмотрю. – Я решительно встал и направился к двери.

Картина, которая открылась моему взору, ничего хорошего нам не сулила. У входа в нашу контору стоял капитан Жердин, а за ним еще три лба в камуфляже и с автоматами. Судя по выражению их лиц, они были настроены очень решительно. Я поторопился обратно.

– Кто там? – спросил побледневший Плат.

– Жердин с омовцами. И похоже, он знает, что мы на месте.

– А это уже совсем плохо... – Серега бросил выразительный взгляд на диван.

Мы все-таки приспособили подвал для наших насущных нужд. Правда, трудиться физически пришлось в основном мне, но я был доволен тем, что сделал. В подвале я оборудовал тайник с надежным сейфом, где хранилось самое ценное, в том числе /кроме денег/ магнитофонные кассеты слухачей из бани, злополучный винчестер, дискеты с разнообразной информацией и оружие. Я постарался и так замаскировал крышку люка, что ее мог заметить разве что Шерлок Холмс. Она была снабжена электронным замком /это уже дело рук Маркузика/ и открывалась лишь тогда, когда на специальном пульте набиралось кодовое слово. Главной проблемой нашего тайника был лишь диван, этот неподъемный монстр. Когда мы его двигали, чтобы освободить доступ к крышке люка, то поминали всех святых. Впрочем, это обстоятельство в какой-то мере нас даже радовало – в случае каких-нибудь перипетий только идиот будет сдвигать диван, чтобы проверить что там под ним.

Стук в дверь превратился в грохот. Похоже, ее пинали не только ногами, но и прикладами автоматов.

– Куда денешься... – Я обречено пожал плечами. – Придется открыть. Против власти не попрешь. Учтите – мы спросонку.

– Постой! – Серега придержал меня за рукав. – Пойду я...

Он решительно отодвинул засовы и открыл дверь. Я торчал у него за спиной, готовый, если потребуется, на что угодно.

Первыми ринулись внутрь обозленные омовцы, не очень почтительно оттолкнув Жердина в сторону. Не ожидавший такого натиска Плат едва не упал, но я его поддержал.

А затем, выступив наперед, одним резким движением я вышвырнул двух лбов наружу как нашкодивших щенков.

– Спокойно, мужики! – сказал я; надеюсь, очень внушительно. – Капитан! В чем дело?

Жердин ответить не успел. Это за него сделал один из омовцев.

– Ну, козел!.. – рявкнул парень и попытался двинуть меня ногой.

Я спокойно, но жестко, парировал удар и снова обратился к Жердину:

– Капитан, пусть они уймутся. Иначе я за себя не ручаюсь. Мы не преступники и не хрен на нас кидаться, как стадо быков на красную тряпку.

Омовцы, совершенно обалдевшие от такой невиданной наглости, хотели было продолжить штурм нашей маленькой "крепости", притом по полной программе, с ломанием ребер и остальных не очень прочных частей человеческого тела, но тут наконец подал голос и Жердин.

– Отставить! – скомандовал он достаточно решительно. – У нас ордер на обыск, – официально заявил Жердин, стараясь не встречаться взглядом с Серегой, который во избежание свалки быстро оттеснил меня на задний план.

– Позвольте полюбопытствовать, – серьезно сказал Плат и взял из рук капитана свернутый вчетверо бумажный лист.

Прочитав, что там написано, он вернул бумагу Жердину, коротко кивнул, и вся компашка ввалилась в нашу контору. Только теперь я заметил, что кроме Жердина в группе ментов находился еще один человек, тоже, как и капитан, в штатском – худощавый мужик лет сорока с неприятными чертами длинного аскетического лица. Судя по тому, как держался Жердин, его коллега был старше по званию и, похоже, возглавлял оперативную группу.

Позади всех неприкаянно топтались понятия – продавщица и грузчик из большого продовольственного магазина по соседству с нашей конторой. Мы были немного знакомы, а потому они смотрели на нас с сочувствием. И я знал, почему – у них такие налеты случались через день: то бандиты придут за данью, то налоговая полиция устроит очередную проверку, то райотделовские менты заявятся за тормозком к очередному юбилею начальства, а то и какие-нибудь отморозки набегут со стволами, чтобы взять на гоп-стоп кассира с дневной выручкой.

Взглянув на худощавого, Плат слегка нахмурился и приподнял левую бровь, что у моего друга являлось признаком большого волнения и даже тревоги.

Омоновцы принялись за дело словно слоны в посудной лавке, которые пришли делать уборку помещений. Но мне от этого на душе стало легче – они больше демонстрировали обыск, нежели что-то искали. Лишь худощавый мент, с интересом взглянув на бледного Маркузика, забившегося в угол, сразу прошел в его лабораторию и начал рыться в большой коробке, где хранились дискеты. Строгий Жердин слонялся по офису будто без дела, но его острые глаза казалось залезали в каждую щелку. Он несколько раз останавливался и возле дивана, осматривая его со странным любопытством, но когда омоновцы снимали с моего "рабочего" места все, что только можно было, оставив голую деревянную основу, похожую на панцирь гигантской доисторической черепахи, капитан потерял к нему всякий интерес и переключился на сейф, без лишних слов открытый Серегой. И Плат и Жердин вели себя совершенно официально – подчеркнуто официально – обмениваясь ничего не значащими фразами. Да, теперь они были по разные стороны баррикады. Наверное, Серега только сейчас осознал, что такое в нашей стране быть обычным гражданином, у которого права чаще всего написаны лишь на бумаге, а обязанности ему может втолковать любой прыщик при исполнении, да еще и в очень популярной форме – под дых или по мордам.

А я стоял и кипел, как чайник на костре. Суки наглые! Интересно, с таким ли рвением и азартом эта ментура рыскала бы по офису какого-нибудь мафиозного босса, у которого денег куры не клюют? Нет, гад буду, плюну на это наше О.С.А. и примкну к стаду "диких гусей" – наемников. Там по крайней мере буду точно знать, что никакая сволочь вот так безнаказанно не сможет топтаться ботинками по моему личному коврику и пинать валик дивана, на который я кладу свою голову.

Этот рыжий молокосос-омоновец явно нарывался на выяснения отношений. Я тоже не забыл, что он назвал меня козлом, но пока терпеливо сносил будто нечаянные толчки, когда этот сопляк проходил мимо. Но когда он, нагло ухмыляясь, наступил своим пудовым ботинком мне на ногу, я не выдержал и сказал:

– Уймись, зеленка. Иначе я твой автомат тебе в глотку вобью по самый магазин. Делай свое дело и не лезь ко мне.

Он ударил прикладом коротко, без замаха – тычком, целясь в мою челюсть. Обычно после такого удара приходится идти к дантисту, чтобы он сварганил вставную челюсть. Я предполагал нечто подобное, а потому был настороже. Наверное, молокосос очень удивился, когда приклад не попал в такую близкую и удобную цель. Еще больше он удивился и испугался, когда я, сделав короткий шаг вперед, впился пальцами в его кадык.

– Дернешься, сука, горло вырву... – свирепо шепнул я ему на ухо. – Предупреждаю в

последний раз – не трогай меня. Иначе живым ты отсюда не уйдешь. Гуляй пока...

И все-таки этот короткий инцидент не замеченным не остался. Один из омонцовцев, крепкий парень в годах – может, чуть старше меня – быстро подошел к нам и сказал:

– Емелин, пошел отсюда!

Похоже, он был сержантом, так как молокосос повиновался ему немедленно и без лишних телодвижений.

– Спецназ? – тихо спросил меня сержант.

– Ну...

– Чечня?

– Ясное дело...

– Извини, старик, этого дурака. Хочет выслужиться... – Сержант невесело осклабился. – Я тоже Грозный брал... мать бы его...

Он тяжело вздохнул и потопал в противоположный угол, так как в это время в кабинете появился худощавый.

– Капитан! – обратился этот неприятный тип к Жердину. – Дискеты изъять, комнату опечатать. Выставить пост охраны. После обеда придут спецы по электронике. Пусть покопаются. Это их проблемы.

– В чем нас обвиняют? – сухо и неприязненно спросил Плат.

– Узнаете, – холодно посмотрел на него худощавый. – Закончите обыск, – обернулся он к Жердину, – всех в управление. Я там буду через час.

Он вышел. Я выглянул в окно. Худощавого ждал ментовский "форд" с мигалками.

– Подполковник Удод. – Ко мне присоединился Серега. – Начальник одного из отделов управления по борьбе с организованной преступностью. – Он оглянулся на Жердина, делавшего вид, что его не касается, о чем мы беседуем. – Редкая сволочь, – продолжил он шепотом. – Из бывших обкомовских работников. Будь поосторожней – он способен на любую пакость. Протокол допроса читай от корочки до корочки, каждую букву. И очень прошу тебя – не заводишься. А то в горячке можешь наболтать черт знает что. Я тебя знаю.

– Нас что, уже приклеили к организованным преступникам? Лихо... – На душе у меня было так муторно, что захотелось немедленно опрокинуть стаканчик чего-нибудь покрепче. – Как ты думаешь, что они хотят на нас повесить?

– Не знаю. И даже не догадываюсь... – Плат выразительно скосил глаза в сторону Жердина.

– На допросе узнаешь. Нас всех повяжут? – спросил он не без иронии у капитана, преднамеренно не называя ни его имени, ни звания.

– В управление поедете вы и Сильверстов, – официально сухо ответил Жердин.

Серега посмотрел ему в глаза и капитан смущенно отвернулся. Неужто совесть проснулась? Чудеса...

Плат подошел к Маркузику, на котором лица не было. Я ему сочувствовал – попадать в такой переплет нашему тепличному гению еще не приходилось.

– Как только мы уйдем, свяжись с моим отцом, – сказал ему Серега. – Нас взял УБОП.

Дело, которое нам шьют, ведет подполковник Удод. Запомнил фамилию? И не дрейфь, все образуется.

Марк скорчил жалобную мину и едва не пустил слезу. Чтобы не расстраивать нашего друга еще больше ненужным в такой ситуации трепом, Плат оставил его и возвратился ко мне.

– Оденься потеплее, – посоветовал он. – Не исключено, что нас бросят в каталажку.

– Знакомое дело, – буркнул я. – Лучше бы я до сих пор сидел там, откуда ты меня вытащил.

Серега промолчал. А что скажешь?

Глава 23. УДОД

Нас допрашивали в разных кабинетах, притом одновременно. Иногда подполковник Удод – мне выпала большая "честь" попасть на допрос именно к нему – выходил, оставляя меня одного. Наверное, он обменивался информацией со своим коллегой, который беседовал с Платом. Это чтобы побыстрее и поэффективнее нас прижучить. Я, конечно, не знал, что говорит Серега, но решил – буду отказываться от всего, чтобы мне ни инкриминировали; даже от очевидных фактов. Тем более, что особых грехов за собой я не чувствовал; естественно, не считая случая в квартире Бермана, когда использовал кухонный нож не по назначению.

Удод был сама невозмутимость.

– Значит, вы не знаете кто такой Красавкин? – подполковник говорил, почти не открывая рта – словно цедил слова.

– Нет, – ответил я чистосердечно – мне и впрямь не была знакома эта фамилия.

– А Фалалей?

– Впервые слышу.

– Понятно... – Удод достал из тоненькой папки какую-то бумаженцию. – Тогда скажите, где вы находились?.. – он назвал дату и время.

– Точно не помню. Скорее всего, на работе.

– Странно... – Что-то дрогнуло на неподвижном лице Удоды – как будто он безуспешно попытался изобразить скептическую ухмылку.

– А что здесь странного? – Меня так и подмывало надерзнуть. – Я не писатель и дневников не веду. День прошел – и ладно. Вот если бы у меня было свидание с подругой – тогда другое дело. Для холостяка встреча с женщиной – всегда запоминающееся событие.

– Тогда может вы знаете Красавкина и Фалалея как Чурю и Гольяна?

Твою мать!.. Как я не удосужился узнать у наших "кротов" в мафиозном стане их подлинные фамилии? Впрочем, они мне и на хрен не были нужны – их держал на контроле Плат. И что мне теперь базлат? Брехать опасно, а говорить правду... черт его знает, как она может обернуться. Кто знает, что на уме у этого отморозенного следака...

– Это кликухи? – сделав глупое лицо, невинно поинтересовался я.

– Так вам они известны или нет? – В голосе Удоды прозвучали металлические нотки.

– У меня с памятью плохо. – Я начал закипать – да пошли вы все!.. – В Чечне контузило.

Вы, случаем, там не были?

– Нет! – отрезал подполковник.

– Напрасно. Могли бы уже стать генералом.

– Похоже, вы еще не осознали, где находитесь... – прошипел Удод.

– В ментовке, – буркнул я с независимым видом. – По нынешним временам ничего странного. Бандиты разгуливают на свободе, ездят на Канары и гудят в кабаках, а честных людей пихают в каталажки и дерут с них три шкуры. Хватит ходить вокруг да около, говорите прямо, что вам нужно. Иначе я буду молчать. И вообще – где мой адвокат?

– Размечтался... – злобно оскалился подполковник; похоже, мой прозрачный намек на Чечню вывел его из равновесия. – По-моему, я спрашиваю куда уж прямей. Повторяю вопрос: вы знакомы с Чурей и Гольяном?

– Не уверен. Не могу сказать ни да, ни нет. Возможно, я с ними и знаком, даже накоротке, но ни таких кличек, ни фамилий я не слышал. У вас, случаем, нету их фотографий?

– Случаем есть... – Подполковник, глядя на меня змеим подколодным, положил на стол передо мною, будто карты для пасьянса – веером, пачку фотоснимков.

Я посмотрел на них и обмер. Они представляли собой целую картинную галерею, отснятую в городе и на природе, где главными персонажами глянцевых полотен являлись мы с Платом. И Чуря с Гольяном – в нашей компании. Судя по одному из снимков, где мы все четверо сидим в лодке-моторке, нас фотографировали во время последней встречи на острове. Но, судя по сюжетам, сунуться на островок наружники УБОПа побоялись – во избежание засветки. Это уже радовало. Значит, они не могли подслушать наши разговоры.

Так вот кто тогда за нами следил...

– Другой базар... – Я широко ухмыльнулся. – Этих парней я знаю. Мы познакомились где-то с полмесяца назад. Нормальный мужики. По-моему, нас засняли, когда мы ездили на пикник. Ну, там, шашлыки, водочка, пиво под вяленого леща... И никаких женщин – Боже упаси! Чисто мужская компания.

Тут я не соврал. Мы действительно для маскировки приготовили на острове шашлыки и выпили по сто грамм. На этом настоял Серега, хотя бухать в одной компании с Чурей и Гольяном, этими двумя козлами, у меня не было ни малейшего желания.

– Нормальные мужики, говорите? – Удод смотрел на меня ничего не выражающим взглядом.

– Они подозревались в четырех заказных убийствах.

– Твою дивизию... – пробормотал я, сделав ошеломленный вид. – Не может быть!

Чего греха таить, я почти наверняка знал, кто такие Чуря и Гольян. Ну и что? Как по мне, так гораздо большие мерзавцы те, которые дают заказы на убийства. В том числе и на освященные высокими идеалами, когда невинных людей пачками укладывают в гробы – якобы ради процветания и благополучия государства. А на самом деле из-за больших денег.

Но почему "подозревались"? Неужто Чуре и Гольяну пришел амбец, если я правильно понял Удоду? С одной стороны это хорошо, так как могила – самый надежный сейф для хранения разных тайн, но с другой – весьма симптоматично, поскольку за нами следили сотрудники УБОП, а не мафиозо. Если и впрямь Чуря и Гольян уже жмурики, то их могли прикончить только свои, что означало утечку информации из недр самой главной службы по борьбе с организованной преступностью. Лихо...

– Неужто вам и впрямь не было известно, что они собой представляют?

– Можете сомневаться сколько угодно, – огрызнулся я. – Человеку в душу не заглянешь.

Тем более, что мы встречались всего ничего, от силы три раза. Шапочное знакомство.

– И о чем вы разговаривали?

– О телках... пардон, о девушках. А о чем еще могут говорить молодые, здоровые парни за бутылкой водки?

– Обычно основной темой разговора является работа, насколько я знаю мужские компании. Или я не прав?

– Сейчас таких тем избегают. По вполне понятным причинам.

– Это каким же?

– Каждая фирма обязана свои тайны беречь и от болтливых сотрудников избавляются в первую очередь. А кому хочется в нынешние времена потерять работу?

– Возможно... И все-таки припомните, о чем вы говорили, когда ездили на пикник.

Я сделал вид, что задумался.

– Хрен его знает, – сказал я огорченно минуты через две. – Обсуждали достоинства и недостатки новых моделей немецких машин, Чуря хвалил ресторан "Дарвин"... – Это я уже намеренно сказал, чтобы посмотреть на реакцию подполковника.

И не ошибся – услышав о "Дарвине", Удод хищно прищурился.

– Ну, ну! – поторопил он меня, потому что я сделал паузу, глубокомысленно разглядывая потолок – якобы вспоминал. – Что именно говорил Чуря о ресторане?

– Приглашал нас отужинать... в складчину. Обещал, что познакомит с клевыми девахами.

Рассказывал, что там хорошая кухня, отличный оркестр...

– Оркестр? – Удод явно был возбужден. – Он не сказал, что знаком с кем-то из оркестрантов?

– Не помню. – Я сокрушенно развел руками. – Может и говорил. Но я не придал этому значения. Извините, можно вопрос?

Мне показалось, что Удод наконец поверил в мое простодушие, а потому я надумал выяснить какого черта нас притащили сюда на допрос.

– Да, пожалуйста.

– Если не секрет, в чем мы провинились? – Я смотрел на подполковника умоляюще.

– Чуря и Гольян убиты, – сухо ответил Удод, решив, что эту информацию от меня скрывать нету смысла. – Буквально на следующий день после вашего совместного пикника на острове.

– Ну, блин... – Я постарался как можно натуральней вытаращить глаза и даже рот открыл от изумления. – Во дела... А где и как это случилось?

– За городом, – не стал уточнять Удод. – Их сначала застрелили, а потом подожгли машину.

– Но мы-то причем? По всему видно, что это мафиозные разборки.

Подполковник посмотрел на меня долгим немигающим взглядом. Мне даже стало неуютно, но я крепко держался своей линии – изображал недоумение и возмущение.

– Мы разрабатываем все их контакты, – наконец сказал Удод.

– И всех сразу тащите в каталажку?

– Нет... – Подполковник стал загадочным как сфинкс. – Только некоторых. А теперь позвольте вам заметить, что здесь вопросы задаю я.

– Нет проблем, о чем базар... – покорно закивал я головой.

– Я рад, что вы меня поняли... – Удод пошелестел бумагами и спросил: – Вам известен гражданин Завалихин?

Докопались таки! Или угрозыск в лице капитана Жердина поделился информацией с УБОП? Час от часу не легче. Блин...

– Ну... – коротко ответил я.

– Да или нет? – несколько раздраженно переспросил подполковник.

– Скорее нет, чем да. Он был клиентом нашего агентства. Но лично я с ним не знаком.

Однако фамилию припоминаю... Завалихин? Да, точно. С ним все дела вел наш начальник, Платонов.

Я решил подвинуть бревнышко в сторону Сереги – с его ментовским опытом тащить эту ношу сподручней.

– А что вы можете сказать про Соломонова?

С виду простой вопрос был до самого дна наполнен коварством и непредсказуемыми последствиями. Как же, сейчас схвачу наживку...

– Это еще кто? – недоуменно спросил я, напрочь проигнорировав замечание Удода о его главенстве в этом кабинете.

– Человек, приходивший в ваше агентство и зарегистрировавшийся в книге записей под фамилией Завалихин, – ответил с насмешкой Удод. – Неужто не помните?

– В нашей фирме я человек маленький. Что скажут, то и делаю. И к книге регистрации клиентов я не имею никакого отношения. Между прочим, к нам приходят многие, разве всех их запомнишь?

– Не валяйте дурака, Сильверстов! – резко сказал подполковник. – Вот здесь, – он постучал узким сухим пальцем по папке, – вся ваша жизнь. И ни в одной бумажке я не нашел даже намека на то, что вы слабоумны.

– Контора пишет... – ответил я философски.

– Пишет, – согласился не без ехидства Удод. – И подсказывает, что вам хорошо известна история с Завалихиным и Соломоновым, ныне покойными.

– Ах, да-да-да... – Досадливо морщась, я потер виски. – Вот теперь кое-что прояснилось...

Соломонов /или Завалихин, я уже подзабыл/ дал нам задание найти бумажник... или кошелек... В общем, что-то в этом роде.

– И вы нашли?

– Конечно. Нам повезло. – Я благодушно осклабился. – Мне потом даже зарплату выдали... гы...

Удод смотрел на меня, словно целился – прищурился один глаз. Правый. Похоже, у него что-то было на уме, и он никак не решался сказать.

– Может быть, может быть... – пробормотал подполковник – наверное, в унисон своим мыслям. – Ну-ка, посмотрите... – Он открыл сейф и достал оттуда... хорошо известный мне лопатник Завалихина! – Этот бумажник вам знаком?

– Так точно! – радостно и бодро рявкнул я и хотел взять бумажник в руки. – Тот самый, что мы передали клиенту.

Но Удод бумажник не отдал. Он лишь помахал им у меня перед носом и уточнил:

– Вы не ошибаетесь?

– Ни в жисть! Точно вам говорю – он. И монограмма, и заклепки позолоченные.

Тиснение... Все сходится.

– Хорошо... – подполковник как будто просветлел лицом.

Он вернул лопатник на прежнее место и закрыл сейф на замок.

– Ну что же, продолжим... – Он сел в свое порядком потертое креслице и снова стал буквой.

– Как, разве мы не закончили? – Я изобразил наивное удивление.

– Мы только начали, – скверно улыбнулся своим отморозенным лицом Удод.

Я промолчал, лишь недоуменно пожал плечами. А что скажешь? С ментурой особо не поспоришь. Пусть базлает, я послушаю.

– Расскажите, что вы делали... – подполковник сказал дату, – после полуночи?

– Вам рассказать в подробностях? – Я был сама честность. – Или в общих чертах?

– Самым подробным образом.

– Значится так... – Я снова с глубокомысленным видом уставился в потолок. – Это было, это было... Минуточку... Ага, вспомнил. День, можно сказать, для меня знаменательный. Я вам уже говорил насчет холостяков... Так вам нужно именно после двенадцати? Как скажете... Ну, во-первых, я съел яичницу... по-моему, из шести яиц. Эдакий поздний ужин.

Выпил два стопарика. Маленькие, пятидесятиграммовые. Такая доза мне, что слону

комариный укус. Вы пьете водку или предпочитаете вино? Ах, вообще не употребляете.

Разумно, разумно... Долго жить будете. А я вот больше к водочке имею склонность.

Правда, в последнее время такое дерьмо продают... Самопал, изготовленный черт знает из чего. Уж лучше пить самогон. Все, все, продолжаю. Потом моя подруга пошла в душ... я уже там был, сразу после того, как... Мы, знаете ли, и до двенадцати успели... если не ошибаюсь, два раза...

– Вы издеваетесь надо мною!? – Удод мгновенно почернел от ярости – будто обуглился.

– Помилуй Бог, товарищ подполковник! И в мыслях такого не было. Вы ведь просили рассказать все, притом в подробностях. Вот я и... Ну, а потом мы опять, скажем интеллигентно, прилегли...

– Довольно! – взревел подполковник. – Адрес, фамилия!

– Чья фамилия?

– Этой... вашей подруги!

– А-а... – Я понимающе кивнул. – Нет проблем... – Я продиктовал. – Скажите, зачем она вам?

– Чтобы подтвердила, что вы лжете.

– Я!? О чем вы говорите, товарищ подполковник!? Я же сейчас не на посиделках. Как я могу лгать? И зачем?

– Вот я тоже думаю – зачем? – Удод снова зашуршал бумагами. – С какого времени вы знаете Храпова? – быстро спросил он, впившись в меня немигающим взглядом.

Да понял я, понял! И беззаботность моя всего лишь маска. Храпов, передовой бригадир "Горлифторемонта" – вот гвоздь сегодняшней программы. Ах, Жердин, Жердин...

Обещался не сдавать нас... Сука!

– Понятия не имею, кто это, – ответил я, глядя на Удоду, словно сидящий на горшке младенец, широко распахнутыми невинными глазами, в которых не было ни единой лишней мысли, кроме самой главной – как бы не подвести такого хорошего дядю мента и сказать ему всю правду и ничего иного, кроме правды.

– А вы хорошо подумали? – вкрадчиво поинтересовался подполковник.

– Тут и думать нечего. Храпов... Может, у него есть какое-нибудь прозвище? А где он работает?

– Работал... – Свинцовый взгляд Удоды давил, прессовал, буровил – короче говоря, смотреть в его зенки было очень неприятно.

– Уволился и уехал? – высказал я предположение.

– Да. Очень далеко уехал. Так далеко, что теперь его никому не достать. Храпова убили.

– Что вы говорите!

– Бросьте, Сильверстов... – поморщился подполковник. – Вы хороший артист, но все имеет свои пределы. Даже нагая, беспардонная ложь. Вам неизвестен Храпов? Ну понятно – вы

убили его, даже не поинтересовавшись именем.

– Бли-и-ин... – Я открыл рот пошире и изобразил юродивого. – Това... Товарищ подполковник! – возопил я в ужасе. – Да вы что, в натуре! Никого я не убивал!

– Я ведь вам уже говорил, что в этой папке вся ваша жизнь. Так вот, здесь черным по белому написано, где и кем вы служили.

Ну здесь, предположим, ты несколько загнул, мент с птичьей фамилией. Где служил – это и козе понятно, какие секреты... А вот кем – увольте. Такие сведения спрятаны очень глубоко и откопать их даже УБОПу не дано. За подобную информацию чечены платили большие бабки. Потому в министерстве обороны ее держали за семью замками.

– В Чечне я служил, гражданин начальник. А там, знаете ли, стреляли. Но если на основании этого вы пришли к выводу, что я убийца – как его?.. – Храпова, то грош цена всей вашей информации. Все я заканчиваю базар. Мне надоело изображать попугая, которого к тому же подозревают, что он изнасиловал удава. Никого я не убивал, хотя иногда руки чешутся замочить несколько подопечных вашей конторы. Эти бритоголовые Васьки уже весь народ забодали, а вам хоть бы хны. Все информацию в папочки собираете...

Теперь я уже не ерничал. Наверное, Удод почувствовал перемену в моем настроении и понял, что коса нашла на камень. И все же он попытался сделать шибко грозный вид, но я тоже умею, когда нужно, выглядеть весьма внушительно. Похоже, подполковнику очень не понравился мой взгляд, потому что он быстро опустил глаза и начал с деловым видом перебирать какие-то бумаги – на этот раз достав их не из папки, а из письменного стола.

– У нас есть показания... – Удод ткнул пальцем в бумажный лист, исписанный шариковой ручкой сверху донизу. – Вас видели, когда вы убегали после убийства Храпова. Два свидетеля.

– Я так понимаю, они назвали мое имя и даже домашний адрес... – Я откровенно рассмеялся. – Ну очень проникательные и законопослушные граждане. Все это ля-ля. Эту туфту вы можете с таким же успехом пришить кому-нибудь другому.

Я умолк и на этот раз надолго. Пошел он, этот засушенный Удод... Все его бумаженции не стоят одной, которую накалякала неразделенная любовь Бермана, Эллочка, когда я взял ее за жабры. /Интересно, как там с ними справляется дед Артем? Нужно бы навестить старика.../ А потому у меня такое алиби, что его с пушки не пробьешь.

Но в отношении Жердина я был не прав. Видимо, его заставили поделиться сведениями с УБОПом, но он не рассказал главное – то, что наше О.С.А. работало по Храпову целенаправленно. И что я не только знал, кто такой передовой бригадир, но и шел по его следу. А это уже совсем другой компот. Тут можно домыслить все, что угодно. Чего-чего, а фантазеров в милиции достаточно; такое могут придумать, что хоть сразу давай какомунибудь горемыке расстрельную статью, без суда и следствия...

В камеру меня не бросили. Правда, в этом не было ни заслуги Серегиного папаши, ни самого Плата, ни лично моей. Просто во время обыска в нашей конторе менты нашли заявление Эллы, которое Серега – как это для него, педанта и чистюли, ни странно – не спрятал в наш тайник, а оставил в сейфе. Правда, это был укороченный вариант; в нем содержалось лишь признание танцовщицы, что она шандарахнула Храпова по башке, когда он хотел ее изнасиловать. Все остальное – мои похождения на хазе передового бригадира, мафиозные дела, в которые была вовлечена несравненная Элин, и так далее – я попросил отразить в другом, расширенном варианте заявления. Собственно, он был первым, это потом мне стукнула мыслишка, что необходимо иметь элементарное алиби, без разных там подробностей, которые при соответствующем раскладе могли сослужить и мне, и Элле

плохую службу.

Так вот, в камеру меня не бросили, а мариновали в коридоре под кабинетом Удоды почти до самого вечера. Плата в это время прокачивали на предмет заявления танцовщицы. Я этого не знал, потому маялся в жутком мандраже, хотя и был внешне беззаботным.

Версия по поводу заявления у нас была. Мы долго думали, как все обставить в лучшем виде, и наконец сварганили вполне удобоваримую историйку, на которой мне не хочется останавливаться, потому как она представляла собой наглую беспардонную ложь, украшенную цветной мишурой из хилых фактов, при серьезной проверке не выдерживавших никакой критики. И Плат, как он после рассказывал, держался за эту версию, как черт за грешную душу. Его мытарил какой-то приезжий следователь, переведенный в областной центр из провинции, который из кожи лез, лишь бы что-нибудь да наскрести на Серегу и наше агентство...

Нас отпустили, взяв подписку о невыезде, под вечер, когда на улицах начало сереть. Мы шагали молча и отрешенно, каждый наедине со своими мыслями. Впрочем, болтать было очень опасно – вдруг нас ведут с помощью лазерного подслушивающего устройства? Я почему-то не думал, что у нашего УБОПа есть такая штукавина, но кто мог предоставить гарантии, что Удод не работает на мафию и перед нашим уходом не дал знать, кому следует, чтобы нас любезно встретили и проводили?

– Такси? – спросил я Плата, когда мы вышли на центральную площадь города.

– Лучше частник, – ответил Серега и показал на группу машин разных марок, припаркованных возле сквера. – Они стоят в очереди, так что подстава исключена.

– Куда едем?

– Ну, во-первых, в нашу контору. Посмотрим что там и как. И заодно успокоим Марка...

– А во-вторых, – подхватил я, – мне хочется надраться. До чертиков. Эти твои менты меня уже достали. Предлагая пойти в бар.

Плат посмотрел на меня как-то очень тоскливо и промолчал. Да, плохо быть в роли подследственного. Мне кажется, для того, чтобы вырастить настоящего порядочного мента с душой, готовой к состраданию, нужно вместо школы милиции посадить парня сначала хотя бы на год в кутузку, естественно, перед этим протащив его по всем кочкам судопроизводства. Чтобы когда-нибудь потом, очутившись, как Серега, по другую сторону баррикады, не открывать заново прописные, банальные истины, в свое время напрочь задавленные форменной фуражкой...

Глава 24. ЗАПАДНЯ

Мы с Платом появились в баре около десяти вечера. Можно было прийти в "Шаловливые ручки" и раньше, но нам пришлось битый час успокаивать совсем расклеившегося Маркузика. Доставив нашего друга в объятия родной мамыши, мы на том же такси поехали, как оказалось, искать не отдохновения, а приключений на свои задницы...

Удивительно, но, несмотря на раннее для "Шаловливых ручек" время, в баре было довольнолюдно. Гришка Волобуев, сиречь бармен Жорж, подсвеченный снизу люминесцентными лампами и в своем белом прикиде, буквально пылающем ярким неземным цветом, сновал за стойкой как фантом. Завидев нас, этот хитрый сукин сын построил такую

вежливо-подобострастную улыбку и так угодливо поклонился, что я едва сдержался, чтобы не отвязать свой длинный язык и не прокомментировать во всеуслышание отменную гибкость его спины. Слава Богу, у меня все-таки хватило воли сдержать этот хамский порыв и вежливо кивнуть в ответ. Что поделаешь, каждая профессия предполагает гипертрофированное развитие самого необходимого для работы органа, обычно включающегося автоматически, помимо воли своего хозяина. Тем более, что теперь Жорж знал, кем я стал, а также ему хорошо были известны мои финансовые возможности, с некоторых пор значительно укрепившиеся. С одной стороны это обстоятельство вызывало в нем досаду и сожаления – он потерял надежный источник неучтенных официальными органами, а также его хозяином, доходов в виде грабительских процентов от позаимствованных мне сумм, а с другой – бармен приобрел щедрого клиента, не скупившегося на чаевые. Которые я с не свойственной мне предусмотрительностью давал ему на всякий случай: вдруг наше О.С.А. пойдет ко дну и я снова стану тем, кем был – полным пролетарием, состоящим на учете в бирже труда.

Мы заняли мой любимый столик и первые полчаса быстро наверстывали упущенное по части подпитки своей ненасытной утробы – за целый день ни у меня, ни у Плата хлебной крошки не было во рту. На этот раз я отказался от любимых коктейлей и расслаблялся элементарной русской водкой, правда, отменного качества, о чем, естественно, позаботился Жорж, зная мою привередливость. Мне уже было известно, что другим клиентам бара, в основном залетным, случайным, бармены наливали самопальную гадость, особенно если они уже были на хорошем подпитии. Но я пользовался особыми привилегиями, который добыл, что называется, потом и кровью; к счастью, не своей.

Однажды коллега Жоржа, бармен Васька Абрикосов, вздумал и на мне заработать малую толику, добавив в мой коктейль того дерьма, что и всем. Когда я ему высказал – кстати, в довольно вежливой форме – свои претензии, он сдуру натравил на меня трех лохов, охранявших в тот вечер бар. Наши объяснения на улице были недолгими. Уложив все троих отдыхать, я вернулся к Ваське и заставил его выпить почти полную бутылку той пакости, которой он пытался испытать мой желудок на прочность. Абрикосов даже не думал брыкаться, так как я пообещал в случае неповиновения залить спиртное в его желудок прямо из бутылки, но через задний проход...

Насытившись, Плат закурил, вытянув под столом свои длинные худые ноги. Немного поколебавшись, я последовал его примеру, несмотря на то, что дал себе зарок не курить недели две – для начала. Я уже и не помню сколько раз пытался избавиться от этой вредной привычки и даже однажды продержался почти полгода, но все равно в конце концов возвращался на круги своя, хотя уже начала пошаливать дыхалка.

– Ну и что мы теперь будем делать? – спросил я непривычно осторожно.

– Лапти плести, – хмуро ответил Серега.

– Знакомое дело. К подобному повороту судьбы я уже давно готов. Вот только кому мы их будем плести – себе или тем козлам, что пытаются нас прижать к ногтю?

– Нужно выходить из игры...

– Ну ты, блин, даешь! – Я от возмущения даже поперхнулся дымом. – Кх...кх... Черт! Какая гадость... – Я с отвращением потушил окурок. – Работали, работали – а теперь, значит, все коту под хвост? Ты хочешь сказать, что плакали наши денежки? Ни фиги! Я пойду до конца.

– Он уже не за горами... если мы будем упрямыться.

– Я так понял, это тебе сказали в ментовке открытым текстом... – Я пытливо посмотрел на Плата.

– Ну, не совсем открытым... так, намеками...

– Неужто Удод продался мафии?

– Все обстоит гораздо сложнее, чем мы думаем. Удод – всего лишь пешка. Похоже, он просто выполняет конкретное задание, спущенное сверху, не очень понимая кому и зачем все это нужно. За ним стоят большие люди. Кто? Вот в чем вопрос.

– И как нам теперь поступить? Дать объявление в газете, что мы сворачиваемся? Чушь! В любом случае нас в покое не оставят. И накормят свинцом под самую завязку. Я уже говорил тебе – нужно перехватить инициативу. А то мы плетемся в обозе и ждем, когда нас в очередной раз мордой о забор треснут.

– Как можно работать, если мы теперь не только на мушке у мафиозо, но и под плотным контролем УБОП!?

– Молча. Как говорится, наливай да пей. Не такие уж они большие профессионалы, чтобы мы не смогли, когда это нужно, стряхнуть их со своего хвоста. Мало того, такое развитие событий играет нам на руку. Теперь по крайней мере у нас появились "телохранители" – это если на нас наедут бритоголовые братки.

– Помечтай, пока в сознании... – Плат скептически ухмыльнулся. – Я, например, не поручусь, что на нас не спустили и службу безопасности. А там есть спецы вполне на уровне. Что касается "телохранителей", так тут ты очень заблуждаешься. Скорее они закроют глаза в нужный момент, нежели вмешаются, случись с нами фатальная неприятность.

– Значит, можно заказывать гробы?

– Постучи по дереву и забудь, что сказал. Лично у меня нет желания сыграть в ящик.

– Тогда что ты подразумеваешь под словами "выйти из игры"? Как это тебе видится?

– Мы вызываем Боба, обрисовываем ему ситуацию, и вежливо говорим, что умываем руки.

И пусть он катится со своими деньгами к бениной маме. Жалко, конечно, ребенка, но я почти не сомневаюсь, что Кристины уже нет в живых.

– Плат! – возопил я, не обращая внимания на окружающих; впрочем, им было не до нас – в это время на подиуме девица с безразмерным бюстом снимала крохотные трусики. – Ты в своем уме! Такие бабки на дороге не валяются. Ты хочешь оставить дело, когда оно уже близится к завершению? Еще день-два, и "слесарь-мороженщик" будет у нас в кармане.

– Пусть так. А ты уверен, что Боб нам заплатит такую большую сумму?

– Позволь... – Мой голос зазвучал хрипло и зловеще. – Это будет его самая большая ошибка в этой жизни. Притом, последняя ошибка. И я не шучу, уж поверь мне.

– Ты страшный человек, Сильвер... – Серега смотрел на меня с удивлением.

– Я справедливый человек. Меня били, распинали, пытались пристрелить, наконец, взрывали – и это не стоит ста тысяч "зеленью"? Плат, не смешите нас жить, как говорят в Одессе. Плевать мне на все расчеты и опасения, я жажду выйти в финал. Кто-то умеет зарабатывать деньги головой, ну а я лишь кулаками. Увы. Потому я всем козлам, которые станут мне на пути, зубами глотки перегрызу.

– Но ты понимаешь, что мы в окружении!?! – с отчаянием спросил Плат. – И если не поступимся, то выйдем из него вперед ногами?

– Понимаю... – Мне стало неловко, так как я видел, что Серега сломался; только этого нам и не хватало. – И к сожалению не могу тебя ничем утешить. Повторяю – нам не дадут прыгнуть. И даже не из-за того, что мы вышли на Храпова и компанию. Все это мелочи.

Как ты думаешь, почему Удод так заинтересовался компьютером и дискетами Марка?

Пока нас мариновали в управлении, спецы УБОПа просмотрели всю информацию, которая там хранилась. Зачем? Наша хилая конторка не банк, не корпорация и даже не совместное предприятие с большим оборотом капитала. Мы не отмываем бабки, не отправляем их за бугор. По идее, единственная наша тайна – это Мариковы разработки охранных электронных систем. Не Бог весть что. И тем не менее нас просветили как рентгеном.

– Ты считаешь, что нас преследуют только из-за тех материалов, что мы взяли в бане?

– Эх, ты, сыщик... – Я налил себе и Сереге грамм по сто. – Давай выпьем. А после я тебя исповедаюсь. Мое сообщение без хорошей дозы усвоить трудно.

Плат даже не сделал вид, что обиделся, хотя я и не скрывал сарказм. Он молча тяпнул свою порцию и не поморщился. Весь его вид говорил о том, что ему страсть как хочется проникнуть в мои мозги, чтобы узнать какая каша там сварилась. А меня по пьяни разбирала гордость – то, до чего я додумался, сопоставив некоторые факты, могло составить честь и гораздо более башковитому индивидууму, нежели такому отвязанному хмырю как Стас Сильверстов.

– Не тяни, – почти взмолился Серега, в нетерпении наблюдая как я закусываю копченой белорыбицей. – Выкладывай.

– Все так просто, что даже не верится. Наезд УБОП – это продолжение истории с бумажником Завалихина.

– С чего ты взял?

– Тебе в ментовке не показывали этот лопатник?

– Да. Предлагали опознать.

– Ну и?..

– Подтвердил. Это тот самый бумажник.

– Или очень похожий...

– Брось! Такие вещи делают только по индивидуальному заказу. Они просто не могут быть похожими друг на друга. Каждый бумажник – раритет. Это девиз изготовителя. У богатых свои причуды... Помнишь, мы делали запрос на фирму, которая импортирует для новых русских подобные вещицы?

– Как-то не припоминаю...

– Извини, забыл... – Плат в сокрушении хлопнул себя ладонью по лбу. – Ответ на запрос пришел тогда, когда ты считался уопленником. Я его прочитал и по запарке уничтожил /на всякий случай, сам понимаешь/, а тебе о нем не рассказал. Из головы вылетело...

– Этот факт только играет на мою версию. Дело в том, что лопатник, который демонстрировали следователи УБОПа, всего лишь похож на тот, который мы изъяли у барыги и отдали Соломонову. Понимаешь – похож, как две капли воды. За маленьким исключением – у того, что показал мне Удод, на монограмме, изображающей какой-то герб, не две маленькие звездочки, как у лопатника Завалихина, а одна. Вот такая тонкость, дружище.

– Но ведь я тебе уже говорил, что фирма, изготовившая заказной бумажник, не делает двух похожих вещей.

– Верно, – согласился я, глядя на Серегу с чувством превосходства. – За исключением тех случаев, когда заказчик просит сделать дубликат изделия. С замаскированными отличительными признаками. В нашем случае – крохотными звездочками, которые заметить очень трудно.

– Позволь тогда тебя спросить: а как ты смог их разглядеть?

– Элементарно, доктор Ватсон. Во-первых, у меня хорошая зрительная память. Во-вторых, в спецучебке нас почти месяц натаскивали на выявление мельчайших изменений местности – будь-то сломанный стебелек или сдвинутый в сторону камешек. А в-третьих, я хорошо запомнил детали этого герба, когда Марк увеличил его на весь экран монитора.

Вои и все дела.

– И что тогда из этого следует?

– Ты когда-нибудь видел фильм, где показывают как открываются банковские хранилища?

– В общем... да.

– Кроме сигнализации, электронных кодов и прочих заморочек, на финишном этапе дверь большого сейфа отмыкают двумя /подчеркиваю – двумя/ сверхсекретными ключами облеченные особым доверием сотрудники. Например, управляющий банка и его заместитель. Притом, одновременно.

– Значит, ты считаешь...

– Именно! В том бумажнике, что попал нам в руки, хранились номера тайных счетов. А в том, который находится в Удода, – перечень банков, где они открыты. Значит, бабки со счетов можно снять только тогда, когда информацию, заложенная в лопатники, объединена. Уверен, что так оно и есть.

– Мама моя родная... – Плат схватился за голову. – Вот теперь я понял, что нам точно крышка. Мафия не успокоится, пока не добудет оба бумажника.

– Да. Сейчас они проверяют, знаем ли мы хоть что-то о судьбе первого лопатника. И проверяют достаточно осторожно и вежливо, хорошо маскируя свой подлинный интерес.

– Значит, нужно ждать, когда события войдут в жесткую фазу... – задумчиво сказал Серега.

– Несомненно. Теперь они должны нас наизнанку вывернуть, но узнать, куда мы спрятали найденный нами бумажник – я почему-то не думаю, что нам поверили на слово в отношении Соломонова. Этот хитрый жук, похоже, и под пытками не признался о местонахождении такого сокровища. Ведь не зря Соломонова вывезли в лес, подальше от нескромных глаз и ушей, где и грохнули. Вернее, уже добились после допроса с пристрастием. А может он кому-то передал нашу находку. Или – что еще хуже для нас – сказал, что бумажник находится в нашей конторе. Это чтобы выиграть время. Вариантов море.

– А еще они надеются, что нам известна тайна бумажника или у нас имеется копия закладки с номерными счетами, – подхватил Плат. – Что, кстати, соответствует истине.

– Можно только представить, какие суммы в баксах лежат на этих счетах... – Перед моим мысленным взором вдруг мелькнуло видение пещеры, заваленной золотыми монетами и драгоценностями; наверное, я до самой смерти останусь неисправимым мечтателем.

- Что если мы отдадим копию находки? – робко спросил совсем скисший Серега.
- Кому? Этому птичьему чучелу из УБОПа? Тогда нас точно похоронят. И как раз те, кому по штату положено защищать граждан от организованной преступности. Там тоже сидят парни ушлые, сразу сообразят, что им попало в руки. Я уверен, что пока Удод не знает, зачем ищут бумажник Завалихина, а закладку из лопатника, находящегося в УБОПе, скорее всего изъяли те, кто платит подполковнику за его работу в качестве "крота". Нет, братан, нам нужно закрыть пасть на замок и молчать до последнего.
- Не знаю... – Плат как-то растерянно посмотрел по сторонам. – В этом деле трудно ручаться за что-либо... А вдруг они примутся за Марка?
- Да-а, это проблема... Мы сможем хотя бы отмахнуться, а вот наш гений... Его расколуют вмиг.
- И что мы будем делать с ним?
- Спрячем. Благо подходящее местечко уже насижено Берманом и его Элин... черт бы ее побрал. Отвезу Марка к деду Артему.
- Наверное, и впрямь так будет лучше...
- Кроме того, нам нужно побеседовать с Жердиным.
- Зачем? По-моему, с ним все ясно. Он играет в одной команде с мафиозо.
- Не скажи. Капитана, похоже, вынудили передать информацию на наше О.С.А. подполковнику Удоду. И он дал ему только то, что отражено в официальных бумагах. Так что свое обещание Жердин сдержал. Конечно, раскрываться до конца ему не стоит, но кое-что придется объяснить.
- Ты намереваешься найти в угрозыске сообщников? – Плат вымучено улыбнулся. – Не блажи, Сильвер. Я эту кухню знаю лучше тебя. Да, Жердин может нам помочь. Но вероятнее всего в нужный момент сдаст нас со всеми потрохами.
- Поживем – увидим. Гораздо хуже не иметь вообще никакого прикрытия. Если Жердин согласится с нами сотрудничать /пусть даже для отвода глаз/, мы ведь тоже сможем, в случае подлянки с его стороны, свалить все на капитана. Пусть не все, но хотя бы кое-что.
- Хочешь посадить Жердина на крюк? Чудак человек... – Серега снова закурил и несколько раз жадно затянулся. – Он не так прост, как временами кажется. И дело свое знает. Мне приходилось с ним работать.
- А мы ему нацепим отменную наживку. В виде той информации, которая у нас имеется. Это просто бомба. Он за нее ухватится, как черт за грешную душу. Тут есть два варианта. Если Жердин стучит мафии, то ему за информацию хорошо заплатят. Если же он честный человек, то после окончания дела ему светит большая майорская звезда. И даже какая-нибудь жестянка на грудь. Не так ли?
- Возможно... – Плат пребывал в мучительных раздумьях. – Но вдруг он работает на кого-то из воротил преступного мира, нас шлепнут, долго не раздумывая.
- Не скажи. Информацию нужно давать дозированно, чтобы нам не мешали и дали возможность завершить начатое. Уверен, что мафиози захотят получить все наши наработки, целиком. А еще они должны будут удостовериться, нет ли тут какого-нибудь подвоха в виде

дублирования имеющихся у нас сведений. Самый сложный момент настанет, когда дело приблизится к завершению. Нам нужно будет вовремя спрыгнуть с телеги, что катится в пропасть. Всего лишь.

– Ты большой оптимист, Сильвер.

– А куда денешься? Положение обязывает. Жить-то хочется, Серега. По крайней мере, пока...

Я поймал напряженный, зовущий взгляд Жоржа совершенно нечаянно. Столик, за которым мы сидели, был освещен слабо и бармен нас практически не видел, но все равно он пялился в нашу сторону как будто увидел нечто архиважное и одновременно опасное.

Что это с ним? – подумал я, и повинувшись спонтанному порыву подошел к стойке бара.

– Что случилось, Жорж? – спросил я негромко.

– Закажи что-нибудь! – зашипел он сквозь зубы, одновременно изобразив дежурную улыбку. – Вам два коктейля? – спросил он деловито и громко, чтобы слышали окружающие. – Момент...

Жорж принялся священнодействовать с бутылками и стаканами. И одновременно, не глядя на меня, он начал быстро и тихо говорить:

– За вами секут. Очень серьезные люди. Мне о них говорили... – Жорж не стал уточнять, кто. – И еще – снова появился тот самый невзрачный хмырь, когда-то наводивший о тебе справки. Он почему-то очень мне не нравится. Сидит неподалеку от входа.

– А где остальные?

Жорж сказал.

– Спасибо, дружище. – Эти слова я произнес с чувством. – Ты меня здорово выручил. – Я сунул ему в руку сто баксов. – Сдачи не нужно, – предупредил я вопрос Жоржа. – Ты даже не представляешь, как я тебе благодарен...

Теперь уже и я их заметил. Как же это я не смог вычислить этих козлов раньше!? Четверо, все бугаи как на подбор. Костоломы. Двое сидели к нам спинами, потому я их не рассмотрел как следует, а физиономии остальных двух мне ничего не говорили – до сих пор я с ними не встречался. Да, поход по ментовским кабинетам сыграл со мной дурную шутку, напрочь отбивших на опасность...

И наконец я увидел того самого "серого" человечка, который не давал покоя моему больному воображению уже много дней. Однажды он даже во сне мне привиделся и я проснулся в холодном поту. Он и впрямь выглядел так, как я и ожидал – весь какой-то заледеневший, бесстрастный и неприметный. Человек со шрамом на шее. Возвращаясь к своему столику с коктейлями, я прошел неподалеку от него, но он даже не шелохнулся, не посмотрел в мою сторону, хотя я был абсолютно уверен, что "серый" человек не выпускает меня из виду ни на миг. Он сидел ко мне боком, уткнувшись в тарелку с какойто легкой закуской, и меланхолично жевал, запивая кока-колой; стакан с коктейлем на его столе стоял практически полный.

Я его узнал! Невероятно, невозможно – но факт. Это был тип, сопровождавший Соломонова /или лжеЗавалихина/, когда наш бывший клиент приходил забирать найденный бумажник. У нас сохранилась видеозапись этого посещения и мне ничего не стоило просмотреть ее, чтобы убедиться в своей правоте, но я был уверен на все сто, что это именно тот человек, который таился в подворотне, ожидая когда Соломонов покинет нашу контору.

– Серега, – сказал я, подвигая к нему стакан с фирменным пойлом Жоржа, – сиди спокойно, не дергайся, не оглядывайся и слушай, что я тебе скажу...

Плат понял меня сразу. Он сначала на мгновение изменился в лице – может, испугался, замандражировал – но затем весь как-то подобрался, посуровел, и я наконец узнал того самого Серегу, с которым мы не раз безбоязненно шли в уличных драках на нож или выкидывали какой-нибудь смертельно опасный фортель. В свое время он, как это ни странно, если судить по происхождению и семье, где Плат вырос, был смелее и отчаяннее меня. Иногда его бесстрашие граничило с безрассудством и мне стоило большого труда остановить Серегу, что называется, на самом краю. Но с годами юношеский пыл несколько угас, появилась рассудительность, и мой друг стал похож на тысячи таких же скромных и нерешительных обывателей, которые уныло трут штаны в разнообразных конторах до самой пенсии, опасаясь выйти вечером на прогулку. Правда, с некоторой коррекцией – Плат все-таки был ментом, сотрудником угрозыска, что предполагало наличие отваги и крепкого мужского характера.

Я неторопливо обрисовал ему ситуацию, присовокупив и свои выводы. Плат мое сообщение переваривал минуты четыре. Наконец он спросил:

– Уходим?

– Не так сразу. Это будет выглядеть подозрительно. Не забывай, что за нами секут люди ушлые. Они мигом свяжут наш поспешный отвал с барменом Жоржем. А мне не хотелось бы его подставлять. При все своих недостатках, Жорж неплохой парень. Поэтому сиди, пей и расслабляйся. А я проведу разведку боем.

– Это как?

– Провырнусь в туалет. Там, насколько я знаю, есть еще один запасный выход и хотя он сейчас заколочен, меня на всякий случай без присмотра не оставят. Хочу взглянуть на наших будущих противников с близкого расстояния. И точно определиться, верны подозрения Жоржа или нет.

– А что мне делать, вдруг начнется заваруха?

– Не думаю, что они решатся нас кончить прямо в баре. Чересчур много чужих глаз. Но на всякий случай запомни, что за стойкой, с правой стороны, есть калитка, куда можно нырять без всяких опасений. За нею коридорчик, ведущий к черному ходу. Все, я пошел...

Туалет бара блистал немыслимой чистотой, которая бывшего простого советского человека, привыкшего к обгаженным вонючим сортирам и доскам на вечно мокром кафельном полу, исполняющим роль сухих дорожек к заветным кабинкам и писсуарам, поначалу травмировала до полного столбняка. Хозяин Жоржа начинал свой бизнес именно с туалетов, а потому дело свое знал туго и не поскупился на расходы. Здесь было так светло, уютно и просторно, что даже не хотелось возвращаться в битком набитый прокуренный и полутемный зал, из-за обилия полуголых и обнаженных стриптизерш похожий на предбанник.

Он появился в туалете, когда я в десятый раз намыливал руки. Не глядя на меня, здоровяк зашел в самое главное отделение и закрылся в кабинке. В зеркале перед собой я хорошо видел, что он нервничает и держится очень напряженно. Наверное, роль шпиона была ему не по душе. Поплескавшись еще немного, я высушил руки под бесшумной импортной электросушилкой и не спеша возвратился в зал. Главное я выяснил – эта четверка пасет именно нас.

Топая на свое место, я, как будто нечаянно, несколько изменил маршрут. Мне хотелось посмотреть на тех двух темных лошадок, которые показывали нам с Платом свои широкие

спины. Этого можно было и не делать, но упрямый бес противоречия, проснувшийся совсем некстати, сразу же начал колобродить, толкая на всякие сумасбродства.

Я их узнал! Чтобы не выдать этим козлам свое истинное состояние, мне пришлось изобразить встретившейся по пути девахе широкую простодушную улыбку. Но она почему-то ей не понравилась, и я получил в ответ удивленный и несколько испуганный взгляд. Наверное, мои потуги вместо улыбки выдали напряженный звериный оскал.

Это были старые знакомые, подручные Храпова, которые взяли меня на цугундер, когда я ночью осматривал "газон" слесарей-ремонтников лифтов – плешивый дуболом и "восточный человек". Теперь я уже абсолютно не сомневался, что эти быки пришли по наши с Платом шкуры.

– Тот, что сидел возле двери, уходит... – шепнул мне Серега, когда я сел на свое место.

– Хреново... – буркнул я встревожено.

– Почему?

– Потому что он очень хитрый. Этот хмырек уже просчитал ситуацию и понял, что мы вычислили четверку быков, которые хотят нас забодать.

– И какой вывод из этого следует?

– Он, похоже, не считает нас дураками, а потому уверен, что мы немедленно свалим отсюда. Скорее всего, хмырь будет ждать нас в засаде. Абсолютно не сомневаюсь, что он стрелок, Плат, снайпер. Вот только не пойму одного... – Я наморщил лоб, погрузившись в размышления.

– Чего именно? – нетерпеливо спросил взвинченный Серега.

– Мне кажется они из разных компаний, – ответил я не очень уверенно. – Не думаю, что нас считают очень серьезными противниками, для ликвидации которых требуется две группы. Притом, в "звездных" составах.

– Что будем делать? – В этой экстремальной ситуации Плат безоговорочно признал меня командиром.

– То, что предполагает "снайпер". Нам нужно рвать когти. И побыстрее.

– Пойдем через черный ход?

– Боюсь, что нас там уже ждут... с "дурой", которая имеет лазерный прицел. Свалим в наглу, через парадный. Попрем на бордаж, авось получится. Только не дрейфь. И бей, если придется, до упора. Прикроешь мне спину. Помнишь?..

Серега сумрачно кивнул. Конечно же, он все помнил. Я обычно шел впереди – в роли танка – а шустрый, словно электровеник, Плат "подчищал" мои огрехи сзади. Неплохо получалось...

И все-таки мы опоздали. Компашка быков дружно снялась с насеста и потопала к выходу.

Неужели все-таки они работают вместе со "снайпером"? С ума сойти...

– Амбец, – констатировал я создавшееся положение. – Мы приплыли, Серега. Нас закрыли, как в мышеловке.

– Может, вызовем наряд милиции? У меня в патрульно-постовой службе много хороших знакомых...

– Не смейся мою задницу, она и так улыбочивая. Пока твои менты приедут, рак свистнет.

Это во-первых. А во-вторых, мы сейчас на жестком контроле и я уверен, что в баре не работает ни один телефон. Хочешь проверить? Подойди к Жоржу.

Плат встал и направился к стойке. Переговорив с барменом, он возвратился темный как грозовая ночь.

– Ты прав, – коротко сказал Серега. – Онемел даже телефон-автомат, который находится в холле. Притом совсем недавно.

– Вот и я тебе об этом... – Я сосредоточенно смотрел на фирменную зажигалку Серегу, лежавшую возле пачки "Мальборо". – Есть одна идея... Правда, она с криминальным душком, но чего не сделаешь ради спасения собственной шкуры.

– Ты что-то придумал? – с надеждой спросил Плат.

– В общем, да. Вот только не знаю, выйдет ли из моей затеи толк. Я хочу устроить большой шухер. И свалить из "Шаловливых ручек" вместе с толпой.

– Как это?

– Молча. Пойду я. И опять в туалет. Он мне так нравится... – Я криво ухмыльнулся, на миг представив лицо хозяина бара, который завтра будет любоваться моими "трусами".

Раньше у входа в туалет, так сказать, в "приемной", где женский и мужской потоки разделялись, сидела какая-то тетка с лицом и ухватками мегеры. Но через некоторое время прижимистый шеф Жоржа сократил эту штатную единицу ради экономии, и теперь за чистотой в туалете следила уборщица, работающая на кухне. Это была очень работящая женщина, которая успевала везде. Я знал, что в "приемной" есть подсобное помещение, где хранились ведра, тряпки, полотер и самое главное, туалетная бумага. Вот туда я и направил свои стопы, прихватив зажигалку Плата.

Дверь подсобки держалась на честном слове. Я даже не выбил, а выдавил замок, и очутился внутри небольшой квадратной каморки не имевшей окон, но с вентиляционной отдушиной. Увиденное меня обрадовало – туалетной бумаги было навалом, четыре больших картонных ящика. Быстро размотав несколько рулонов и рассыпав остальные по полу, я, ни мало не колеблясь, всю эту кучу поджог. А затем, неплотно прикрыв дверь, поторопился на исходную позицию.

– Нормально? – поинтересовался побледневший от переживаний Плат.

– И да обрящет ищущий... – ответил я библейским слогом, сам напряженный не менее своего друга.

Дым появился в зале минут через пять. Сначала его попросту не замечали, так как на подиуме в это время творилось под ритмическую музыку действо, похожее на свальный грех, только в чисто женском исполнении. Но затем, когда он стал гуще, какая-то дура с перепугу заорала так, что у меня в ушах заложило. И спустя считанные секунды после этого безумного пьяного вопля народ рванул к выходу будто стадо испуганных баранов.

Мы с Платом постарались попасть в середину потока и хотя на силу не жаловались, на ступеньках нас едва не притоптали. Когда нас буквально вышвырнули наружу, возле "Шаловливых ручек" людей было больше, чем на митинге. Я всегда удивлялся, как быстро разносятся новости, но известие о пожаре в баре пролетело по центру города словно тайфун. Посмотреть на огненное зрелище прибежали даже завсегдатаи казино, расположенного неподалеку от "Шаловливых ручек", люди состоятельные и солидные.

Правда, огня пока еще не было, но дым из окон бара валил так, будто внутри находилось маленькое нефтехранилище. Вскоре подъехали и пожарные, которые внесли и свою лепту во всеобщий бардак, кипевший нездоровыми страстями возле моего любимого питейного заведения.

Мы не стали ждать конца устроенного мною огненного спектакля и потихоньку протолкались ко входу в проулок, где обычно парковались частные такси. Дело оставалось за малым – нырнуть в какую-нибудь машину и попросить водителя жать на газ до упора.

Нет, нам сегодня явно не везло. Как мы не старались быть понезаметней, нас все равно вычислили. Похоже, те, кто на нас охотились, перекрыли все возможные пути нашего бегства, просчитав максимум вариантов развития событий. И все-таки единственным фактором, который нас спас, оказался пожар и последовавшая затем паника. Охотникам за нашими шкурами пришлось в срочном порядке рассредоточиться, и в проулке оказалось всего двое быков, наблюдавших из какой-то подворотни за такси.

Двое, но каких...

Достань они стволы, нам пришлось бы лишь покорно поднять лапки кверху. Но эти хмыри горели желанием размазать нас по асфальту голыми руками. А потому, едва мы подбежали к одной из машин, они пошли напролом, уповая на силу своих кулаков и знание боевых искусств.

По раскладу мне достался верзила, намеревавшийся с ходу припечатать меня ногой к дверке машины. Будь на моем месте другой человек, менее подготовленный к подобным стычкам, этот удар сломал бы его как спичку, тем более, что бык целился в поясницу.

Однако последние полчаса я был на боевом взводе, поэтому подозрительное движение за своей спиной даже не услышал, а уловил на уровне подсознания. И в последний момент резко крутанулся вокруг собственной оси, тем самым пропуская ботинок быка мимо.

Он с такой силой вмазал по дверке, что она прогнулась, будто была изготовлена не из листовой стали, а из папье-маше. Но сидевший внутри машины /это была "восьмерка"/ водитель даже не пискнул от возмущения, мудро рассудив, что лучше потратиться на рихтовку и покраску кузова, нежели на собственные похороны. Похоже, этот темный проулок не раз видел подобные сцены, а потому в таких случаях на таксистов нападал ступор с осложнениями в виде временной слепоглухонемоты.

Я врубил своего противника ладонью по горлу, что было удобней всего, так как я выходил из разворота. И нарвался на жесткий блок. А затем мне уже самому пришлось закрываться, так как на меня посыпалась целая серия хорошо поставленных ударов.

Больно же, сукин сын! – хотелось мне заорать во весь голос, но едва я открыл рот, чтобы выругаться, как тут же получил по зубам. Сила удара была, конечно, ослаблена – в этот момент я отклонился и кулак быка меня догнал – но все равно перед глазами замелькали искры, которые зажгли во мне дикую ярость.

Я перехватил его правую руку и сделал ему "мельницу" – бросил через себя, вогнав головой в асфальт. Но у этого хмыря башка была воистину чугунная; откатившись в сторону, он вскочил на ноги немедленно, и лишь покрутил головой, восстанавливая способность здраво соображать. И тут я его узнал! Это был тот самый плешивый бык, совсем недавно сидевший в баре, с которым я впервые встретился в гараже "Горлифторемонта". Пока он поднимался, я быстро взглянул в сторону Сереги. Мой друг вертелся как белка, отмахиваясь от "восточного человека" – и этот здесь! – но видно было, что ему приходится туго. Еще бы – смуглолицый бык явно имел хорошую военную подготовку; скорее всего, тянул лямку в каком-нибудь спецназе.

Пора было кончать этот балаган. Наверное, так думал и плешивый, потому что, нехорошо ухмыльнувшись, сунул руку за пазуху, где, ясное дело, находился пистолет. Я бросился на быка вперед головой и в прыжке достал его правой рукой по челюсти. Он рухнул, как подкошенный, а я упал на него сверху. Мне понадобилась всего лишь доля секунды, чтобы убедиться, что плешивый в отрубе, чему я очень подивился – мой удар никак нельзя было отнести к разряду нокаутирующих. Я слегка приподнялся, чтобы посмотреть на его лицо – и застыл с отвисшей от удивления челюстью. Бык был мертв! В его плешивом лбу чернело аккуратное входное отверстие пули, и я услышал так знакомый мне запах свежей человеческой крови.

Шпок! Шпок! Звуки, и опять-таки из разряда знакомых. Услышав их, я не стал медлить ни секунды – по мне кто-то стрелял, притом с оружия, снабженного глушителем, но промазал и попал в уже безжизненное тело плешивого. С немыслимой прытью, пригнувшись, я налетел на "восточного человека" сбоку и коварной подсечкой сбил его с ног. Завидев такое дело, Плат прыгнул на него как рысь и вцепился ему в горло. Они покатались по земле, а я заорал:

– Серега, винт! Ходу!

Это была очень хорошо известная моему другу команда, а потому он не стал долго раздумывать, а тем более переспрашивать. Оставив хрипевшего от удушья "восточного человека", Серега, даже не распрямляясь, метнулся к черневшему неподалеку зеву арки проходного двора. Я побежал за ним зигзагами, с тоскливым чувством ожидая готовую вот-вот настичь меня боль. Еще две пули просвистели совсем рядом и срикошетили от стен. Одним огромным прыжком я влетел в чернильную темень проходного двора и побежал на топот ног улепетывающего Плата...

Мы остановились, когда полностью выдохлись, где-то на задворках.

– Ну, бля, и дела... – Серега тяжело опустился на какие-то ящики. – Ты в норме?

– Как огурчик, – ответил я радостно и не без воодушевления.

– Разойдемся по домам?

– Ни в коем случае. На нас открыт сезон охоты. Поэтому переночуем у знакомых.

– Ладно, – нехотя согласился Плат, которого с нетерпением ждала его скандальная Машка.

Перекурив, мы без лишних разговоров разошлись: Серега поехал к капитану Лугову, который был холостяком, а я пошлепал к своей киоскерше, благо она жила неподалеку. Я шел и с тревогой думал лишь об одном – как там дед Артем? Какая-то заноза влезла в мозги и ковырялась в них настойчиво и больно, что мне очень не нравилось.

Над городом собирались тучи. Разбуженный ими ветер принес запахи дождя. Часы показывали второй час ночи.

Глава 25. НОВЫЕ НАПАСТИ

Утром в свою контору мы не пошли. Лугов, которому пришлось объяснить, что случилось в "Шаловливых ручках", посоветовал до прояснения ситуации никуда не высовываться.

Приехав на обед домой, капитан рассказал Сереге, что и пожар в баре, и два трупа в проулке по милицейским сводкам проходят как мафиозная разборка. Оказалось, что и "восточного

человека" грохнули, чему я только порадовался. Об этом Плат поведал мне, позвонив в два часа дня. Посоветовавшись по телефону, мы окончательно решили, что Марка нужно спрятать у деда Артема – Маркузик был нашим самым слабым звеном.

Оставалась главная проблема – транспортное средство, поскольку презентованный Бобом "жигуль" погиб на боевом посту.

Выручил нас, как ни странно, бармен Жорж. Мысль о его "девятке" пришла совершенно случайно и я, не долго думая, направился к нему вечером домой. О том, что бар закрыт на ремонт, можно было не сомневаться, а значит бармен остался на какое-то время без работы. О чем он мне и начал плакаться, едва я переступил через порог его квартиры.

Терпеливо выдержав получасовые стенания Жоржа, который подсчитывал свои убытки, я приступил к делу без долгих предисловий.

– Жорж, мне нужна твоя машина.

– Зачем? – поинтересовался он вяло; и тут же продолжил, безнадежно махнув рукой: – О чем я спрашиваю? Ведь все равно соврешь.

– Совру, – легко согласился я. – Ну очень нужна. Завтра к обеду верну.

– Держи... – Он бросил на стол ключи и техпаспорт. – Заловят менты, будешь сам расхлебываться.

– О чем базар... – Я торопливо сунул все это в карман и поспешил к выходу.

– Гараж! – крикнул мне вслед Жорж. – Ты ведь не знаешь, где он находится.

– Точно... – Я в досаде хлопнул себя ладонью по лбу. – Балда...

Запомнив координаты гаража, я вымелся из квартиры Жоржа со скоростью звука. Мне предстояла дальняя ночная дорога, а потому нужно было поторопиться...

Марк брюзжал, не переставая. Мысленно заткнув уши, я по своему обыкновению предался бесплодным мечтаниям. Когда мы подъезжали к деревне деда, в мыслях я уже был мультимиллионером, ехал на престижной "ламборджини", а рядом сидел не взлохмаченный болтун, а клевая телка в дорогом прикиде.

При виде дедовых ворот тревога, которую я усыпил мечтами, вспыхнула с новой силой.

Они были приоткрыты, чего дед обычно не допускал, тем более теперь, когда в доме находились Берман и Элла. Потушив фары – еще не начало светать – и выключив движок, я подъехал накатом к забору и затормозил. Цыкнув на Марка, было открывшего свое неутомимое хлебало, чтобы сморозить очередную глупость, я взял монтировку /к сожалению, пистолет остался лежать в тайнике – я просто не рискнул заявиться в нашу контору/ и, перепрыгнув через забор, пошел к избе, пригибаясь и прячась за стволами фруктовых деревьев.

В дом, чтобы рассеять свои подозрения, мне зайти так и не пришлось. На крыльце я наткнулся на деда Артема. Он лежал, будто спал, но его поза заставила мое сердце облиться кровью. Неужели!?

О, нет, нет!

Я бережно перевернул деда на спину и нащупал на шее пульс. Он бился, хотя и слабо, и я облегченно вздохнул, сразу же разобравшись, что случилось.

Они ударили его по голове железным прутом. И били, не сдерживая руку, чтобы уложить наповал. Но удар смягчила моя солдатская шапка, которую Артем Тарасович иногда надевал даже в теплую погоду. Она была в какой-то мере моей частичкой, и скучавший по мне дед носил ее как талисман; он даже разговаривал с нею, будто шапка была живым существом.

Я мигом смотался к машине и принес аптечку. Ватка, обильно смоченная нашатырем, подействовала на деда как удар молнии. Он резко мотнул головой и сел, глядя на меня бессмысленным взглядом.

– Кто такие!? – угрожающе спросил дед. – Уходите, супостаты, буду стрелять!

– Артем Тарасыч, это я, Стас!

– Станька!? – изумился дед. – Как... откуда?..

Шок прошел, его глаза прояснились, и он почувствовал боль. Застонав, дед схватился за голову. Там была шишка размером с куриное яйцо. Я быстро смазал ее йодом и заклеил гигиеническим пластырем.

– До свадьбы заживет, – сказал я бодро, помогая ему встать. – Что случилось, деда? Где Лева и Элла?

– Что случилось, что случилось... – бурчал дед, заходя в избу; я придерживал его под руку.

– Откуда я знаю? Вышел ночью на улицу – показалось, будто кто-то ходит по двору – что-то мелькнуло перед глазами... и все. Теперь ты приехал...

Конечно же, как я и предполагал, ни Левы, ни его Элин в доме не оказалось. Судя по разбросанным вещам, они одевались второпях. В одном месте я нашел на полу несколько капелек крови. Похоже, Берману съездили по физиономии и разбили нос.

– Как ты себя чувствуешь? – заботливо спросил я деда.

Мне хотелось обнять его и крепко прижать к груди, меня переполняла нежность, но я сдержался и лишь погладил натруженные руки, которые он положил на стол, усевшись на скамью.

– Шмели в голове гудят... – пожаловался Артем Тарасович и кивком указал на бутылку, стоявшую на полке. – Налей-ка мне чуток, Станька. Это лучшее лекарство.

Я исполнил его просьбу под предосудительным взглядом непривычно молчаливого Маркузика. Дед выпил рюмку "заговоренной" водки и крякнул.

– Вот так оно лучше, – сказал он и невесело улыбнулся.

– Я отвезу тебя в больницу.

– Ты разве забыл, что ее закрыли? Ужо пятый годок ездим лечиться в райцентр. Ничего, оклемаюсь.

– Ладно... – Я принял решение. – Марк, ты остаешься здесь. Думаю, сюда уже больше никто не сунется. Фельдшер еще жив? – спросил я у деда.

– Кряхтит... – туманно ответил Артем Тарасович.

– Я попрошу, чтобы он пришел. Может, укол какой сделает.

Фельдшер Дивеев был колоритной личностью. Ему уже стукнуло девяносто восемь, но еще в

прошлом году он на Крещение купался в проруби. Дивеев умудрился отсидеть в каталажке при всех российских правителях двадцатого века, начиная с Николая 11. Что собственно и спасло его, потомственного дворянина, от расстрела, когда в девятнадцатом он попал в ЧК. Дивеева опознал начальник чекистов, сидевший вместе с ним за политику.

Спустя некоторое время уже белые приговорили шустрого юнца к "вышке". Правда, не за то, что он воевал против них, а за конокрадство – в его жилах текли и несколько капель цыганской крови, грех прадеда, умыкнувшего невесту из шатра вечных бродяг. От пули Дивеева спасли красные, что потом пришлось весьма кстати – до тридцать седьмого года он считался героем гражданской войны со всеми вытекающими отсюда привилегиями.

Сталинские "орлы", как по тем временам, посадили его за пустяк – Дивеев умудрился запустить руку в государственную кошелек. /В тридцатые годы он закончил фельдшерские курсы и его поставили что-то там возглавлять./ Правда, поговаривали, как рассказывал мне дед, что "хитрая цыганская морда" Дивеев стал казнокрадом по единственной причине – чтобы избежать более серьезной статьи, предполагавшей длительную отсидку в Колымских лагерях. Почти всю войну он прокантовался в Туркестане, затем его амнистировали и направили на фронт. В свою часть Дивеев попал в аккурат за два месяца до дня победы. Так что стрелять ему пришлось не по врагам, а во время праздничного салюта. Что вовсе не сказалось на количестве медалей и даже орденов, которыми военное ведомство украшало его грудь вплоть до конца хрущевской "оттепели".

При Хрущеве судимость Дивееву сняли – как потерпевшему от "культы личности". И снова поставили на хлебную должность, тоже по врачебной части. И опять посадили – фельдшера угораздило попасть в эпицентр событий в одном южнорусском городке, когда внутренние войска расстреляли забастовщиков, осмелившихся требовать лучшей жизни.

Из тюрьмы Дивеев вышел законченным диссидентом, потому никто не удивился, когда при Брежневке его опять послали за антиправительственные выступления туда, куда Макар телят не гонял. Но в конце концов, учитывая преклонный возраст Дивеева и его героические деяния на фронтах гражданской и отечественной войн, власти все-таки смилостивились и выпустили правдолюбца из каталажки – на этот раз окончательно и бесповоротно. И только горбачевская перестройка не успела написать для Дивеева соответствующую статью уголовного кодекса и то, я так думаю, по причине своей скоротечности. Фельдшер возвратился в родные края и на общественных началах стал оказывать всем нуждающимся врачебную помощь. За свои труды он обычно получал скромно и натурой – маслом, яйцами, мукой и самогоном. К слову, свое фельдшерское дело он знал досконально и мог дать фору даже дипломированным врачам. Несмотря на возраст, водочку Дивеев употреблял регулярно, каждый день. Правда, не более стопки.

– Попроси, – согласился дед. – Мы с ним давно не виделись.

– Но как они догадались, что Лева и Элла прячутся именно здесь? – спросил я больше себя, нежели Артема Тарасовича.

– Не знаю, – пожал плечами дед. – Может, эта девка сама кому рассказала.

– Как это? – опешил я. – Они ведь сидели взаперти. Или нет?

– Сидели, сидели... – закивал Артем Тарасович. – Я твой наказ выполнил. Но у нее была такая маленькая штучка... ну, ты знаешь... заграничная. Как телефон.

У Эллы был мобильный телефон! Ну рыба, ну бильдюга, ну прости помя ушастая! Как я не догадался проверить ее сумочку!? Она вышла с кем-то на связь, а все дальнейшее – дело техники. Или мафиозные спецы определили откуда идет сигнал, или захомутали того, с кем эта прошмандовка говорила.

– Ладно, я попылил обратно. Закройтесь в доме и чтобы на улицу до моего приезда ни-ни.

Харчей у вас хватит, – указал я на битком набитый съестными припасами "абалаковский" рюкзак, который я затарил по дороге, в ночном магазине.

– А может денек погостишь? – робко и безнадежно спросил дед.

– Никак не могу. Нужно Леву выручать. Разберусь со всей этой мазутой – обязательно приеду. Ружье, что я тебе оставлял, тоже забрали?

– Обижаешь... – хитро ухмыльнулся дед. – В тайнике, за печкой. Помнишь?

Еще бы... Я был еще пацаном-несмышленишем, когда узнал о его существовании. Там обычно хранили самогон и аппарат для приготовления "огненной воды". Зная о дедовой "заговоренной" водке, пользующейся повышенным спросом среди жителей окрестных сел, одно время менты проводили обыски в нашем доме едва не каждую неделю. Но тайник так и не нашли. Уж очень он хитро был устроен – с электродвижкой, поворотным механизмом, открывающим лаз в крохотный погребок, искусно замаскированным кнопочным пультом и специальным фиксатором. Да, дед и впрямь был отменным механиком, мастером на все руки...

Посетив Дивеева, который вовсе не удивился столь раннему вызову и даже обрадовался – он тоже был не равнодушен к дедовой "заговоренной" водке – я возвращался той же дорогой, которой вез в деревню Маркузика. Она была гораздо короче новой автотрассы, проложенной совсем недавно в обход болот и лесных массивов. Я надеялся догнать похитителей Бермана и Эллы.

На сей счет у меня были достаточно обоснованные соображения. Нападение на деда совершили совсем недавно, от силы за час до нашего приезда – это я определил по крови на полу спальни. Значит мафиозные ублюдки просто не могли далеко убраться, так как на лесной дороге мне не встретилась ни одна машина. Выходит, они поехали кружным путем, автотрассой, которую, едва закончив капстроительство, начали по нашему обыкновению ремонтировать; в этом я убедился в предыдущий приезд, когда рискнул вернуться по новой дороге. Поэтому у меня был некоторый запас времени и я гнал "девятку" как сумасшедший – вдруг мне повезет? Кроме того, я точно знал, на какой тачке приезжали похитители маэстро и танцовщицы – свежие следы широких шин "джипа", отпечатавшиеся на обочине неподалеку от нашего двора, трудно было спутать с какимнибудь другими...

На эту горюшку я стремился всеми фибрами и жабрами своей души. Хорошо окопавшись на ее вершине, можно было с одним крупнокалиберным пулеметом НСВ держать целый фронт. Отсюда открывался великолепный вид на автотрассу – как в одну, так и в другую сторону.

И все-таки я оказался прав! Маленькая, быстро приближающаяся клякса, которая вынырнула из-под лесной сени, постепенно трансформировалась в мощную импортную машину с затемненными стеклами. Как я и предполагал, водитель поберег свой "джип" на ремонтируемых участках трассы и не гнал его с большой скоростью. Впрочем, в этом не было ничего необычного – хваленая американская и японская техника, даже самая прочная, гробилась на наших дорогах за год, максимум два. Потому даже особо крутые из новых русских старались гонять на всю железку свои навороченные мастодонты только на более-менее приличных участках шоссе.

Уже рассвело. Но дорога еще была пустынна. Я укрыл "девятку" за бугром, под чахлыми деревцами – так, чтобы ее не заметили. И занялся подготовкой автотрассы к встрече. У меня не было полной уверенности, что в "джипе" находятся именно те, кто мне нужен. А потому я разбросал по шоссе камни, найденные на обочине; их тут хватало. У меня получилась маленькая баррикада. Я не сомневался, что пассажиры авто не усмотрят в этом нечто

подозрительное – на наших дорогах еще и не такое валяется. Сам я устроился на верху траншеи, дном которой являлась автотрасса, особо не маскируясь, потому что все равно нужно было брать "джип" на абордаж.

Все получилось, как я и задумал. "Джип" остановился, из него вылезли два качка и, как это принято у всех наших автолюбителей, сначала они начали матерно ругаться. А затем стали советовать, что делать – освободить шоссе от хлама или попытаться объехать стороной. Я только ухмыльнулся – в этом месте автодорожники для уменьшения уклона на подъеме углубились в холм метров на двадцать, потому откосы дороги были такими крутыми, что на них никакой вездеход не удержится.

Я не стал дожидаться, пока они договорятся и скатился вниз по откосу словно большой булыжник. В руках у меня было помповое ружье, а на голову я напялил вязанную шапочку Эллы, проделав в ней отверстия для глаз и рта. Первым делом я подбежал к "джипу" и выдернул наружу совсем обалдевшего от неожиданности водителя. Мельком глянув на заднее сидение, где сидели, словно два голубка, Берман и несравненная Элин /есть! слава Богу.../, я навел оружие на качков и рявкнул:

– На землю! Быстро! Иначе урою! Ничком, суки! Руки за голову! Лежа-ать!!!

Они упали, как подкошенные. Конечно, у них были пистолеты. Но когда на тебя смотрит большим черным глазом "дура", похожая на мини-пушку, и ты уверен, что она заряжена не солью, а патронами с картечью, которая на таком расстоянии делает из цели дуршлаг, то храбрость обычно опускается в пятки и тебе хочется немедленно превратиться во что-то прозрачное и невидимое. Тут уж не до геройства.

Я даже не стал их связывать. С мстительной радостью /это вам за деда, вонючки!/ я прошелся по их черепушкам укороченным прикладом ружья и усыпил всех трех по крайней мере минут на десять. Быстро обыскав качков, я изъясил лишь документы, а оружие /три ствола, все "макаровы"/ просто выбросил в кусты. Все это время, пока я возился с качками, Лева и Элла сидели, притаившись и не подавая ни звука.

– Выгружайтесь, быстро! – скомандовал я, снимая свою импровизированную маску.

– Ст-т... Стас!? – У Бермана от изумления отвисла челюсть. – Откуда?..

– Поторопись, маэстро! – Я помог выйти из "джипа" бледной до синевы Элле. – И за работу. Нужно освободить проезд...

Назад возвращаться я уже не мог – с той стороны, откуда приехал "джип", к нам приближались грузовики. А мне лишние глаза были как-то ни к чему.

Мы быстро расчистили нужные нам полтора метра, а затем я затащил обеспамятевших бандитов в машину и сел за руль.

– Вон там стоит "девятка", – показал я рукой. – Дуйте туда. Я скоро...

Найдя съезд с автотрассы, я загнал "джип" под деревья, связал качков их же ремнями – чтобы не так быстро освободились – и, прострелив все четыре шины, бегом поднялся на гору, где в салоне "Лады" изнывали от неопределенности и страха мои подопечные.

– Куда мы едем? – Этот вопрос Лева задал, когда мы проехали километра два.

– Хрен его знает, – признался я честно.

Действительно, в город с таким грузом нельзя было и потыкаться. А других укромных местечек, где можно спрятать уже осточертевших мне "голубков", я не знал.

– Что нам делать, что делать!? – запаниковал Берман, заламывая руки.

– Спроси у своей подруги, – сказал я мстительно. – Это благодаря ей мафиози нашли ваше убежище. Где твой гавкунчик, киска?

– О чем идет речь!? – Большие Левины глаза стали размером со старинное пенсне.

– Об этом... – Я вырвал из ее рук крохотную дамскую сумочку /что значит женщина! даже идя на эшафот – а Элла точно знала, куда ее везут – она не забудет сделать макияж/ и достал из нее миниатюрный сотовый телефон. – Ее длинный язык уже свил вам петлю, а теперь вы стоите на стульчаке и его вот-вот выбьют из-под ваших ног. И все из-за этой, напичканного всякой электронной дрянью, пластмассовой коробочки.

– Элин, как ты могла!? – возопил Берман. – Ведь нас предупреждали, чтобы мы сидели тихо!

– Ну, позвонила я подружке, так что из этого? – пожала плечами уже оправившаяся от испуга Элла.

– Эт точно... – Я криво ухмыльнулся. – Логика железная. Не подкопаешься. Но вся беда в том, что ты, подруга, поставила под удар моего деда. Потому я больше не буду совать голову под гильотину из-за какой-то потаскухи. – Я весь кипел.

– Стас! – вскричал фальцетом Лева. – Ты хамишь!.. – У него не хватило слов от возмущения.

– Не будь ты так к этой крале привязан, я бы ей еще и хлебальник начистил. Черт бы вас всех побрал... интеллигенты хреновы... – И про себя добавил еще кое-что, покруче. – Я сейчас отвезу вас на пригородную станцию, посажу в электричку и чешите, пока рельсовый путь не закончатся. Это ваш последний шанс остаться в живых. И старайтесь не попадаться на глаза ментам, так как не исключено, что на вас уже разосланы ориентировки. Все, я умываю руки. У меня других забот по самое горло...

Прощание получилось натянутым. Танцовщица вообще не смотрела в мою сторону, а Лева, виновато опустив глаза на заплеванной перрон, что-то бубнил себе под нос – возможно, благодарил. Я дал ему деньги – все, что у меня были – вяло пожал руку и мы расстались; я очень надеялся, что на этот раз навсегда. О дальнейшей судьбе этой сладкой парочки я особо не волновался. И не потому, что неожиданно стал черствым и эгоистичным. У Бермана были дальние родственники, которые – он в этом не сомневался – могли их приютить. За его городской квартирой я обещал присмотреть.

"Девятку" бармену Жоржу я возвратил вовремя.

Глава 26. МСТИТЕЛЬ

Мы пошли ва-банк. Я и Серега. Этот вечный шухер вокруг нашего злосчастного О.С.А. нам просто надоел.

Ознакомившись с документами качков из "джипа" и наведя некоторые справки, мы окончательно убедились, что ветер продолжает дуть на нас именно со стороны хозяев Храпова. И мы теперь знали одного из них.

Все нити, имеющиеся в наших руках, вели к некоему Каргину, распорядительному директору фонда "Правопорядок". Да, это был тот самый седой, хорошо упитанный господин, бывший подполковник милиции, с которым капитан Жердин приходил обедать в ресторан "Дарвин".

Чуря, когда мы допрашивали его в бане, сказал, что спец по электронике Олег Петрович, найденный нами в кресле с перебитым горлом, – заместитель босса. Эту мафиозную шишку ни Чуря, ни Гольян не знали даже как зовут, но внешний облик бывшего мента обрисовали достаточно точно.

Вторую нить нам дал, как ни странно, Лева Берман, когда перечислял сановных извращенцев, с которыми Храпов смотрел в банкетном зале "Дарвина" детское порнографическое кино. Но тогда фамилия Каргин нам мало о чем говорила и мы не обратили на директора фонда "Правопорядок" особого внимания.

Третью и четвертую нить вычислил капитан Лугов. Оказалось, что убитые возле "Шаловливых ручек" быки – плешивый и "восточный человек", а также хмыри с выпотрошенного мною "джипа", являются сотрудниками этого странного /чтобы не сказать больше/ фонда. Мало того – и сам "джип" числился за "Правопорядком".

Картину дорисовали показания танцовщицы во время допроса в доме деда Артема. Она точно знала, что Каргин – босс Храпова и один из заправил криминального бизнеса по продаже юных смазливых дурочек за бугор. О чем Элла и написала в своем заявлении – в том, которое осталось у нас. Расширенный, детальный вариант. Оказалось, что помощник передового бригадира у Каргина в большом фаворе и скорее всего выполнял при Храпове функцию большого уха и зоркого глаза директора фонда. Звали мафиозного "контрразведчика" Шестак, хотя Элла очень сомневалась, что это его подлинная фамилия.

По рассказу танцовщицы, Шестак был очень хитрой бестией; впрочем, я в этом уже убедился – засаду под балконом хазы Храпова /до чего не додумались менты из опергруппы/ организовал именно этот сукин сын. Не говоря уже о том, что он имел наглость попробовать мою башку на крепость.

Дело оставалось за малым – найти Каргина и побеседовать с ним по душам. И как можно скорее. Нам нужно было убедить его в том, что наше О.С.А. чересчур маленький камешек, чтобы убирать его с дороги, и если нас оставят в покое, то мы в свою очередь забудем и про Храпова, и про темные делишки возглавляемого Каргиным фонда. Пусть "Правопорядком" занимаются те, кому это положено по службе. Ни я, ни Серега не горели желанием изображать комиссара полиции из известного итальянского киносериала, большого борца с мафией.

Мы, конечно, понимали, что шансов договориться у нас мало, но утопающий хватается за соломинку...

– А если Каргин не пойдет на мировую? – все-таки спросил Плат, хотя во время обсуждения наших планов мы старались об этом не только не говорить, но и не думать. – Материалы мы имеем неплохие, но они представляют ценность больше для следствия, нежели для суда. У мафоизо хватит бабок, чтобы дело спустить на тормозах, а нас – в унитаз.

Я ничего не ответил. Лишь мрачно посмотрел ему прямо в глаза.

– Сильвер, и не думай! – всполошился Серега. – Тогда можно будет на наших жизнях поставить крест.

– Бабка надвое гадала... – Я не стал полемизировать на эту тему; будь что будет, зачем лишние словеса?

В наших планах торчал лишь один гвоздь, который мы не знали как вытащить. И имя ему было Жердин. Теперь, когда мы узнали кто на самом деле распорядительный директор фонда "Правопорядок", приятельские отношения капитана с Каргиным виделись нам уже в совершенно ином свете. Даже если Жердин и не являлся "кротом" мафии в городском

угрозыске, все равно веры ему не было. Ведь такая шишка, как Каргин, бывший мент в чинах, не станет угощать обедом в престижном дорогом ресторане какого-то сыскаря, мелкую сошку, лишь за его ясные глазки.

Мы решили держаться от капитана Жердина подальше. Как говорится, не буди лихо, пока оно спит тихо...

Офис фонда "Правопорядок", как ни странно для такого солидного заведения, находился не в центральной части города, а в районе железнодорожного вокзала, на улице Декабристов. Когда-то здание, где теперь разместился фонд, принадлежало железной дороге, которая использовала его как гостиницу для особо важных товарищей из центра, приезжавших в наш город по причине разнообразных проверок и ревизий. Оно было небольшим, но уютным – с колоннами в псевдо каком-то стиле, двухэтажное и с огороженным высоким забором садиком, где находилась беседка, похожая на китайский чайный домик. Судя по планировке, добытой Платом в управлении архитектуры города, в здании имелась даже сауна с крохотным бассейном.

Мы устроились на чердаке трехэтажного дома старой постройки почти напротив бывшей железнодорожной гостиницы. Нам не хотелось светиться раньше времени, гуляя в ожидании Каргина по улице Декабристов. Тем более, что мы не знали, когда он соизволит появиться в своем офисе. Плат пытался выяснить этот вопрос, позвонив в приемную "Правопорядка", но любезная секретутка сначала начала расспрашивать его кто он и по какому вопросу беспокоит ее сиятельного босса, а потом, выслушав вдохновенное вранье Сереги, сообщила, что Каргин принимает только по предварительной договоренности и в определенные дни. Она, конечно, записала господина Н. в свой кондуит, но ничего конкретно не пообещала. На том наши переговоры и закончились. Потому мы и решили дожидаться Каргина на чердаке, благо там оказалось оконце, с которого здание бывшей гостиницы было видно как на ладони.

Нам пришлось ждать до самого вечера. Несмотря на отсутствие хозяина, офис фонда достаточно тщательно охраняли крепкие парни, которые с независимым видом шатались туда-сюда по улице Декабристов неподалеку от входа в нужную нам контору. Мы насчитали троих; четвертый маялся в стеклянном фонаре – проходной. После пяти их сменили, но теперь все закрылись внутри здания. В половине шестого на улицу вышли три женщины – наверное, сотрудницы фонда. И до семи часов офис "Правопорядка" смотрел на нас слепыми темными бельмами своих высоких окон. Только в холле, где находилась охрана, горело слабое дежурное освещение.

Мы уже отчаялись ждать и подумывали о том, что нужно сворачиваться, когда в половине восьмого к зданию подъехала дорогая "мазда" новой модели и из нее вышел Каргин в сопровождении одетого в костюм хлыща. Босса встречали у подъезда все охранники – похоже, им позвонили. Спустя некоторое время окна здания на втором этаже осветились, и нам удалось подсмотреть обстановку просторного кабинета Каргина, заставленного дорогой офисной мебелью. Но активный созерцательный период длился не больше двух минут – пока хлыщ не задвинул плотные непрозрачные шторы.

– И что теперь? – поинтересовался взволнованный Плат. – Пойдем в любовую?

– Это вопрос... – Я усиленно ворочал мозгами. – Днем можно было, как мы предполагали, прорваться почти официально – через приемную. Не думаю, что против нас применили бы оружие. А вот вечером... Эти четыре стриженных козла на вахте могут очень даже запросто продырявить нам шкуры. И скажут, что так и было. А твои любимые менты подтвердят. Мы ведь уже знаем, что милицейскому начальству кое-что перепадает от фонда. Кто же будет резать курицу, несущую золотые яйца?

Мы действительно выяснили, что "Правопорядок" передал в УВД области двенадцать

дорогих импортных машин, на которых раскатывали крупные ментовские шишки. Кроме того, фонд регулярно выплачивал высоким чинам какие-то премиальные – наверное, за доблестный труд на весьма скверно вспаханной криминальной ниве. Правда, кое-что перепадало и рядовым сотрудникам органов, но те крохи предназначались лишь для того, чтобы замазать глаза общественности. /Которой, в общем-то, было плевать на все эти чиновные игры в благородство и патриотизм./ – Может, подождем, пока он выйдет? – Серега не отрывал глаз от окуляра бинокля.

– Вот тогда нас точно охранники грохнут, вполне резонно подумав, что мы киллеры.

– Но так мы никогда не доберемся до Каргина.

– Куда он от нас денется... Дай-ка бинокль...

Уже стемнело и здание просматривалось плохо, но за день чердачного сидения я успел изучить его во всех подробностях.

– Ты все-таки собрался взять офис Каргина штурмом, – констатировал Серега как-то чересчур спокойно; наверное, уже смирился с неизбежным.

– Если гора не идет к Магомету, то сам знаешь, что ему нужно делать.

– Но мы практически безоружны.

– Пуля – дура, штык – молодец. Сразимся врукопашную. Кроме того, не забывай, что у нас есть помповое ружье. А это, брат, клевая штука в ближнем бою. Но я не хочу, во-первых, большого шума, а во-вторых – повесить на себя несколько лишних жмуриков. На моем счету их и так хватает.

– Каким образом ты думаешь проникнуть в здание? Опять, как в бане, через чердак?

– Сплюнь через левое плечо! Не упоминай эту чертову баню. Думаю, что чердак здесь заблокирован намертво. Посмотри, – я вернул бинокль Сереге, – вон то окно на втором этаже. Там открыта форточка. Не туда смотришь, бери левее.

– Сильвер... – Голос Плата неожиданно пресекся. – Окно...

– А я тебе о чем? Войдем в офис, аки тати ночные – воры-фортачи.[4] На втором этаже, сам видишь, решеток нет. Приставим к окну лестницу – и здравствуйте господин Каргин.

Картина "Не ждали", художник – Сильверстов.

Лестницу я присмотрел заранее, на железнодорожном дворе, возле мастерских, в пяти минутах ходьбы от нашего насеста.

– Мы опоздали... – наконец выдавил из себя Серега.

– Не понял... Дай... – Я буквально вырвал бинокль из рук своего друга.

Дом, где находился наш наблюдательный пункт, был несколько смещен относительно здания бывшей гостиницы, а потому мы видели не только фасад офиса Каргина, но и его боковую часть. Само строение представляло собой куб с окнами только по двум сторонам – как раз тем, которые хорошо просматривались с нашего чердака. Сзади и с другой боковой стороны, почти вплотную примыкавшей к недавно построенному железнодорожному банку, тоже были окна, как мы рассмотрели на плане, но маленькие – в туалетных комнатах и подсобных помещениях, а также в сауне и бассейне. Потому я и намылился на боковые окна, так как со стороны парадного входа в здание мог проникнуть разве что японский ниндзя, ночной

невидимка.

И теперь я увидел его воочию. Только он штурмовал бывшую гостиницу именно с той стороны, которую я наметил для себя. Я даже затаил дыхание, когда увидел как ловко карабкается одетый в черное человек по стене здания. Он забрался на уровень второго этажа по углу, имевшему различные рельефные выступы, и уже шел по карнизу, каким-то непонятным образом удерживаясь за стены – как рыба-прилипала – как раз к окну с открытой форточкой. У меня едва глазные яблоки не лопнули, так усердно я силился рассмотреть лицо этого человека-фантома. Но бинокль у нас был самый обычный, уличные фонари едва брезжили, а на голову "ниндзя" одел до боли знакомый по армейским будням вязаный шлем, оставлявший открытыми только рот и глаза.

– Твою мать... – Мой комментарий происходящего отличался лаконичностью и доходчивостью.

– Кто это? – почему-то шепотом спросил Плат.

– Дед Пихто. Спроси чего-нибудь полегче. Похоже, наш конкурент.

– Неужто?..

– Весьма возможно, – понял я, что недосказал Серега. – Почерк похож. Тренированный мужик.

– Получается, что он нас в бане опередил, а теперь и здесь?

– Ретивое выиграло? Хочешь с ним посоревноваться? Или предупредить Каргина?

– Хрен с ним, с этим Каргиным. Я о другом. Неужто этот сукин сын за нами следил?

– Брось... – поморщился я. – Это случайность. Мы тут сбоку припека. Иначе в бане нас бы накрыли менты, случись, что он под нас копает. Один звонок куда следует – и опергруппа вот она. Взяли бы нас тепленькими на месте преступления. И попробуй тогда отвертеться.

Здесь другое...

– Мечь? – высказал предположение Плат.

– Скорее всего. Но как нужно было насолить этому мужику, чтобы он преследовал мафиозных сволочей с мстительностью и неутомимостью какого-нибудь дикого горца... – Я покачал головой.

– Ты его видишь?

– Он уже в здании. Скоро там будет большой шухер.

– А что нам делать?

– Наблюдать и радоваться. Что он выполнит за нас грязную работу. Как не крути, а Каргина нам нужно было замочить. Я уверен, что он никогда бы не согласился на наше предложение. Такие люди не любят не обрубленных концов. И шантажистов. А мы как раз выступили бы в этой роли.

– Давай за ним проследим! – загорелся Плат новой идеей.

– Здрасьте, я ваша тетя. Ты в своем уме? Мы, конечно, тоже не подарок, но я бы не хотел стать поперек его пути. Даю рубль за сто, что он нас вычислит в два счета. Это не человек, а зверь. – Последнюю фразу я сказал с невольным восхищением и даже завистью.

– Тогда нам пора сваливать.

– Спешу помаленьку... – Мысль, которая бродила по закоулкам мозга, вдруг приобрела необходимую ясность и отчетливость. – Пусть мы и попали на разбор шапок, но не пропадать же нашему запалу зря?

– Ты что-то придумал?

– Ждем-с... – отделался я ничего не значащим словом и снова прильнул к окуляру бинокля.

Сергея что-то недовольно буркнул и благоразумно замолчал.

Таинственный "конкурент" покинул здание не через окно, а вышел из парадного. Он был высок и худ – это я мог определить и без бинокля. Двигался этот мужик /или парень – поди знай его возраст/ легко и раскованно. С момента проникновения "ниндзя" в здание прошло не более пятнадцати минут. Он осмотрелся, снял свою шапку-маску и быстро пошагал прочь. В досаде я не сдержался и сквозь зубы выругался – эх, сюда бы прибор ночного видения! В бинокль я увидел лишь смазанное светлое пятно вместо лица – движения "конкурента" были быстры и порывисты.

– А теперь, Серега, ходу! За мной!

Мы быстро сбежали по лестнице вниз и к счастью никого не встретили.

– Куда? – спросил Плат.

– Отдадим последние почести. – Я указал на офис "Правопорядка". – Поторопись, у нас времени в обрез.

– Какого черта, Сильвер!?! – всполошился Серега. – Что мы там забыли?

– А что забыли, то и заберем. Смотри под ноги, нос расшибешь.

Мы быстро забежали в холл бывшей гостиницы. Как я и ожидал, охранники лежали в отключке. Я пощупал у одного из них пульс и почему-то обрадовался – парень был жив.

Похоже, таинственный мужик злобы к охранникам не питал; он всего лишь их вырубил и не менее чем на полчаса, притом голыми руками. А парни никак не справляли впечатление слабосильных. Да, великий мастер...

– Побудь здесь, – сказал я Плату. – Забери у них стволы и посторожи, чтобы они случаем не проснулись раньше времени. И надень маску. Внимательно наблюдай за улицей. Вход замкни. Стой так, чтобы тебя не было видно. Если что – посвисти. Уйдем через окно. Для меня там не высоко, а тебя я подстрахую, если придется прыгать со второго этажа. Все, я пошел...

Я мигом взлетел по лестнице вверх и забежал в кабинет Каргина. Лицо распорядительного директора представляло собой сплошную кровавую массу. Мужик бил Каргина ногой, притом с огромной силой; я даже удивился, что он вообще не вышиб бывшему менту мозги наружу. Довольно симпатичный хлыщ лежал на диване рядом со своим боссом и тоже был мертв. И этот молодой парень, и Каргин были полураздеты.

Похоже, они собрались предаться скверному блюду, называемому мужеложством. Но перед этим решили немного подогреть себя спиртным – на журнальном столике стояли наполненные рюмки, начатая бутылка дорогого армянского коньяка и тарелка с лимонными дольками. Включенный музыкальный центр выдавал что-то слащавое, с примесью тихих сексуальных вздохов. Сплошная порнуха, бля, подумал я. И откуда только выползли все эти

извращенцы!? Ведь совсем недавно Каргин считался образцом для подчиненных, верным партийцем и заботливым семьянином. Обратни...

Сейф, в который я жаждал заглянуть, оказался открытым. Ключи находились здесь же – в замке. Но внутри солидного импортного ящика было пусто /если не считать одной единственной безымянной видеокассеты/, что меня очень огорчило. Видимо, мстителя тоже интересовали бумаги фонда. И бабки – я почему-то не думал, что в сейфе не лежала энная сумма в баксах. У таких деятелей, как Каргин, десять тысяч "зеленью" – не деньги.

Так, разменная монета. На всякий случай.

Я разочарованно вздохнул, еще раз внимательно осмотрел кабинет, открыл все шкафы, выдвинул ящики письменного стола, но ничего стоящего так и не нашел. Пришлось довольствоваться лишь видеокассетой – ведь не зря же Каргин хранил ее в сейфе. И только уходя, уже возле двери, я снова бросил тоскливый взгляд на пустое чрево железного хранителя тайн. И едва не разбил себе лоб, не вписавшись в дверной проем. Не может быть!!!

Я бросился назад и дрожащими руками поднял предмет, валяющийся на полу возле сейфа.

Как же я его не заметил. Наверное, мужику он просто не понадобился...

– Линяем! – крикнул я Сереге еще со ступенек. – И побыстрее...

Плат уже измаялся в тревожном ожидании, а потому рванул к выходу как пьяница на буфет. По ходу спрятав шапки-маски, тонкие нитяные перчатки и уже бесполезное ружье в саквояж, мы свернули в первый попавшийся на пути переулок, а затем проходными дворами /чтобы не мозолить глаза ментам/ добрались, как и было задумано, до заведения Лильки-Чугунка. По дороге мы избавились от своего груза, в том числе и от ствола – выбросили все в разные мусорные баки. Теперь помповое ружье было большой обузой и даже опасной уликой, случись нам когда-нибудь встретиться с хозяевами тех киллеров /в частности водителя/, которые приходили к Берману забирать танцовщицу и с которыми я так невежливо обошелся. Я знал, что поутру к мусорным бакам придут общественные ревизоры – граждане, выброшенные родным государством на помойку – и наши вещи благополучно разбегутся по всему городу. Без шума и пыли. Пусть за помповое ружье отдувается тот, кто позарится на дешевизну и купит его у мустаров – мусорных старателей.

Глава 27. ГОРЯЧИЕ СЛЕДЫ

Мы заночевали на квартире у Лилькиной подруги. Моя бывшая зазноба хотела затащить нас к себе домой – боюсь, что не без задней мысли – но я быстренько, с чистого листа, сочинил ей ужастик, в котором злые дяди гонялись с пистолетами за пай-мальчиками Сильвером и Платом по всему городу, на всякий случай проверяя и жилища их друзей.

Перепуганная Лилька-Чугунок, навидавшаяся за время занятия бизнесом всякой всячины, поверила мне сразу и бесповоротно. Она поклялась, что нас не выдаст, и с благодарностью приняла мой совет забаррикадироваться в своем гнездышке и не открывать дверь даже если случится вселенский потоп и новоявленный Ной будет пытаться забрать ее в свой ковчег.

Квартира была двухкомнатной и без владелицы – подруга Лильки, тоже холостячка, отдыхала в санатории, а ключи оставила Чугунку, чтобы та присмотрела за ее хозяйством, включающим двух волнистых попугайчиков и аквариум с золотыми рыбками. Мы были сыты, плотно

поужинав в Лилькином "Эдеме", но, несмотря на полные желудки и вполне понятную усталость, спать нам не хотелось. Послonyaвшись по комнатам и полюбовавшись на рыбок, мы посмотрели по телевизору какой-то нашеньский фильм, комедию – до тошноты приправленную кадрилию, глупую и совсем не смешную историю о деревенских бабах и мужиках, которых усердно пытались изобразить известные столичные артисты – а затем вышли на кухню покурить и выпить чаю.

Тут-то у нас и мелькнула очень даже здравая мысль. Она пришла к нам практически одновременно, и когда Плат открыл рот, чтобы высказать ее, я уже встал и направился в прихожую, где висела моя куртка, в кармане которой находилась видеокассета, совсем недавно являвшаяся собственностью Каргина.

Фильм, записанный на видеокассете, сразил нас наповал. Он оказался гнусной порнухой, главными действующими лицами которой были дети и подростки. Мы не стали смотреть его полностью, лишь прокрутили в ускоренном темпе – вдруг на кассете окажется чтолибо нам нужное, какой-нибудь документальный факт? Увы, кроме противоестественного секса в исполнении малолеток, мы ничего другого не увидели.

– Этот парень, наш "конкурент", оставил кассету в сейфе специально, – угрюмо сказал Плат, выключив видеоманитофон.

– Я тоже так думаю. Вот только непонятно для кого.

– И зачем...

– Улика. Чтобы показать, кому следует, моральный облик Каргина.

– Чушь собачья! – фыркнул Серега. – Смотреть порнофильмы – это не преступление. Даже такие. Вот изготавливать их – другое дело...

Мы переглянулись. И снова подумали об одном и том же.

– Ну-ка, включай видик, – скомандовал я, потому что пульт лежал на диване возле Плата.

На экране опять пошли кадры детского секса.

– Не понятно... – задумчиво сказал Плат. – Да, это порно снимали у нас в стране, что видно по интерьеру комнат и различным вещам. Ну и что?

– Ты наши порнушки когда-нибудь видел?

– Думаешь, я извращенец?

– Брось... Причем здесь извращения? Элементарное любопытство. Помнишь, как мы в юности терроризировали Марка, когда его папаша привез из-за рубежа видеоманитофон?

Не могли дождаться, пока старики Маркузика пойдут вечером в театр или кино. Между прочим, ты тогда смотрел порнофильмы и не морщился. Совсем даже наоборот.

– Вспомнил... – Плат неожиданно покраснел. – Тогда я был молод и глуп.

– А сейчас поумнел... – Я рассмеялся. – Ладно, не об этом речь. Я о другом. Присмотрись к качеству изображения и постановке фильма. Снимали высококлассной студийной аппаратурой, притом профессионалы. Это не просто примитивное порно, а с изюминкой, с художественным замыслом, рассчитанным на настоящих сексуальных гурманов. Такое кино не по плечу подпольной шарашкиной конторе, созданной пацанами в каком-нибудь облезанном подвале.

– Пусть так. Я с тобой согласен. Однако, повторюсь – ну и что из этого мы можем почерпнуть? Ладно, пусть не мы, а правоохранительные органы.

– Это нам и предстоит выяснить. Будем торчать на диване без сна всю ночь, смотреть фильм хоть сто раз, но нужно найти нечто такое, которое поможет нам разгадать загадку "конкурента". Он не зря оставил этот фильм в сейфе, совсем не зря. И возможно именно для нас. В этом видике есть стоп-кадр?

– И не только. Это "Панасоник" новейшей модели. Крутая машина. На ней можно производить монтаж фильмов, дописывать музыку, ставить титры, увеличивать и уменьшать изображение, улучшать качество картинки... и так далее. Тут столько наворотов, что без инструкции не разберешься.

– Вот и ладушки. Перемотай на начало...

Мы просидели перед телевизионным экраном около двух часов. И выпили по четыре чашки кофе. Сексуальные сцены мы старались пропускать, больше обращая внимание на интерьер помещений и вообще окружающую обстановку. Где-то около трех ночи Плат решительно выключил видик и, откинувшись на спинку дивана, закрыл глаза.

– Я пас, – сказал он. – От этого зрелища мне как-то не по себе.

– Есть предложение совершить экспроприацию.

– Ты о чем?

– У Лилькиной подруги клевый бар, почему бы нам не воспользоваться его гостеприимством?

– Как-то неловко...

– Перестань изображать из себя красную девицу. После купим и вернем то, что мы сейчас оприходуем. Если честно, я уже проголодался. А сухой кусок без смазки, сам знаешь, в горло не лезет.

– Да, пожрать и выпить ты силен.

– В здоров теле должен быть здоровый дух, который без энергетической подпитки калорийной пищей может быстро иссякнуть. Сделаем ревизию бара и пойдём на кухню...

В баре было много всякой всячины, большей частью дорогие заграничные вина и шампанское, но мы остановили свой выбор на бутылке финской водки. В холодильнике я нашел банку шпрот и лимон, так что закуска оказалась вполне на уровне. Мы пили малыми дозами, чтобы взбодрить уставшие мозги, и разговаривали.

– Не знаю, как ты, а я ничего такого не заметил. – Морщась, Плат жевал лимонную дольку.

– Почему озвучивание идет на английском языке?

– Фиг его знает. Может, те, кто занимается съемками детских порнушек, таким образом хотят замаскировать страну-изготовителя.

– С какой стати? Чтобы увеличить собственные расходы? Ведь нужно написать грамотный текст, затем найти актеров – имитаторов детской речи. И всем необходимо платить. Я уже не говорю о том, что с увеличением количеством людей, задействованных в этом подпольном бизнесе, риск проколоться возрастает.

– При такой "крыше", как фонд "Правопорядок", можно плевать на прокол. Тебе ведь Берман

перечислял любителей острых ощущений, которые собирались в банкетном зале "Дарвина" на просмотр порнофильмов. И скорее всего, они смотрели как раз детский секс.

– Да те, кого Лева назвал, в русском языке плавают, не говоря уже про иностранные. Если это варево готовилось только для них или таких, как они, то просто нет смысла озвучивать на английском.

Плат характерным жестом потер виски, включая свои мыслительные способности на всю катушку.

– Похоже, мы нащупали ниточку, – сказал он медленно и как будто вяло, но его глаза вспыхнули хорошо знакомым мне огнем; это был хороший признак – Серега начал заводиться. – Судя по всему, изготовление детского порно поставлено на поток и предназначается для зарубежных извращенцев.

– Там что, своего дерьма не хватает?

– В странах Запада детская порнография жестоко преследуется. И стоит очень дорого.

Года два назад нам читали на эту тему лекцию. Приезжали из министерства... Видимо, в центр уже какие-то сигналы поступали, потому решили просветить на сей счет и провинцию.

– Если это так, то кто-то имеет офигенные бабки. Переправить за бугор партию видеокассет с порнухой раз плюнуть.

– Несомненно. Даже большим контейнером для морских перевозок. У нас за деньги можно все.

– Постой... – Мысль, все это время плутающая среди мозговых извилин, неожиданно обрела ясность и отчетливость. – Артисты... Где эти козлы, что делают порно, набрали столько детей и подростков? Ты заметил, что в фильме задействовано около десятка детишек? И все хорошо упитанные, красивые...

– Ты хочешь сказать, что вариант с детским домом отпадает?

– Именно. И не из-за того, что там нельзя отыскать симпатичные мордашки, а по более прозаической причине. Дети есть дети, у них никакие секреты не держаться, даже если их хорошо припугнуть и платить большие деньги; естественно, по нашим меркам. Поэтому такая тайна уже была бы известна всему городу, а воспитателям детского дома – в первую голову. Не думаю, что среди них одни мерзавцы, готовые за копейку удавиться. Не сказали бы впрямую, так написали бы анонимное письмо.

– Тут ты прав. Но есть и другая версия. Подтвержденная фактами. Я вспомнил... Перед самым моим уходом из угрозыска нам прислали ориентировку на розыск одного столичного мужика, ударившегося в бега. Он организовал что-то подобное, как в нашем случае, но на примитивном уровне. И так называемых "артистов" набирал из беспризорных детишек, ночующих на вокзалах и чердаках домов.

– Дети в том порно, что мы смотрели, никак не тянут на беспризорников. Я как раз этот момент и хотел подчеркнуть. Все они домашние.

– Ты думаешь, что?..

– Почти не сомневаюсь. Похищенные пацаны и девчонки как раз и являются артистами порнофильмов. Риск сводится к минимуму. Их привозят на какую-то базу, запугивают, возможно, избивают – для того, чтобы стали более податливыми – и используют на всю катушку. А затем, как отработанный материал, сплавляют... на тот свет. Мать твою!.. – У меня

у самого от предположения мурашки побежали по спине; а Серега вообще изменился в лице. – Если это так, то мне очень хотелось бы познакомиться с главными действующими лицами этого бизнеса...

– Трудно поверить... – Плат одним глотком выпил свой стопарик и даже не поморщился. – Не могут нормальные люди быть таким зверьем.

– Где замешаны большие деньги, там нет ни совести, ни чести, ни жалости, ни сочувствия.

Ты это знаешь не хуже меня.

– Знаю, – угрюмо кивнул бледный Серега. – Наша демократия стремится догнать американские стандарты.

– Давай вернемся в зал. – Я встал. – Мне нужно поднапрячь зрительную память. Когда мы смотрели этот фильм, у меня в голове что-то вертелось, но я так и не понял что именно.

Мне кажется... А, ладно, не буду забегать наперед.

Мы снова включили видик. Калейдоскоп детских лиц опять завертелся на экране, и если раньше я почти не обращал на них внимания, то теперь мои глаза, как первоклассный сканер, буквально считывали мельчайшие подробности.

– Останови! – сказал я Плату, когда на экране появилась восхитительная девочка с черными кудрявыми волосами.

Я обратил на нее внимание еще при первом просмотре – прическа девчонки смахивала на густые лохмы Маркузика. К тому же она была, как и наш гений, смуглолицей.

– Увеличь лицо, – попросил я Серегу.

Плат немного повозился с пультом и рукоятками и дал крупный план. Есть! Я вспомнил!

Ее портрет был в газетной подшивке, которую я просматривал в читальном зале библиотеки. Он мне запомнился по двум причинам: во-первых, не в пример остальным разыскиваемым, фото девочки увеличили до четверти газетного листа, а во-вторых, у нее на верхней губе была маленькая родинка – точь-в-точь как у моей мамы. И теперь эта несчастная малышка с хорошо заметной родинкой смотрела на нас с экрана пустыми, ничего не выражающими глазами.

– Узнал? – с надеждой спросил Плат.

– К сожалению... – Мне стало так нехорошо, что даже сердце сжалось. – Я помню эту девочку. Она из тех, кого похитили год назад. Значит, моя версия верна.

– Но толку от нее мало. Нужно еще отыскать этот подпольный Голливуд. Как?

– Понятия не имею.

– Поиски порностудии могут продолжаться хрен его знает столько, а мы уже висим над пропастью на такой тонкой нити, что страшно подумать.

– Между прочим, дочка Боба тоже могла попасть в этот капкан.

– Предполагаешь, что детей для студии похищали не только люди Храпова, а еще и "слесарь-мороженщик"? – спросил Плат.

– Не исключено. Так сказать, по индивидуальному заказу. Чтобы меньше людей знало об

этой истории.

– Почему именно об этой?

– А представь себе какого-нибудь врага Стеблова, который в один прекрасный момент подсунет Бобу кассету с порнушкой, где фигурирует его дочь.

– Это ужасно... – Серега инстинктивно вздрогнул.

– Не то слово... Можно с ума сойти... Ладно, крути дальше.

Помещение... Обычно кино снимают в специальном павильоне, как я узнал из документальных фильмов. Но подпольное порно, пусть и высокопрофессиональное с точки зрения сценария и режиссуры, никакая солидная киностудия и на порог не пустит; по крайней мере, в нашей стране, где еще очень сильны традиции соцреализма. Тогда где снимали этот фильм? Судя по тому, что мы видели на экране телевизора, комната для постельных сцен была просто огромной. В наших домах сыскать такую очень трудно, если не сказать невозможно. Это был целый амбар, но с большими окнами. Камера захватывала комнату в разных ракурсах и я почти не сомневался, что она не искусственно построенная из щитов-декораций.

– Ты считаешь, что съемки велись на даче какого-нибудь нового русского? – спросил Плат, когда мы начали в очередной раз дискутировать по поводу помещения.

– Теперь я так не думаю. Присмотрись к окнам повнимательней. Разве новый русский позволил бы поставить в своем "замке" такое старье?

– Откуда ты узнал, что они старые? – удивился Серега.

– Конструкция. Нынче такие не делают. Вспомни коттеджи в дачном микрорайоне, мимо которых мы сто раз проезжали. Тонированные большие стекла, арки, металлопластик или качественная столярка, чаще всего не крашенная, лакированное дерево... А здесь окно будто и большое, но разбитое на маленькие квадраты.

– Английский стиль, – не преминул возразить Плат.

– Не возражаю. Только у нас он сейчас не катит. Вот лет тридцать назад – да, было.

– На что ты намекаешь?

– Какие тут намеки? Подобные окна я видел лишь в одном месте, когда был пацаном. Не догадываешься где?

– Постой, постой... – Серега даже привстал. – Черт возьми! Как же я раньше не догадался!

Ведь это...

– Пионерский лагерь. Только там есть такие просторные комнаты-спальни с большими окнами, в форточки которых не мог пролезть даже худой, словно глист, Маркузик.

Помнишь, как нам понравилась пацанка из девятого отряда и мы пытались ночью познакомиться с нею поближе?

– Ну... – Лицо Плата прояснилось. – Марка вытаскивали из форточки, где он застрял, две вожатые и сторож. Вот была потеха...

– И он, разозлившись, едва не сдал нас со всеми потрохами директору лагеря. Мы ведь тогда дали деру, вместо того, чтобы ему помочь...

Мы предавались воспоминаниям минут пять, а затем снова включили видеомаягнитофон.

– Но где находится этот лагерь, вот в чем вопрос... – Серега с сожалением смял пустую пачку "Мальборо". – Ты сигарет здесь не видел?

– Поищи на кухне. В баре точно нету.

Плат ушел. Я продолжал таращиться на экран, хотя мне хотелось на всю плюнуть и лечь спать. Но какое-то шестое чувство настойчиво удерживало меня возле телевизора, заставляя ворочать мозгами до головной боли.

– Нашел сигареты? – спросил я Серегу, возвратившегося с недопитой бутылкой, рюмками и тарелкой с остатками лимона.

– Импортную дамскую дрянь. Слабенькие. Увы, придется довольствоваться тем, что есть.

– Давай опрокинем по рюмашке и бери пульт.

– Что-то опять высмотрел?

– Не знаю. Какая-то клякса в небе. Ее нужно увеличить до приемлемых размеров и дать хорошую картинку. Возможно, это самолет.

– Зачем он тебе?

– Есть некоторые соображения... – ответил я уклончиво.

– Ладно, сделаем. Нет проблем. Держи... – Плат наполнил рюмки и мы дружно выпили.

Съемки велись не только в комнате, но и на природе. Сценарист в своей сексуальной бредятине изобразил, судя по костюмам, где-то восемнадцатый век. Развратная бонна лет двадцати сначала склоняла пацанов к сожительствоу в парке, возле озера, а затем начала "знакомить" их по очереди с девочками, но уже, так сказать, в интерьере. В одну из сценок на берегу попал кусок чистого летнего неба, по которому пролетали птицы и еще что-то – вдалеке. Это пятнышко могло быть чем угодно, но я страстно желал увидеть там пассажирский авиалайнер.

Плат колдовал над "Панасоником" минут пять. В конце концов мозаика из разноцветных квадратиков сложилась в продолговатый предмет, а когда Серега дал изображение на весь экран, у меня сомнений уже не оставалось – в небе летел ЯК-42.

– Получи картинку, – довольно ухмыльнулся Плат. – Техника на грани фантастики. Нужно и себе купить такой аппарат. В комплекте с цветным принтером и фотокамерой. Снимки можно делать – закачаешься.

– Все... – Я устало откинулся на спинку дивана. – Наше дело правое, мы почти победили. Я понял, где находится этот пионерлагерь.

– Шутишь? – недоверчиво спросил Серега.

– Какие там шутки. Посмотри на лайнер. Видишь, он летит не параллельно линии горизонта, а клонит нос книзу. То есть, намеревается приземлиться. Ты помнишь, где находится аэродром и с какой стороны самолеты заходят на взлетно-посадочную полосу?

Плат немного подумал и ответил:

– Со стороны Кистеневки.

– Самолет летит низко, значит начало полосы в двух-трех километрах. Это можно уточнить у летунов. Лагерь, где велись съемки, находится по левому борту лайнера.

Выходит, что гнездо видеоразврата расположено в окрестностях Воздвиженки. Если, конечно, мне не изменяет память. Жаль, что здесь нет карты.

– А она и не нужна, – уверенно сказал Серега. – В той стороне две заводские базы отдыха и три пионерских лагеря. И все построены на берегу озера. По-моему, сейчас они не функционируют. По крайней мере лагеря – точно.

– Откуда тебе это известно?

– В прошлом году мне дали общественную нагрузку – подыскать неподалеку от города приличный лагерь для оздоровления детей сотрудников отдела. Начальство подписало каких-то спонсоров для этого дела, а я недели две бил ноги, чтобы найти приемлемый вариант. Так что положение дел с летним отдыхом подрастающего поколения мне знакомы не понаслышке. Для справки: из четырнадцати пионерских лагерей год назад работали только пять.

– Тогда вношу предложение немного поспать. А завтра – то есть, уже сегодня – с утра пораньше рванем на природу. Поищем этот лагерь.

– Я так понимаю, ты хочешь пошуметь? – с опаской спросил Плат.

– У тебя есть другой вариант? Может, пойдём в милицию, заявим... – У меня от злости на Серегу даже сон пропал, хотя до этого я зевал как крокодил. – Будто не знаешь, что как только мы откроем рот, вся порнографическая шарашка сразу сделает ноги. Мафиозным боссам, занимающимся этим бизнесом, доложат о проколе раньше, чем высокому милиционерскому начальству. Ладно подпольный Голливуд только разбежится. А если эти скоты детей угробят? Ведь малышня – свидетели. А вдруг там находится и Кристина? Нет, мы не скажем никому. Даже Бобу. Это наша война, Серега. И ничья иная. Все они суки продажные, все. И твои менты, и стриженная братва.

– Нам нужно оружие, – процедил сквозь зубы помрачневший Плат; но возразить не осмелился. – Не думаю, что нас там встретят с распростертыми объятиями.

– Достану я тебе оружие, не сомневайся. В нашу контору сейчас соваться нельзя. Иначе пристрелят или повяжут. И неизвестно, что лучше. Все, отбой...

Я уснул сразу, будто провалился в бездонный омут. Последним под сомкнутыми веками видением, не замутненным сонной истомой, почему-то оказалось лицо Боба Стеблова.

Глава 28. БОСС

Люблю я наши российские заборы. Особенно те, которыми огораживают предприятия или, например, пионерские лагеря. Вернее, огораживали – нынешним хозяевам страны, озабоченным набивкой "зеленью" собственных карманов и строительством личных многоэтажных вилл, глубоко плевать на подрастающее поколение; собственно, как и на остальных граждан. Обычно с "парадной" стороны – чаще всего, от дороги – забор представляет собой такое капитальное сооружение, что человеку неопытному проникновение внутрь огороженной зоны кажется задачей просто неразрешимой. Ну разве что при помощи танка. Но люди бывалые хорошо знают как выглядит забор с трех остальных сторон периметра. В нем столько дыр и лазеек, что он напоминает изгрызенный мышами кусок

голландского сыра.

С утра пораньше я потащил Плата на "блошиный" рынок, где подозрительного вида людишки продавали всякую всячину – от ржавых гвоздей до сантехнической арматуры, частью позаимствованной из старых полуразрушенных зданий, а частью уворованной где придется. Горы разнообразного железного хлама валялись просто на земле, и только некоторые, особо деликатные натуры, подстилали под низ газеты или худые рогожки.

– Зачем!? – спросил совсем обалдевший Серега, когда я приценился к большим кусочкам и увесистому гвоздодеру.

– Ты оружие просил? Получи, – всучил я ему свои покупки, которые продавец, бомжеватого вида дедок, даже завернул в оберточную бумагу, что было на "блошином" рынке просто невысказанным сервисом.

– У тебя шутки... – обиженно пробурчал Плат.

– Ничего подобного. Я не шучу. Этот инструмент для нас сейчас важнее всего.

– Почему?

– Если этот подпольный Голливуд и впрямь занимает один из пионерских лагерей, то его строители прежде всего должны были позаботиться о надежном заборе. Да так, чтобы в нем не было ни единой щелочки. Сам понимаешь, по какой причине. Такой забор для нас самый лучший след. Его мы и будем искать в первую голову...

К озеру мы доехали на перекладных: сначала взяли такси – до окраины города, а затем, чтобы запутать возможных преследователей /мы почему-то не думали, что нас оставят в покое/, продолжили путь к Воздвиженке на ЗИЛе, водитель которого всю дорогу икал и смолит вонючий табачище, предполагая, что таким макаром забьет запах водочного перегара. От деревни в курортную зону нас доставил трактор "Беларусь"; мы удобно расположились в прицепе на охапке соломы и даже успели быстро перекусить очень вкусными пирожками с капустой, купленными у старушки на крохотном сельском рынке.

Пионерские лагеря и базы отдыха на берегах озера располагались хаотически. Той монолитной линейки, которой отличаются подобные оздоровительные учреждения в южных районах страны, на морском побережье, где они плотно сбиты в единый строй без малейшей прорехи, здесь не наблюдалось. Что было вполне объяснимо – наши края изобиловали озерами, реками и речушками, которые поражали своей красотой. Выбирай, где хочешь, кусок земли и строй, что душа пожелает. Кстати, разнообразных водоемов вокруг города было столько, что не все они имели названия. Это озеро тоже числилось безымянным.

Нам везло. Утро выдалось в меру туманным – в городе; а здесь, на природе, низину заполнила такая плотная сизая пелена, что в десяти шагах ничего не было видно. Это обстоятельство оказалось как нельзя кстати. Теперь мы могли практически безбоязненно вышивать по берегам озера, осматривая его достопримечательности. Я был уверен на все сто, что база изготовителей порнофильмов тщательно охраняется, а значит ее обитатели внимательно наблюдают и за окрестностями своего подпольного Голливуда. А в таком тумане мне и Плату сам черт не брат. Главное не расшибить нос о вожделенный забор.

Первый пионерлагерь оказался пустышкой. В прямом смысле этого слова. Его так здорово опустошили жители окрестных сел, что от бывшей детской здравницы остались лишь длинные приземистые здания, зияющие черными провалами окон без рам. Все, что можно было разобрать и стибрить, ушлый народец разобрал и украл, а что не смог унести – сжег.

Сгорела и сторожка – наверное, в первую очередь, чтобы сторож не мешал. Только корпуса,

сложенные из толстых бревен, пока стояли как памятники бесхозяйственности и общего упадка. От забора остались одни столбы и массивные металлические ворота – уж очень они были ржавыми. Даже на металлолом не годились.

Зато рядом, где-то в пятидесяти метрах, нас встретил трехметровой высоты новенький забор, еще пахнущий свежей древесиной, хотя его поставили как минимум года два назад.

Строганные доски собирались в паз, потому между ними не было щелей. Мы прошли вдоль забора до самого озера с надеждой обойти его по воде, но там нас ждало глубокое разочарование – дальше тоже была изгородь из заостренных сверху металлических прутьев; она тянулась по дну еще метров на двадцать, до большой глубины. Поскольку нырять в ледяную осеннюю воду ни у меня, ни у Плата желания не возникало, мы, тихо матерясь сквозь зубы, возвратились обратно, по ходу осматривая забор – нет ли где небрежно забитого гвоздя, чтобы пустить в ход купленный на рынке инструмент.

И, ясное дело, нашли. Возиться с досками пришлось долго: мы не хотели шуметь и в то же время у нас были некоторые трудности, связанные с особенностью соединения в паз. Чтобы проделать в заборе "калитку" шириной семьдесят сантиметров, нам довелось выдернуть уйму гвоздей, освободив тем самым около двадцати досок. Зато потом все пошло как по маслу. И спустя час мы уже находились на подозрительной с нашей точки зрения территории. Можно было, конечно, упростить задачу и перелезть через забор, но кто мог дать гарантии, что он не находится под бдительным присмотром видеокамер и не имеет какой-нибудь контактной сигнализации? Никто. Потому я решил не рисковать и не переть буром без нужды. Аккуратно раздвинув доски, закрепленные сверху на одном гвозде, мы пролезли в образовавшееся отверстие и очутились, как я и рассчитывал, в кустах.

Посмотрев за спину, я удовлетворенно хмыкнул – доски возвратились на свои места и только очень опытный глаз мог заметить нарушение периметра.

Это тоже был пионерский лагерь. Но как же он разительно отличался от своего обнищавшего соседа! Обшитые строганной вагонкой корпуса покрашены, дорожки посыпаны крупнозернистым речным песком, окна хорошо отмыты и с тюлевыми занавесками, а на крыше двухэтажного административного здания белела круглая тарелка телевизионной антенны. Возле причала на мелкой волне качалась небольшая моторка, а возле ворот виднелся темный лоснящийся бок легковой машины; из-за тумана я не мог точно рассмотреть ее марку, но мне показалось, что это "мерседес".

– Что дальше? – шепотом спросил Плат.

Без оружия он чувствовал себя неуютно, а потому нервничал.

– Пока будем держаться вместе, – так же вполголоса ответил я своему другу. – Для начала проверим пляжные постройки и причал. Я подозреваю, что там есть пост. А враг в тылу нам совершенно не нужен. Кроме того, моторка – надежное средство, чтобы вовремя свалить отсюда, если у нас ничего не получится. Потому не мешало бы ее проверить: она только для антуражу или в рабочем состоянии?

– Согласен. Ты прав...

Еще как прав, подумал я. В любом деле спешить нужно помаленьку и учитывать самые разные нюансы. Тем более, когда на кон поставлена твоя жизнь.

До причала мы добирались ползком, прячась за деревьями и кустами. Нам здорово помогал туман, который и не думал рассеиваться. Плату я отдал на всякий случай гвоздодер, рассудив, что мне и кулаков хватит. Все-таки в спецназе меня кое-чему научили...

Похожая на газетный киоск будка рядом с причалом привлекла мое внимание сразу. Она была застеклена и располагалась в очень удобной стратегической точке территории лагеря. Из будки хорошо просматривался весь пляж и озеро, а также большая часть лагеря, не занятая постройками. И я не ошибся в своих предположениях – уже в десяти метрах от нее в ноздри шибанул такой дух, что мне захотелось немедленно ткнуться носом в землю. Из крохотной форточки несло табачным дымом, крепким мужским потом и еще чем-то противно-кислым – будто там собирали остатки пищи, предназначенные на корм свиньям.

Я на пальцах объяснил Плату, что будка не пуста и жестом приказал оставаться на месте.

Он кивнул, соглашаясь, и я пополз дальше. Приблизившись вплотную к объекту моих вождений, я приложил ухо к доскам обшивки и прислушался.

Внутри находилось не менее двух человек. Они о чем-то вполголоса болтали и, похоже, завтракали – чавкали, как жвачные животные. Я прикинул на глаз размеры будки и решил, что в ней могут поместиться человека три-четыре. Но я не думал, что хозяйева территории будут держать в этом наблюдательно-сторожевом пункте столько цепных псов.

Оставалось за малым – нужно было выманить хотя бы одного наружу. Ждать, пока комунибудь из них приспичит по нужде, у меня не было времени. Но как это сделать? Не исключено, что парни внутри будки хорошо вооружены, а потому мои шансы в случае схватки почти равнялись нулю. Блин! Ну и задачка...

Решение пришло ко мне само собой, притом на четырех лапах. Молоденькая серая кошечка, призывно мурлыча, сначала потерлась о мой ботинок, а затем начала принюхиваться к карману – еще совсем недавно там лежали завернутые в газету пирожки, от которых остались приятные воспоминания и аппетитный запах. Прости дорогая, за бесцеремонное обращения, мысленно сказал я доверчивому созданию, осторожно взял кошку в руки и, выглянув из-за угла будки, мягко бросил ее на дверь сторожевого пункта.

Вцепившись коготками за шершавые доски и поглядывая на меня с укоризной, она медленно сползла вниз, царапая хлипкую дверь.

В будке мгновенно воцарилась мертвая тишина. Внутри стало настолько тихо, что я даже услышал щелчок затвора. Очень знакомый звук, подумал я. Простым сторожам автоматов не выдают, а у этих козлов на руках как минимум один "калашников". Неужто мы и впрямь попали в яблочко? Это согревало, но наличие такого арсенала воодушевления не вызвало. Одна моя ошибка – и получи, Сильвер, путевку на тот свет...

Дверь наконец осторожно отворилась. Кошка и не думала убегать; она сидела на пороге и умывалась – смешно терло лапками свою полосатую мордочку. Я быстро убрал голову за будку.

– Вот, бля! – выругался невидимый мне охранник.

Я уже стоял за углом, прижавшись к стенке, готовый к любым неожиданностям.

– Что там такое? – спросил его тот, кто остался внутри.

– Кошка... сука... – Охранник опять матернулся. – Их тут больше, чем мышей.

– Елдани ее по башке камнем. Чтобы и другим было неповадно шорох наводить.

– А труп в мусорку отнесешь ты? Вот-вот – фигушки... Брысь отсюда, стерва! Пошла! – Похоже, охранник пнул кошку ногой.

Распушив хвост, она шмыгнула в кусты, а ее гонитель наконец шагнул за порог.

– Пусть немного проветрится, – сказал он. – А то внутри дышать нечем.

– Кури меньше. А дверь закрой. Приказы нужно выполнять. Иначе турнут нас на хрен в шею и будем на базаре бычки собирать.

Тот, кто так непочтительно обошелся с кошкой, хотел было что-то возразить, но не успел.

Он стоял, закрытый от меня дверью, а потому не видел, что я, пока они болтали, тихо подошел к дверному проему. Рванув на себя дверь, тем самым распахнув ее настежь, я одной рукой схватился за ствол автомата, а второй вбил охраннику зубы наверное в самую глотку. Подброшенный вверх страшным ударом, он пролетел по воздуху метра два и грохнулся на стол, заставленный мисками, стаканами, бутылками с минералкой и судками с едой; оружие осталось у меня. Не теряя ни секунды, я развернул его стволом в направлении второго охранника, который не растерялся и сделал попытку вынуть из наплечной кобуры пистолет.

– Руки... – сказал я тихо, но так внушительно, что парень сразу скис; видимо, он был уже битый, а потому совершенно не сомневался в моих намерениях – мой палец любовно поглаживал спусковой крючок. – И ложись на пол. Попытаешься дернуться или шумнуть – урою сразу.

Охранник прилег возле своего напарника, почивающего мертвым сном среди разбросанных по полу остатков еды. Я забрал у него пистолет и позвал Плату, подобравшегося к будке вплотную.

– Сколько вас тут? – спросил я охранника.

Он молча – наверное, был тугодумом и переваривал ситуацию. Я несильно пнул его носком ботинка под ребра и сказал:

– Повторяю вопрос – сколько в лагере охраны и все ли вооружены? Больше базлать с тобой не буду, а проломлю череп. Мне недосуг.

– Кто вы? – ответил вопросом на вопрос наш пленник.

– Товарищ не понимает... – Я многозначительно подмигнул Плату. – Не люблю тупых и строптивых козлов. Держи пистолет. Кончай его. "Дура" с глушителем, так что шума не будет.

Сергея приставил пистолет к голове охранника и тот запричитал:

– Перестаньте, мужики! Вы что!? Я просто испугался. Я все расскажу. В нашей смене десять человек. Оружие имеется у всех: четыре автомата, помповое ружье, у остальных пистолеты. Кроме того, из мужчин на базе есть еще повар, трое киношников и наш шеф.

Киношники! Значит, мы попали именно туда, куда нужно.

– Это его машина стоит у ворот?

– Нет. Приехал главный босс. Извините, забыл – с ним еще и его шофер-телохранитель.

– Что боссу здесь нужно?

– Он это... ну, в общем... с девочками балуется... Давно не приезжал... Обычно босс появляется ближе к вечеру... с компанией. Но сегодня он один... и с утра... Мы даже удивились.

– Соскучился, падло, по сладкому, – сказал я с угрозой. – Короче говоря, картина ясна. И

последнее – где расположены посты охраны и нет ли здесь видеокамер?

Охранник подтвердил мои подозрения – вся территория была под видеоконтролем. Еще бы – как-никак подпольный Голливуд. Кроме всего прочего, охрана имела переносные переговорные устройства; одно из таких валялось на полу будки и тихо шипело.

– Когда выход на связь? – спросил я покорного, как ягненок, парня.

– Определенного времени нет. Мы устраиваем переключки примерно через каждый час.

– Как давно это было?

– Ей Богу, не помню, – честно признался охранник. – Память напрочь отшибло...

– Ладно, разберемся сами... – Я бросил взгляд в окно и увидел там причал с лодкой. – Моторка на ходу?

– Все в ажуре. Движок проверяли два дня назад...

Я расспрашивал охранника еще минут пять. Мне все было важно: как зовут охранников и их шефа, где находится кухня и в котором из домиков устроились операторы-киношники, в каких точках установлены видеокамеры, кто сидит на пульте охраны перед мониторами и где он расположен, нет ли сторожевых собак и так далее и тому подобное. К нашей с Платом радости оказалось, что псов выпускают только на ночь и сейчас они заперты в вольерах, сооруженных в дальнем конце лагеря. А также я с удовлетворением услышал еще одну, не менее приятную новость – две камеры сдохли и их отправили в починку. Что означало наличие свободных от надзора участков территории подпольного Голливуда.

Спросил я парня и о том, какую фамилию носит прибывший утром главный босс. Ответ пленника несколько озадачил меня – он не только не знал, кто этот человек, но и не видел его. Когда босс приезжал, охране запрещалось даже смотреть в его сторону. Он заходил в административное здание с бокового входа, где находились специальные апартаменты для сексуальных утех. Номера машины босса – как оказалось, шестисотого "мерса" – всегда были закрыты специальными съемными экранами, а шофер-телохранитель не отходил от нее ни на шаг. Если водителю нужно было отлучиться по нужде, он вызывал по переговорному устройству начальника охраны и тот дежурил возле автомобиля до его прихода.

Крепко связав охранников, мы замкнули сторожку и снова ползком направились к группе деревьев, растущих неподалеку от административного здания – оттуда было удобно атаковать его парадный вход. Теперь мы уже знали, что пульт охраны с видеомониторами находится на первом этаже, а так называемые актеры – дети и подростки – располагаются в корпусе номер пять под присмотром какой-то стервы и одного из охранников.

Спецыкиношники, как рассказал пленник, еще спали – они всегда поднимались ближе к обеду, так как обычно пьянствовали часов до двух ночи.

– Проверь оружие, – сказал я Плату, когда мы наконец под сенью деревьев встали на ноги.

– И запомни: будут оказывать сопротивление – стреляй, не раздумывая. В охране мужики серьезные, ты сам слышал, так что тити-мити здесь не пройдут.

Я отдал ему пистолет, "макарова", а себе взял автомат – эта машинка была мне сподручней. Охранник сказал, что в административном здании сейчас находятся как минимум трое – шеф, оператор на пульте и еще один, а возможно и два охранника.

– Камера над входом снята, – с внутренним удовлетворением показал я Сереге на административное здание. – Путь свободен.

– Но там открытый участок, просматривающийся со всех сторон, – возразил мне напряженный, как струна, Плат. – Если нас засекут, пиши пропало. Не забывай, что у охраны остались еще три автомата.

– Придется рискнуть. А что прикажешь делать? Пока мы не потушим оператора с его мониторами, нам здесь не развернуться. Это самая главная опасность.

– И что ты предлагаешь?

– Взять нахрапом. Сейчас выйдем на аллею и спокойно пошлепаем к зданию – будто мы свои. Главное смотри под ноги и не поднимай голову. Авось не узнают, даже если и заметят. Только ради Бога не дергайся. Спокойствие и выдержка наш главный козырь. И нахальство – кому в голову может прийти мысль, что по территории так спокойно и у всех на виду разгуливают чужие? В крайнем случае нас могут разве что окликнуть, но стрелять точно не будут.

– Почему ты так думаешь?

– Все дело в приезде босса. Ведь он нередко появляется здесь с компанией. Кто-то из охраны знает, что сегодня босс прибыл лишь в сопровождении своего телохранителя, а кто-то и нет. Потому будем надеяться, что нам повезет...

Аллея даже мне показалась раскаленной до бела железной полосой, не говоря уже про Плата. До здания было метров сорок и ноги помимо воли сами ускоряли ход, будто и впрямь нам обжигало подошвы. За считанные секунды мы подошли совсем близко к парадному входу и я даже облегченно вздохнул, как из двери административного здания выкатился, словно шарик, невысокий упитанный человек в белой хлопчатобумажной курточке. Повар! Он был так озабочен заданием, которое, судя по всему, получил от шефа, что поначалу нас не заметил. И только в трех-четыре шагах повар поднял на нас глаза – и немедленно побледнел. Похоже, мы ему очень не понравились, так как этот колобок начал набирать в легкие побольше воздуха, чтобы заорать на весь лагерь.

– Захлопни пасть! Иначе грохну, – сказал я, наставив на него дуло автомата.

– В-ва... Э-э... – заблеял, замычал испуганный до потери пульса повар. – 3-зачем?..

Трудно было понять, что он хочет спросить, потому я лишь скомандовал:

– Кругом! В здание – марш! Будешь хорошо себя вести – останешься жив. Понял?

– Д-да... – Зубы повара выбивали чечетку.

– Шагай...

Наверное, повар и сам был поражен, почему его ноги сразу стали такими неподъемными.

Он не шел – полз, как букашка, инстинктивно втянув голову в плечи. Наконец мы вошли в парадное – и столкнулись лицом к лицу с вооруженным парнем, на лице которого можно было прочитать все пороки его родителей-алкоголиков.

– Зубик, кто это с тобой? – спросил он повара с тупым удивлением.

Слава Богу, что у него в голове мозгов было всего лишь чуть больше, чем у древнего ящера. И работали они как паршивый заржавевший движок – со скрипом, медленно набирая обороты. Иначе нам была бы хана – у охранника подмышкой висел на укороченном ремне израильский "узи".

Я поступил так, как и должно в этой ситуации – вмазал без лишнего базара своим автоматом ему по челюсти. Этот элементарный прием, которому обучают каждого новобранца, сработал безотказно. Тупорылый хмырь боднул головой – не свалился все-таки сразу, сукин сын! – и, подпустив глаза под низкий дегенеративный лоб, мягко осел на пол, будто у него мгновенно размягчились кости. Повар коротко и тихо охнул и тоже едва не прилег рядом. Но вовремя оклемался и остался на ногах, схватившись за окантовку панели.

– Где находятся мониторы? – спросил я повара тихо, больно ткнув ему под ребра стволом автомата – чтобы он пришел в себя.

– Т-туда... – показал дрожащей рукой колобок.

Впрочем, теперь он больше напоминал проколотый воздушный шарик – потерявший яркость красок и сморщенный.

Дверь в операторскую была заперта. Черт! Этого только нам и не хватало. А она, между прочим, обита листовым железом...

– Поди сюда! – прошипел я в сторону повара. – Быстрее, чучело гороховое!

Зубик /похоже, это была кличка, а возможно, и фамилия повара/ подошел ко мне как робот – на негнущихся ногах.

– Скажи, пусть охранник откроет дверь, – сказал я ему на ухо. – Придумай какую-нибудь вескую причину. Только не дрожи, словно заяц! Я ведь тебе пообещал, что будешь жить.

Но если охрана начнет стрелять, то за твою жизнь я не дам и ломаного гроша. Усек?

Повар согласно кивнул и постучал.

– Кто там? – спросили из-за двери.

– Мишель, это я...

– Зубик? Пожрать, что ли, принес? Так ведь я только что позавтракал.

– Открывай, д-дело есть...

– Ну ты, блин, деловым стал. Говори, что нужно, у меня слух хороший.

– Пошел ты! – неожиданно выверился Зубик; похоже, его отношения с охранником оставляли желать лучшего. – Ладно, хрен с тобой. Пойду доложу шефу.

– Напугал бабу... елдой... – буркнул в ответ строптивый оператор. – Шефу доложу... Ты бы лучше вместо осточертевших котлет приготовил отбивные с ребрышками...

Он еще что-то нудил, но дверь все-таки отворилась, хотя я уже засомневался в положительном результате переговоров колобка и оператора. Завидев за спиной Зубика мою физиономию, охранник понял все мгновенно и первым делом попытался закрыть дверь. Сообразительный, стервец, мельком подумал я, и одним мощным пинком втолкнул повара в операторскую – прямо на чересчур шустрого малого, рябого как курицапеструшка. Низкорослый Зубик – так уж получилось – боднул высокого Мишеля головой в грудь и тот, споткнувшись о стул-вертушку, вмазался башкой прямо в пульт, управляющий выносными видеокамерами. Брызнули искры, что-то затрещало, задымилось и все экраны погасли. Конопатый оператор, хотя ему и было больно, все же попытался сделать героический поступок, практически не сомневаясь, что он может быть последним в его жизни. Мишель уже дотянулся до большой красной кнопки /видимо, он хотел включить сигнал тревоги/ и только

хотел ее нажать, как стоявший рядом Зубик вдруг неловко махнул рукой и охранник, не удержав шаткого равновесия, свалился на пол.

– А чего он... – будто оправдываясь, сказал повар, когда мы достаточно жестко спеленали ну очень приткого Мишеля. – Нам стрельба ни к чему...

Мы с Платом только переглянулись. В другой обстановке я бы заржал, но сейчас мне было не до сатирического анализа человеческой личности в экстремальных условиях. Что поделаешь, для повара своя шкура, несмотря на страх перед мафиозными хозяевами, оказалась значительно дороже собачьей преданности.

Я не стал сильно затягивать узлы, связывая Зубика. Должен же он получить хоть какую-то награду за оказанную нам помощь...

– Теперь пойдем за шефом, – сказал я, ткнув пальцем в потолок; по словам охранника из будки, там находился кабинет начальника охраны. – Плат, этот человек – бывший сотрудник внешней разведки. Так что прошу тебя – если он только дернется, стреляй, не задумываясь. Вспомни, охранник сказал, что шеф – хитрая бестия.

– Будь спок, – уверенно ответил Серега, чуток оттаявший по причине наших успешных действий. – Сделаю в лучшем виде.

– Ну-ну... – буркнул я весь во власти сомнений: одно дело палить в тире по мишеням, а другое – дырявить человека.

Казалось, что начальник охраны совершенно не удивился, когда мы появились на пороге его кабинета. Он сидел за широким столом и как-то отрешенно поигрывал дорогим "Паркером" с золотым пером.

– ОМОН? – спросил он бесцветным голосом.

– А что, похоже? – ответил я, зорко наблюдая за его руками; но они даже не дрогнули.

– Я бы сказал, не очень. – Шеф охранников слегка покривил тонкие губы, что должно было обозначать улыбку. – Чем обязан?

– Вам разве не интересно узнать, кто мы?

Меня этот бесстрастный человек и удивлял и пугал. В нем чувствовалась скрытая жестокая сила и осторожность зверя. Начальнику охраны уже стукнуло сорок лет и чего-чего, а опыта у него было побольше, чем у меня. Значительно больше. Потому мне очень не нравилось его спокойствие, которое было отнюдь не наигранным.

– Зачем? – пожал плечами шеф охранников. – Это вопрос второй очереди. Меня больше интересует каким образом вы смогли проникнуть на тщательно охраняемую территорию частного владения. Подчеркиваю – частного. И на каком основании.

– Как проникли? Молча, – ответил я, напряженно размышляя над единственной проблемой: что задумал этот пучеглазый и холодный, как рыба, хмырь. – А основание мы придумаем. Потом.

– Когда потом?

– После того, как хорошо вычистим эту вашу конюшню, – ответил я грубо. – Ладно, кончай трали-вали, выходи из-за стола. И без фокусов. Ну!

И в это время я услышал как стоящий позади Плат вскрикнул от боли и что-то упало.

Мгновенно развернувшись, я увидел здорового быка, с ножом в руках атаковавшего Серегу. Мой друг был ранен, но яростно защищался; его "узи" /пистолет с глушителем я у Плата забрал/ валялся на полу.

Я понял причину академического спокойствия бывшего сотрудника внешней разведки.

Видимо, кнопку вызова охраны он нажал ногой и сидел в полной уверенности, что вот-вот появятся его "орлы", чтобы восстановить статус кво. Он не знал лишь одного – что мы выпотрошили операторскую, как Бог черепаху, оборвав и изрезав все доступные нам провода, а потому его сигнал слышал лишь один охранник, пребывавший в административном здании. Четвертый. И последний в этом пункте.

Зря я оборачивался. У шефа охранников, этого сукиного сына, была действительно отменная подготовка. Боковым зрением я увидел, как он выхватил оружие; и настолько быстро, что мне ничего иного не оставалось как рухнуть на пол и в падении выстрелить из пистолета. Я почти не целился и очень сомневался, что попаду с одного раза, а потому, перекатившись, снова нажал на спусковой крючок.

Начальник охраны с коротким стоном упал и затих. Притворяется? Не исключено. Клиент битый, от него можно ждать всего. Лежа на полу, я быстро прицелился в быка, уже дожимавшего теряющего силы Серегу, и вогнал ему пулю в бедро. Несмотря на серьезность ситуации, мне все-таки не хотелось клепать серийных жмуриков. Бык пошатнулся от внезапной боли и невольно ослабил хват. Злой, как тысяча чертей, Плат тут же вмазал ему такую оплеуху, что здоровяк отрубился еще на лету. Да уж, кулак у Сереги железный, это я знал еще с детства; лучше бы ты, чурбан квадратный, сегодня заболел поносом и не вышел на работу. Я был уверен, что у быка во рту не осталось ни одного целого зуба.

Держа на прицеле поверженного шефа охранников, я встал и подошел к нему поближе.

Нет, он точно не притворялся. Я ранил его в плечо и куда-то ниже. Куда именно, я определить не мог – он лежал, скрючившись. И без сознания. Забрав у него пистолет, я подошел к Плату.

– Бля! – ругался он, зажимая рукой колотую рану в боку. – Откуда он выскочил?

Я хотел ему сказать, что не хрен было гав ловить, чай, не к телкам пришли на посиделки, но лишь сочувственно поддержал и усадил в кресло.

– Сейчас перевяжу... – Я в некоторой растерянности посмотрел по сторонам – где взять бинт?

– Рви мою рубаху, – процедил сквозь зубы Серега. – В кармане носовой платок. Будет вместо тампона.

– Как скажешь...

Рана была не опасной. Нож проткнул лишь мышцы, не зацепив жизненно важные органы.

Похоже, в последний момент Плат все-таки почувал опасность и попытался уйти в сторону; но это у него получилось не очень удачно. Я продезинфицировал рану найденным в баре виски, получив от Сереги вместо благодарности несколько матерных слов. Но такой конфуз меня даже обрадовал; ругается – значит все в норме. А боль скоро пройдет, знакомая ситуация...

Выстрелы грянули нагло и неожиданно. Стреляли где-то на территории. Мы с Платом тревожно переглянулись – неужели нашли связанных охранников в будке? Так скоро? Но зачем тогда без особой нужды палить в белый свет?

Не сговариваясь, мы подхватили оружие и бросились к окнам.

Картина, которая открылась нашему взору, скорее вызывала недоумение, нежели тревогу.

Мы видели, как среди деревьев бестолково метались охранники лагеря /или подпольного Голливуда – так будет точнее/ и вели огонь неизвестно по кому. Они перебежали от ствола к стволу, будто играли в какую-то пионерскую игру типа "Зарницы"; может охранники и умели ломать кости, но о военной подготовке они, похоже, вообще не слышали. Так бестолково суетиться и впрямь пристало только детям, играющим в войну, а не вооруженным бугаям, выбравшим специфическую профессию. Нам не все было видно, скрывали ветки деревьев, но и этого оказалось достаточно, чтобы наконец заметить главное – дичь, на которую они охотились. А она оказалась зубастой.

Я даже невольно ахнул, когда на голову одного из притаившихся за деревом охранников откуда-то сверху свалился затянутый в черное человек. Не знаю, что он сделал с быком, но тот уже так и не встал. Быстро осмотревшись, человек поднял вверх руки... и с ветки в его объятия прыгнула девочка! Он крепко прижал ее к себе и исчез в густой поросли, тянувшейся почти до самого причала.

– Мама миа... – прошептал ошеломленный Плат, забывший на время про свою рану. – Опять!?

– Да, Серега, это он. Тот самый "ниндзя", что наделал шороху в бане и размазал по стенке Каргина. Теперь мне все ясно. Мужик пришел сюда за своим ребенком. Он искал свою дочь параллельно с нами. Мы шли по одному и тому же следу. Но он нас опять опередил.

– Босс... – Плат даже изменился в лице, выговаривая это слово. – Этот мужик в черном просто не мог не "побеседовать" с ним тет-а-тет перед тем как забрал девочку.

– Если ты прав, то мы и здесь опоздали. Но нужно проверить. Я тоже очень хочу посмотреть этому развратному козлу в глаза. Пойдем, больше здесь делать нечего. Пока охрана гоняется за нашим "конкурентом", у нас есть шанс без особого напряжения прижучить босса. Это в том случае, буде он жив.

– А потом?

– Думаю, что "конкурент" сделает в рядах охранников хорошую прополку, значит нам будет легче. Теперь тихо и без боя в узилище похищенных детей все равно не проберемся.

Как только закончится шухер на берегу, так мы и вдарим. Все, ходу!

Мы быстро сбежали на первый этаж и выскочили наружу. Стрельба еще продолжалась, но поодаль, немного левее пляжа, где были камышовые заросли. Видимо, мужик прорывался к лодке, на которой сюда и приплыл еще затемно. Возле административного здания не было ни единой живой души, только уже знакомая мне серая кошечка, сидя на скамье, смотрела на нас доброжелательно и даже с интересом.

Едва мы завернули за угол, направляясь к подъезду, где стоял "мерс" босса, как сразу же наткнулись на труп водителя. Это был крепкий белобрысый парень лет двадцати пяти.

Судя по проломленному виску, таинственный незнакомец прошелся по голове телохранителя босса нунчаками. Мне этот парень показался знакомым, но я не стал ковыряться в своих мозгах, чтобы перелистать записную книжку воспоминаний, а сразу же бросился по ступенькам вверх – туда, где находился альков для сексуальных утех босса и его гостей. Крутая лестница привела нас в квадратный холл, в каждой из четырех сторон которого было по двери. Все они, кроме входной, оказались закрытыми. Я ткнулся наобум в первую попавшуюся – и угодил, что называется пальцем в небо.

Комнату обставили по первому разряду – все шик-модерн, импортное и с иголки.

Главное место в помещении, похожем на спальню султана, занимала огромная кровать.

Сейчас она была пуста, хотя на ковровом покрытии валялись части мужского туалета и девчоночье кружевное платьице. Комната имела еще две двери; я так понял, что скорее всего они вели в ванную и туалет. Одна из них оказалась приоткрыта и оттуда мне слышались какие-то звуки. Показав на мигах Плату, чтобы он сторожил вход, я тихо подошел к ней и распахнул пинком ноги.

Это была ванная. Просторная, бело-розовая, светлая и пахнувшая жасмином. Но я даже не посмотрел на все это кафельно-мраморно-никелированное великолепие. Мой взгляд сразу остановился на абсолютно голом мужчине, лежавшем на полу в причудливой позе.

Похоже, он был еще жив, однако я, случись со мной такое, попросил бы, чтобы меня добили – между ног на месте гениталий зияла кровоточащая рана. Сами мужские принадлежности валялись здесь же вместе с ножом, которым и были отрезаны.

Я посмотрел на лицо мужчины – и, ошеломленный, невольно вскрикнул.

– Что там? – встревожено спросил Плат.

Не в состоянии ворочать языком, я поманил его жестом и освободил дорогу. Серега, увидев кто лежит на мраморном полу ванной и что с ним сделали, едва не грохнулся в обморок. Не отводя глаз от распахнутой двери, он пытался до тех пор, пока не наткнулся на стену.

– Боб!? – наконец вырвалось у него словно стон. – Это все... Боб!? Стеблов – босс!?

– Брось придуриваться, – сказал я, постепенно восстанавливая душевное равновесие. – И не говори мне, что ты его не подозревал.

– В общем, да... но я не думал... что вот так...

– Кто держит мазу в городе? Стеблов. И иже с ним. Козе понятно, что такой доходный бизнес никак не мог пройти мимо его внимания. Ты ведь не зря раскапывал, кто на самом деле является владельцем "Линкоса" и "Анконы-Арт лимитед". И раскопал, что Завалихин и Соломон ходили под Стебловым, хотя со мною почему-то этой новостью не поделился. Не так ли?

– Извини... – пробормотал Плат. – У меня просто в голове не вкладывалось...

– И тем не менее Боба ты в наши изыскания почти не посвящал. Думаешь, я совсем тупой?

– Прости, – снова покаянно сказал Серега. – Я сам боялся своих предположений. Мне они казались совершенно дикими.

– Ладно, что теперь... – Я зашел в ванную и приблизился к Бобу. – Вот и выяснилось, почему он подсунил нам "жигуль", начиненный подслушивающими устройствами по самое некуда. Боялся – и небезосновательно – что в поисках Кристины мы можем выйти на след подпольной базы по производству порнофильмов. Боялся, но рискнул нас нанять. Уж очень детей любил... сукин сын! И почти понятно с каких соображений не расправился со мной, когда Храпов взял меня на цугундер в гараже "Лифторемонта". Это Стеблов тогда приезжал, чтобы полюбоваться распятым Сильвером. Удивительно, но Боб все-таки пожалел меня. Наверное, по старой памяти. Серега, вон там аптечка, дай вату и бинт. Мне, конечно, плевать на этого уродя, но и оставить его в таком состоянии я не могу. Это чтобы потом совесть не мучила...

Продезинфицировав перекисью водорода /ничего иного в аптечке не нашлось/ страшную рану и кое-как наложив повязку – Боб в беспамятстве стонал, но так глаз и не открыл – мы возвратились в комнату.

– Нужно звонить в "скорую", – сказал я. – Иначе часа через два он отбросит копыта.

Большая потеря крови. И в милицию. Пусть разбираются. Такое дело теперь никакой "зеленью" не замажешь. А нам пора смываться. Кристины здесь точно нет. Впрочем, все наши поиски уже не имеют никакого смысла... – Я был огорчен до крайности.

– Поздно... – Плат смотрел в окно, выходящее на дорогу. – Взгляни.

Я осторожно выглянул из-за портьеры – и в досаде выругался. На другой стороне дороги рос сосняк, и среди деревьев густо мелькали знакомые мне камуфлированные доспехи.

– ОМОН берет лагерь в кольцо, – продолжил Серега. – Мы попали в капкан. Черт! Что делать!? Боюсь, что на нас могут повесить и Боба, и еще черт знает что. Все, Сильвер, нам кранты. Считай, что мы присели на нары как минимум на полгода – пока будет идти следствие. А там... не знаю... – В его голосе прозвучало отчаяние.

– Э-э, брат Серега, нет! Хрен им всем. За мной! Только не отставай...

Плат еще что-то вякал на ходу, но я его не слушал – мелся по лагерю, как затравленный волк. В небе послышался рокот винтов вертолета, и он завис над озером у берега, тем самым перекрывая возможный отход по воде. Круто, подумал я. Похоже, эту шарашкину контору взяли на цугундер менты из центра. Спецоперация. Видимо, Стеблова все-таки заложили, притом по крупному. Да, бизнес – дело серьезное. Тем более – криминальный.

Водонапорная башня располагалась рядом с котельной. К баку была приварена металлическая лестница и я, не переводя дыхания, полез по ней вверх.

– Ты куда? – тяжело дыша, спросил Плат.

– Потом поговорим! Поднимайся!

Мы забрались на бак и через монтажный люк, тоже по лестнице, спустились в темное влажное нутро огромной бочки. Вода была холодной и пахла тиной. Уступив место на лесенке раненому Сереге, я нырнул по шею, но мои ноги дна не достали.

– Все-таки искупаться нам пришлось, – сказал я, переводя дух.

– Думаешь, здесь искать не будут? – спросил Плат.

– Заглянуть могут. Тогда придется нырять с головой. И сидеть под водой до посинения – пока не уберутся. Но я считаю, что вряд ли сюда кто-нибудь сунется. Оставшиеся в живых охранники мертвецов спишут на нашего "конкурента" /надеюсь, он сумел уйти/ и подскажут омовцам, сколько их здесь в наличии. А свести дебет-кредит не сложно.

Надеюсь, менты до двадцати считать умеют...

Мы проторчали в баке водонапорной башни до темноты. И задубели до зубодробительной дрожи. Особенно я, выступающий в роли водяного. Как я и предполагал, осмотреть бак не догадались. Но территорию лагеря омовцы прочесывали часа три. И самой интересной новостью, которую нам удалось подслушать /благо brave парни голосовые связки не жалели и высказывались об увиденном с истинно солдатской прямоотой/, было то, что одним из командиров оперативной группы захвата являлся Жердин. Жердин! Неужто мы с Платом ошибались и капитан не продажная шкура? А как же тогда оценивать его контакты с

Каргиным?

Но болтать на эту тему у нас не возникло ни малейшего желания. До времени анализа необходимо еще было дожить. А к вечеру я не то что языком не ворочал от холода, но и едва шевелил задубевшими членами. Когда наконец в лагере все успокоилось и над ним повисла долгожданная тишина, мы начали восхождение по лесенке к люку. Да, на этот номер стоило бы когда-нибудь посмотреть... Плат, несмотря на ранение, все же держался бодрее – не так замерз. А я полз вверх словно парализованный, подтягиваясь по сантиметру. Когда мы в конце концов очутились внизу, у подножья башни, то мне показалось, будто мои жилы натянуты на барабан и лебедка все еще продолжает работать...

Мы бежали практически без остановки часа два: поначалу трусцой, еле-еле передвигая ноги – как узники Освенцима, а потом уже и побыстрее. Чтобы согреться. Хорошо, что сторожевых собак не выпустили из вольеров. В лагере осталась охрана из омовцев, но они закрылись в административном здании и предались возлияниям. Наверное, разыскали неприкосновенный запас спиртного, который хранил шеф охранников.

До города мы добрались уже во втором часу ночи. Когда я разделся и залез под горячий душ, мне показалось, что я в раю. Только там может быть такая благодать и нега.

Вместо эпилога

Подольше понежиться в собственной постели мне не дал Серега. Этот охламон приперся в семь утра, когда мне начали сниться эротические сны. Блин!..

– Тебя что, Машка выперла? – пробурчал я недовольно и снова лег в постель.

– Нам нужно разыскать нашего "конкурента", – без обиняков заявил Плат и стянул с меня одеяло.

– Зачем он тебе?

– Я уверен, что Кристина находится у него.

– Сногшибательная новость... – Я саркастически ухмыльнулся. – Не волнуйся за нее.

Ничего с нею не станется. Она жива-здоровая и скоро будет дома. Какой смысл нам дальше ковыряться в этом деле, если вышел полный облом? Премия-то тютю...

Плат смотрел на меня долго и пристально. Наконец он разродился гневной тирадой:

– Сволочь ты, Сильвер! Ведь тебе уже известно, кто этот человек. Не так ли? Так, черт тебя дери! Ты узнал его. Только возрази, что я не прав!

– Вот пристал, как банный лист... – Кряхтя, я встал и на деревянных ногах пошел в душ. – Свари кофе, дорогой шеф, – сказал я на ходу.

Когда я оделся, завтрак уже был готов. Плат даже яичницу мне поджарил из двух какимто чудом завалявшихся яиц.

– Леща кидаешь? – спросил я, намазывая масло на сухарь.

– Так ты знаешь, кто он, или нет? – Серега смотрел на меня словно училка на двоечника.

– Ну ты настырный... Скажем так – догадываюсь. Его сейчас трудно узнать...

– Где он живет?

– Желаешь зайти к нему в гости? Тогда сразу закажи бригаду дворников – чтобы потом тебя аккуратно соскребли со стенки. Пусть он уходит, Серега. Ему нужно линять из города и как можно скорее. И он это сделает, уверен. Не нужно нам путаться у него под ногами. Чревато. Я бы нашему "конкуренту" памятник поставил за то, что он сделал. Эту мафиозную мразь, насилующую тела и души детей, не то что убивать – живьем на кусочки резать нужно. Ты хочешь сдать его ментам? Тогда извини, в этом деле на меня не рассчитывай.

– Ни в коем случае. – Плат смотрел на меня с укоризной. – Неужели ты так плохо обо мне думаешь?

– Тогда с какой стати ты напрашиваешься на randevу с "конкурентом"? Делать больше нечего?

– Как раз есть что. Сильвер, до нас могут докопаться. В пионерском лагере мы здорово засветились. Несколько допросов – и нас заметут. Поверь, в милиции есть очень неглупые люди. Например, тот же самый Жердин. А раскрутка пойдет капитальная. Представь, сколько известных имен всплывет во время расследования. Нас прицепят за компанию.

Ты желаешь остаток дней провести в тюрьме?

– Типун тебе на язык! Лучше я до пенсии буду работать грузчиком. Или ассенизатором. И что ты предлагаешь?

– Нам нужно признание этого мужика. Пусть уезжает, задерживать мы его не будем. Да, наверное, и не сможем...

– Как сказать... – буркнул я, задетый за живое.

– А потому, – продолжал Плат, – очень неплохо бы получить от него признание.

Составленное письменно и собственноручно. Ведь он человек умный и должен понимать, что нам все равно придется его сдать. Или, в крайнем случае, его вычислят правоохранительные органы. Что все едино.

– Надеешься, что наш "конкурент" добрый самаритянин? – спросил я с иронией. – А если он уже далеко от города?

– Может быть и так. Тогда мы найдем его квартиру и быстренько позвоним куда следует.

Опередим события. Повторюсь – нам все равно не избежать свидания со следователем.

– Ладно, уговорил... – Я допил кофе и встал. – Пойду оденусь потеплее. А то из меня холод до сих пор выходит...

Этот район я знал не хуже остальных. А возможно и лучше. Здесь находился полуподвал, куда я с пацанами ходил к сэнсэю Ли заниматься тэквондо. Впрочем, пожилого китайца звали совсем по другому, но имя Ли прилипло к нему намертво и он даже не пытался както исправить неточность. Это был большой мастер. Жил он одиноко и замкнуто.

Поговаривали, что в свое время Ли работал на внешнюю разведку и много лет прожил в Японии и Китае, но сэнсэй никогда даже не обмолвился о своей исторической родине. С нами он возился по очень простой причине – чтобы не так остро чувствовать наступление старости и сопутствующее ей одиночество. Удивительная мягкость и тактичность странным образом

сочетались в нем с жестким, неуступчивым характером. Ли гонял нас до седьмого пота, добиваясь четкости исполнения приемов по тем временам экзотической борьбы. И за малейшее нарушение режима выставлял за дверь оборудованного им же спортзала. Мы просто боготворили этого старого китайца, умело направлявшего избыток юношеской энергии на нужное и полезное дело.

И эта квартира мне тоже была известна. Сюда я иногда зазахивал выпить чаю со сдобной булочкой и послушать записи западных рокгрупп. Бывал здесь и Плат.

– Ты хочешь сказать, что?.. – У него даже челюсть отвисла, когда я нажал на кнопку дверного звонка.

– Именно. Я наконец вспомнил, что бабушка нашего "конкурента" носила фамилию Темрюкова. Она пекла восхитительные плюшки... Неужто забыл?

– Что-то припоминаю... – Серега все еще не мог прийти в себя от изумления.

– Еще когда мы прокачивали Тертышного, который назвал имя "слесаря-мороженщика" и девичью фамилию его матери, у меня в башке что-то зашевелилось, но я тогда так и не смог связать концы. И только увидев характерные для тэквондо движения "конкурента", замочившего охранника, я понял, кто это. Лишь он в нашем городе может работать на таком высоком профессиональном уровне. И сразу же в своем воображении дорисовал его портрет, хотя черты лица получились несколько смазанными. Он сильно изменился, Плат...

– Ты с ним давно не встречался?

– Не очень. Он изменился...

Дверь отворилась, когда мы уже отчаялись ждать. Он стоял на пороге, занимая по высоте весь дверной проем – худой, костистый, но бритый и в приличной одежде. Вот только мне взгляд его не нравился – он был суров и беспощаден. На всякий случай я отстранил Серегу и вышел наперед.

– Привет, Каррамба! – сказал я преувеличенно бодро.

– Вы задержались, – ответил он, не поздоровавшись. – Я вас ждал раньше. Проходите...

Ждал!? Мы с Платом переглянулись, но промолчали.

В квартире был кавардак. Посреди зала стояли собранный чемодан и туго набитая спортивная сумка. Похоже, Валерка и впрямь собрался уезжать.

– Кристина там, – он показал на дверь спальни. – С моей дочерью...

Мы заглянули. Девочки сидели рядышком на кровати и о чем-то тихо говорили. Кристину я узнал сразу – у нас была уйма ее фотографий. Дочь Каррамбы /я вспомнил, как ее звали – Даша; Валерка говорил о ней во время нашей случайной встречи в "Шаловливых ручках"/ казалась бодрой и оживленной, но во взгляде, брошенном на нас, сквозила не детская серьезность. Что ей пришлось пережить... Бедная малышка...

– Мои признания здесь. – Валерка Лопухов по прозвищу Каррамба, приятель моего детства, с которым мы занимались у китайца Ли тэквондо, поднял со стола толстый пакет.

– И другие материалы, представляющие определенную ценность для милиции. В том числе и документы из сейфа фонда "Правопорядок". Там есть в чем покопаться... Я так понимаю, именно это вам нужно?

Валерка проигнорировал Плата и смотрел только на меня – остро и выжидающе. Я понял, что он думает. И поторопился ответить.

– Ты угадал, – сказал я, спокойно выдержав его взгляд. – Нам требуется алиби. Иначе нас спрячут за решетку на долгие годы. Ментам требуется козел отпущения. А мы – вот они.

Но ты не волнуйся, никто не собирается тебя задерживать. Я и Плат на твоей стороне.

– Спасибо... – Каррамба несколько оттаял. – Я надеялся, что вы меня поймете. Но сомнения оставались...

– А почему вы сразу не уехали, еще вечером? – спросил я. – Ты сильно рисковал...

– Даша очень хотела увидеть мать. – Хмурое лицо Каррамбы посветлело. – Она, как ты знаешь, в больнице. Надеюсь, что теперь ее здоровье пойдет на поправку.

– Что у тебя с деньгами?

– Вполне достаточно...

Мы с Каррамбой понимающе переглянулись и я ухмыльнулся. Ну конечно же, сейф Каргина, как и предполагалось, был затарен "зеленью" под завязку. Воровать грешно и для интеллигентного человека просто неприлично, но эти грязные мафиозные деньги должны послужить Валерке хоть какой-то компенсацией за надругательство над его дочерью. Ей еще жить и жить, а в наше время без бабок и на погост не принимают.

– Как ты вышел на Стеблова? – поколебавшись, спросил Плат.

– Долгая история... И не очень интересная. Скажем так – вычислил. И решил ударить по самому больному месту. Как его псы мою семью.

– Я так понимаю, ты хотел заставить Стеблова не только переживать, но и намеревался внести сумятицу в его дела, – продолжал Серега. – Умно. Он начал метаться и невольно выдал месторасположение базы подпольного производства порнофильмов.

– Тут и вы мне здорово помогли. Я следил за вами с того момента, как Стеблов пришел в вашу контору. Правда, не всегда удачно, вы ловко уходили из-под наблюдения, но все же... Мы шли из разных концов к одному и тому же пункту. Каюсь, я работал на опережение. Просто у меня была более веская причина прийти к финишу первым.

Извините... – Он немного помолчал и добавил: – Если честно, я уже и не мечтал увидеть Дашу в живых... Может вы еще не знаете, но "отработанный материал", как эти подонки называли похищенных детей, снявшихся в нескольких порнофильмах, шел за границу. По частям. У них вырезали внутренние органы для пересадки в зарубежных клиниках. И не только у детей – похищали и взрослых. Заказов было много... Там все это есть... – Каррамба указал на пакет с документами.

– Твою мать!.. – выругался я тихо, чтобы не услышали девочки. – Это же надо быть таким зверьем...

Вскоре мы ушли, забрав с собой Кристину. Мы уже знали, что Алину выписали из больницы и она находится у своих родителей. Туда мы и направились. И вовсе не за премией. А чтобы просто вернуть несчастной матери любимого ребенка...

За окном лил холодный осенний дождь. Но в нашей конторе было тепло и уютно. Мы все сидели на моем любимом диване и потихоньку бражничали – отмечали присоединение к нашей компании Маркузика, прибывшего из деревни хорошо отдохнувшим, бодрым и

румяным. Интересно, чем его кормил дед Артем? Марк был очень привередлив в еде, а стряпня Артема Тарасовича никогда не отличался особым изыском.

– Все хорошо, – сказал немного захмелевший Марк. – Одна беда – премия за Кристину накрылась. И мы опять на мели.

– Может быть и нет, – сказал я, загадочно улыбаясь.

– Ты опять что-то задумал!? – всполошился Плат. – Ну тебя знаешь куда?.. Меня твоя самодеятельность уже достала.

– Марк, твой чудо-сканер, просвечивающий насквозь предметы, работает? – спросил я, доставая из кармана сверток.

– Конечно, – ответил озадаченный Маркузик. – Что это? – Он взял сверток и взвесил рукой.

– Деньги?

– А ты посмотри.

Марик снял обертку – и мои друзья невольно ахнули: на ладони у нашего гения лежал и впрямь до боли знакомый нам бумажник.

– Сильвер!!! – возопил после некоторой паузы Серега. – Опять!? Выкинь его на хрен! Нет, лучше сожги. Где ты взял эту заразу?

– Марк, включи на всякий случай... – Я показал на пальцах, что именно – глушилку.

Совсем обалдевший Маркузик молча выполнил мою просьбу; мы с Платом тоже сидели, будто в рот воды набрали, пока на приборе не замигал крохотный зеленый светодиод.

Теперь мы могли разговаривать свободно, не боясь, что нас кто-то подслушает.

– Где взял? – снова подступил с расспросами воинственно настроенный Плат.

– В кабинете Каргина. Валялся возле сейфа. И между прочим, это тот самый, что показывал мне подполковник Удод. Если мои предположения верны...

– К чертовой бабушке! – заорал Серега. – Я не хочу ничего видеть и слышать. – Он демонстративно смежил веки и закрыл руками уши.

– Ладно, как хочешь... – сказал я с напускным смирением, исподтишка наблюдая за Марком.

– Тогда прямо сейчас и сожжем его. Действительно, зачем нам такая куча денег?

Ну, это я так сказал, может этот лопатник пустой...

– Э-э, погодь! – взвился Маркузик, когда я решительно взял зажигалку и направился в лабораторию нашего гения, где была вытяжка. – Надо бы посмотреть... – Он бросил быстрый вороватый взгляд на Плата; но тот даже не шелохнулся – делал вид, что и впрямь оглох и ослеп.

Когда заработал сканер, я почувствовал на шее дыхание Сереги. Он все-таки не выдержал испытания на твердость собственных принципов и пришел в келью Марка, чтобы лично присутствовать при ответственном эксперименте. Я не сказал ничего, даже не обернулся, лишь победно осклабился.

– Есть! – хрипло каркнул Маркузик, когда на экране монитора высветился текст. – Адреса банков, где находятся тайные счета Боба. Перечень которых находится в нашем сейфе... –

Он буквально упал на свой стул – от волнения у него отказали ноги. – Это значит...

– Нет!!! – рявкнул Плат.

– Да!!! – в один голос ответили ему мы с Марком.

– Сволочи... – жалобно простонал Серега и схватился за голову. – Во что вы опять меня втравливаете!?

– Плат, дружище, клянусь, что часть этих денег мы передадим сиротам и тем родителям, у кого похитили детей. – Я обнял его за плечи. – Надеюсь, ты не возражишь, если я скажу, что каждый труд должен оплачиваться? А мы пахали на Стеблова с риском для наших жизней. И очень долго. А получили от мертвого осла уши. И большую кучу неприятностей. Которые еще неизвестно чем закончатся. Как бы нам не пришлось литься вслед за Каррамбой. А за какой хрен?

Серега посмотрел на нас с Марком с таким мученическим видом, что мне немедленно захотелось взбодрить его доброй порцией "заговоренной" водки, которую передал дед Артем с нашим гением. Похоже, Плат и сам это понимал, потому что угрюмо кивнул, соглашаясь с моими доводами, и поплелся в свой кабинет.

Я переглянулся с Марком и мы беззвучно, но заразительно расхохотались...

За окном все так же шел занудливый мелкий дождь. Уже вечерело. Я сидел на диване, вполуха слушал треп своих подвыпивших друзей и смотрел сквозь заплаканные стекла на хмурое, низкое небо. Но видел там не мрачные серые тучи, а чистую и прозрачную морскую лазурь, вспененную форштевнем красавицы яхты под грудастыми, наполненными ветром парусами. И себя, в белом костюме и цветным платком вокруг загорелой шеи. Я еще не был капитаном, за штурвалом стоял кто-то другой, но в кармане у меня лежали документы, подтверждающие, что яхта принадлежит Стасу Сильверстову, а на лакированной палубе в шезлонгах кейфовали Марк и Серега. Радость и свежий морской бриз, вливающийся в легкие, распирала мою широкую грудь... и я был счастлив.

Очень счастлив.

Там.

В мечтах.

Почему же сейчас на душе у меня лежит камень?

Примечания

1

Крестный – прокурор (жарг.)

2

Стойло – ИВС – изолятор временного содержания (жарг.)

3

Рабкрин – рабоче-крестьянская инспекция; орган госконтроля в 1920-34 гг.

4

Фортач – вор, совершающий кражи через форточки (жарг.)